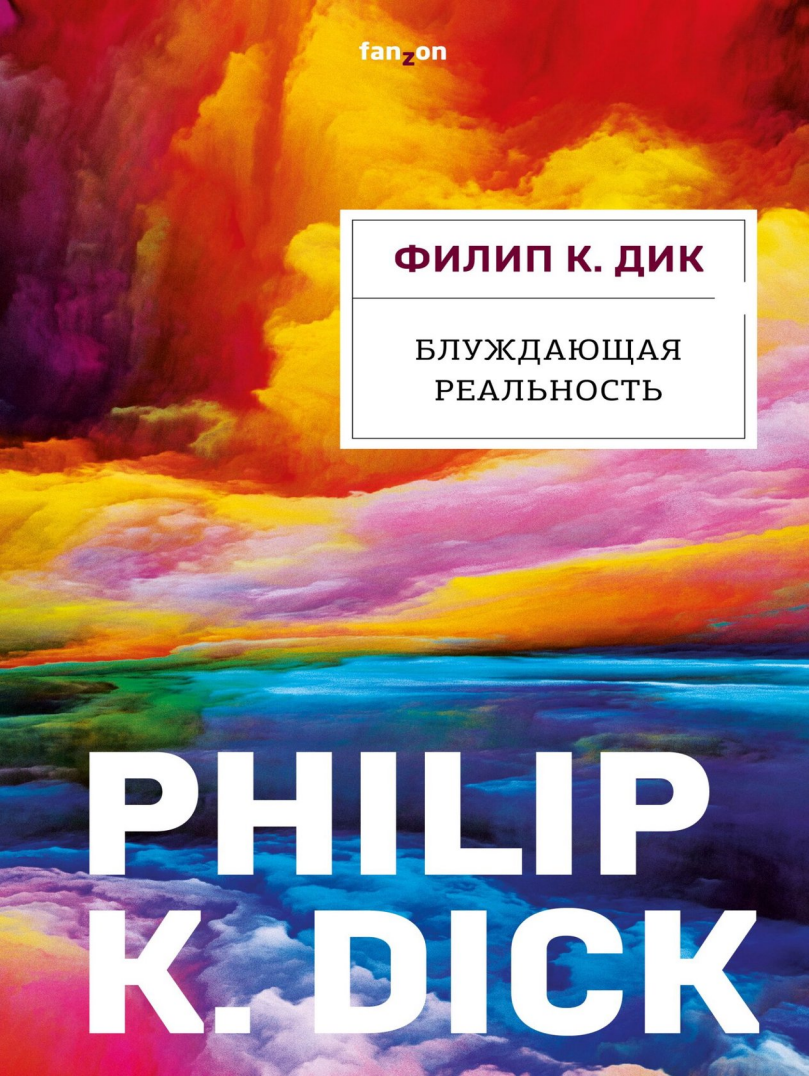

fanzon
ФИЛИП К. ДИК
БЛУЖДАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
PHILIP K. DICK

Блуждающая реальность
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Блуждающая реальность
Предисловие. Лоуренс Сутин
I. Автобиографические тексты
«Время собираться». Два отрывка из романа. (1949)
Об авторе. (1953)
Материалы к биографии Филипа К. Дика. (1968)
Автопортрет. (1968)
Ночные заметки усталого писателя-фантаста. (1968, 1972)
Материалы к биографии Филипа К. Дика. (1972)
Материалы к биографии Филипа К. Дика. (1973)
Мемуары на обороте счета от ветеринара. (1976)
Короткая счастливая жизнь писателя-фантаста. (1976)
Странные воспоминания о смерти. (1979)
Филип К. Дик о философии. Короткое интервью с Франком Бертраном. (1980, 1988)
II. Тексты о научной фантастике
Пессимизм в научной фантастике. (1955)

Усовершенствуют ли атомную бомбу, и если да, что станет с Робертом Хайнлайном?. (1966)

Симпозиум двух Биллов. Ответы на анкету «Вопросник для профессиональных авторов и редакторов фантастики». (1969)

Лунная табличка. (1969)

Кто такой писатель-фантаст?. (1974)

Переоценка эксперимента Майкельсона – Морли. (1979)

Предисловие к роману «Доктор Бладмани». (1979, 1985)

Предисловие к сборнику The Golden Man. (1979)

«Отзыв». Рецензия на книгу «Кибернетическое воображение в научной фантастике». (1980)

Мое определение научной фантастики. (1981)

Предсказания. (1981)

Создатели и разрушители вселенных. (1981)

Примечание к рассказу «Вкус уаба». (1980)

III. «Человек в Высоком замке» и его продолжение

Нацизм и «Высокий замок». (1964)

Материалы к биографии Готорна Абендсена. (1974)

Две законченные главы из предполагаемого продолжения «Человека в Высоком замке». (1964)

IV. Наброски и планы
«Джо Протагор жив и обитает на Земле». Сюжет романа. (1967)
Идея сюжета для «Миссия невыполнима». (1967)
Идея телесериала. (1967)
Заметки к роману «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». (1968)
V. Эссе и выступления
Наркотики, галлюцинации и поиск реальности. (1964)
Шизофрения и Книга Перемен. (1965)
Андроид и человек. (1972)
Человек, андроид и машина. (1976)
Если этот мир тебя не устраивает, поищи другие!. (1977)
Как создать вселенную, которая не развалится за два дня. (1978, 1985)
Космогония и космология. (1978)
Письмо о Тагоре. (1981)
VI. «Экзегеза». Избранное
Из «Экзегезы». (ок. 1975)

Аннотация

Сборник редких и неопубликованных эссе, дневниковых записей, писем, статей, выступлений, черновиков и интервью, посвященных вопросам, поискам ответов на которые посвятил свою жизнь один из великих писателей-фантастов двадцатого века. Филип Дик размышляет о параллельных вселенных, юнгианской синхронности, бикамеральном разуме, ЛСД, Книге Перемен, телепатии, фальшивой реальности, сфабрикованной СМИ, шизофрении, гностицизме, научной фантастике и писательском ремесле.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Филип К. Дик
Блуждающая реальность

Посвящается Мэб, с благодарностью за ее беспредельное терпение и восхищение Филипом К. Диком, и Генри, самому прилежному читателю «Экзегезы».

Составитель хотел бы также поблагодарить Дугласа Э. Маккея за любезную помощь в отслеживании дат предыдущих публикаций произведений, включенных в этот сборник.

Philip K. Dick
THE SHIFTING REALITIES OF PHILIP K. DICK
editor Lawrence Sutin
Copyright © 1995, Lawrence Sutin and the Estate of Philip K. Dick All rights reserved.

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие. Лоуренс Сутин

В этом сборнике впервые представлены под одной обложкой нехудожественные произведения — статьи, дневники, сюжеты сценариев, выступления и интервью, — написанные Филипом Киндредом Диком на протяжении всей его жизни. Думаю, эти тексты ясно показывают: Дик был не только писателем-визионером, излагавшим на бумаге свои фантазии, но и просвещенным и оригинальным мыслителем. Его интересы касались и проблем на стыке квантовой физики и метафизики; и потенциальных возможностей виртуальной реальности и ее непредвиденных последствий для личности и общества; и тревожной связи шизофрении (и других психических заболеваний) с социологическим феноменом «коллективных галлюцинаций»; и — не в последнюю очередь — судьбы базовых ценностей человечества в эпоху технологического взлета и духовного тупика.

По большей части эти произведения не публиковались вовсе или были опубликованы лишь однажды в малоизвестных изданиях. Сам Дик

считал себя в первую очередь и более всего писателем-фантастом; нет сомнений, что основной корпус его наследия составляют романы и рассказы, как фантастические, так и реалистические. Что же касается нон-фикшена — те немногие выступления и статьи, что он опубликовал при жизни, почти не привлекли внимания. В некоторых случаях это было оправданно — их стиль и качество отличаются заметной неровностью. То же можно сказать и о содержании этого сборника, многое в котором — например, главы «Экзегезы» — Дик не собирался публиковать и, следовательно, не имел нужды редактировать и отшлифовывать написанное. (Возможно, хотя прямых свидетельств этого в его личных бумагах не находится, он надеялся, что эти тексты будут открыты и изданы после его смерти.)

До сего дня многие критики научной фантастики решительно сопротивляются самой мысли, что идеи Дика могут заслуживать серьезного внимания в отрыве от ярких образов и увлекательных сюжетов. Этим критикам кажется, что всерьез заговорить об идеях Дика — значит преуменьшить его роль эксцентричного «безумного гения» научной фантастики (НФ), роль, которую сами же эти критики покровительственно ему

приписали. Однако было бы нелепо перед лицом ясных свидетельств, содержащихся в художественных произведениях Дика — не говоря уже о его заметках о научной фантастике, собранных в этом томе, — настаивать, что идеи Дика и его вымышленные миры исключают друг друга, а не составляют единое и неразрывное дело его жизни. По счастью, такая «местечковость» у критиков встречается все реже даже в научной фантастике. В «большом» мире Дику наконец-то воздают должное, признавая за ним и богатое воображение, и интеллектуальную мощь. В сущности, история внезапного обретения Диком литературной «респектабельности» как нельзя лучше высвечивает жесткие культурные ограничения, которыми определяется в Америке тип и степень внимания к автору и его книгам.

Филип К. Дик (1928–1982) — автор более пятидесяти томов романов, повестей и рассказов — после смерти сделался предметом одной из самых примечательных литературных переоценок нашего времени. Долгое время к нему относились пренебрежительно, как к автору «дешевого» научно-фантастического «чтива»; теперь в умах длинного ряда критиков и собратьев-писателей он возвысился до одного из самых уникальных и

пророческих талантов в истории американской литературы.

О таком разительном повороте в посмертной «карьере» Дика свидетельствуют как изобилие расточаемых ему похвал, так и личностей воспевателей. Арт Шпигельман, автор и иллюстратор «Мауса», пишет: «Тем, чем был Франц Кафка для первой половины двадцатого века, стал Филип К. Дик для второй». Урсула Ле Гуин, признающая серьезное влияние Дика на собственные научно-фантастические романы, указывает на него как на «Борхеса наших родных палестин». Тимоти Лири прославляет Дика как «крупного писателя двадцать первого века, „фантаста-мыслителя" квантовой эпохи». Жан Бодрийяр, лидер постмодернистского критического направления во Франции, цитирует Дика как одного из величайших писателей-экспериментаторов нашего времени. Теренс Маккенна именует Дика-философа «невероятным гением, смиренным и многотерпеливым человеком, обожествлявшим красоту». Портрет Дика появляется на обложке *The New Republic*, а критический обзор под обложкой гласит, что «романы Дика требуют внимания… он одновременно прозрачен и странен, параноидален и практичен». В Центре Помпиду в

Париже торжественно проходит премьера электронной оперы, либретто которой основано на романе «ВАЛИС». Известная театральная труппа *Mabou Mines* ставит в Бостоне и Нью-Йорке спектакль по еще одному роману Дика — «Пролейтесь, слезы». Группы, играющие панк-рок и индастриал, берут себе названия из книг Дика и вставляют отсылки к его творчеству в тексты песен. В Голливуде по мотивам романа «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» и рассказа Дика «Из глубин памяти» снимают фильмы «Бегущий по лезвию» и «Вспомнить все», а летом 1993 года в США выходит в прокат под названием *Barjo* французская экранизация еще одного романа — «Исповедь недоумка». В последние два года Дик стал героем хвалебных статей на первых страницах «Нью-Йорк таймс бук ревью» и *L. A. Weekly* — можно сказать, двух полюсов общественного признания. Заголовок в *L. A. Weekly* указывает на парадоксальный характер этого внезапного интереса: «Главный романист 90-х скончался за восемь лет до их начала».

Этот запоздалый триумф выглядит еще более горьким, если вспомнить, что при жизни Дик пользовался широкой популярностью лишь в «гетто» НФ — «гетто», многократно заклейменном

и высмеянном критиками и эффективно огражденном от какого-либо внимания извне. Дик написал множество реалистических романов (в том числе уже упомянутую «Исповедь недоумка»); большинство из них были опубликованы посмертно. Но величайшие его художественные произведения относятся к жанру научной фантастики, открывавшему для Дика такой уровень свободы мышления и воображения, какой не приветствуется в мейнстримовой литературе, ограниченной рамками консенсуального «реализма». Но и в жанре научной фантастики Дик порой казался не на своем месте: в его сюжетах «твердые» научные предсказания уступают место метафизическим раздумьям. Однако увлекательность, черный юмор, плотная текстура деталей, с какими Дик прописывал свои альтернативные вселенные, а также на редкость живые персонажи, их населяющие, обеспечили ему в рамках НФ значительное количество читателей. На своем писательском пути, длившемся три десятилетия, Филип К. Дик создал множество романов, повестей и рассказов, которые теперь считаются классикой научной фантастики, в том числе «Распалась связь времен» (1959), «Сдвиг времени по-марсиански» (1964), «Три стигмата Палмера

Элдрича» (1964), «Убик» (1969), «Помутнение» (1977) и «ВАЛИС» (1981).

В 1963 году Дик получил высшую награду, возможную для научного фантаста, — премию «Хьюго» за роман «Человек в Высоком замке», типично по-диковски сочетающий в себе непредсказуемый сюжет (правило номер один: постоянно изумляй читателя!) и построение философских лабиринтов (с безграничным скептицизмом, допускающим любые возможности). Дик пламенно отстаивал идею, что именно научная фантастика представляет собой идеальный писательский «полигон» для осуществления новых и сложных идей.

В письменном интервью самого Дика (данном критику Франку Бертрану) мы читаем:

> Для НФ центральна идея как движущая сила. События вытекают из идеи, влияющей на живые существа и на общество. Эта идея всегда должна быть новой… Научная фантастика такова, поскольку человеческий мозг превыше всего прочего жаждет сенсорной и интеллектуальной стимуляции, а где еще найти стимуляцию без границ, как не в

эксцентричном взгляде – эксцентричном взгляде и вымышленном мире?

В «Высоком замке» мы найдем целый океан стимулирующих идей, начиная с завязки: мир после Второй мировой войны, в которой победили страны Оси, и США стали оккупированной территорией, поделенной между Японией (Запад) и Германией (Восток). Японцы оказались более или менее милосердными завоевателями, но нацисты распространили на покоренные страны брутальные методы правления. Народы под их властью живут в повседневном ужасе. Один из героев, тайно действующий против нацистов, видит в них порождения коллективного психического переворота (описанного в терминах, указывающих на знакомство Дика с К. Г. Юнгом), который стер границу между человеческим и божественным при помощи своего рода христианской евхаристии наоборот:

> Нацисты хотят быть вершителями истории, а не ее жертвами. Они отождествляют себя с силой Божьей и считают себя богоподобными. Такова основа их безумия. Они побеждены неким архетипом; их эго психотически расширено,

так что они сами не знают, где кончается Божество и начинаются они сами. Это не гибрис – не гордыня; это расширение эго до крайних пределов – смешение того, кто поклоняется, с тем, чему поклоняются. Не человек вкушает Бога, а Бог пожирает человека.

Но за завесой очевидной ужасной реальности существует — для тех, кто способен его увидеть — альтернативный мир, где союзники победили и в жизнь вернулось место для добра. Достичь этого альтернативного мира — дело нелегкое: чтобы открыть глаза, требуются потрясение, боль.

Или «И отяжелеет кузнечик», роман в романе, раскрывающий истинное положение дел тем, кто читает его вдумчиво, с открытым умом и сердцем.

В 1974 году, пожалуй, самом бурном (почему — мы коротко объясним позже) из всей его бурной жизни, Дик обдумывал продолжение «Высокого замка», однако не закончил этот проект, охваченный отвращением к новым попыткам вжиться в образ мыслей нацистов. Две законченные главы впервые публикуются в этом сборнике под заглавием «Материалы к биографии Готорна

Абендсена».

В последнее десятилетие своей писательской жизни Дик, похоже, начал надеяться, что его собственные романы и рассказы сыграют для читателей роль романа Абендсена: предупредят, что консенсуальная реальность, безжалостно правящая нашей повседневной жизнью («Черная Железная Тюрьма», как назвал ее сам Дик в философском дневнике «Экзегеза»[1]), быть может, не так неодолима, как кажется. Я не хочу сказать, что Дик считал себя пророком или обладателем неоспоримой Истины о жизни (хотя, исследуя возможности тех или иных интриговавших его идей, Дик порой — *на время* — начинает говорить как пророк). Напротив, Дик бывал беспощадным критиком собственных идей и убеждений. В автобиографическом романе «ВАЛИС» (1981) он вполне готов смеяться над собой (в образе Жирного Лошадника, мистика-любителя) и над своим пристрастием к «ненормальным теориям»:

---

[1] Примечания: 1

«*Экзегеза*» (истолкование — др.-греч.) — дневник Филипа К. Дика, начатый в 1974 году. Примерный объем записей — 8000 страниц. Впервые фрагменты были изданы Лоуренсом Сутиным в этой книге и в книге *In Pursuit of VALIS*. Selections from the Exegesis (*Underwood/Miller*, 1991). «Экзегеза» опубликована под редакцией Джонатана Литема одним томом — *The Exegesis Of Philip K. Dick* (Mariner Book, 2011). — *Здесь и далее — подстрочные комментарии редактора, примечания составителя вынесены в раздел после предисловия.*

«Теорий у Жирного Лошадника было больше, чем звезд во вселенной. И каждый день он выдумывал новую, еще остроумнее, увлекательнее и ненормальнее всех предыдущих». В своих философских произведениях Дик создает теорию за теорией, погружается в них, а затем отбрасывает — вместе со множеством масок или личин, созданных его воображением, — в поисках ответов на две великие загадки: что такое человек? что такое реальность? И уникальность Дику придают, как в художественных произведениях, так и в нон-фикшене, собранном в этой книге, не найденные ответы (ибо ни один ответ он не счел окончательным), но скорее творческая широта и глубина поисков, а также азарт, остроумие и увлеченность, с которыми он преследовал свою цель.

Именно философские проблемы занимали Дика как писателя. Первый свой научно-фантастический рассказ он опубликовал в 1951 году, в возрасте двадцати двух лет. Уже тогда определился его путь: он будет исследовать фундаментальные тайны бытия и человеческой природы. В *Michael in the «Fifties*, неопубликованном романе Клео Мини (второй жены Дика, с которой он прожил большую часть 1950-х),

психологический абрис заглавного героя отчасти срисован с Дика и отражает то же пристальное внимание к бытию, которое запомнилось Мини в муже уже на заре его научно-фантастической карьеры. Вот диалог между Майклом и его женой Кейт, образ которой отчасти основан на самой Мини. Кейт говорит Майклу:

> – Порой мне кажется, что ты мечтаешь оторваться от земли. Прочь от меня, прочь от всего, что я считаю реальностью. От нашего дома, от машины, от кота. Порой ты так далеко от нас всех! А сама себе я иногда кажусь той нитью, что притягивает тебя обратно, на землю, – и привязывает к земле.
>
> «Она права, – думал он. – Она реальна – реальна, как трава на дворе, как кухонный стол».
>
> – Куда ты от нас уходишь, Майкл?
>
> – Кейт, я не хочу никуда уходить. Но мне кажется, что существуют иные миры. Машина, дом и кот – не все, что у нас есть. И эта скудная жизнь, в которой мы еле сводим концы с концами и вечно считаем гроши, чтобы выкрутиться, – она не

дает нам… не дает мне разглядеть иную реальность. Ту, где скрывается смысл (1).

В интервью Бертрану Дик так описывает философию, повлиявшую на него в раннем возрасте:

> Впервые я заинтересовался философией в старших классах школы, когда однажды понял, что все пространство одного размера, различаются только его материальные границы. После этого ко мне пришло понимание (ту же мысль я позже встретил у Юма), что причинно-следственные связи находятся не во внешнем мире, а в сознании наблюдателя. В колледже нам задавали читать Платона, от него я узнал о возможном существовании метафизической реальности, превыше или за пределами чувственного мира. Я пришел к пониманию, что человеческий ум в силах помыслить реальность, в которой эмпирический мир эпифеноменален. Наконец, я пришел к убеждению, что эмпирический мир в определенном смысле не вполне реален – по крайней мере, не так реален, как лежащая за ним сфера архетипов. Тогда я потерял веру в какую бы

> то ни было достоверность чувственного познания, и с тех пор в романе за романом я подвергаю сомнению реальность мира, воспринимаемого органами чувств моих персонажей.

В этой концентрированной истории философских влияний нам открывается лишь часть истории становления Дика как писателя. Разумеется, множество иных философских и духовных систем, очень много значивших для Дика, здесь не названы. Но еще более фундаментальным фактором стало для него нелегкое детство: ранний развод родителей; частые в эпоху Великой депрессии поездки через всю страну в поисках заработка; жизнь в стесненных обстоятельствах и вдвоем с эмоционально холодной матерью; приступы головокружения и агорафобии, которые мешали Дику учиться и заводить друзей и заставили мать показать его как минимум двум психиатрам. Один из них предположил, что Дик может страдать шизофренией — диагнозом, страшно напугавшим мальчика и в дальнейшем преследовавшим его всю жизнь.

Во всех раздумьях Дика ощущаются подспудная боль и чувство нецельности, заставляющие

его отчаянно искать свое место в общем мире (*коинос космос*, по слову грека Гераклита, мыслителя, которым Дик восхищался) и бежать от безумия, настигающего человека в одиночестве (*идиос космос* — «частный мир»; от греческого «идиос» происходит слово «идиот» — человек, отрезанный от того, что происходит вокруг). Несмотря на страх, Дик настойчиво стремился взглянуть безумию в лицо и спросить, не может ли и оно претендовать на некое знание. Так, в «Наркотиках, галлюцинациях и поиске реальности» — статье 1964 года, включенной в этот сборник, — Дик говорит о том, что так называемые шизофренические или психотические «галлюцинации» во многих случаях могут быть плодами чересчур острого и глубокого восприятия: шизофреник видит то, что большинство «здоровых» умеют экранировать и изгонять из сознания. Примеры таких «экранов» — кантовские априорные категории пространства и времени: Кант считал, что они необходимы для ментального упорядочивания феноменальной реальности, которая иначе оставалась бы для человеческого ума вечным и безнадежным хаосом. В своей статье Дик предполагает, что постольку, поскольку наше сознание и чувства способны

преодолеть эти легитимизированные обществом «экраны», каждый из нас может быть подвержен «галлюцинациям» — которые суть не что иное, как *необщие реальности*. Наверное, так можно обрести мистические прозрения; но более вероятно — пугающая мысль! — что на этом пути нас ждет лишь ад полного ментального одиночества:

> В свете этого идея галлюциноза принимает совсем иной характер: галлюцинации, будь они вызваны психозом, гипнозом, наркотиками, ядами и т. п., могут отличаться от того, что мы видим, лишь количественно, но не качественно. Иными словами, нервная система нашего организма порождает гораздо больше, чем структурно и органически необходимо… Являются безымянные видения и зрелища; и, поскольку человек не знает, что это – не знает, как их назвать и что они означают, – он не может и никому о них рассказать. Такой разрыв вербальной коммуникации – роковое указание на то, что где-то на этом пути человек отошел слишком далеко от своего прежнего взгляда на мир, порвал с ним

слишком радикально, чтобы продолжать создавать эмпатические связи с другими существами.

В том, как Дик настаивает на социологическом определении галлюцинаций — как ощущений, которые невозможно разделить с другими, — звучит любопытная параллель с мыслью видного антрополога Эдварда Т. Холла, высказанной в книге «За пределами культуры»: «Аберрации восприятия не ограничены психозами, они бывают и *ситуационными,* особенно в случаях сильного стресса, возбуждения или влияния наркотиков» (2). В тех случаях, когда, говоря словами Дика, «нервная система нашего организма порождает гораздо больше, чем необходимо».

В статье 1965 года «Шизофрения и Книга Перемен» (также включена в сборник) Дик попытался придать одиноким и пугающим переживаниям шизофреника аналитическую связность, которая помогла бы вывести их из области чисто личного и дать новый взгляд на человеческий опыт:

> Что отличает шизофреническое бытие от того, которым, как мы воображаем, наслаждается остальное человечество? Фактор времени. У шизофреника, хочет

> он того или нет, теперь есть все время мира: на него свалилась целиком пленка с фильмом, который мы смотрим последовательно, кадр за кадром. Поэтому для шизофреника не существует причинности. Вместо нее действует акаузальный принцип связи, который квантовый физик Вольфганг Паули назвал синхронистичностью, – действует всегда и везде, а не изредка, как у нас. Подобно человеку под ЛСД, шизофреник погружен в бесконечное «сейчас». И это не слишком весело.

Самого себя в этой статье Дик называет «аффективным шизоидом» — «прешизофренической личностью». Такой пугающий танец на канате самодиагностики постоянно встречается в его статьях и дневниках. Границы задают две противоположные возможности: страх оказаться сумасшедшим (чаще всего Дик употребляет слова «психотик» и «шизофреник») — и надежда, охватив разумом иную реальность (совершив платоновский *анамнесис* — восхождение в область архетипов), достичь духовного искупления — свободы от мучающих его страхов, убежища от

мира, полного скорбей и заблуждений.

Дик полагал, что его книги способны в определенной мере смягчить скорби мира сего — и для него самого, и для его читателей, — по крайней мере, открытым разговором о тех вопросах и сомнениях, что вызывает наше бытие у каждого, имеющего глаза. Как писал он в одной из записей «Экзегезы»:

> Я не романист, а философ, сочиняющий истории; способность писать романы и рассказы служит мне средством сформулировать свои ощущения. В основе моих писаний – не искусство, а истина. Итак, то, что я говорю – истина; и я не пытаюсь ее смягчить ни делами, ни объяснениями. И все же, кажется, это каким-то образом помогает тем чувствительным и беспокойным натурам, для которых я пишу. Думаю, я понимаю, что общего у всех тех, кому помогают мои книги: они не могут или не хотят отринуть свои прозрения о таинственной, иррациональной природе реальности, и все мои книги для них – одно большое размышление об этой неизъяснимой реальности, ее осознание

и представление, анализ, отклик и личная история.

Одна из сторон «личной истории», по-прежнему интригующая читателей — странная и мощная серия снов, видений и голосов, наполнивших сознание Дика в феврале-марте 1974 года (или «2–3–74», как сам Дик сокращенно обозначал этот период), ставшая для него центральным — и в конечном счете необъяснимым событием его жизни. Этими видениями была вдохновлена будущая трилогия «ВАЛИС» — последние три романа Дика, заслужившие хвалы критиков и широкий читательский интерес: «ВАЛИС», «Всевышнее вторжение» (1981) и «Трансмиграция Тимоти Арчера» (1982). Во всех романах Дик исследует пустоту и тягостную бессмыслицу земной реальности, в которой Бог (или божественное, как бы его ни называть) остается неизвестен и, быть может, непознаваем. Но во всех этих романах звучит и надежда на то, что познание божественного и искупление все же могут быть дарованы — даже истершимся современным душам, у которых все заботы о том, как выплатить ипотеку и сохранить брак. По тематике эти романы разительно схожи с размышлениями гностических мыс-

лителей, живших в первые века христианской эры. «Послесловие» к современному изданию гностических писаний, «Библиотеке Наг-Хаммади» (1988), даже выделяет Дика (вместе с К. Г. Юнгом, Германом Гессе и Гарольдом Блумом) как выдающегося современного интерпретатора гностических верований.

Как мы уже видели, еще до трилогии «ВАЛИС» в основе «альтернативных» миров и «инопланетных» разумов, создаваемых Диком, лежали философские и духовные искания. Однако в первые два десятилетия писательской карьеры Дик видел в себе человека, одержимого «последними вопросами», но не имеющего личного опыта встречи с высшим источником бытия. После «2–3–74» все изменилось. По своей природе Дик не относился к людям, способным — или даже желающим — удовлетворяться простыми объяснениями, а события «2–3–74» глубоко потрясли его и преобразили как писателя и мыслителя. Парадоксы и фокусы научно-фантастических сюжетов, которыми он наслаждался двадцать лет, стали казаться ему простым развлечением. Не то чтобы Дик не хотел развлекать. Напротив, он любил ту *увлеченность,* с какой читатели глотают хорошую фантастическую историю, и в статьях

о научной фантастике, включенных в данный сборник, широко исследует этот феномен. Тем не менее важнейшей гранью его характера — гранью, отделяющей Дика от множества писателей, жонглирующих метафизическими загадками просто ради развлечения, — была убежденность, что человек, неустанно задающий вопросы, может добиться *ответов.* Воображение, разум и неодолимое упорство рано или поздно победят. И в последние годы жизни его охватила новая страсть: докопаться до сути того, что произошло с ним в эти месяцы.

Чем были события «2–3–74»? Подлинным мистическим опытом, контактом с неким «высшим» разумом, манипуляцией над его сознанием, произведенной неизвестно кем, — или просто острым психозом? Все эти, а также многие другие возможности — список слишком обширен, чтобы приводить его здесь, — Дик рассмотрел в своей «Экзегезе» длиной в восемь тысяч страниц (с авторским подзаголовком *Apologia pro Mea Vita*, чтобы подчеркнуть центральный характер и значительность текста). «Экзегеза» — дневник, по большей части рукописный, над которым Дик трудился ночь за ночью в течение восьми лет, вплоть до своей смерти в 1982 году, в попыт-

ках дать удовлетворительное для себя самого объяснение событий «2–3–74». Это ему так и не удалось. Временами «Экзегеза» выглядит спутанным, бессвязным документом; взволнованные дневниковые записи, сделанные в самые глухие ночные часы (любимое время для творчества у Дика), которые автор при жизни не собирался публиковать, не могут не быть очень неровными. Однако множество пассажей «Экзегезы» подтверждает статус Дика как глубокого мыслителя и умелого проводника по скрытым возможностям бытия. Предыдущий сборник, *In pursuit of VALIS* (3), составленный мною, заслужил хвалебные отзывы за то, что открыл для читателей Дика-философа и духовного мыслителя. Роберт Антон Уилсон (соавтор известной трилогии «Иллюминатус!») писал: «Дик объясняет «мистические» состояния лучше всех писателей-визионеров прошлого». Автор обзора в *Gnosis* Джон Ширли отмечал: «Заблудший или достигший духовного освобождения, Дик был гением, и эта гениальность сияет нам с каждой страницы книги». В этом сборнике приведены еще несколько отрывков из «Экзегезы», доселе не публиковавшихся, в том числе законченная статья, озаглавленная (в том саркастичном «палповом» стиле, который

Дик так мастерски использовал в своих романах) «Сверхскрытая (Непостижимая) Доктрина: тайный смысл великой системы мировой теософии, открываемый впервые».

Вычурное заглавие — яркий пример фирменного диковского стиля, легко способного отпугнуть читателей, воображающих, что знают, как должен выглядеть и звучать «серьезный» текст. Жесткие каноны «серьезного» дискурса Дик увлеченно разрушает — или, выражаясь постмодернистским жаргоном, распространившимся уже после его смерти, «деконструирует» — во многих статьях, вошедших в эту книгу.

И стиль, и содержание произведений Дика невозможно отнести к какой-то определенной категории. Кто-то назовет Дика «философом» — и, пожалуй, он заслуживает этого звания в его изначальном древнегреческом значении: любитель мудрости, истинно верующий в ценность неустанного вопрошания — то есть редкая птица в наши дни и в наш век, когда слово «метафизика» превратилось в синоним слова «чепуха». Однако Дик не отличается ни той систематичностью, ни той жесткой логикой, ни той безличностью тона, что для большинства читателей неотделимы от современной философии. Он не принадлежит к

какой-либо философской школе, а свободно «гуляет» по портикам всех школ Востока и Запада, сколько их ни было на протяжении веков. Он не защищает свои тезисы; скорее рассматривает их с разных сторон, исследует в высоту и в глубину — и идет дальше. Предлагает окончательные ответы — а затем признается, что сам не в силах выбрать правильный. Порой, особенно в «Экзегезе», Дик переходит к восклицаниям, полным вовсе не философского восторга; порой на страницы его книг с пугающей силой выплескивается отчаяние. Под современное понятие «философа» Дик явно не подходит: он куда ближе к мыслителям-досократикам, чьи темные и экспрессивные писания — отрывочные и мощные речения, выражающие личный взгляд на вселенную, ее природу и цель, — уже более двух тысячелетий успешно сопротивляются текстуальному анализу.

Схожие трудности возникают при попытке назвать Дика «мистиком». Во-первых, сам термин «мистик», судя по его стандартному использованию в теологической литературе, должен означать, что Дик в самом деле вступал в контакт с божественной реальностью — на современном жаргоне, «видел Бога». Но это заключение, разумеется, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Сам Дик так и не решил, с чем вступил в контакт «2–3–74»: был ли то Бог, «психоз» или «что-то еще». Центральная характеристика «Экзегезы» — отсутствие определенности. Откровенная странность видений Дика, вкупе с «нервными срывами», в которых он сам признавался, заставляет некоторых читателей и критиков заключить, что события «2–3–74» были всего лишь проявлением душевной болезни: далее предлагается легион диагнозов. Очевидно, попытки посмертно поставить диагноз обречены оставаться чисто спекулятивными, особенно учитывая, что психиатры и психологи, осматривавшие Дика в разные периоды жизни, приходили к самым разным выводам о его психическом состоянии. Помимо трудностей такой диагностики нельзя не отметить, что постановка диагноза как таковая полезна живому пациенту, которого можно лечить; но применительно к писаниям покойного она используется как упрощающий и категоризирующий ярлык. Честно говоря, не изобретен еще психиатрический термин, отдающий должное живости и многослойности произведений Дика — и их влиянию на души читателей. Внимательно читая автора, мы, к собственному изумлению, делаемся причастны его уникальному видению мира, часто

нарушающему общепринятые представления о природе «реальности», но всегда сохраняющему ясность, связность и эмоциональную глубину, немыслимую для творений сумасшедшего — как бы психоаналитики-любители ни ворошили факты его жизни, какие бы диагностические ярлыки на них ни наклеивали. Эту грань между человеком и впечатлением от его произведений отлично сформулировал критик Александер Стар: «Был ли Дик психически здоров — вопрос открытый. Но на протяжении всей жизни он писал так, как мало кто среди фантастов, да и вообще среди писателей. Я говорю сейчас о том обостренном чувстве ненужного и лишнего, с каким он описывал обветшалый вещный мир послевоенных пригородов; о проницательном взгляде на историю; о тонкости морально-этических переживаний и вопросов» (4).

Сосредоточиваться на жестком бинарном разграничении «нормальности» и «безумия» применительно к Дику и его трудам — значит мыслить поверхностно и упрощенно. По мере роста наших знаний в области психологии, антропологии и истории религий все более размываются прежде четкие границы между «религиозным», «шаманским» и «психотическим» состояниями;

разграничивать их без тщательного исследования культурного и личного контекста кажется и невозможным, и бессмысленным. С тем, что Дик едва ли напоминал «просветленного» мистика, я вовсе не спорю; важно помнить, что его сильной стороной были вопросы, а не ответы; те, кто видит в его идеях материал для какого-либо «культа», просто удовлетворяют собственный голод по простым решениям. В опыте Дика, отраженном в этом сборнике, ключевую роль играют неопределенность, постоянное сомнение и скепсис, не оставляющие его и во время самых дерзких спекуляций. Однако, следуя за метафизическим поиском Дика, читатель, способный держать разум открытым, обретет уникальные сокровища.

Например, одним из событий «2–3–74» стала серия фосфенов — видений, возникающих при закрытых глазах, и в том числе изображение золотого сечения — понятия из греческой эстетики, в этой культуре отражавшего идеальные архитектурные пропорции, воплощенные, например, в Парфеноне. Кроме того, Дика заворожили логарифмические ряды Фибоначчи, названные по имени математика XIII века Леонардо Фибоначчи из Пизы, который использовал их для демонстрации аналогии между спиральными формами,

часто встречающимися в природе — например, в некоторых раковинах, листьях и скальных формациях. Последующие исследования расширили эту аналогию, обнаружив схожие формы в образовании торнадо и в двойной спирали ДНК, а также в основных теоремах математики фракталов и компьютерного моделирования. Дик верил, что золотое сечение и ряды Фибоначчи — ключ к пониманию архетипических истин, открывшихся ему в видениях; рассуждения об этом часты в «Экзегезе», но также появляются в «ВАЛИС» и в выступлении «Если этот мир тебя не устраивает, поищи другие!», включенном в данный сборник. Скептически настроенный читатель, скорее всего, их пропустит, сочтя бессмысленной болтовней.

Вспомним о том, какое значение придается видениям при закрытых глазах в шаманизме и в мировых религиях. Вот что говорит антрополог Майкл Рипински-Наксон:

> Где-то между сетчаткой и нейронной сетью нашего мозга рождается феномен изображения на веках при закрытых глазах, актуализирующий внутреннее зрение. Быть может, эти светоносные

видения составляют базу объективной физической составляющей тех видений, с которыми сталкиваются как адепты различных религий, так и шаманы и мистики… Карл Г. Юнг, рассматривая кросс-культурный характер видений, первым высказал мысль, что на личном восприятии этого зрительного феномена могут основываться некоторые архетипические символы… Поздние, почти визионерские картины Винсента Ван Гога, написанные в психиатрической лечебнице, включают в себя немало «фосфеновой графики» – как и множество неумелых карандашных рисунков малышей от двух до четырех лет. Как и следует ожидать, множество рисунков и узоров в древних и аборигенных культурах также очень напоминают фосфены (5).

Дальше Рипински-Наксон особенно останавливается на архетипическом символе спирали:

Если мы… признаем спираль архетипическим образом и увидим в ее символических репрезентациях лабиринт, эта концепция, возможно, поможет нам

понять, почему этот мотив обычно символизирует неведомый путь, ведущий в загробный мир, пещеру, гробницу или чрево Великой Матери. Гробница, как мы уже отмечали, своей конструкцией отражает тело Великой Матери, чья энергия и плодоносная сексуальность передаются через символ спирали.

Интересно отметить: Дик верил (см. «Если этот мир тебя не устраивает...»), что в рамке золотого сечения ему предстала богиня Афродита, сексуальный аспект Великой Матери. Значимость, как философскую, так и психологическую, образа Великой Матери для Дика читатель может понять из его выступления «Андроид и человек», также приведенного в данном сборнике.

Снова замечу, что я не стремлюсь изобразить Дика вдохновенным провидцем или даже доказать, что он был «нормален». Никаких доказательств «нормальности» или «ненормальности» Дика попросту не существует (6). Скорее я приглашаю читателя отринуть ярлыки, нырнуть в море идей, выраженных непосредственно в текстах, и извлечь оттуда все, что он сочтет для себя ценным и полезным, не стесняя свое зрение

и мышление скороспелыми диагностическими ярлыками. Пожалуй, стоит предупредить читателей и о том, чтобы, берясь за метафизические писания Дика, они не готовились заранее *верить* им или *не верить*. Дик, как следует из самих его текстов, не имел намерения кого-то в чем-то убеждать. Напротив, те читатели, что не станут беспокоиться о том, хочет ли Дик их в чем-то убедить и следует ли ему поддаваться, обнаружат, что он открывает множество путей для самостоятельного исследования. В тех возможностях, что он предлагает — например, в статье 1978 года «Космогония и космология», где Дик стремился выразить ключевые идеи «Экзегезы», — есть красота и визионерская мощь. Так, он говорит о праведном Божестве (схожем с Логосом-искупителем у гностиков), которое утратило память о себе как об истинном творце и уступило контроль над земной реальностью слепому и невежественному демиургу или «артефакту». «Артефакт» (близкий к гностическому Архонту[2]) держит людей в сети заблуждений, с которыми приходится бороться даже Божеству (7).

---

[2] Примечания: 2

Не совсем верно. «Артефакт», по Дику, — аналог Демиурга гностиков. Архонты же служат и подчиняются Демиургу, воплощают его волю в тварном мире и находятся ниже его в иерархии сил.

Дик, исследуя возможные следствия своих духовных прозрений, использует писательский дар для создания завораживающей притчи о падшем, утратившем память боге, который столетиями блуждает среди своих творений в поисках собственного искупления:

> Творец больше не знает, зачем сделал с собой все это. Не помнит. Он позволяет себе стать рабом собственного артефакта, поддаться его обману, подчиниться его насилию, в конце концов – пасть от его руки. Он, живой, оказался во власти механического. Раб стал господином, а господин рабом. И господин либо сознательно отказывается от памяти о том, как и почему это случилось, либо память ему стирает раб. В любом случае он – жертва артефакта.
>
> Но артефакт учит его – мучительно, постепенно, на протяжении тысяч лет – вспоминать, кто он и что он. Раб-ставший-господином пытается восстановить утраченные воспоминания господина и его истинную суть.
>
> Можно предположить, что он создал

артефакт – нет, не для того, чтобы впасть в заблуждение, но чтобы вернуть себе память. Но, быть может, дальше артефакт взбунтовался и отказался выполнять свою задачу. Теперь он держит своего хозяина в неведении.

С артефактом должно бороться – то есть не повиноваться ему. И тогда память вернется. Это часть Божества (Urgrund), каким-то образом плененная артефактом (рабом): теперь он держит эту часть – или части – в темнице. Что за жестокость к осколкам его законного господина! Когда же будет этому конец?

Когда эти осколки вспомнят все и воссоединятся с целым? Сперва они должны пробудиться, затем – вернуться.

Если читателю все это кажется пустыми фантазиями, пожалуй, его смутит прямая параллель между идеями, выраженными у Дика, и космологическими теориями, которые предлагает весьма авторитетный квантовый физик Дэвид Бом. Майкл Талбот в «Голографической вселенной» описывает взгляды Бома на «внутреннее» и «внешнее» устройство вселенной так, что они

поразительно напоминают дихотомию *Urgrund*/Артефакт у Дика:

> Согласно Бому, видимая разделенность сознания и материи есть иллюзия, артефакт, возникающий, лишь когда и то, и другое воспринимается во внешнем мире предметов и последовательно идущего времени. Если во внутреннем мире, в той почве, из которой все произрастает, этого разделения нет, не так уж странно искать в глубинной взаимосвязи просветы реальности. Пит[3] считает, что случаи синхронистичности представляют собой «узелки» в ткани реальности, крошечные разрывы, позволяющие нам на миг увидеть нечто огромное и единое, лежащее в основании вселенной… Согласно Питу, переживая синхронистичность, на самом деле мы переживаем «секундное возвращение сознания к его истинному предназначению – когда, расширяясь за пределы общества и природы, оставляя позади все более тонкие уровни бытия,

[3] Примечания: 3
Фрэнсис Дэвид Пит (1938–2017) — английский физик, соавтор Бома.

оно восходит к источнику и сознания, и материи – к самому Творческому Началу» (8).

Дик едва ли был специалистом в области квантовой физики, хотя время от времени что-то по теме читал. Как свидетельствует статья «Наркотики, галлюцинации и поиск реальности», особенно интересовало его понятие синхронистичности, введенное физиком Вольфгангом Паули (который сформулировал эту теорию в соавторстве с К. Г. Юнгом). Но ключевые параллели между текстами Дика, как художественными, так и нехудожественными, и современными прозрениями квантовой физики, сколько можно судить по свидетельствам «Экзегезы» и других личных признаний Дика, основаны не на чтении, а на личном опыте ощущения синхронности бытия, схожем с открытиями квантовых физиков. Например, в выступлении 1977 года «Если этот мир тебя не устраивает, поищи другие!» — выступлении, прозвучавшем, когда представление квантовой физики о том, что известную нам вселенную можно описать метафорой голограммы, было еще неизвестно широкой публике, — мы слышим, как Дик спрашивает, отталкиваясь от

своего опыта «2–3–74»: «Быть может, все мы обитаем в некоей лазерной голограмме — реальные существа в рукотворном квазимире, на сцене среди декораций, которые передвигает ум, решивший остаться неузнанным?»

Однако квантовая физика — не единственная область, с которой неожиданно перекликаются прозрения Дика. Рассмотрим понятие «поддельной подделки», которое используется во множестве романов и рассказов Дика, а также постоянно исследуется в его нехудожественных текстах. Среди примеров, включенных в наш сборник, — сюжет задуманного (но так и не написанного) романа «Джо Протагор жив и обитает на Земле», а также предложение сценария (ненаписанного) телесериала «Миссия невыполнима» и выступление 1978 года (так и не произнесенное) «Как создать вселенную, которая не развалится через два дня». В сущности, «поддельная подделка» — несмотря на то что отрицание отрицания, казалось бы, приравнивает ее к «подлиннику» — радикально новая онтологическая категория, значение которой именно в том, что она повторяет до мельчайших деталей (и даже грозит превзойти) нашу «обычную», консенсуальную реальность. «Поддельная подделка» — не просто

сюжетный ход в научной фантастике (хотя Дик, разумеется, использовал ее именно так — как неожиданный поворот сюжета), но и отражение изобилия в нашем мире механических и компьютерных симулякров.

Схожие идеи в изобразительном искусстве предлагал Марсель Дюшан со своей концепцией «реди-мейда» — готовых вещей, которые Дюшан иронически представлял публике в качестве художественных произведений, иногда добавляя к ним собственные словесные или изобразительные штрихи (в таком случае предмет становился «реди-мейдом с дополнениями»). В своей статье 1961 года «Кстати о реди-мейдах» Дюшан сыпал парадоксами, открывающими новые эстетические возможности в мире, полном диковских «поддельных подделок». Он писал:

> В другой раз, желая подчеркнуть фундаментальную противоположность искусства и реди-мейдов, я предложил вообразить «обратный реди-мейд»: Рембрандта в качестве гладильной доски!..
>
> Еще одна сторона «реди-мейда» – недостаток уникальности… копия «реди-мейда» несет тот же самый месседж:

в сущности, почти все «реди-мейды», существующие на сегодняшний день, не являются оригинальными в привычном смысле этого слова.

И последнее замечание. Тюбики краски, какие используют художники, произведены на фабрике и являются готовыми продуктами: из этого следует заключить, что все картины на свете – не что иное, как «реди-мейды с дополнениями» и составные работы (9).

«Поддельная подделка» Дика и «реди-мейд» (с вариациями) Дюшана — в сущности, родственные идеи, выражающие ту мерцающую неотличимость оригиналов от симулякров, что составляет отличительный признак виртуальной реальности (как метафоры, так и технологии) постиндустриального общества. Впервые об этой тенденции заговорил Вальтер Беньямин в своей важнейшей статье 1936 года «Произведение искусства в эпоху механического копирования». Но именно Филип К. Дик художественно описал ее во множестве книг, в том числе в романе под красноречивым названием «Симулякры» (1964). С тех пор понятие «симулякр» стало основопо-

лагающим для постмодернистской критики. Не случайно Бодрийяр в своей похвале книгам Дика говорит о «тотальной симуляции, без происхождения, без прошлого, без будущего».

В заключение скажу пару слов о принципах отбора текстов, вошедших в данный сборник. Важнейшей моей целью было познакомить читателя с лучшими образцами нехудожественной прозы Дика. Вторая цель состояла в том, чтобы представить выборку различных жанров этой прозы: автобиографии; неформальный свободный полет идей (в уютном мирке НФ-фэнзинов); критические размышления о жанре научной фантастики и особенно о собственных книгах; пространные философские и теологические рассуждения. Рассказывая о своей жизни, Дик легко переходил от грубой прямоты к откровенным выдумкам. Я не делаю никаких попыток отделить «правду» от «вымысла» в его автобиографических текстах. Читателям, интересующимся этим вопросом, рекомендую свою книгу «Филип К. Дик: Жизнь и Всевышние вторжения» (Москва, *Fanzon*, 2020).

Кроме того, в сборник включена подборка отрывков из художественных произведений Дика:

1) две небольшие выдержки из раннего реали-

стического романа «Время собираться» (написан в 1949-м, издан в 1994-м), включающие автобиографические элементы, — они касаются восприятия Диком реальности;

2) две законченные главы неосуществленного продолжения «Человека в Высоком замке», с предполагаемым заглавием «Напугать мертвых»; они давно заслуживали публикации и, кроме того, удачно дополняют тексты «Нацизм и Высокий замок» и «Материалы к биографии Готорна Абендсена».

Годы, указанные в заглавиях текстов, — это годы первой публикации; если текст не был опубликован, приводится год его создания (в случае «Экзегезы» датировка иногда предположительная, основанная на внутренних отсылках в тексте); если между созданием и публикацией текста прошло значительное время, указаны годы и создания, и публикации.

В лучших своих произведениях — как романах и рассказах, так и метафизических размышлениях — Дик стоит в ряду величайших мастеров притч и парадоксов нашего столетия: Гилберта К. Честертона, Франца Кафки, Рене Домаля, Хорхе Луиса Борхеса, Сэмюэля Беккета, Флэнна О’Брайена и Итало Кальвино.

Примечания

1) Хочу поблагодарить Клео Мини[4] за разрешение привести цитату из романа *Michael in the Fifties*, дающего нам ценное изображение не только Дика, но и обстановки в Беркли, где он провел годы юности.

2) *Edward T. Hall, Beyond Culture* (*Anchor Books*, 1976, 1981), стр. 229.

3) *Philip K. Dick, In Pursuit of VALIS: Selections from the Exegesis, ed. Lawrence Sutin* (*Underwood/Miller*, 1991), стр. 161.

4) *Alexander Star, The God in the Trash* (*The New Republic*, 6 декабря 1993).

5) *Michael Ripinsky-Naxon, The Nature of Shamanism* (*State University of New York Press*, 1993), стр. 148–50.

6) Известно множество попыток, очень разных по качеству, диагностировать жизнь и творчество Дика. Например, Джей Кинни в своей статье *Wrestling with Angels: The Mystical Dilemma of Philip K. Dick* (опубликована в *In Pursuit of VALIS*) предлагает тонкий и вдумчивый анализ сход-

---

[4] Примечания: 4

Клео Мини (р. 1931) — в девичестве Клео Апостолидес, вторая жена Дика. Брак длился с 1950 по 1959 год.

ства и различий между состояниями сознания шизофреника и шамана. Однако Грег Рикман в своих писаниях с легкостью необыкновенной выставляет Дику самые разные диагнозы, не подкрепляя их сколько-нибудь убедительными свидетельствами. Пол Уильямс[5], одно время распоряжавшийся литературным наследием Дика, дает справедливую оценку «полету мысли» Рикмана, в частности, его предположению, что в детстве Дик был жертвой насилия, в своей книге *Philip K. Dick: A Life. To The High Castle (1928–1962)* (*Fragments West/The Valentine Press*, 1989). См. также *The Rickmanization of PKD* в фэнзине *Philip K. Dick Society (PKDS) Newsletter* (№ 24, май 1990).

7) Тем читателям, что упорно предпочитают видеть в Дике «сумасшедшего» шарлатана, жонглирующего идеями, которые он якобы не мог понять так же полно и определенно, как

---

[5] Примечания: 5

Пол С. Уильямс (1948–2013) — американский журналист, издатель, друг Филипа Дика. Основал Crawdaddy! — первый американский профессиональный журнал, посвященный рок-музыке. Для журнала *Rolling Stone* (6 ноября 1975) написал легендарную статью *The True Stories of Philip K. Dick*. После смерти Дика был распорядителем его литературного наследия и выпустил ряд произведений, от которых ранее отказывались другие издатели. Автор первой биографии Дика *Only Apparently Real*: *The World of Philip K. Dick* (1986), создатель и главный редактор фэнзина *Philip K. Dick Society Newsletter* (1983–1992). Содержал материалы Тессы Дик, Тима Пауэрса, Кевина Джеттера, Руди Рюкера и, конечно, самого Дика.

«нормальный», здравомыслящий ученый, возможно, будет полезно узнать такую историю. Покойный Йоан Петру Кулиану, видный историк религиозной мысли, преподававший в Школе богословия Чикагского университета и сотрудничавший со знаменитым Мирчей Элиаде, имел случай рассмотреть один роман из трилогии «ВАЛИС» — «Всевышнее вторжение» — в своем примечательном обзоре гностической мысли *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism* (*HarperCollins*, 1992). Суждение Кулиану о тематических влияниях в этом романе призвано опровергнуть тех, кто, на взгляд Кулиану, чересчур поверхностно приводит Дика в пример «гностического» писателя-фантаста:

> Более внимательный взгляд на этот роман показывает, что Дик в самом деле черпал вдохновение из иудейской и иудео-христианской гностической литературы (в особенности из «Видения Исайи»), однако в самом романе, описывающем нисхождение Бога на Землю через первое небо, которым владеет армия его Противника Велиала, и встречу

Бога со своей премудростью в детском саду, гностический материал не используется.

Теперь сравним это с анализом самого Дика, написанным в 1979 году, на заключительных страницах неопубликованной рукописи — краткого изложения сюжета романа (в то время он носил название «Возвращение ВАЛИС»), которому в дальнейшем предстояло стать «Всевышним вторжением». Заметим, что сам Дик признает отсутствие в этом романе фундаментального гностического дуализма добра-зла. Он также ссылается на Исайю (хотя его источник — Библия, а не апокрифический апокалиптический текст, о котором упоминал Кулиану):

В первом романе, «ВАЛИС», главный герой, Жирный Лошадник, был одержим (и по серьезной причине – его девушка покончила с собой) проблемой зла. Наконец он пришел к заключению, что существуют двое богов, враждующих друг с другом, то есть к битеизму. Хотя «Возвращение ВАЛИС» во многом опирается на битеизм кумранитов, в целом в романе представлен другой взгляд, не соответ-

ствующий взгляду Жирного Лошадника: монотеизм, вместе с убеждением, что зло не имеет истинного бытия, но лишь заимствует бытие у единого Бога. Теология «Возвращения ВАЛИС» основана на следующем примечательном отрывке из Книги Исайи, глава 45, стихи 6–7:

> *Дабы узнали от восхода солнца и от запада,*
> *что нет, кроме Меня;*
> *Я ГОСПОДЬ, и нет иного.*
> *Я образую свет и творю тьму,*
> *делаю мир и произвожу бедствия;*
> *Я, ГОСПОДЬ, делаю все это.*

Если бы Кулиану нашел время прочесть первый роман трилогии, «ВАЛИС», быть может, его суждение о присутствии в писаниях Дика гностических идей изменилось бы. Так или иначе, сравнение этих двух цитат не только подтверждает хорошее владение религиозными источниками со стороны Дика, но и служит честным предупреждением всем, кто пытается наклеивать на его творчество любого рода доктринальные ярлыки. Взгляды Дика были многообразны, неопределен-

ны и постоянно менялись: они не описываются никакими «-измами».

8) Майкл Талбот, «Голографическая вселенная» (Киев, София, 2004).

9) *Marcel Duchamp, Salt Seller: The Writings of Marcel Duchamp* (*Oxford University Press*, 1973), стр. 142.

I. Автобиографические тексты

Тексты в этом разделе посвящены исключительно или в первую очередь жизни Дика. Впрочем, читатель скоро заметит, что многие тексты из других разделов также включают в себя автобиографические элементы. В своем творчестве Дик часто опирался на события собственной жизни, желая пояснить те или иные идеи — и, наоборот, то и дело обращался к завораживающим его идеям, чтобы в них найти ключ к событиям прошлого.

Два отрывка из реалистического романа **«Время собираться»** (1949) ярко рисуют психику юного и невинного главного героя, Карла, весьма напоминающего молодого Филипа К. Дика. Разумеется, это не автобиографические пассажи; тем не менее они помогают нам понять, как думал и воспринимал мир молодой писатель на заре своей карьеры. Роман был опубликован ограниченным тиражом в 1994 году издательством

WCS Books[6].

«Об авторе» — впервые опубликовано (вместе с фотографией Дика) на внутренней стороне обложки в журнале *Imagination*[7] (февраль 1953).

«Материалы к биографии Филипа К. Дика» — очевидно, подготовлены для кого-то из издателей Дика в 1968 году. Публикуется впервые.

«Автопортрет» впервые опубликован, если верить Полу Уильямсу, «в середине или конце 1968 года в каком-то датском журнале или фэнзине, который редактировал Янник Сторм». По-английски впервые опубликован в фэнзине под редакцией Уильямса *PKDS Newsletter* (№ 2, декабрь 1983).

«Ночные заметки усталого писателя-фантаста» написаны в 1968 году, впервые опубликованы в журнале *Eternity SF*[8] (№ 1, июль 1972). Переизданы в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 22/23,

---

[6] Примечания: 6

На русском языке опубликован в сборнике Филипа К. Дика «Обман Инкорпорэйтед» (Москва, Эксмо, 2014).

[7] Примечания: 7

Imagination (1950–1958) — американский малобюджетный журнал НФ и фэнтэзи. Было выпущено 63 номера, в которых публиковались Роберт Хайнлайн, Джон Уиндем и Роберт Шекли (первый рассказ).

[8] Примечания: 8

Eternity SF (1972–1975, 1979–1980) — американский полупрофессиональный журнал («прозин»). Кроме Дика в журнале публиковались Роджер Желязны, Орсон Скотт Кард и Глен Кук.

декабрь 1989).

Два автобиографических наброска, оба под заглавием **«Материалы к биографии Филипа К. Дика»**, написанные в 1972 и 1973 годах, здесь публикуются впервые.

«Мемуары на обороте счета от ветеринара» публиковались в журнале *The Real World* (№ 5, февраль-март 1976).

«Короткая счастливая жизнь писателя-фантаста» — впервые опубликовано в фэнзине *Scintillation*[9] (том 3, № 3, июнь 1976).

«Странные воспоминания о смерти», написанные в 1979 году, впервые опубликованы в журнале *Interzone*[10] (№ 8, лето 1984), затем перепечатаны в сборнике рассказов и статей Дика *I Hope I Shall Arrive Soon* (*Doubleday*, 1985) под редакцией Марка Херста и Пола Уильямса.

Переписка 1980 года с критиком Франком Бертраном, озаглавленная (в машинописной рукописи Дика) **«Филип К. Дик о философии.**

---

[9] Примечания: 9

Scintillation (1975–1977) — фэнзин, входивший в десятку лучших по авторитетному мнению журнала Locus. Издавался в Портленде, штат Орегон, Карлом Беннетом. Было выпущено 13 номеров.

[10] Примечания: 10

Interzone — издающийся с 1982 года британский прозин, содержащий в основном рецензии и критические статьи. Получил премию «Хьюго» в 1995 году и также номинируется на нее ежегодно с 1986 года.

Короткое интервью», впервые опубликована на французском языке[11] и позднее на английском в фэнзине *Niekas*[12] (№ 36, 1988). Здесь публикуется по рукописи, находящейся в распоряжении Фонда Дика.

[11] Примечания: 11

Philip K. Dick et la Philosophie: Une Courte Interview, перевод Сильви Ленэ, фэнзин Yellow Submarine (№ 41, сентябрь 1986).

[12] Примечания: 12

Niekas (1962–1998) — американский фэнзин. Название переводится с литовского как «Ничего». Фэнзин получил в 1967 году премию «Хьюго» и еще трижды на нее номинировался. В нем печатались материалы широкого круга авторов — от Айзека Азимова до С. Т. Джоши.

«Время собираться». Два отрывка из романа (1949)

Так случается со всем, что является на свет из влажной земли, прорастает сквозь вязкую грязь и глину. Все, большое и малое, живет. Появляется на свет, продираясь через липкую слякоть. А потом умирает.

Карл снова поднял взгляд к свету, к солнцу и далеким холмам. Теперь они казались ему не такими, как несколько секунд назад. Быть может, сейчас он видел отчетливее. Над головой распростерлись чистые голубые небеса. Но с них летели кровь и перья. Небеса прекрасны, пока держишься от них подальше, а стоит взглянуть повнимательнее — ничего хорошего в них нет. Только безобразие и горечь.

Небеса прибиты гвоздями, склеены жвачкой и скотчем. Много раз трескались — и много раз их чинили. Крошатся, проседают, гниют, качаются на ветру, и порой, как в детской книжке, обломки небес падают наземь.

Карл сошел с дороги и теперь медленно взби-

рался вверх по узкой тропинке. Шел широкими шагами, тяжело дыша, и скоро поднялся по травянистому склону холма. Здесь ненадолго остановился, глянул назад.

Компания и ее собственность далеко внизу съежились до неразличимости. Превратились в едва заметные точки. Карл присел на камень. Мир вокруг был тих и неподвижен, ничто не нарушало покоя. Его мир. Молчаливый личный мир.

И все же он не понимал: как это может быть его мир? Вот он улыбается цветам и траве — но за ними стоит нечто, чему нельзя улыбнуться. Нечто неприятное. То, что ему не нравится, чего он не хочет.

Выходит, это не его мир. Свой мир он создал бы совсем иначе. А тут все как-то неправильно собрано. Совсем неправильно. Неприятно даже думать об этом.

Вот на тропинке лежит птичка, молчаливая и неподвижная. Напоминает… Карл задумался. Что же она напоминает? Его охватило странное чувство. Это уже было. То же самое. Так же он вышел из дома и увидел что-то ужасное. Бессмысленное. То, чего не мог ни понять, ни объяснить.

Некоторое время спустя он вспомнил. Кот. Дряхлый умирающий кот: тощий, одноглазый,

облезлый. Кот и птичка. Вокруг жужжат мухи, маршируют колоннами муравьи. А они умирают — молча исчезают, уходят непонятно куда. Никто не смотрит, всем наплевать.

Этого Карл понять не мог. Откуда в огромном теплом мире — такое? Бессмыслица… Или все же есть какая-то причина? Какая-то цель?

Когда он понял, что кот мертв, то медленно, в глубокой задумчивости вернулся домой. К себе, в свою комнату, к своим вещам. К микроскопу. К маркам, картам, альбомам и книгам. У них есть смысл. Есть цель. Причина существования. На них можно взглянуть и понять.

Сидя на склоне холма, Карл задумался о своем детстве. Не так уж давно оно закончилось. Всего несколько лет назад. Вокруг вздымались, обступали со всех сторон воспоминания. Картины, запахи. Вкусы. Прошлое осталось с ним. Совсем рядом, под поверхностью: комната, микроскоп, рисунки. Все здесь — ждет, когда его позовут.

* * *

Его поразили ее груди. Они не торчали вперед. Не вздымались, мягко круглясь, как на рисунках, а свисали и начинали болтаться, когда она наклонялась. Груди тряслись и подпрыгивали, пока

она подбирала свое белье, пока, нагнувшись, тянулась за шортами. Никаких твердых чашечек — только плоть, такая же, как остальное тело, мягкая бледная плоть. Как бурдюки с вином, какие висят на стенах шатров в ближневосточных селениях. Мягкие вихляющиеся мешочки плоти, которые, должно быть, порой ей мешают.

Она застегнула красные шорты, надела серую блузку. Присела застегнуть босоножки. Выглядела уже как обычно — не то белое и крепкое нагое тело. Груди больше не свисали и не походили на бурдюки: они, как обычно, слегка приподнимали блузку. В этой блузке и в облегающих шортах она казалась выше и стройнее.

Она закончила одеваться и пошла прочь через лужайку. Он потерял ее из виду. Вот ее и нет. Все закончилось. Карл расслабился. Утихло волнение, сердце замедлило шаг, схлынула краска со щек и ушей. Он глубоко вздохнул и с шумом выдохнул.

Неужто это случилось на самом деле? Он был растерян. В каком-то смысле даже разочарован. Невысокая, с бледной кожей, с выпуклостями там и сям. Ноги, чтобы ходить, ступни, чтобы стоять. Тело такое же, как и все прочие, — физическое тело, инструмент, машина. Как все остальное, из

праха и жидкой грязи явилось в мир. Пройдет время — и оно обвиснет, покроется морщинами, начнет трескаться и ломаться; не помогут ни гвозди, ни клей, ни липкая лента — оно возвратится в землю, из которой пришло.

Тело износится и умрет. Выцветет и исчезнет, как трава и цветы, как могучие ели, как холмы, как сама земля. Ведь оно — часть обычного мира, материальная вещь среди других материальных вещей. Так же существует и действует. Подвластно тем же законам.

Вдруг ему вспомнились собственные рисунки: как он, сидя в тесной комнате при сочащемся сквозь шторы солнечном свете, срисовывал девушек с календарей, и сколько образов и понятий теснилось тогда в его уме. Карл улыбнулся. Что ж, по крайней мере, он понял нечто новое. Верно, утратил все дорогие ему образы и иллюзии — зато осознал то, что прежде ускользало. Ее тело, его тело, все тела — одно. Части одного и того же мира. Нет ничего вне его — никаких иных миров, никаких обширных угодий призрачной души. Есть лишь это — то, что он видел своими глазами. Деревья, солнце, вода. Он, Барбара, все и вся — части этого. И нет ничего иного.

Нельзя сказать, что его тайный внутренний

мир — духовный мир, так долго им лелеемый, — рухнул в одно мгновение. Он не обрушился, оставив груду печальных развалин. Скорее, просто исчез. Все мечты Карла, все долго хранимые идеи лопнули беззвучно, словно мыльный пузырь, и ушли из бытия навеки, не оставив следа, словно их и не было.

Об авторе
(1953)

Однажды, еще ребенком, я нашел в книжном магазине под полкой с комиксами журнал под названием *Stirring Science Stories*[13]. В конце концов я его купил и понес домой, листая по дороге. Он был полон красочных и смелых идей. Люди пересекали вселенную, путешествовали во времени, уменьшались до размеров элементарных частиц… Им не было преград! Наше общество, наша окружающая среда оказались уже не единственно возможными. Научная фантастика поднимала человека над обыденностью и выводила за пределы привычного мира.

Тогда мне было двенадцать лет. Но я разглядел в научной фантастике то, что вижу и сейчас: среду, в которой — разумеется, повинуясь законам разума и эволюционному принципу — может раскрыться в полную силу человеческое вообра-

---

[13] Примечания: 13

Stirring Science Stories — НФ-журнал, издававшийся с 1941 по 1942 год. Было выпущено четыре номера. Главный редактор — Дональд Э. Уоллхейм (1914–1990), в дальнейшем издававший фантастику в издательстве *Ace Books* и основавший издательство *DAW Books*. Филип К. Дик печатался у Уоллхейма.

жение. С годами научная фантастика выросла, обрела зрелое социальное мышление и чувство ответственности.

Мне захотелось писать научную фантастику, когда я увидел, что из бесконечных дуэлей на лучевых пистолетах она превращается в исследование различных человеческих характеров и общественных проблем.

Я обожаю писать научную фантастику: для меня это прежде всего разговор с другими, так же, как я, желающими понять, что за силы нами движут. Мою жену, как и кота по имени Магнификат, немного тревожит это увлечение. Как и у большинства читателей фантастики, полки у меня ломятся от папок и стопок журналов; повсюду громоздятся коробки с разными записями, пометками и отрывками ненаписанных рассказов, огромный письменный стол тоже завален материалами на разных стадиях готовности. Соседи говорят, что я «много читаю и пишу». По-моему, мое призвание себя оправдает. Быть может, мы доживем до времени, когда научно-фантастические журналы появятся в публичных библиотеках — а однажды, быть может, проникнут и в библиотеки школ.

ФИЛИП К. ДИК

Материалы к биографии Филипа К. Дика (1968)

Филип К. Дик учился в Калифорнийском университете, работал в магазине грамзаписей, писал рекламные тексты, вел программу классической музыки на радио *KSMO*. В настоящее время живет в Сан-Рафаэле, интересуется галлюциногенами и нюхательным табаком. Родился в Чикаго 16 декабря 1928 года. Человек уже взрослый, солидный и бородатый, но фанатично пялится на девиц — разве только сантиметром их не измеряет. Первый свой рассказ продал в ноябре 1951 года и с тех пор ничем, кроме сочинения научной фантастики, не занимался. Выпустил двадцать семь книг, из них двадцать шесть романов. Первый роман опубликован в 1954 году. В июне 1953-го рассказы Дика вышли одновременно в семи журналах. В 1962 году получил премию «Хьюго» за роман «Человек в Высоком замке». Женат, две дочери и хорошенькая нервная юная женушка Нэнси, которая боится телефона. За два года (1963 и 1964) написал и опубликовал

двенадцать романов и множество рассказов журнального объема. Любит уток и овец; живет на берегу заводи, где останавливаются утки, когда летят на юг. Семнадцати овец лишился при последнем разводе. Сменил много котов, разных и странных: один из них, Гораций, всю жизнь задавал незримый вопрос, на который никто не мог ответить. Большую часть времени слушает сперва Скарлатти, затем *Jefferson Airplane*, а потом «Гибель богов» и пытается сложить их воедино. Имеет множество фобий и почти никуда не выходит, но любит, когда гости приходят к нему, в уютный домик у воды. Должен кредиторам целое состояние. Предупреждаем: не одалживайте ему денег! Мало того: он еще и ваши таблетки сопрет. Своей лучшей книгой считает роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», недавно выпущенный в *Doubleday*, поскольку там описывает злоключения животных и общество, в котором собака или кошка являются более статусными символами (и стоят дороже), чем машина или дом.

Автопортрет (1968)

Чикаго: здесь 16 декабря 1928 года я родился. Холодный город, родной дом гангстеров, — но настоящий, и я это ценил. К счастью, отец с матерью перевезли нас в Калифорнию, на берег Залива, и там я узнал, что на свете случается и хорошая погода — причем даже чаще, чем плохая. Так что, как и большинство калифорнийцев, я не родился в Калифорнии, а туда переехал (в возрасте примерно года, если быть точным).

Что из тех времен можно припомнить как свидетельство, что однажды я стану писателем? Моя мать (она еще жива) писала и подавала литературные надежды. У нее ничего не вышло. Но она научила меня восхищаться книгами… в то время как для отца не существовало ничего, кроме футбольных матчей.

Их брак не продлился долго: когда мне было пять, они разошлись. Отец переехал в Рино, штат Невада, а мы с матерью — и еще дедушка, бабушка и тетя — остались в Беркли, в нашем большом старом доме.

Главной моей любовью тогда были ковбойские песни. В сущности, музыка всегда играла большую роль в моей жизни. Но в те дни — когда мне было шесть — я носил ковбойский костюм и слушал ковбойскую музыку по радио. Музыка и газетные комиксы составляли весь мой мир.

Странно подумать, что ребенок мог расти во времена Депрессии и ничего о ней не знать. Тем не менее я никогда не слышал этого слова. Знал, разумеется, что у матери постоянно туго с деньгами, но не делал из этого никаких выводов. Я ощущал мрачность городских улиц и домов, однако объяснял это тем, что все машины здесь черные. По улицам словно катила огромная, нескончаемая похоронная процессия.

Были у нас и развлечения. Зимой 1934 года мы вдвоем с матерью переехали в Вашингтон, округ Колумбия. Тогда я вдруг узнал, что такое по-настоящему ужасная погода… и все же нам там очень нравилось. Зимой мы катались на санках, летом — на «флексиз»[14]. Лето в Вашингтоне — кошмар неописуемый. Наверное, я слегка съехал — от лета в элегантном сочетании с тем, что у нас с матерью не было своего жилья. Жили мы у

---

[14] Примечания: 14
Колесные сани.

знакомых. Год там, год здесь. Я с этим не справлялся (а какой семилетка справился бы?), и меня отправили в спецшколу для «трудных» детей. В интернате я ничего не ел и быстро терял вес. Однако именно там начался мой путь писателя — точнее, сперва поэта. Я сочинил свое первое стихотворение:

Маленькая птичка
На веточке сидела,
Маленькая птичка
На меня смотрела,
Потом пришел котик – ам, и птички нет!
Потому что котик съел птичку на обед.

В Родительский День этот стишок вызвал настоящий фурор, и моя судьба была решена (хотя в то время, разумеется, об этом никто не подозревал). Дальше наступил довольно долгий период, когда я не делал почти ничего, только ходил в школу — терпеть ее не мог! — возился с коллекцией марок (она и сейчас у меня) и занимался разными мальчишескими делами: мраморные шарики, карточки, да еще комиксы, которые тогда только

начали выходить регулярными выпусками: и *Tip Top Comics*, и *King Comics*, и *Popular Comics*[15]. Получая каждую неделю по десять центов, я сперва запасался сладостями (вафли «Некко», плитка шоколада, мармелад), а потом покупал *Tip Top Comics*. Взрослые презирали комиксы, верили и надеялись, что сам такой формат скоро исчезнет. Но этого не произошло. А еще среди газет Херста[16] была одна, *The American Weekly*, полностью посвященная разным жутким историям, и по воскресеньям там печатали рассказы о живых мумиях, затаившихся в гробницах, о затерянной Атлантиде и Саргассовом море. В наше время мы бы все это назвали псевдонаукой, но для середины тридцатых выглядело вполне убедительно. Я мечтал найти Саргассово море и затонувшие корабли, где в каютах покоятся скелеты, а трюмы набиты пиратским золотом. Теперь понимаю: я был обречен на неудачу уже тем, что нет никакого Саргассова моря — во всяком случае, нет

---

[15] Примечания: 15

Tip Top Comics (1934–1954) — сборник газетных стрипов, выпускавшийся United Feature Syndicate. King Comics — сборники стрипов из газет синдиката Херста King Features, основанном в 1914 году. *Popular Comics* (1936–1948) — сборники комиксов компании Dell Comics.

[16] Примечания: 16

Уильям Рэндольф Херст (1863–1951) — американский медиамагнат, основатель холдинга Hearst Corporation, ведущий газетный издатель. Создал современную индустрию новостей.

кладбища нагруженных золотом испанских кораблей. Ну и довольно о детских мечтах.

Примерно в 1939 году мы с матерью вернулись в Беркли и завели первую кошку. Мы жили на холмах Беркли, которые в наши дни в основном пустуют. Повсюду шуршали мыши, так что без кошки было не обойтись. Я начал считать котов и кошек неотъемлемой частью домашнего хозяйства — и с тех пор только укрепился в этом мнении (сейчас у нас с женой их двое, но кот Уиллис стоит пятерых обыкновенных котов — позже расскажу).

Примерно в это же время я открыл для себя книги про страну Оз. Страстно хотел прочесть их все, хоть окружающим мое увлечение казалось пустяковым. Библиотекари надменно отвечали: «Сказок не держим», — считалось, что сказочные книги могут увести ребенка в мир фантазий и помешают ему приспособиться к «реальной» жизни. Но увлечение страной Оз положило начало моей любви к фантастическому и чудесному, а затем и к научной фантастике.

Первый научно-фантастический журнал я открыл для себя в двенадцать лет… Назывался он *Stirring Science Stories* и состоял, кажется, из четырех историй. Редактором был Дон Уоллхейм,

который позже (в 1954 году) купил мой первый роман… и еще немало последующих. Наткнулся я на него случайно: искал *Popular Science*. Меня поразило название. Рассказы — и о науке? Я мгновенно узнал ту магию, с которой уже встречался в книгах о стране Оз, только связанную не с волшебными палочками, а с наукой, отнесенной в будущее, где, как всем известно, она будет играть в нашей жизни все более и более важную роль. Так или иначе, в моем представлении магия равнялась науке… а наука (из будущего) — магии. Я и сейчас не утратил такой взгляд на вещи; а предсказание, что со временем наука будет становиться для нас все важнее (помните, мне тогда было двенадцать), к добру или к худу, сбылось. Что ж, ставлю на то, что наука нам поможет. Ее угрозы не слишком меня беспокоят — не пугает даже оскал водородной бомбы. Не стоит забывать: наука спасла больше жизней, чем отняла.

В старших классах у меня появилась первая подработка — в магазине приемников и грампластинок: я подметал, вытирал пыль, но никогда-никогда не разговаривал с покупателями. Всплыла моя давнишняя любовь к музыке, и я принялся исследовать безбрежные музыкальные просторы: к четырнадцати годам узнавал на слух

буквально любую симфонию или оперу, любой классический мотив, который мне напевали или насвистывали. Благодаря этому я повысился до перворазрядного продавца грамзаписей. Музыка и грамзаписи стали моей жизнью: этому я планировал посвятить будущее. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой — я наконец стану управляющим, а потом, может, и владельцем магазина грампластинок! О научной фантастике я и думать забыл, даже больше ее не читал. Она, как радио-сериал *Jack Armstrong, the All — American Boy!*, заняла свое место среди прошедших детских увлечений. Однако писать мне по-прежнему нравилось: я писал рассказики и надеялся продать их в *The New Yorker* (это так и не удалось). А тем временем жадно поглощал современных литературных классиков: Пруста и Паунда, Кафку и Дос Пассоса, Паскаля — но тут мы переходим к более старой литературе, и список может тянуться до бесконечности. Скажем просто: литературу я изучил от «Анабасиса» до «Улисса». Я учился не на научной фантастике, а на произведениях серьезных авторов, признанных во всем мире.

К фантастике — и, в конце концов, к сочинению фантастики — я вернулся кружным путем. Энто-

ни Бучер[17], самый обожаемый и самый важный человек в научной фантастике того времени, вел на местной радиостанции передачу о вокале, а я, поскольку интересовался классической музыкой, стал ее слушать. Потом с ним познакомился — он зашел в магазин, где я работал, — и у нас завязался долгий разговор. Выяснилось, что человек может быть взрослым и образованным и тем не менее наслаждаться научной фантастикой. Тони Бучер вошел в мою жизнь и определил ее направление.

Раз в неделю Тони вел у себя дома курсы писательского мастерства. Я решил туда сходить, и Тони любезно просмотрел мои первые, довольно беспомощные творческие потуги. Реализм его не впечатлил, зато, к моему удивлению, он весьма заинтересовался маленьким фэнтезийным рассказиком — едва ли, кажется, не готов был его напечатать. Тогда я начал писать все больше фэнтези, а затем и НФ. В октябре 1951 года, в двадцать один год[18], я продал свой первый рассказик —

---

[17] Примечания: 17

Энтони Бучер (1911–1968) — настоящее имя Уильям Энтони Паркер Уайт — видный редактор научной фантастики, переводчик и писатель. Первым перевел прозу Борхеса на английский язык.

[18] Примечания: 18

Дику было двадцать два года.

крохотную новеллу — в журнал *F&SF*[19], где Тони Бучер был редактором. Начал отсылать рассказы и в другие научно-фантастические журналы — и, о чудо, один рассказ купил *Planet Stories*![20] Охваченный фаустовским пламенем, я бросил работу в магазине грампластинок, позабыл о предстоящей карьере в мире музыки и принялся писать как одержимый (до сих пор не понимаю, как я это проделывал; спать ложился в четыре утра). Через месяц после увольнения меня уже печатали в *Astounding*[21] (ныне *Analog*) и в *Galaxy*[22]. Платили они очень хорошо — и теперь я точно знал, чем буду заниматься всю оставшуюся жизнь.

В 1953 году я продавал рассказы уже в пятнадцать разных журналов; за один только месяц, июнь, написал семь рассказов для семи изданий.

---

[19] Примечания: 19

F & SF (Fantasy & Science Fiction) — американский НФ-журнал. Издается с 1949 года.

[20] Примечания: 20

Planet Stories — американский журнал фантастики, издавался с 1939 по 1955 год. Был рассчитан на молодую аудиторию и любителей космической оперы.

[21] Примечания: 21

Astounding Science Fiction — наиболее влиятельный американский НФ-журнал, издается под разными названиями с 1930 года. Благодаря редактору Джону Кэмпбеллу, принявшему руководство в 1937 году, журнал способствовал формированию «Золотого века» фантастики.

[22] Примечания: 22

Galaxy — ведущий американский журнал фантастики, выпускавшийся

с 1950 по 1980 год. Редакторами были Гораций Голд (в его честь Дик даже назвал своего кота) и Фредерик Пол. Журнал публиковал более «литературную» и социальную фантастику, чем конкурирующие издания.

Придумывал одну историю за другой. И все же…

Мои рассказы для журналов, за редкими исключениями, были второсортными. Начало 1950-х не отличалось высокими стандартами качества. В то время я не владел многими техническими навыками, совершенно необходимыми писателю… Например, не знал, что такое фокал. И все же я продавался, неплохо зарабатывал, на Уорлдконе в 1954 году меня с готовностью признали и отметили… Помню, кто-то сфотографировал меня вместе с А. Э. Ван Вогтом и опубликовал фотографию с подписью «Старое и новое». Но что за жалкое оправдание — «новизна»! И сколько потеряла НФ-сцена с уходом Ван Вогта!

Я чувствовал, что со мной что-то не так. Вот Ван Вогт пишет романы — например, «Мир Нуль-А», — а я не пишу. Может, и мне попробовать?

Несколько месяцев ушло на тщательную подготовку. Я продумал характеры и сюжеты — несколько сюжетов, сплетенных вместе, а затем сварганил из них книгу. Купил ее Дон Уоллхейм для *Ace Books* и дал ей название «Солнечная лотерея». Тони Бучер написал на нее в *New York Herald Tribune* доброжелательную рецензию, хорошо

отозвался и *Analog*, а Деймон Найт[23] в *Infinity*[24] посвятил ей целую колонку одних похвал.

Я оказался на развилке и глубоко задумался. Мне виделось, что журнальная фантастика клонится к упадку, да и оплачивается не слишком щедро. За рассказ можно выручить двадцать долларов, за роман — четыре тысячи. Так что я решил поставить на романы: написал «Мир, который построил Джонс», а затем «Человек, который умел шутить». А потом роман, который стал для меня настоящим прорывом: «Глаз в небе». Тони присвоил ему звание Лучшего Романа Года, а Тед Старджон в другом журнале, *Venture*[25], назвал его «той золотой крупицей хорошей фантастики, которая оправдывает собой существование гор бездарной чуши». Что ж, я оказался прав. Романы в самом деле удавались мне лучше рассказов. И деньги ни при чем: мне просто нравилось писать

---

[23] Примечания: 23

Деймон Найт (1922–2002) — авторитетный критик научной фантастики, писатель, редактор. Основатель Ассоциации американских писателей-фантастов (SFWA). Составитель культовой серии антологий Orbit, открывшей имена Джина Вулфа, Р. А. Лафферти, Гарднера Дозуа.

[24] Примечания: 24

Infinity Science Fiction — журнал НФ, выходил в 1955–1958 годах. Ориентировался на молодежь и любителей приключенческой литературы.

[25] Примечания: 25

Venture Science Fiction — журнал НФ, издавался в 1957–1958 и 1969–1970 годах.

романы — поэтому дело шло легко.

Но к этому времени начались серьезные неприятности в личной жизни. Мой восьмилетний брак распался; я переехал за город — и встретил там женщину с художественными наклонностями, только что потерявшую мужа. Познакомились мы в октябре, а в апреле следующего года поженились в Энсенаде, штат Мехико. Вместе с женой на попечении у меня оказались три девочки, и следующие два года я только халтурил ради куска хлеба. Наконец бросил все и принялся работать вместе с женой: у нее был ювелирный бизнес. Я был несчастен. В детстве несчастья всегда приходили извне — денег нет, холодно, негде жить; но с Энн я не мог себя реализовать — слишком сильны были ее собственные творческие амбиции, и мое творчество, как она часто говорила, «преграждало ей дорогу». Даже в изготовлении драгоценностей она придумывала дизайн, а я только дорабатывал и выполнял. Самооценка у меня упала, так что я отправился к священнику нашего времени, психологу-психиатру, и спросил, что мне делать. «Идите домой, — сказал он, — и забудьте о ювелирном бизнесе. Забудьте, что у вас дом с пятью спальнями и тремя ванными, что вы растите трех девочек и на подходе

четвертая. Идите домой и садитесь за пишущую машинку. Забудьте о доходах и налогах, забудьте, что Работа Должна Приносить Деньги. Посто напишите хорошую книгу — такую, в которую сами поверите. Перестаньте готовить детям завтраки и помогать жене спаивать серебряные цепочки. *Напишите книгу*».

Так я и сделал — без долгих слов сел и написал. Вышел «Человек в Высоком замке». Книгу купили сразу, многие рецензенты обещали, что она получит «Хьюго» — и в самом деле, в один прекрасный день я получил письмо от агента с поздравлениями по этому поводу. Так я прошел еще одну веху в своей карьере — и, как и прежде, этого не понял. Я знал лишь, что хочу писать новые книги, больше и больше; книги становились все лучше, издатели брали их все охотнее.

В наше время большинству читателей неизвестно, как мало получают писатели-фантасты. Я зарабатывал около 6000 $ в год. В год после «Хьюго» заработал 12 000 $ и примерно столько же в несколько следующих лет (1965–1968). Писал я с фантастической скоростью: выпустил двенадцать романов за два года… и «Хьюго» подтверждал: я пишу именно то, что множество людей хочет читать! Потрясающе, верно?

Не так давно я сел, перебрал двадцать восемь романов, написанных с 1954 по 1968 год, и задался вопросом, какие из них хороши. Чего я достиг? Сейчас мне тридцать девять: потертый, молью траченный, нюхаю табак, слушаю в грамзаписях песни Шуберта… «Человек взрослый, солидный и бородатый, — сказал кто-то обо мне, — но до сих пор фанатично пялится на девиц». Что верно, то верно. И еще на кошек. Очень они меня радуют; хотел бы я втиснуть Уиллиса, здоровенного бело-рыжего котяру, в какой-нибудь роман — или, может, в фильм. Уиллис сыграет немую роль (без диалогов), и оба мы будем счастливы. Четыре года назад я развелся с женой-ювелиршей и женился на очень милой девушке, которая рисует. Теперь у нас ребенок, и нам нужен дом побольше (дом мы уже нашли и сейчас, когда я пишу эти строки, собираемся туда переезжать: четыре спальни, две ванные и огороженный задний дворик, где Айза сможет играть в безопасности). Такова моя нелитературная жизнь: очень молодая жена, которую я люблю, малютка-дочь, которую уже почти люблю (уж очень она громкая и приставучая!), и котяра, которого обожаю.

А что же книги? Что я чувствую к ним?

Писал я с наслаждением. Однако, если бы при-

шлось отобрать несколько — например, решить, какие из них переживут Третью мировую войну, — я бы выбрал прежде всего «Глаз в небе» (1956). Затем «Человека в Высоком замке» (1962), «Сдвиг во времени по-марсиански» (1964) (издательство *Ballantine*), «Доктор Бладмани» (1965) (послений роман, вышедший в *Ace Book*s). Еще, пожалуй, «Духовное ружье» (1967) и «Предпоследнюю истину» (1964), книги, написанные одновременно. И наконец, еще одну, выпущенную в *Ace*, «Симулякры» (1964).

В списке нет самого яркого моего романа: «Три стигмата Палмера Элдрича» (1965). Эта книга меня пугает: она об абсолютном зле, и писал я ее в период тяжелого религиозного кризиса. Я решил написать роман об абсолютном зле, воплощенном в «человеческой» форме. Когда из «Doubleday» пришли гранки, я так и не стал править текст — не смог себя заставить снова за него взяться. И сейчас не могу.

Пожалуй, стоит внести в список еще две книги, последние, тоже из *Doubleday*: «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968) и еще одну, пока без названия[26]. «Андроиды» очень хорошо

---

[26] Примечания: 26
Имеется в виду роман «Убик» (1969).

продаются, и на них, как мне известно, внимательно смотрит одна кинокомпания. И моя жена считает, что книга удалась. Мне она нравится вот чем: она об обществе, где животные стали редкостью, их обожают и почитают. Человек, у которого есть настоящая овца, становится Фигурой… и с этой овцой его связывает сильнейшая любовь и привязанность. По страницам книги молчаливо проходит, величественно подрагивая длинным рыжим хвостом, мой котяра Уиллис. Заставь их понять, говорит он мне, что животные по-настоящему важны уже сейчас! Говорит — а потом сжирает детское питание, которое мы подогревали для малышки: некоторые коты совсем совесть потеряли… Того и гляди, захочет писать фантастику! Что ж, пусть попробует. Надеюсь, ему ничего не удастся продать.

Ночные заметки усталого писателя-фантаста (1968, 1972)

Вот он я, почти сорокалетний. Семнадцать лет назад продал свой первый рассказ: великий, чудный миг, который никогда не повторится. К 1954 году был уже известен как автор рассказов; в июне 1953 продал сразу семь — по одному в *Analog, Galaxy, F&SF* и так далее. Так вот, 1954-й. Первый мой роман, «Солнечная лотерея» — вышел тиражом в 150 000 экземпляров и исчез бесследно — вынырнул из небытия лишь несколько лет назад. Везде, кроме *Galaxy*, получил хорошие отзывы. Понравился и Тони Бучеру, и Деймону Найту. Но я спрашиваю себя: зачем я его написал — его и еще двадцать четыре следующих? Из любви, разумеется: люблю фантастику — и читать, и писать. Платят нам, авторам, не слишком много. Жестокая и неприглядная истина: ремесло писателя-фантаста себя не окупает, так что мы один за другим либо гибнем в борьбе за скудный заработок, либо уходим и начинаем заниматься чем-то еще… чем-то далеким от фантастики —

как, например, Фрэнк Герберт, который трудится в газете, а премии «Хьюго» получает в свободное от основной работы время. Хотел бы и я так жить: работать где-то еще, а фантастику писать по вечерам, после ужина — или поднимаясь до рассвета. Это сильно облегчило бы жизнь. Давайте расскажу, каково мне приходится сейчас. Средний научно-фантастический роман стоит от 1500 $ до 2000 $. Следовательно, автор, который пишет по два романа в год — и их продает, — получает 3000–4000 $ в год. На такие деньги не проживешь. Можно попробовать писать по три романа в год, да еще разбавлять рассказами. Если повезет — и если будешь работать без отдыха, — заработаешь в год 6000 $. Лучшее, чего мне удавалось добиться, — 12 000 $ в год; но обычно выходит гораздо меньше, а выложившись до предела в гонке за деньгами, перестаешь писать года на два. В такие тощие годы живешь только на то, что у нас называется «остатки». Продажи за границу, переиздания в мягкой обложке, перепечатки в журналах, радио– и телепостановки и т. п. Ужасные времена: все твое существование зависит от скудно и нерегулярно капающих роялти «остатков». Например, от одного агента приходит авиапочтой чек. Роялти на сумму 1

доллар 67 центов. На следующей неделе, тоже воздушной почтой, уже 4 доллара 50 центов. А мы (по крайней мере, некоторые) продолжаем писать фантастику! Я же говорю, это любовь.

Что же в научной фантастике так нас притягивает? Захватывает фанатов, редакторов, самих писателей. А денег никому не приносит. Думая об этом, я всегда вспоминаю первый абзац «Честных шахматистов» Генри Каттнера, тот, где главному герою подмигивает дверная ручка. А еще, думая об этом, вижу — не мысленным взором, а обычным, прямо возле стола, — полное собрание *Unknown, Unknown Worlds*[27], *Astounding*, начиная с 1933 года… всех их надежно хранит огромный огнеупорный шкаф. Здесь они отделены от мира, от жизни. Спасены от износа и обветшания. От времени. За огнеупорный шкаф, защищающий эти журналы, я выложил триста пятьдесят баксов. После жены и дочери они значат для меня больше всего, что у меня есть — или, надеюсь, когда-нибудь будет.

Там, в шкафу, та магия, что нас не отпускает. Я нашел способ ее сохранить.

---

[27] Примечания: 27

Unknown и *Unknown Worlds* — журнал фантастики, издавался Джоном Кэмпбеллом с 1939 по 1943 год. Оказал сильное влияние на жанр фэнтези, публикуя произведения, далекие от «научной фантастики».

И о моих собственных книгах. Перечитывать их мне неинтересно. Что хорошо вышло, что плохо, что удалось, что нет — все это ничего не значит (подобные рассуждения можно спустить в унитаз, как выразился Тед Старджон, говоря о «Трех стигматах»). Для меня важно *писание,* сам акт творения романа, ибо в тот миг, когда пишу, я сам переношусь в мир, о котором рассказываю. Для меня он полностью, абсолютно реален. А потом, когда дописываю и приходится остановиться, уйти оттуда *навсегда* — это меня убивает. Я снова один, почти без денег — а ведь мне, как я упомянул, уже почти сорок. Где господин Тагоми, главный герой «Человека в Высоком замке»? Покинул меня, мы отрезаны друг от друга. Перечитывая книгу, я не могу воскресить господина Тагоми, вновь поместить туда, где смогу его услышать. Роман написан — и теперь обращается ко всем, а не ко мне одному. Я связан с ним уже не более любого читателя — в сущности, гораздо меньше, ибо я помню и господина Тагоми, и остальных… например, Гвидо Молинари из «Когда наступит прошлый год», или Лео Булеро из «Трех стигматов». Мои друзья мертвы; как я ни люблю жену, дочь, кота — они не заменят мертвых. Пустота ужасает. Никогда не пишите

ради денег: лучше продавайте шнурки!

Я обещаю себе: больше не напишу ни одного романа. Не стану создавать людей, с которыми потом придется расстаться. Обещаю… а потом, воровато оглядываясь, сажусь писать следующую книгу.

Материалы к биографии Филипа К. Дика (1972)

В 1969 году Пол Уильямс писал о Филипе К. Дике: «Вот что я вам скажу… Филип К. Дик повлияет на сознание нашего столетия больше, чем Уильям Фолкнер, Норман Мейлер или Курт Воннегут». Автор тридцати одного романа и почти сотни рассказов, издающийся с 1951 года, в 1963 году он получил премию «Хьюго» за лучший научно-фантастический роман года «Человек в Высоком замке» (1962). Дик известен по всему миру, особенно в интеллектуальных кругах: например, во Франции издано больше его романов, чем у какого-нибудь другого писателя-фантаста. Первым научно-фантастическим романом США, переведенным в Польше, станет его недавняя книга «Убик», вышедшая в издательстве *Doubleday*, которую Патрис Дювик из *Editions OPTA* в Париже (лауреат премии «Издатель года»

на Уорлдконе[28], прошедшем в Лос-Анджелесе в 1972 году) назвал «одной из важнейших когда-либо изданных книг». В феврале 1972 года Дик присутствовал в качестве почетного гостя на втором Научно-фантастическом конвенте в Ванкувере и выступал с лекцией в университете Британской Колумбии. Самые известные его романы — «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», «Лабиринт смерти», «Мы вас построим», «Сдвиг во времени по-марсиански», «Доктор Бладмани», «Три стигмата Палмера Элдрича», «Убик» и «Человек в Высоком замке». Некоторые его лучшие рассказы опубликованы в сборнике в мягкой обложке «Сохраняющая машина». Филип К. Дик, родившийся в 1928 году в Чикаго, большую часть жизни прожил в области залива Сан-Франциско, учился в Калифорнийском университете в Беркли. В конце пятидесятых годов жил в Пойнт-Рейес-Стейшн в округе Марин, а в начале шестидесятых в Сан-Рафаэле. Теперь он осел в районе Лос-Анджелесса, здесь читает лекции и пишет. Его ранние романы повествуют об

---

[28] Примечания: 28

Уорлдкон (World Con, The World Science Fiction Convention) — Всемирный конвент научной фантастики. Ежегодный конвент Всемирного общества научной фантастики (World Science Fiction Society, WSFS). Участники Уорлдкона своим голосованием присуждают премию «Хьюго».

антиутопических обществах будущего; в поздних он становится первопроходцем «внутреннего пространства» вселенной множества реальностей, представляемой как галлюцинаторная наркотическая травма. Его рассказ «Вера отцов наших» в потрясающей антологии Харлана Эллисона «Опасные видения» был номинирован на премию «Хьюго» и назван одним из самых «опасных видений» в сборнике. Недавно он закончил для *Doubleday* новый крупноформатный роман, озаглавленный «Пролейтесь, слезы», а в настоящее время работает над научной фантастикой иного рода: проекцией сознания одной девушки на вселенную, в которой свойства ее характера, образ жизни и ценности образуют уже не социологические характеристики, а целую новую реальность. Рабочее название романа «*Kathy — Jamis — Linda*», и этот проект грозит занять Дика до конца его жизни. В нем писатель стремится противопоставить истинного человека тому, что называет «андроидом», рефлекторному механизму, выдающему себя за живое существо.

Материалы к биографии Филипа К. Дика (1973)

Профессиональный автор научной фантастики с 1951 года, создатель почти двухсот рассказов и тридцати пяти опубликованных романов. В 1963 году его «Человек в Высоком замке» получил премию «Хьюго» как лучший научно-фантастический роман года. Фил Дик родился 16 декабря 1928 года в Чикаго, но большую часть жизни прожил в Калифорнии. Учился в Калифорнийском университете в Беркли, был исключен за антивоенные убеждения. Его величайшая страсть — музыка: песни классических немецких композиторов, Вагнер. Специализировался на немецкой литературе и очень любит Шиллера, Гете, Юнгера, Брехта. Одно время вел на радио передачу о классической музыке и работал в магазине грампластинок. Женат, трое детей и кот по имени Фред. В Канаде ознакомился с реабилитацией наркоманов и теперь работает над большим романом о трагедиях людей, чью жизнь разрушили наркотики. Дик солидаризируется с

возмущением и протестами молодежи против старого истеблишмента; в лекциях, читаемых как в университетах США и Канады, так и по радио, а также в статьях, публикуемых по всему миру, он поддерживает восстание молодых людей против старых порядков. Но его радикализм выходит за пределы политики: речь идет о целостном мировоззрении, которое все более выражается в его работах. Чаще всего он стремится выразить в своих книгах бунт против угнетения свободного человеческого духа, в чем бы оно ни выражалось — против любой тирании, будь то тирания наркотиков, полицейского государства или манипулятивных психологических техник. Его герой — обычный гражданин, не имеющий ни политической, ни экономической власти; и в этом герое Дик видит надежду на будущее.

Мемуары на обороте счета от ветеринара (1976)

Чу! В ветвях зашелестело!..

Николас Брэди (1692)

Когда я познакомился с Теодором Старджоном, автором «Больше, чем люди», этот славный парень сразу мне брякнул: «Что у нас за мир, если в нем такие люди, как Тони Бучер[29], умирают от рака?» С тех пор как умер Тони, я и сам задаюсь тем же вопросом. Впрочем, ответа Тед Старджон от меня не ждал. Просто хотел сразу показать, с кем я имею дело. Я обнаружил, что могу поступать так же — спрашивая об этом, показывать, что я за человек. Этот вопрос говорит о том, как я любил и ценил одного из самых добрых людей на свете. Да, Тони был добрейшая душа; однако, когда ему случалось бывать в компании, у него пот на лбу выступал от страха. Никто никогда об этом не писал, но это правда. Он все время боялся. Однажды сам мне об этом рассказал, и очень красноречиво.

---

[29] Примечания: 29

Энтони Бучер умер от рака легких 29 апреля 1968 года.

Он любил людей, но, помню, однажды я встретил его в электричке, он ехал в оперу — и боялся. Он был музыкальным критиком, писал обзоры для *The New York Times*, еще редактировал журнал и сам писал романы и рассказы. Но умирал от страха, когда приходилось выходить из дома.

Тони любил жизнь, и жизнь его пугала. Многие, как он, робеют именно потому, что слишком любят. Им кажется: все, что они любят, вот-вот рассыплется. С Тони так и произошло. Он не дожил до старости. И чего боялся, спрашивается? Каждую неделю носил на радио *KPFA* свои старые грампластинки на 78 оборотов для программы «Золотые голоса», завернув их в полотенце, чтобы не разбить. Однажды я решил отдать Тони все свои редкие оперные записи — просто отдать, в подарок, потому что его люблю. Позвонил ему и сказал: «У меня есть Тиана Лемниц и Герхард Хюш». «Они мои кумиры!» — робко ответил Тони. Он был католиком, единственным среди нас, а для католика это сильное заявление. Но отдать пластинки я так и не успел — Тони умер. Помню, он тогда пожаловался: «Едва встаю, уже чувствую, что устал. Работать стало тяжело. Может, я заболел?» Я ответил, что и со мной такое бывает. Это было восемь лет назад. Тони пошел к доктору, а

тот сказал, что он, должно быть, просто ударился и ушиб себе бок, и наложил повязку. Ох, попадись мне этот доктор! Все, кому Тони рассказывал о своей беде, давали ему плохие советы.

Мы с ним играли в покер. Тони любил покер, оперу, научную фантастику и детективные рассказы. Вел писательские курсы для своих. В то время он был уже знаменит, редактировал журнал *Fantasy and Science Fiction* и за одно занятие брал плату в один доллар. За доллар читал целиком твою рукопись. Объяснял, насколько все хреново, — и ты шел домой и начинал писать гораздо лучше. До сих пор не понимаю, как он это проделывал. Обычно считается, что разгромная критика для молодых авторов убийственна. «Может быть, — сказал однажды другой его ученик, Рон Гуларт[30], — это потому, что он читает твою книгу так, словно она написана по-латыни».

Тони научил меня писать — и Тони первым меня издал. Никто не понимал этот мой рассказ, даже уже напечатанный, только он понял. И теперь, двадцать два года спустя, он переиздан в учебнике по научной фантастике для колледжей, выпущенном *Ginn and Company*. В нем всего где-то

---

[30] Примечания: 30

Рон Гуларт (1933–2022) — американский писатель-фантаст, автор детективов и сценарист комиксов.

пятнадцать сотен слов — история совсем коротенькая. После самого рассказа *Ginn and Company* приводят мою импровизированную дискуссию о нем со старшеклассниками. Все ребята поняли, о чем это. Рассказ о собаке, о том, как пес видит мусорщиков, крадущих драгоценную еду, которую его хозяева каждый день складывают на хранение в мусорный бак у ворот; наконец тяжелый металлический бак наполняется — и в этот миг, когда урожай созрел и готов к жатве, вдруг являются *они.* Рууги. Пес пытается предупредить хозяев — но рууги всегда приходят рано утром, когда лай только раздражает людей. Кончается все тем, что люди решают избавиться от пса, вечным лаем мешающего им спать, — и тут пес слышит, как один из руугов-мусорщиков говорит: «Ну вот, скоро и хозяев заберем!» Для меня осталось непостижимым, почему никто, кроме Тони Бучера, не понял эту историю (я отослал ему рассказ в 1951 году). Может быть, в то время никто не разделял мой взгляд на мусорщиков, а в 1971 году, когда я обсуждал рассказ со старшеклассниками, времена изменились. Помню, в 1952 году одна

дама, составительница антологий[31], заметила мне с возмущением: «Но ведь мусорщики не едят людей!» Я, право, не знал, что ответить. *Нечто* приходит, уносит и пожирает мирно спящих — тех, кто тебе дорог. Как Тони… что-то же пришло за ним. Может быть, этот пес, рычавший: «РУУГ! РУУГ!» — пытался предупредить его и меня. Я его услышал и сбежал (сбежал ли? — время покажет), а Тони остался на посту. Видите ли, когда так боишься мира (или, если хотите, руугов), оставаться на посту требует особого мужества, о котором никогда не напишут писатели, потому что:

1) не знают как;

2) прежде всего просто не заметят — может быть, кроме Теда Старджона: он заметил, хоть сам не знал страха, потому что умел любить. Да, должно быть, он понимал, как Тони боялся. А страх притягивает руугов… Это так чертовски симметрично, не так ли?

Однако Тони жив. Об этом я узнал в прошлом году[32]. Мой кот стал вести себя странно: постоян-

---

[31] Примечания: 31

Имеется в виду *Джудит Меррил* (1923–1997) — известный и влиятельный редактор научной фантастики, составительница антологий, жена писателя и редактора Фредерика Пола.

[32] Примечания: 32

1974 год.

но следил за чем-то у меня за спиной, да и вообще переменился. Это случилось после того, как он сбежал, а потом вернулся, грязный, взъерошенный, чем-то напуганный так, что от страха гадил на ковер: мы отнесли его к ветеринару, тот его успокоил и вылечил. После этого у Пинки появилось то, что я бы назвал духовностью. Для начала он перестал есть мясо. Трясся всякий раз, как мы пытались накормить его мясом. Пять месяцев он пропадал Бог знает где, видел Бог знает что — хотел бы я знать, что! Он переменился, это точно. Ни разу после возвращения никого не оцарапал и не укусил, даже ветеринара. Пинки все время был напуган; однажды я захлопнул у него перед носом дверцу холодильника — он заметался в ужасе, натыкаясь на стены в отчаянной попытке сбежать, и развил скорость, уникальную для нежного пушистого создания, прежде часами сидевшего тихо и с бараньей кротостью смотревшего перед собой. У Пинки были проблемы с дыханием из-за густой шерсти и так называемых безоаров. Тони жестоко страдал от астмы, спасал его холодный воздух. И вот теперь, когда Пинки становилось трудно дышать, он усаживался перед дверью и припадал к полу так, чтобы его обдувал сквозняк из-под двери. Не буду мучить читателя аналогия-

ми: Пинки внезапно умер от рака. Ему было всего три года — для кота очень мало. Ничего такого мы не ожидали. Ветеринар ошибся с диагнозом, пообещал нам, что это скоро пройдет.

Я не понимал, что Пинки был Тони Бучером, посланным любящей вселенной, чтобы нас утешить, пока не увидел сон про Тигра Тони, персонажа с коробок хлопьев «Шугар фростед флэйкс». Во сне я стоял на одном конце залитой солнцем лесной поляны, а с другого конца ко мне медленно, наслаждаясь каждым движением, шел огромный тигр. Я знал, что мы снова вместе, Тигр Тони и я, и радости моей не было предела. Проснувшись, я пытался вспомнить, кто из общих знакомых называл Тони «Тигром». После смерти Пинки у меня были и другие странные видения. Мне приснилась «миссис Донлеви», невероятно высокая — я видел только ее ступни и лодыжки; она принесла мне молоко в блюдечке на заднее крыльцо, а сразу за крыльцом простирался пустырь, где можно бродить на воле вечно. Я понял, что это Елисейские поля, в которые верили древние греки, — как раз мне по размеру. А в тот день, когда Пинки умер в ветклинике, вечером я стоял в ванной и вдруг почувствовал, как жена кладет мне руку на плечо, чтобы утешить. При-

косновение было совершенно отчетливое, но, обернувшись, я никого не увидел. А еще снился такой сон: я слушаю грамзапись «Дона Паскуале», одновременно смотрю нотную запись и вдруг слышу в финале нечто новое — а за последней страницей нот нахожу пять веревочек, переплетенных, словно «колыбель для кошки», и образующих нотный стан. Это был последний привет от Пинки, которым стал Тони Бучер: во сне я слушал редкую запись на 78 оборотов из коллекции Тони — одну из его любимых.

Тони, или Пинки, — вряд ли важно, как его называть, — всю жизнь был хреновым охотником. Однажды поймал суслика и побежал по лестнице в квартиру, держа его в зубах. Положил в миску, куда ему обычно насыпали еду, чтобы пообедать как полагается — и суслик, разумеется, тут же вскочил и убежал. Тони знал, что у каждой вещи есть свое место, был помешан на аккуратности. Его огромные коллекции книг и пластинок выглядели именно так: особое место для каждого предмета, и каждый там, где ему положено быть. Может, ему стоило быть терпимее к хаосу? Кстати, суслика он потом догнал и съел целиком, только челюсти оставил.

Тони — или Пинки — стал моим наставником:

научил меня писать, а в 1972-м или 1973-м, когда я болел, ни на шаг не отходил от моей кровати. Тесса, моя жена, пустила его ко мне; я лежал с воспалением легких, нуждался в помощи, а денег на врачей у нас не было. (Очевидно, мне с этим повезло: врач сказал бы, что я просто ушиб себе бок.) Когда становилось совсем нехорошо, Пинки ложился на меня — и вскоре до меня дошло: он пытается понять, где болит. Скоро выяснил: болит что-то одно и где-то в середине тела. Пинки очень старался, и я выздоровел — а он нет. Пинки, мой друг.

Большинство котов боятся еженедельного лязга мусорной машины, но не таков был Пинки — он ее презирал. Правда, забивался под кровать, зато оттуда свирепо сверкал глазами. Зыркал и ждал, когда эти ублюдки свалят.

За четыре ночи до внезапной смерти Пинки, когда мы еще не знали, что у него рак (я начал было говорить: «До того как он пошел к врачу и услышал про ушибленный бок»), мы с ним и с Тессой, как обычно, вместе разлеглись на большой кровати, и вдруг я увидел, как комнату заливает ровный бледный свет. Я подумал: ангел смерти пришел за мной — и принялся молиться

по-латыни: *Tremens factus sum ego, et timeo*[33]. Тесса терпела, а Пинки сидел бесстрастно, подобрав под себя лапы. Я знал, что прятаться некуда — не под кровать же! Любой ребенок знает: от смерти не убежишь. И это чертовски страшно.

Мне не приходило в голову, что смерть могла явиться за кем-то другим — показательное отношение. Все мы казались мне раскрашенными уточками в тире. Вспомнилось арабское стихотворение XIII века: «Раз промахнется, два промахнется, на третий раз попадет», или как-то в этом роде. Все на виду, некуда бежать, негде укрыться… в конце концов я замолчал, но особенно запомнилось, как выкрикивал снова и снова: *Mors stupebit et natura*[34]; мне казалось, это значит, что смерть застыла, ошеломленная. (Примерно как: «Я застыл, ошеломленный тем, что моей машины нет на месте». Застыл ошеломленный — значит просто стоишь и ничего не можешь поделать. Возможно, третье издание «Мерриама-Вебстера» слово «ошеломленный» объясняет не так, ну и черт с ним.)

---

[33] Примечания: 33

«Содрогаюсь и страшусь» (*лат.*) — слова из латинской заупокойной мессы.

[34] Примечания: 34

«Замерла смерть и природа» (*лат.*).

Пинки не заметил бледного света; он, как обычно, дремал с открытыми глазами, мурча себе под нос. Позже той ночью, уже ближе к утру, мне приснился тревожный сон: совсем рядом раздался выстрел, оглушительный, как гром, я обернулся — и увидел на земле умирающую женщину. Я бросился за помощью, но по ошибке сел в троллейбус вместе с тремя агентами Гестапо (гестаповцы часто мне снятся). Мы ездили по кругу, и я безуспешно пытался закоротить провода у этого троллейбуса, или автобуса, или что это было — все тщетно. А гестаповцы курили, читали газеты и самодовольно переглядывались. Знали, что я у них в руках.

Короткая счастливая жизнь писателя-фантаста (1976)

Хочу обратиться к своим друзьям и сообщить им, что:

1) все ужасы, о которых они слышали, в самом деле со мной стряслись, но

2) тем не менее я жив-здоров. В феврале у меня был сердечный приступ. Приехала «Скорая» — я в тот момент был дома один, — и все произошло точь-в-точь как в телепередаче «Неотложка». Я позвонил, они примчались через две минуты, примотали ко мне кучу датчиков и мониторов и повезли в «интенсивную сердечно-сосудистую терапию» окружной больницы. Я болтался между жизнью и смертью, рассказывал анекдоты и флиртовал с медсестричкой по имени Бет, которая всегда ходит в розовом.

Пишу я все это вот к чему: я вполне оправился и прекрасно себя чувствовал, пока не увидел счет на две тысячи баксов. И тут понял, почему меня отвезли в окружную больницу: денег у меня не было, а без оплаты вперед ни одна другая боль-

ница округа Ориндж больных не принимает. Что ж, слава Богу, нашлась хоть одна, что без лишних вопросов открывает дверь страждущим, спасает им жизнь, а счет присылает потом. Но…

Одиннадцать дней спустя, когда я вышел из больницы, в кармане у меня было сорок центов. И все. Дома немного еды в морозилке. Совокупный доход за этот месяц — девять долларов. В марте было не лучше, а в середине апреля наступают сроки оплаты счетов. Каждый телефонный звонок — это кто-то хочет денег. Агент мой, благослови его Боже, немного мне одолжил; по этому поводу хочу рассказать то, что в тот момент не пришло мне в голову, а пришло попозже, — и, когда я это пересказал одному парню, он расхохотался и сказал, что это лучше всего из того, что он слышал, описывает положение писателя. Мой агент ждал роялти почтой из Парижа, и я каждый день звонил узнать, не прибыл ли чек — ведь большая часть этих роялти предназначалась мне. Наконец чек пришел! Агент, должно быть, заметил, что голос у меня дрожит — я ведь уже на три месяца просрочил алименты, — и добавил необычно мягко: «Знаешь, Фил, ты один из самых известных мировых авторов». Но я его почти не слышал — думал только о том, что все-таки не

попаду на месяц в окружную тюрьму за неуплату алиментов!

Сейчас я хочу подчеркнуть не то, что я один из самых известных мировых авторов или что так думает (или просто меня утешает) мой агент, а то, что через двадцать пять лет профессиональной работы в научной фантастике мне присылают обещания отключить воду и газ, если через три дня не поступит оплата. И я спрашиваю себя: ну и ради чего все это? Недавно читал статью Барри Молзберга[35] в *F&SF*; он пишет, что готов навсегда порвать с научной фантастикой, поскольку… Да почитайте сами! Такого образцового нытья я в жизни не слыхал. Сам я ныть не собираюсь — хотя, быть может, то, что вы уже прочли, и звучит как нытье. Тем не менее я ничего не утверждаю, не жалуюсь — скорее задаюсь вопросом. Как так вышло, что я работаю без устали двадцать пять лет и постоянно сижу без денег? В следующем январе в *Doubleday* выходит мой новый роман («Помутнение») — и, без дураков, это пока что лучшая моя книга. В этом году выходит «Господь гнева», в соавторстве с Роджером Желязны. *Rolling*

[35] Примечания: 35

Барри Молзберг (р. 1939) — американский фантаст, критик, редактор и составитель антологий, эссеист, видный представитель «Новой волны». В 1976 году прекратил писать прозу.

Stone опубликовал обо мне большую статью[36], ее прочло множество людей — и, кажется (приготовьтесь! вот оно!), я *вот-вот* выйду на большую сцену. Ключевые слова: «вот-вот». Классическое ожидание Годо: помните, чем оно кончается? «Господина Годо сегодня не будет, но он точно придет завтра!» Ну хорошо, допустим, выйду я «на большую сцену» — и что? Это как-то компенсирует двадцать пять лет нервной тряски, когда, просыпаясь утром, не знаешь, не отрубили ли электричество?

Однажды в начале 1972 года прихожу я домой — а света нет, и коробка распределителя опечатана. Я достал ящик с инструментами, нашел кусачки, срезал печать и включил свет. Строго говоря, это преступление, но в электрокомпании так удивились, что ничего со мной не сделали. Заплатил я на следующий день. Хотя вообще-то за такое сажают. Я об этом упомянул, чтобы показать: страхи у меня не невротические. Кстати, дом, в котором я тогда жил, теперь принадлежит финансовой компании, у которой я брал ссуду под залог дома. Как видите, это не пустяки, мне есть чего бояться. Когда я переехал сюда, в Юж-

---

[36] Примечания: 36
The Worlds of Philip K. Dick (6 ноября 1975, автор Пол Уильямс).

ную Калифорнию, начинать пришлось с нуля: ни машины, ни мебели, ни дома. Однажды встаю утром — света нет. В начале 1973-го слег с пневмонией: без телефона, чтобы вызвать врача, без денег, чтобы ему заплатить. Очень хорошо это помню, потому что, когда я лежал в кровати на животе (так легче дышалось), отворилась дверь, и в комнату вошел Смерть. Серьезно. Я его видел, как вижу вас, друзья мои. На Смерти был модный полиэстеровый пиджак, в руке портфель, и из портфеля он достал несколько простеньких головоломок, знаете, для младших школьников. Я не смог собрать ни одну, и Смерть сказал: «Тогда тебе придется пойти со мной». И я увидел — клянусь, не вру! — долгую дорогу вверх по холму, среди деревьев, ведущую к симпатичному, уютному на вид большому старому зданию вроде лечебницы. «Я отведу тебя туда, — сказал Смерть. — Проверка показала, что твой мозг полностью выжжен, и тебе нужен отдых. Там, на вершине холма, ты сможешь отдыхать вечно». Помню свою невероятную радость и облегчение! Но в этот момент в комнату вошла жена — что-то ее подтолкнуло пойти меня проверить. Я опомнился и увидел, с кем говорю. И тогда пошел на поправку.

Вы скажете: ну, это уже чушь какая-то! Верно,

так и должно быть: ведь я пишу о том, что происходит в голове автора — а там, как всем известно, творится бардак, переходящий в хаос. Что же я хочу сказать? А вот что:

1) четверть века писания книг без сна и отдыха не принесли мне ни малейшей финансовой стабильности;

2) уверен, что мой новый роман «Помутнение» — лучший из всех, но все равно боюсь будущего;

3) однако не бросаю писать. Чтобы заставить меня бросить фантастику, нужно что-то посерьезнее — по одной простой причине. Я люблю писать. Сейчас работаю над вещью под названием «Напугать мертвых» — уже готово двести тысяч слов. Я не ожидаю финансовой стабильности. Не будет никакого великого прорыва, который ждет за углом. Однажды я снова попаду в больницу, дыша на ладан, но, разумеется, оттуда выберусь… и получу еще один счет на две тысячи баксов: плати или отправляйся за решетку! Иногда людьми движут иррациональные мотивы. «Почему бы вам не найти настоящую работу?» — спрашивают меня, обычно в шутку, но иногда и всерьез, а порой этот вопрос задаю себе я сам. Всегда буду в полушаге от большого

прорыва — и так его и не дождусь; всегда мне будет помогать агент (думаю, нужно назвать его по имени — это Скотт Мередит, работает со мной уже двадцать четыре года, и в 1973 году, когда родился мой сын Кристофер, он прислал в подарок невероятно красивый серебряный колокольчик). Должно быть, это вечные константы вселенной; меня здесь радует то, что, как прекрасно сказал в своей нобелевской речи Фолкнер, человек не сдается, сколько бы поражений ни ждало его на пути. И среди развалин человек будет строить планы и искать выход, и голос его будет слышен.

Именно это в последнее время происходит со мной: три попадания в больницу за пару лет (плюс пневмония), месяцы на мели… однажды, чтобы заплатить за квартиру, мне пришлось упаковать и продать полные подборки *Unknown* и *Unknown Worlds*, которые со мной огонь и воду прошли…

И ВСЕ ЖЕ:

Занимаясь этим делом — научной фантастикой, — я встречаюсь лично, говорю по телефону, переписываюсь с лучшими людьми на нашем чертовом шарике. Например, со школьниками. На прошлой неделе с чернокожей девушкой из Окленда. Сегодня с парнем из Западной Герма-

нии. Вчера писал шведу, который приехал в нашу страну прежде всего чтобы меня увидеть (понимаю, звучит нескромно, но было это в 1971 году, и с тех пор мы обмениваемся письмами; это Горан Бенгтсон; вы, возможно, встречали его письма в фэнзинах). Сейчас у меня рядом с пишущей машинкой высится здоровенная неряшливая стопка листов: знаете, что это? Это одна студентка принесла мне свой диплом.

Ах да. Еще одно письмо. Обратный адрес:

ОФИС ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА.

Теперь вы понимаете, о чем я. Сердце пропускает такт, а затем начинает гулко биться в груди, охваченное старым-старым страхом.

> «Дорогой Карл![37]
>
> Должно быть, ты уже получил те пять страниц, что я написал вчера. Я решил отправить статью еще и в Германию, Уве Антону, которому уже послал несколько отрывков из «Господа гнева», нового романа, написанного вдвоем с Роджером Желязны (Антон, видишь ли, подбирает материал для сборника). Сегодня доба-

---

[37] Примечания: 37

Карл Юджин Беннет — редактор фэнзина Scintillation (1975–1977).

вил к этим пяти страницам еще три, для печати только в Германии, а потом подумал: черт возьми, а почему бы и их не послать тебе? Может, захочешь их добавить к предыдущему? Объяснишь, что Фил, мол, рассчитывал только на немецких читателей… хотя вообще-то из текста это понятно. Тебе решать. Короче, вот еще три страницы к тексту без заглавия, который я тебе отправил первого мая, и смотри сам, что с ними делать. Хорошо? Я просто задним числом понял, что как-то трусливо будет отправить этот текст за границу, а здесь, в США, не печатать. Когда прочтешь, поймешь сам».

Здесь заканчивается часть, написанная для публикации в Соединенных Штатах; однако хочу добавить еще пару слов для своих немецких друзей[38].

В течение 1974 года противники тирании Никсона, напрягая все силы, бились за его смещение с должности — лишь для того, чтобы год спустя обнаружить, что под этим верхним слоем

---

[38] Примечания: 38
Весь последующий текст взят из публикации в США.

скрывается еще большее беззаконие, еще более страшная угроза свободе: аппарат тайной полиции, действующий с 1940-х годов, незримо и беспрепятственно нарушающий законы и права американских граждан. В сущности, к большому нашему изумлению, вышло на свет и стало явным нечто очень схожее с полицейским государством из моего романа «Пролейтесь, слезы». Я припоминаю сейчас, как в пятидесятых, примерно в 1953 году, двое агентов ФБР явились ко мне и предложили шпионить за собственной женой, которая в то время училась в университете Беркли и знала там политически активных студентов. С тех пор аппарат тайной полиции только вырос.

И все же блажен был 1974 год, когда мы начали рушить то, что тогда казалось нам тиранией… а разрушив, обнаружили за ней еще большую и худшую тиранию, неподвластную нашим усилиям. Американский народ утратил волю к борьбе: она длилась слишком долго, и мы устали. Я устал. Когда полились разоблачения ЦРУ и ФБР, поначалу я им не поверил. Да и что я мог сделать? Что тут вообще можно сделать? Ведь проблема не в одном каком-нибудь злодее-президенте, а во всех президентах, начиная с Франклина Рузвельта: даже наши герои, как Кеннеди, поддерживали

эту систему. Свобода одержала локальную победу в августе 1974 года, когда был смещен Никсон; но аппарат политической полиции остался на месте — и никуда не денется. По этому вопросу не проголосуешь. Сам я сдался, как, по словам наших газет, сдались большинство американцев, с чувством *бессилия*. Верно, согласно закону о свободе информации, я заставил ЦРУ признать, что они распечатывали и фотографировали мое письмо в Советский Союз, и получил из ФБР свое досье — по крайней мере, частично; чтобы получить остальное, пришлось бы идти в суд. Но в это время — быть может, по чистому совпадению — у меня и случился сердечный приступ. Словно сдалось и мое тело. Словно сказало: «Хватит! Все бесполезно». Так я пропустил тридцатидневный срок и теперь уже не вправе подать в суд. Может, оно и к лучшему. Наверное, мои дни борца за свободу позади: из-за возраста, из-за усталости, но прежде всего из-за открытия — наличия огромного аппарата тайной политической полиции, уже много лет существующего в нашей стране, и тех мерзостей, которые он творит (например, с доктором Кингом, которого я считаю героем).

Сам я в марте 1974-го был полностью убежден, что низложить Никсона решил лично Господь.

Немногие из моих друзей верят в Бога, и еще меньше — в то, что Он когда-либо вмешивался или может вмешиваться в земные дела. Я упомянул об этом в письме к Марселю Таону из французского издательства Робера Лаффона, а он написал в статье, сопровождавшей перевод моего романа «Глаз в небе»:

> On sait combien l'affaire Watergate a frappe qui a ete en butte par ailleurs a de nombreuses agressions voilees de l'administration Nixon. Comme le disait Klein a l'epoque, Dick propose que le decrochage systematique de l'ordre etabli – par la desobtissance civique par exemple – pent seul faire tehee au pouvoir. II pense par ailleurs que c'est Dieu qui un jour en a eu assez de Nixon et s'en est debarrasse – melangeant une fois de plus politique et religion.
>
> Мы знаем, насколько серьезным ударом стал Уотергейт для тех, кто, в дополнение к этому, терпел скрытые нападения никсоновской администрации. Ссылаясь на слова Клейна, Дик предполагает, что попытки систематического подрыва по-

зиций власти – например, при помощи гражданского неповиновения – только укрепят ее глубинную структуру. К этому он, вновь смешивая религию и политику, добавляет, что от Никсона Америку избавил лично Господь.

Я пишу об этом своим немецким друзьям, а не американским, поскольку американские друзья, как и я сам, слишком устали, чтобы продолжать борьбу или хотя бы за ней следить. Мы славно сражались и выиграли битву за отставку Никсона. Наши силы иссякли. Быть может — в это я верю всерьез, — наши силы исходили напрямую от Бога: Он вдохновлял и воодушевлял нас, Он вел нас в бой. Но что теперь? Мы, былые активисты, погрузились в многомесячное уныние. Сенатор Фрэнк Черч (благослови его Бог!) сказал по телевизору, что американские секретные службы в наше время ничем не лучше КГБ. *Ой вэй*!

Так что роман[39], который я пишу сейчас, не имеет никакого отношения к политике; он посвящен мистериальным религиям I века до н. э. и их открытиям в области восстановления способно-

---

[39] Примечания: 39
Не дописан. На его основе потом был создан «ВАЛИС».

стей, которыми обладал человек до грехопадения (о том, что человек когда-то владел «сверхъестественными способностями, впоследствии у нас отнятыми», писал Кальвин, и мне подумалось, что это хорошая отправная точка для романа). Политическим активизмом я больше не занимаюсь, и это теперь отразится и на книгах. Что поделаешь: старею, старею. С «нормальным» обществом я не примирился, однако я слишком слаб, слишком изможден болезнями и страхами и не готов больше заниматься ничем — разве что сводить концы с концами, изыскивать способы вовремя заплатить за воду, свет и газ. Быть может, в конце концов за мной придет не тайная полиция, а наш окружной прокурор, причем по самому что ни на есть неполитическому обвинению — в неуплате алиментов!

И все же… Надеюсь, Бог вернется и вновь нас вдохновит, *когда настанет час.* Втайне я жду этого дня. Долго ли еще ждать? *Wenn kommst du mein Heil… Ich komme dein Teil* («Когда придешь ты, мое спасение… приду и я, как часть твоя»). А пока что говорю себе: *Hab'Mut!* («Наберись мужества!»).

Всего за два дня я прочел две разные статьи: в Rolling Stone и редакторскую

колонку в The New Yorker от 17 мая 1976 года, столь ужасным образом подтверждающие страхи, которыми я поделился на последних трех страницах, что не могу не обратить на них твое внимание. А ты, надеюсь, привлечешь к ним внимание читателей. Статья в RS озаглавлена: «Связь между Хьюзом, Никсоном и Лански: тайные связи ЦРУ от Второй мировой до Уотергейта», автор Говард Кон. Почитай. Вкратце, в статье утверждается, как это ни невероятно, что, возможно, Никсона подставило ЦРУ, поскольку «Глубокая глотка», шпион, сливавший секреты Бобу Вудворду и Карлу Бернстайну из Washington Post, оказывается, не кто иной, как Роберт Беннет, фронтмэн ЦРУ… причем Вудворд и Бернстайн этого не поняли. Видимо, это ключевые элементы головоломки, которую Вудворд и Бернстайн так и не разгадали.

Карл, похоже, мы снова попались на фальшивку: разоблачение заговора само оказалось заговором. Материал Rolling Stone указывает на поистине страшные вещи: это куда серьезнее, чем то, что рас-

копали Вудворд и Бернстайн. Можно ли поверить, что весь «Уотергейт», как они его себе представляли, был отвлекающим маневром ЦРУ? Невероятно[40].

[40] Примечания: 40
Это письмо редактору *Scintillation*, приложено в качестве эпилога.

Странные воспоминания о смерти (1979)

Я проснулся сегодня утром[41] и ощутил, что в квартире по-октябрьски холодно, словно погода сверилась с календарем. Что снилось? Что-то пустое о женщине, которую я любил давным-давно. И проснулся я не в духе. Мысленно спросил себя: что не так? Вроде все так: от предстоящего месяца ничего дурного я не жду. И все же мне холодно.

И вдруг вспомнил: ох, черт! Да ведь сегодня выселяют Лизольщицу[42].

Лизольщицу никто не любит. Она сумасшедшая. Никогда не смотрит в лицо, никто не слышал от нее ни полслова. Порой мы встречаемся на лестнице: допустим, ты идешь вниз, а она вверх — и, увидав тебя, молча разворачивается, спускается на площадку ниже и вызывает лифт. А как от нее несет лизолом! Должно быть, в квартире у нее притаились какие-то сказочные чудища, от

---

[41] Примечания: 41

1 октября 1979 года.

[42] Примечания: 42

Лизол — популярная в США марка чистящего средства с резким запахом.

которых только им и можно спастись.

Однако — черт!.. — готовя себе кофе, я думаю: а может, новые владельцы выставили ее на рассвете, пока я спал? Пока грезил о женщине, которую любил, а она меня бросила? Или нет: разумеется, мне снилась чертова Лизольщица и представители властей, появившиеся у ее дверей в пять утра. Новые хозяева дома — это огромная риелторская фирма. Конечно, они явятся на рассвете.

Лизольщица заперлась у себя в квартире и знает: наступил октябрь, первое число, а значит, сегодня ее вместе со всеми пожитками выкинут на улицу. Может, хоть теперь заговорит? Я представляю, как она молча вжимается в стену. Хотя нет, все не так просто. Эл Ньюкам, менеджер по продажам из «Саут-Ориндж Инвестментс», сообщил мне, что Лизольщица ходила в Службу правовой помощи. Плохая новость: очевидно, с ней не так-то легко сладить. Чокнутая, да не совсем. Если удастся доказать, что она не понимала своего положения, департамент душевного здоровья округа Ориндж встанет на ее защиту и заявит, что «Саут-Ориндж Инвестментс» не имеют права выселять человека с ограниченными возможностями. Какого черта она пошла в Пра-

вовую помощь, как вообще до этого додумалась?

Время девять утра. Пожалуй, спущусь вниз, в отдел продаж, и спрошу у Эла Ньюкама, выселили они Лизольщицу или она все еще у себя, безмолвно прячется и ждет. Ее выселяют, потому что дом из пятидесяти шести квартир новые хозяева решили превратить в кондоминиум. Официальные извещения мы получили четыре месяца назад, и сейчас практически все уже выехали. «Саут-Ориндж Инвестментс» дала жильцам сто двадцать дней на то, чтобы съехать, и заплатила каждой семье 200 $ компенсации на переезд. Все по закону. А если хочешь купить свою квартиру, у тебя есть право преимущественного приобретения. Я свою покупаю. Я остаюсь. 52 000 $ — и живу себе спокойно, пока Лизольщицу выставляют за дверь: она ведь чокнутая и у нее нет 52 000 $. Может, зря я не переехал?

Внизу, в газетном автомате, беру сегодняшнюю *Los Angeles Times*. Девушка, стрелявшая на школьном дворе, «потому что ненавидит понедельники», признает себя виновной. Должно быть, дадут условно. Взяла револьвер и пошла стрелять в детей — не знала, чем еще заняться. Сегодня, кстати, ненавистный ей понедельник, и она в суде. Неужто нет предела безумию? Я снова

думаю о себе. Для начала сомневаюсь, что моя квартира стоит 52 000 $. Я остаюсь, потому что боюсь переезжать — боюсь перемен, боюсь всего нового, — да и просто лень. Или нет, скорее, мне нравится этот дом. Нравится, что друзья живут неподалеку, нравятся окрестные магазинчики — они стали почти родными. Я прожил здесь три с половиной года. У меня два кота — они любят наш закрытый дворик, где можно гулять, не опасаясь собак. Неужели меня за спиной называют Кошатником? Все выехали, остались Лизольщица и Кошатник.

Неприятная мысль: от сумасшедшей Лизольщицы меня отделяет только счет в банке. Деньги — официальный сертификат нормальности. Может, Лизольщица тоже боится переезжать? Тогда мы с ней похожи. Просто хочет остаться там, где провела уже несколько лет, и жить как раньше. Каждый день она спускается в подвал, к стиральным машинам, снова и снова стирает и сушит в барабане свои вещи. Там я ее и встречаю: вхожу — а она тут как тут, у машины, следит, чтобы кто-нибудь не стащил ее тряпки. Интересно, почему она не смотрит в лицо? Вечно отворачивается… Я чувствую в этом ненависть. Она ненавидит всех и каждого. И теперь представьте: те, кого

она ненавидит, вот-вот ворвутся к ней домой! Представляю, какой ужас она чувствует! Должно быть, сидит себя у себя в квартире, ожидая стука в дверь, смотрит на часы — и с каждой минутой кошмар все ближе.

К северу от нас, в Лос-Анджелесе, превращение многоквартирных домов в кондоминиумы запрещено городским советом. Там победили квартиросъемщики. Великая победа — но Лизольщице она не поможет. Мы в округе Ориндж. Здесь все решают деньги. Безнадежные бедняки живут к востоку от нас, в мексиканском квартале. Иной раз, когда охрана открывает ворота, чтобы пропустить машину, во двор к нам вбегают смуглые женщины с корзинами грязного белья и устремляются в подвал: пользуются нашими стиральными машинами — своих-то нет. Наши жильцы этого терпеть не могут. Когда у тебя есть хоть немного денег — достаточно, чтобы жить в современном доме, полностью электрифицированном и с охраной, — начинаешь на многое смотреть свысока.

И все-таки надо выяснить, выселили Лизольщицу или еще нет. В окно к ней заглядывать бесполезно, шторы всегда плотно задернуты. Так что я иду в офис продаж, навестить Эла. Однако

его там нет, и офис заперт. Тут я вспоминаю, что на выходные Эл должен был лететь в Сакраменто за какими-то важными документами, которые государство умудрилось потерять. Значит, еще не вернулся. Не будь Лизольщица сумасшедшей, я бы постучал в дверь, заговорил с ней и все разузнал бы. Но в этом суть ее трагедии: любой стук в дверь ее напугает. В этом состоит ее болезнь. Так что я стою у фонтанчика с питьевой водой, который устроили здесь новые владельцы, любуюсь цветами в ящиках, которые они поставили… а дом-то и вправду выглядит лучше! Раньше напоминал тюрьму, а теперь превратился в сад. Новые хозяева вложили кучу денег, все здесь обновили, покрасили, придали подъезду совершенно новый облик. Фонтанчик, цветы, раздвижные двери… и Лизольщица, что, забившись в свою нору, молчаливо ждет незваных гостей.

Может, приклеить ей на дверь записку? Например, такую:

> МАДАМ, Я СОЧУВСТВУЮ ВАШЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ И ХОТЕЛ БЫ ПОМОЧЬ. ЕСЛИ ВАМ НУЖНА МОЯ ПОМОЩЬ. Я ЖИВУ НАВЕРХУ, В КВАРТИРЕ С-1.

А как подписаться? «Такой же псих»? Такой же

псих, только с 52 000 $ в кармане: лишь поэтому я здесь нахожусь на законных правах, а она нет. С сегодняшней полуночи. Еще вчера ее квартира принадлежала ей так же, как мне моя.

К себе я возвращаюсь с мыслью написать женщине, которую когда-то любил, а нынче ночью видел во сне. В мозгу складываются всевозможные фразы. Одним письмом я сумею восстановить ее утраченную любовь — такова сила моего слова!

Что за чушь. Она ушла и не вернулась. Я даже не знаю, где она сейчас. Можно напрячь общих друзей, выяснить — а дальше?

> ЛЮБИМАЯ,
> КО МНЕ НАКОНЕЦ ВЕРНУЛСЯ РАССУДОК! Я ПОНЯЛ, СКОЛЬКИМ ОБЯЗАН ТЕБЕ. ЗА ТО НЕДОЛГОЕ ВРЕМЯ, ЧТО МЫ ПРОВЕЛИ ВМЕСТЕ, ТЫ СДЕЛАЛА ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КТО-ЛИБО ЕЩЕ ЗА ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ. ТЕПЕРЬ Я ВИЖУ, ЧТО СОВЕРШИЛ УЖАСНУЮ ОШИБКУ. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОУЖИНАЕМ СЕГОДНЯ ВМЕСТЕ?

Повторяю про себя эти гиперболы, и вдруг мне приходит в голову: вот будет кошмар — очень смешной кошмар, — если я напишу письмо, а

потом, по ошибке или сознательно, приклею его на дверь Лизольщице! Боже правый! Это либо ее убьет, либо исцелит. А моя потерянная любовь, моя *die ferne Geliebte*[43], тем временем получит такую записочку:

> МАДАМ,
> ВЫ СОВЕРШЕННО ТРЕХНУТАЯ, О ЧЕМ ИЗВЕСТНО ВСЕМ ВОКРУГ. ПРОБЛЕМУ ВЫ СОЗДАЛИ СЕБЕ САМИ. ВСТРЯХНИТЕСЬ, ВОЗЬМИТЕСЬ ЗА УМ, ОДОЛЖИТЕ ГДЕ-НИБУДЬ ДЕНЕГ, НАЙМИТЕ ХОРОШЕГО АДВОКАТА, КУПИТЕ РЕВОЛЬВЕР И ИДИТЕ С НИМ НА ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ЕСЛИ МОГУ ЧЕМ-ТО ВАМ ПОМОЧЬ – Я ЖИВУ В КВАРТИРЕ С-1.

А может, все беды Лизольщицы не стоят выеденного яйца; просто я слишком мрачно смотрю на мир, чувствуя приближение осени. Наверное, сегодня придет какое-нибудь приятное письмо. Вчера было воскресенье, почтальоны не работали, так что сегодня шанс вдвое выше. Придет письмо и меня подбодрит. В сущности, я ведь жалею себя: как и та девушка на школьном дворе,

---

[43] Примечания: 43
«Далекая возлюбленная» (*нем.*) — название песни Бетховена.

я ненавижу понедельники.

Бренда Спенсер призналась в причинении огнестрельных ранений одиннадцати людям, двое из которых умерли. Ей семнадцать, она невысокая и очень хорошенькая, ничем не отличается от тех, в кого стреляла. А вдруг у Лизольщицы тоже есть револьвер? Вообще-то об этом надо было подумать гораздо раньше. Может, поэтому офис Эла Ньюкама сегодня закрыт: он не в Сакраменто, а прячется? Или прячется в Сакраменто — два в одном.

Один замечательный психотерапевт, которого я когда-то знал, говорил: почти все случаи психотического криминального поведения связаны с тем, что больной не замечает более простого выхода. Например, кто мешал Бренде Спенсер пойти в магазин и купить коробку шоколадных конфет вместо того, чтобы подстрелить одиннадцать человек, по большей части детей? Но психотик выбирает самый сложный путь — крутой путь в гору. Неправда, что он идет по линии наименьшего сопротивления. Можно сказать, основа психоза, его ядро, заключается в неспособности увидеть простой выход. Из этой ошибки восприятия и исходит все поведение, составляющее психотическую активность и психотический

образ жизни.

Лизольщица, что сидит сейчас, одинокая и молчаливая, в своей пропахшей антисептиком квартире и ждет неизбежного стука в дверь, сама себя загнала в худшее положение из возможных. Что было легко, сделалось трудным; что было трудным, в конечном итоге становится невозможным; и там, где воцаряется невозможность, где исчезают любые, даже самые нелегкие выходы, психотической жизни приходит конец. Вот вторая половина определения психоза: в конце его всегда тупик. И там, в тупике, психотическая личность застывает. Если вы когда-нибудь это видели — зрелище поразительное. Человек просто выключается, как заглушенный мотор. Происходит это внезапно. Только что хаотично, суетливо двигался, поршни ходили туда-сюда, потом вдруг раз — и все. Дорога, по которой он шел, быть может, много лет, оборвалась. Наступила кинетическая смерть. «Место, которого нет, — так писал блаженный Августин. — Мы ходим взад и вперед, но нет нам места». А затем приходит пустота — и там, в пустоте, человек наконец находит свое место.

Такой ловушкой-тупиком стала для Лизольщицы ее квартира — точнее, уже не ее. «Саут-Ориндж

Инвестментс» лишили ее собственной могилы.

Не получается выбросить из головы, что моя судьба как-то связана с судьбой Лизольщицы. Нас разделяют только цифры в счете банка, то есть различие условное: оно реально лишь до тех пор, пока люди вроде «Саут-Ориндж Инвестментс» — особенно «Саут-Ориндж Инвестментс» — готовы признавать его реальным. Просто социальная условность, вроде обычая носить парные носки. Или, если хотите, это похоже на ценность золота. О ценности золота люди между собой договорились как в детской игре: «Пусть вон то дерево будет нашей третьей базой!». Что, если бы мой телевизор «работал», потому что мы с друзьями договорились считать, что он работает? Могли бы вечно сидеть перед пустым экраном. Глядя с такой точки зрения, можно сказать: проблема Лизольщицы в том, что она мыслит не в унисон с остальными, не достигла с ними консенсуса. Все прочие соблюдают некий неписаный договор, в котором Лизольщица не участвует. Не странно ли думать, что отказ участвовать в иррациональной ребяческой игре неизбежно ведет к кинетической смерти, к остановке организма?

Размышляя дальше, можно предположить, что в Лизольщице не нашлось достаточно детского.

Стихия, владеющая ею, — стихия угрюмой серьезности. Не случайно она не улыбается. Всегда смотрит в сторону и хмурится непонятно на что, другой ее никто не видел.

Или она играет в иную, угрюмую игру. Быть может, ее игра — это война: тогда сейчас, даже теряя все, она получает то, что хочет. По крайней мере, нынешняя ситуация ей понятна. В мир Лизольщицы вторглись враги — «Саут-Ориндж Инвестментс». Может, захватчицей чужой жилплощади ей быть приятнее, чем добропорядочной квартиросъемщицей? Может, все мы втайне желаем того, что с нами случается? Тогда, выходит, и психотик желает себе дороги, ведущей в тупик, и кинетической смерти? Для того и играет, чтобы проиграть?..

В тот день я не видел Эла Ньюкама, но назавтра он вернулся из Сакраменто и открыл офис.

— А женщина из Б-15 все еще здесь? — спросил я. — Или вы ее выселили?

— Миссис Арчер? — ответил Ньюкам. — Так она давно уже съехала! Управление жилищного хозяйства в Санта-Ане нашло ей жилье на Бристоле. — Он откинулся на спинку своего вертящегося кресла и скрестил ноги, как всегда, с безупречно отглаженными стрелками на брюках. — Она

пошла к ним еще недели две назад.

— Нашла дешевую квартиру? — спросил я.

— Да нет, договорилась, чтобы вообще не платить. Квартиру ей оплатит город. Заявила, что у нее непредвиденная трудная ситуация… В общем, как-то их уговорила.

— Господи! — сказал я. — Хотел бы я, чтобы кто-нибудь оплачивал мне квартиру!

— А вам и не нужно, — ответил Ньюкам. — Вы ее купили.

Филип К. Дик о философии. Короткое интервью с Франком Бертраном (1980, 1988)

ПРИМЕЧАНИЕ Франка Бертрана: Настоящее интервью было взято по почте в январе 1980 года. Предполагалось, что это будет начало долгого и подробного разговора об интересе Филипа К. Дика к философии и проявлении этого интереса в его рассказах и романах; однако проект был прерван, поскольку мы не смогли договориться о том, как продолжать, в переписке или по телефону. Тем не менее Филип К. Дик успел дать краткий, но информативный обзор своих философских интересов.

Франк Бертран: Я бы хотел начать со стандартного вопроса: как Вы определяете научную фантастику? Разумеется, я не жду от Вас «словарного» определения; скорее, по каким признакам, читая книгу, Вы определяете, что это научная фантастика.

Филип Киндред Дик: Научная фантастика представляет в форме вымышленных сюжетных историй эксцентричный взгляд на наш нормаль-

ный мир или же нормальный взгляд на мир, который не является нашим. Не все истории, в которых дело происходит в космосе или на других планетах, относятся к научной фантастике (это могут быть «космические вестерны»), а в некоторых научно-фантастических произведениях (о путешествиях во времени или об альтернативных мирах) действие может происходить в настоящем или в прошлом. Однако НФ не подражает реальному миру. Для НФ центральна идея. События вытекают из идеи, влияющей на живые существа и на общество. Эта идея всегда должна быть новой. Такова суть научной фантастики, даже плохой. Описываемые события согласуются с известными нам научными истинами — это отличает НФ от фэнтези. Хорошая НФ всегда рассказывает читателю что-то, чего он не знает о мире и его возможностях. И новое (новая идея), и обстановка (вымышленный мир) не списаны с реальности, а являются изобретением автора. В конечном счете НФ — это конкретизация абстрактной идеи: идею помещают в определенное время и место, что, в свою очередь, требует изобретения и продумывания этого времени и этого места. Герои совсем не обязательно отличаются от героев других книг: необычными должны быть

не они, а то, с чем им приходится иметь дело.

ФБ: Почему научная фантастика такова? Зачем ее пишут, зачем читают? Если бы фантастики никогда не было, стала бы литература лучше или хуже? Иначе говоря, какую функцию выполняет НФ в литературе для тех, кто ее читает и пишет?

ФКД: Человеческий мозг превыше всего прочего жаждет сенсорной и интеллектуальной стимуляции, а где еще найти стимуляцию без границ, как не в эксцентричном взгляде — эксцентричном взгляде и вымышленном мире? Фантастику пишут, потому что человеческое сознание от природы призвано творить; а где еще, как не в создании нового мира, можно дать полную волю творческому воображению? Так что НФ — высшее порождение человеческого ума и самая питательная его пища. Функция НФ состоит в том, чтобы психологически отрезать читателя от мира, где он обитает; она деконструирует время, пространство, саму реальность. Тем, кто читает фантастику, возможно, по каким-то причинам сложно приспособиться к миру: возможно, в своем восприятии и понимании они опережают окружающих, или отличаются избытком фантазии, или они просто невротики. Но в основе лежит наслаждение абстрактным мышлением.

Еще у них есть чувство волшебства науки: они воспринимают науку не как полезный в быту инструмент, а как неизведанные земли. У автора научной фантастики имеются в распоряжении идеи, никому еще не известные: его сознание всегда на шаг опережает уже написанные книги. Он — авангард научной фантастики, ее зонд, посланный в будущее. Большой разницы между чтением и сочинением научной фантастики нет. В обоих случаях главное — радость от новых идей.

ФБ: Не расскажете ли Вы, когда впервые заинтересовались философией? Может быть, интерес в Вас зародила какая-то конкретная книга или идея? Или определенный преподаватель?

ФКД: Впервые я заинтересовался философией в старших классах школы, когда однажды понял, что все пространство одного размера: различаются только его материальные границы. После этого ко мне пришло понимание (ту же мысль я позже встретил у Юма), что причинно-следственные связи находятся не во внешнем мире, а в сознании наблюдателя. В колледже нам задавали читать Платона; от него я узнал о возможном существовании метафизической реальности, превыше или за пределами чувственного мира. Я пришел к пониманию, что человеческий ум

в силах помыслить реальность, в которой эмпирический мир эпифеноменален. Наконец, я пришел к убеждению, что эмпирический мир в определенном смысле не вполне реален — по крайней мере, не так реален, как лежащая за ним сфера архетипов. Тогда я потерял веру в какую бы то ни было достоверность чувственного познания. С тех пор я подвергаю сомнению реальность мира, воспринимаемого органами чувств моих персонажей. Несколько десятилетий я оставался скептиком, но в конце концов пришел к акосмическому панентеизму.

ФБ: Как Вы удовлетворяли пробудившийся интерес к философии? С каких книг начали? Может быть, слушали какие-то курсы?

ФКД: Я очень рано бросил колледж и начал писать, так что философией занимался уже самостоятельно. Основными моими источниками стали не философы, а поэты: Йейтс, Вордсворт, английские поэты-метафизики XVII века, Гете, а также уже несомненные философы, такие, как Спиноза, Лейбниц и Плотин — последний оказал на меня огромное влияние. Довольно рано

я прочел Альфреда Норта Уайтхеда[44] и Бергсона и хорошо усвоил философию процесса. В Калифорнийском университете в Беркли слушал базовый обзорный курс по философии, но оттуда меня попросили уйти, когда я стал спрашивать о прагматическом значении платонизма. Всегда завораживали меня досократики, в особенности Пифагор, Парменид, Гераклит и Эмпедокл. Я и сейчас вижу Бога так же, как видел его Ксенофан. Постепенно мой интерес к философии перерос в интерес к теологии. Как и древние греки, я верю в парапсихизм[45]. Из всех метафизических систем в философии наиболее близка мне система Спинозы: в его речении *Deus sive substantia sive natura* («Бог, то есть реальность, то есть природа» — *лат.*) для меня заключено все. Много лет я флиртовал с двоебожием, но в конце концов успокоился на монотеизме: даже христианство и поздний иудаизм видятся мне в основе своей дуалистичными и потому неприемлемыми. Для меня истину впервые изрек (насколько нам из-

[44] Примечания: 44

Альфред Норт Уайтхед (1861–1947) — английский философ, математик, логик. Разработал собственный вариант платонизма.

[45] Примечания: 45

Так в оригинале, но, скорее всего, имеется в виду панпсихизм — или анимизм, представление об одушевленности природы.

вестно) Ксенофан из Колофона, иониец, когда сказал: «Бог един… и не подобен смертным телом или разумом. Всем собою он видит, всем собою мыслит, всем собою слышит. Всегда остается он неподвижно на одном месте, ибо не подобает ему двигаться туда-сюда. Но безо всяких усилий движет он всеми вещами силою своего разума». Мой интерес к Пифагору начался с «Оды» Вордсворта, а затем перешел в интерес к неоплатонизму и досократикам. Повлиял на меня и немецкий *Aufklarung*[46], особенно Шиллер и его идеи о свободе; у него я читал «Историю Тридцатилетней войны» и трилогию «Валленштейн». Повлияли на меня и взгляды Спинозы на демократию. Особо внимательно я изучал Тридцатилетнюю войну и связанные с ней темы, симпатизировал при этом протестантской стороне, особенно доблестным голландцам. В двадцать один год я написал статью о превосходстве американской системы сдержек и противовесов над всеми прочими системами правления как в наше время, так и в древности; рукопись статьи я послал губернатору Калифорнии Эрлу Уоррену и получил от него такой ответ: «Чрезвычайно приятно было получить

[46] Примечания: 46
Просвещение (*нем.*).

такую хвалебную оценку системе правления, на которую все мы трудимся и которой служим. Хотя, возможно, многие ощущают ее величие с той же глубиной чувства, что и Вы, но немногие способны так красноречиво его выразить. За годы службы отечеству я получил множество писем, но Ваше стоит и всегда будет стоять для меня особняком». Это было в 1952 году, тогда же, когда вышли мои первые рассказы.

II. Тексты о научной фантастике

Статьи, собранные в этом разделе, касаются прежде всего жанра научной фантастики, роли писателя-фантаста и размышлений о будущих возможностях науки.

«Пессимизм в научной фантастике» впервые опубликован в фэнзине *Oblique*[47] (№ 6, декабрь 1955, редактор Клиффорд Гулд).

«Усовершенствуют ли атомную бомбу, и если да, что станет с Робертом Хайнлайном?» впервые опубликована в фэнзине *Lighthouse* (№ 14, октябрь 1966, редактор Терри Карр[48]). В этой статье мы слышим голос Дика в самом неформальном его варианте: в фэнзине, среди фанатов НФ, он чувствует себя свободным, негодует и язвит. Не самая впечатляющая работа Дика, хотя

---

[47] Примечания: 47

Легендарный фэнзин, восемь номеров которого вышли в 1955 и 1956 годах. Кроме фэнов в нем печатались Деймон Найт, Роберт Силверберг, Роберт Блох и другие.

[48] Примечания: 48

Терри Карр (1937–1987) — американский писатель, редактор и составитель антологий, деятель фэндома. Друг Филипа Дика. Запустил серию Ace Science Fiction Specials и издал в ней «Левую руку тьмы» Урсулы Ле Гуин. Также выпускал серии культовых антологий Universe и Best of the Year.

и в ней звучат юмор и его мрачные прозрения, а также обращают на себя внимание замечания о сложных отношениях с матерью. Этот текст вызвал бурю в стакане воды: в следующий номер *Lighthouse* (№ 15, август 1967) какой-то фанат фантастики прислал письмо, в котором сурово осуждал Дика за грубость по отношению и к Хайнлайну, и к собственной матери, и высказывал предположение, что мозг Дика потерпел невосполнимый урон от употребления ЛСД-25. Стоит отметить, что никаких повреждений мозга у Дика не было, а свой опыт знакомства с ЛСД он в шестидесятые был склонен очень преувеличивать (это вещество он принимал всего пару раз и обнаружил, что эффект ЛСД его слишком пугает). В ответ на критику в следующем номере Дик разразился яростной речью и намекнул, что готов подать на фаната в суд за клевету; автор письма извинился, на том дело и закончилось, к явному облегчению обеих сторон. С матерью Дик так внутренне и не примирился, но что касается Хайнлайна, в дальнейшем значительно изменил свое к нему отношение. См. «Предисловие» Дика к сборнику *The Golden Man*, приведенное в этом же разделе.

«Симпозиум двух Биллов» — ответы Дика на

анкету, включенные в сборник *The Double: Bill Symposium (D: B Press*, 1969), в котором собраны ответы девяноста четырех профессиональных писателей-фантастов и редакторов. У сборника два редактора — Билл Малларди и Билл Бауэрс. Вопросы подготовил Ллойд Биггл-младший.

«Лунная табличка» впервые опубликована в антологии *Men on the Moon* (*Ace Books*, 1969) под редакцией Дональда Э. Уоллхейма, важной фигуры среди издателей Дика.

«Кто такой писатель-фантаст?» впервые опубликована в сокращенном виде в брошюре *Science Fiction: The Academic Awakening* (*College English Association*, 1974, приложение к журналу *The CEA Critic*), изданной Ассоциацией вузовских преподавателей английского языка и литературы (Шривпорт, Луизиана). Редактором стал доктор Уиллис Э. Макнелли, преподаватель английской литературы из Калифорнийского университета в Фуллертоне, с которым Дик поддерживал дружеские отношения. Здесь статья впервые опубликована полностью, по машинописному варианту: в печати она была обрезана примерно на треть.

«Переоценка эксперимента Майкельсона — Морли» впервые опубликована под названием

(предложенным редактором) «Ученые заявляют: мы — центр Вселенной» в НФ-журнале *New Worlds*[49] (№ 16, сентябрь 1979).

«Предисловие к роману «Доктор Бладмани» написано в 1979 году, впервые опубликовано в 1985 в переиздании романа издательством *Bluejay Books*[50].

«Предисловие к сборникуThe Golden Man» впервые опубликовано под названием (предложенным редактором) «Магазин «Счастливый пес» в журнале *Foundation*[51] (№ 17, сентябрь 1979). С небольшими изменениями переиздано в качестве послесловия к сборнику рассказов *The Golden Man* (1980) под редакцией Марка Херста. Примечания к рассказам в конце статьи затем вошли в пятитомник *Collected Stories of Philip K.*

---

[49] Примечания: 49

New Worlds — самый известный британский журнал фантастики. Основан Джоном Карнеллом в 1936 году. В 1964 году главным редактором стал Майкл Муркок, который превратил журнал в рупор авангардной «Новой Волны», публикуя рассказы Дж. Г. Балларда, Брайана Олдисса, Томаса М. Диша, Джона М. Харрисона, Роджера Желязны, Вернора Винджа, сэра Терри Пратчетта, Роберта Холдстока, Сэмюэля Дилейни и др.

[50] Примечания: 50

Первое издание текста — в качестве послесловия к немецкому переводу романа (как Nachtwort в книге Kinder des Holocaust, изд. Moewig, 1984).

[51] Примечания: 51

Foundation: The International Review of Science Fiction — британский журнал, посвященный критике и исследованию НФ. Издается с марта 1972 года. Авторы — профессиональные редакторы, писатели, критики,

что задает академический тон публикуемым материалам.

Dick (1987). Сама статья о творчестве Дика, не вошедшая в пятитомник, приводится здесь.

«Отзыв» — рецензия на книгу Патриции С. Уоррик *The Cybernetic Imagination in Science Fiction (The MIT Press*, 1980), публикуется впервые. Не вполне ясно, предназначал ли ее Дик для публикации. Важно отметить, что она вполне могла быть написана в минуту временной обиды: и до, и после написания этой статьи Дик и Уоррик поддерживали обширную переписку о философских и духовных материях, и в своих письмах Дик часто хвалит и благодарит Уоррик за поддержку и интересные мысли. Однако этот обзор заслуживает публикации, поскольку в нем мы видим адекватное отражение той глубокой подозрительности, даже враждебности, какую испытывал Дик к представителям литературного «мейнстрима», пытающимся, так сказать, усыновить научную фантастику, придать ей респектабельность и «значимость». В то же время, как признавался Дик в «Предисловии» к *The Golden Man*, недостаток внимания к его работам со стороны мейнстрима причинял ему нешуточную боль.

«Мое определение научной фантастики» впервые опубликовано в фэнзине *Just SF (*том 1,

№ 1, 1981) под редакцией Джона Бетанкура[52].

«Предсказания» впервые опубликованы в *The Book of Predictions* (*Morrow*, 1981) под редакцией Дэвида Валлечински.

«Создатели и разрушители вселенных» впервые опубликована в *SelecTV Guide* (15 февраля — 28 марта 1981) — журнале, который выпускался кабельной телесетью. Дик в качестве гонорара получил бесплатную годовую подписку на кабельное ТВ. Подробнее об отношении Дика к фильму «Бегущий по лезвию» (1982) см. в следующем разделе, во вступительных замечаниях к «Примечаниям к роману „Мечтают ли андроиды об электроовцах?"». «Создатели и разрушители» были переизданы в фэнзине *Radio Free PKD* (№ 1, февраль 1993), продолжателе фэнзина *PKDS Newsletter*, но уже под редакцией Грегори Ли.

«Примечание к рассказу „Вкус уаба"» написаны в 1980 году, впервые появились вместе с самим рассказом в *First Voyages* (*Avon,* 1981), антологии НФ-рассказов под редакцией Деймона Найта, Мартина Х. Гринберга и Джозефа Д.

---

[52] Примечания: 52

Был выпущен только один номер этого фэнзина. В дальнейшем Бетанкур редактировал ряд журналов — Amazing Stories, Weird Tales etc. Как писатель известен циклом фанфиков по «Хроникам Амбера» Роджера Желязны.

Оландера. Переизданы в *PKDS Newsletter* (№ 24, май 1990) и затем в *Radio Free PKD* (№ 3, октябрь 1993). В пятитомнике *Collected Stories of Philip K. Dick* эти примечания не переиздавались, поэтому приводим их здесь.

Пессимизм в научной фантастике (1955)

Научная фантастика размышляет о будущем человеческого общества; неудивительно, что повсеместная утрата веры в научный прогресс вызвала конвульсии и в мире НФ. Потеря веры в идею прогресса, в «светлое завтра», охватила сейчас всю нашу культурную среду: безрадостный тон нынешней научной фантастики — ее следствие, а не причина. Современный автор-фантаст, отражая чувство обреченности, делает то же, что любой ответственный автор: если писатель чувствует, что нынешнее бряцание оружием и барабанный бой ведут к войне, у него нет иного выбора, кроме как отражать это чувство в своих произведениях, — если, конечно, он не пишет исключительно ради выгоды: тогда он выражает не свои чувства, а лишь те, что приносят коммерческий успех.

Все ответственные писатели ныне в какой-то мере стали вестниками апокалипсиса, поскольку чувство обреченности разлито в воздухе; но особенно верно это для научных фантастов, ибо

научная фантастика всегда была носительницей протеста. В фантастике автор не просто склонен — обязан играть роль Кассандры, если, конечно, не думает, что в одно прекрасное утро мудрые марсиане ради нашего же блага стащат у нас все бомбы и прочее вооружение.

Разумеется, истории о гибели человечества быстро приедаются. Вариантов светлого, радостного, успешного будущего у нас множество, а плохой вариант лишь один: война. Напишешь один рассказ о гибели человечества в ядерной войне (Рэй Брэдбери его уже написал) — больше особо и добавить нечего. Поэтому ответственный автор фантастики скоро начинает повторяться: есть множество вещей, о которых он мог бы написать, но лишь одно ужасное будущее, в которое он по-настоящему верит. Все остальное — просто игра ума, воображения и оттачивание писательских навыков. Если писатель искренне верит, что человечество идет к самоистреблению, любые оптимистичные истории — сколь угодно хорошо написанные, сколь угодно увлекательные — превращаются в мусор. Однако природная надежда, заняв место законного оптимизма, побуждает нас массово предпочитать эти подделки. Что ж, они увлекают и развлекают не меньше, чем

детективы в тридцатых. Вопрос ведь не в том, что приятнее читать; об этом никто всерьез спорить не станет. В конце концов, упражнения в логике и фантазии и призваны быть приятными — а рассказы о всеобщей гибели призваны всего лишь привлекать внимание к реальности. Это занятие никогда не было популярным.

В каком-то смысле задача писателя-фантаста писать пессимистично, если он испытывает пессимизм, ухудшает наше общее положение. Поджарятся все одинаково, но лишь фантастам вменяется в обязанность об этом ныть. С другой стороны, ныть — или хотя бы думать о плохом — его работа. Наоборот, если от фантаста требуют «не думать о плохом», если уверяют, что писать о грядущей войне аморально — вот это зло, с которым стоит бороться.

Единственное законное возражение против историй о гибели человечества (кроме того, что они все одинаковы и что достаточно было написать одну) — то, что всегда велись войны, всегда человечеству угрожали опасности, и, возможно, нынешнее чувство обреченности нас обманывает. Это хороший аргумент, я сам начинаю ему верить. Рассказ о гибели человечества никогда не предлагает решения проблемы — только

снова и снова поднимает саму проблему. Но, допустим, мы признали существование проблемы (грядущей войны): быть может, фантастике стоит перейти к чему-то более реалистичному или, по крайней мере, более конструктивному — поискать способы хотя бы частичной защиты от этой угрозы? Как мы собираемся выжить? На что станет похож мир, в котором некоторые (или даже многие) выживут?

Чем снова и снова писать о ядерной войне, быть может, стоит принять ядерную войну как должное и идти дальше. Пусть разрушенный мир, покрытый слоем пепла, станет предварительным условием: посвятим ему первый абзац — и хватит, не будем растягивать эту картину на целый рассказ. А центральной темой или идеей произведения пусть станут попытки героев решить проблему выживания после войны.

В худшем случае можно предположить, что никто не выживет. Но это как снимать на камеру угольное хранилище ночью: ничего нет, и говорить не о чем. Вполне возможно, что выживут несколько десятков человек или больше, может быть, даже гораздо больше, тогда открывается много возможностей. Каким станет общество после ядерной войны? Разумеется, английского

варианта — «возвращение к природе», колония людей в шкурах борется за жизнь посреди ржавеющих машин, назначения которых никто не помнит, — хотелось бы избежать. Давайте предположим, что базовые технологии сохранились: ракетных атомоходов, может, и нет, но телефоны и двигатели внутреннего сгорания есть.

И все же я не могу всерьез верить, что от нашей культуры или материального достояния много сохранится через пятьдесят лет. Нынешнее общество стремительно разрушается; если его не взорвет война, оно проржавеет и сгниет. В лучшем, самом оптимистическом случае нас не ждет война и всеобщее уничтожение. Я оптимист, так что ожидаю локальных войн и лишь частичного культурного регресса. Брэдбери, на мой взгляд, слишком пессимистичен. Однако избегать темы войны и культурного регресса, как настаивают некоторые группы фантастов и редакторов фантастики, нереалистично и откровенно безответственно.

Эти розовые мечтания направлены лишь на увеличение продаж. Они не обманут никого из тех, кто читает газеты.

Усовершенствуют ли атомную бомбу, и если да, что станет с Робертом Хайнлайном? (1966)

Недавно я принял еще одну дозу ЛСД-25, и с тех пор меня не отпускают невеселые мысли. Поделюсь некоторыми из них так, как приходит на ум. Если решите, что все это ерунда, тем лучше. Если со всем согласитесь — тоже неплохо.

Истинные корни научной фантастики — в XVII веке, в историях о путешествиях по сказочным странам. Роман Жюля Верна о путешествии на Луну — научная фантастика не потому, что герои летят в ракете, а потому, *куда* они летят. И остался бы научной фантастикой, даже если бы их туда выпустили из рогатки.

Пророчества научной фантастики не сбываются почти никогда. «Уолдо» не в счет, он ничего не доказывает.

Из-за того что теперь мы отправляем ракеты на Марс и так далее, широкая публика наконец-то готова поверить, что в фантастике есть какой-то смысл. Над ней уже не смеются, но еще не читают.

Может, и не начнут: чтение для них — слишком сложное занятие. Зато мы знаем, что были правы. (Разумеется, мы всегда это знали. Но приятно получить подтверждение.)

На хорошей — повторяю, *хорошей* — фантастике денег не заработаешь. Возможно, это указывает на ее художественную ценность. Лоренцо Медичи, будь он сейчас жив, взял бы на содержание А. Э. Ван Вогта, а не Джона Апдайка.

Лучший фантастический роман, какой я когда-либо читал, — «Механическое пианино» Курта Воннегута, потому что он действительно об отношениях мужчины и женщины. В этом смысле книга в фантастике уникальная. «Дивный новый мир» только делает вид, что он об этом, а «1984» в этом отношении ужасен.

Если бы пришлось выбрать роман, способный заставить меня навеки бросить научную фантастику, я бы назвал «Бездну» Роберта Хайнлайна. Чистейший фашизм — и, что еще хуже, непривлекательно поданный. Фуууу.

Думаю, Хайнлайн нанес фантастике больше вреда, чем любой другой писатель — может быть,

за исключением Джорджа О. Смита[53]. В диалоги «Чужака в чужой земле» не поверишь, пока не прочтешь. Персонаж кричит: «Дайте малышке коробку сигар!», когда девушка говорит что-то правильное, но банальное. Интересно, какой был бы ответ на действительно яркое и ценное замечание? Он, наверное, разорвал бы книгу в клочья.

Однажды я прочел в *If*[54] потрясающий рассказ никому не известного автора по имени Роберт Гилберт. Там была поэзия, красота, любовь, совершенство. Я написал ему об этом. Он ответил, что сочинял рассказ под музыку Гарри Джеймса[55].

Я начал читать фантастику в 1941 году. Какой же я старый.

Есть точный — и единственный — признак, что

---

[53] Примечания: 53

Джордж Оливер Смит (1911–1981) — американский писатель-фантаст «Золотого века НФ». Друг Р. Э. Хайнлайна, А. Азимова. Издавался у Джона Кэмпбелла, пока не женился на его бывшей жене.

[54] Примечания: 54

If (1954–1972) — видный американский НФ-журнал, редактировавшийся Горацием Голдом. После автомобильной аварии, о которой далее в одном из эссе пишет Дик, Голд покидает кресло редактора, и с 1961 года им становится Фредерик Пол. Журнал был награжден премией «Хьюго» три раза подряд.

[55] Примечания: 55

Гарри Джеймс (1916–1983) — популярный американский трубач и дирижер биг-бенда.

ты стареешь. Когда научно-фантастические журналы, которые ты покупал новенькими в день выпуска и с тех пор хранишь у себя, желтеют и по цвету становятся неотличимы от коллекционных экземпляров, которые покупаешь сейчас у букинистов. Значит, они и вправду древность. И ты с ними.

Возможно ли, что Лавкрафт видел истину? Что те безбрежные пространства и неописуемое зло, о которых он рассказал, например, в «Странном случае Чарльза Декстера Уорда», существуют на самом деле? Представьте себе: принимаешь дозу ЛСД — и оказываешься в Салеме. От такого с ума сойдешь.

Религию не стоит тянуть в научную фантастику иначе как в качестве социальной реальности, как в «Мрак, сомкнись!»[56]. Бог как таковой, как персонаж, губит хорошую фантастическую историю: для моих книг это так же верно, как и для всех остальных. Вот почему я жалею о «Палмере Элдриче». Людям с мистической жилкой этот роман нравится. Мне нет. Лучше бы я его не писал: в нем вышло на волю слишком много страшных сил. Когда я его писал, то принимал некоторые

---

[56] Примечания: 56
Роман Фрица Лейбера.

препараты — и видел те кошмары, что описывал. Теперь уже нет. И слава Богу. *Agnus Dei qui tollis peccata mundi*[57].

Меня завораживает Аврам Дэвидсон[58] — имею в виду как человек. Помесь маленького мальчика с мудрым старцем, и искорки в глазах. Как будто он Санта-Клаус, что ушел в мир и стал красить бороду в черный цвет.

Пятнадцать центов дам любому, кто сможет вообразить Тони Бучера маленьким мальчиком. Очевидно, что Тони всегда был таким, как сейчас. Но еще труднее представить себе ту странную истину, что когда-то Тони Бучера вовсе не было. Нет, такое просто невозможно! Всегда был Тони Бучер: если не он сам, то кто-то очень на него похожий.

Я написал и продал двадцать три романа, и все никуда не годятся, кроме одного. Только не знаю какого.

Проживи Бетховен еще год, он вошел бы в четвертую фазу развития своего таланта. На что это

---

[57] Примечания: 57

«Агнец божий, ты, грех мира на себя принявший, помилуй нас» (*лат.*) — финал католической мессы.

[58] Примечания: 58

Аврам Дэвидсон (1923–1993) — американский писатель-фантаст, лауреат премий «Хьюго», «Локус», Всемирной премии фэнтези. Дик в середине 1960-х годов встречался с его бывшей женой Гранией Дэвис.

было бы похоже — можно представить, слушая его последнее произведение, альтернативное окончание тринадцатого квартета. Но мы не можем представить, что было бы дальше, доживи он до старости. Предположим, он, как Верди, как Гайдн, и в восемьдесят с лишним продолжал бы творить. Под ЛСД я слышал музыку Бетховена из седьмого или восьмого периода: струнные квартеты с хором и четырьмя солистами.

Из всей фантастики, которую я читал, один рассказ для меня особенно важен: это *Alas, All Thinking* Гарри Бейтса[59]. Начало и конец научной фантастики, ставшей высокой литературой. Увы.

Все пятнадцать лет, пока я пишу фантастику, я ни разу не видел своего агента и даже не говорил с ним по телефону. Интересно, что он за человек? Порой я спрашиваю себя, существует ли он. Набираю номер, и секретарша отвечает: «Мистера Мередита[60] сейчас нет на месте, могу соединить вас с мистером Рибом Фримблом…» — или еще

---

[59] Примечания: 59

Гарри Бейтс (1900–1981) — американский писатель-фантаст, редактор. Запустил НФ-журнал Astounding и был его первым редактором до 1933 года.

[60] Примечания: 60

Скотт Мередит (1923–1993) — американский литературный агент, основал в 1946 году Scott Meredith Literary Agency. Среди его клиентов были Норман Мейлер, П. Г. Вудхаус, Дж. Г. Баллард. Артур Ч. Кларк.

какая-нибудь невероятная фамилия. Может быть, в следующий раз стоит попросить к телефону не мистера Мередита, а мистера Фримбла? И она ответит: «Сэр, мистера Фримбла сейчас нет, могу соединить вас с мистером Мертвецом…» Такие дела.

Если я пойму, что такое галлюцинация, пойму и что такое реальность. Я тщательно изучил этот вопрос и пришел к выводу, что галлюцинации невозможны, они противоречат разуму и здравому смыслу. Те, кто утверждает, что их видел, возможно, лгут. (Я и сам пару раз их видел.)

Время от времени кто-нибудь из соседей — из тех, у кого хватает средств завести лужайку и дальше беспрерывно ее подстригать, — спрашивает, зачем я пишу фантастику. Никогда не знаю, что ответить. Есть еще несколько постоянных вопросов, на которые я так и не придумал ответы. Вот они:

1. Откуда вы берете сюжеты?
2. Вставляете ли в книги своих знакомых?
3. Почему вы не продаете рассказы в Playboy? Ведь все остальные продают. Говорят, там чертовски много платят!

4. Научная фантастика… это разве не для детей?

Давайте покажу, что я имею в виду, когда говорю, что ответов у меня нет. Вот что я обычно говорю на это:

Ответ на № 1: Сюжеты… м-да, сюжеты. Ну, знаете, их можно найти почти повсюду. Сюжетов-то множество. Скажем, разговариваем мы с вами, и тут мне приходит в голову идея сюжета. Мутант-гуманоид с суперинтеллектом вынужден скрываться, потому что люди толпы не понимают его самого и его высших целей – и так далее.

Ответ на № 2: Нет.

Ответ на № 3: Не знаю. Наверное, потому что я неудачник. Какая тут еще может быть причина? Кстати, неделикатно о таком спрашивать.

Ответ на № 4: Нет, научная фантастика не для детей. Хотя, может быть, и для них тоже. Не знаю, кто ее читает. У нас примерно 150 тысяч читателей, это не слишком много. И даже если фантастика привлекает детей, что с того?

Сами видите, ответы никуда не годятся. И раз за пятнадцать лет я не сумел придумать ничего получше, должно быть, и никогда не придумаю.

Сегодня в новостях по ТВ рассказали о том, как девяностооднолетний мужчина женился на девяностодвухлетней женщине. От такого слезы наворачиваются на глаза. Что готовит им жизнь? Каждый вечер они ложатся спать — и сколько шансов, что оба проснутся наутро? Эти маленькие, тихие, незаметные существа куда драгоценнее и значительнее для мира, чем способен понять Роберт Хайнлайн.

Одиночество — великое проклятие, висящее над писателем. Было время, когда я написал подряд двенадцать романов и четырнадцать рассказов — все от одиночества. Это заменяло мне общение. Наконец одиночество стало так велико, что я и писать бросил; оставил тогдашнюю жену и тогдашних детей и отправился в великое путешествие. Путь мой окончился тусовкой фэндома округа Залива, и на некоторое время одиночеству пришел конец. Но однажды поздно ночью оно вернулось. Теперь я знаю: от него не уйти. Это плата за двадцать три романа и сотню рассказов. Никто не виноват. Просто так устроена жизнь.

Мать присылает мне журнальные и газетные

вырезки о том, что успокоительные, которые я принимаю, наносят необратимый ущерб мозгу. Так проявляет свою материнскую любовь. Мило, правда?

Под ЛСД я видел яркие цвета, особенно алые и розовые: сияют они, как Сам Бог. Может быть, это и есть Бог? Он есть цвет? Что ж, на этот раз мне не пришлось умирать, попадать в ад, мучиться там, а потом смертью Христа на кресте обретать вечное спасение. Как я сказал Дж. Дж. Ньюкому[61], когда был чист от веществ: «Не возражаю после смерти снова пройти Страшный Суд, но надеюсь, что долго он не продлится». Под ЛСД можно провести 1,96, а может, и 2,08 вечности.

За пятнадцать лет профессиональной работы я не начал писать ни на йоту лучше. Первый мой рассказ, «Рууг», ничем не хуже — а может, и лучше — тех пяти, что я написал в прошлом месяце. Странно — ведь за эти годы я много узнал о писательском ремесле… да и знания жизни у меня прибавилось. Быть может, каждому дается ограниченное число оригинальных идей: используешь их все — и баста. Тебе, как старому бейсболисту, на поле больше делать нечего. Впро-

---

[61] Примечания: 61
Джек Ньюком — друг Филипа Дика.

чем, в пользу моих книг скажу одно — надеюсь, это правда: я оригинален (когда не копирую сам себя). Больше не пишу «как Сирил Корнблат» или «как А. Э. Ван Вогт». Но и не могу больше валить на них свои ошибки.

Один английский издатель попросил меня написать рекламный отзыв к сборнику рассказов. В нашей стране отзывы обычно пишет кто-то другой, и чаще всего тот, кто книгу не читал. Может, стоило бы начать так: «Серые скучные истории…» Хотя, наверное, лучше не надо.

На этом закончу свои мысли.

Симпозиум двух Биллов. Ответы на анкету «Вопросник для профессиональных авторов и редакторов фантастики» (1969)

Вопрос 1: По какой причине или причинам Вы предпочитаете научную фантастику другим разновидностям литературы?

Ее читатели не опутаны предрассудками среднего класса и готовы прислушиваться к подлинно новым идеям. В фантастике меньше внимания к голому стилю, больше к содержанию — как и должно быть. Фантастика — мужской жанр, так что в нем не требуется обязательный хеппи-энд, в отличие от жанров прозы, в которых преобладают женщины. Это одна из немногих ветвей серьезной художественной литературы, в которой большую роль играет юмор (и это делает фантастику, как пьесы Шекспира, более полной). Будучи одним из старейших прозаических жанров, известных западному читателю, фантастика заключает в себе некоторые самые древние, возвышенные и смелые мечты, идеи,

порывы, на которые способен мыслящий человек. В сущности, это самый широкий жанр, допускающий огромный диапазон самых дерзких экспериментов. Никакие идеи нельзя исключить из фантастики — ей принадлежит все.

Вопрос 2: Что Вы считаете raison d'être[62], *главной ценностью научной фантастики?*

Предлагать в художественной форме новые идеи, слишком сложные или слишком расплывчатые для того, чтобы говорить о них как о научных фактах (например, псионику). А также идеи, которые не являются научными фактами и никогда ими не будут, но интересны как предположения — иными словами, *возможные* или альтернативные научные системы. Мировоззрения, в которые мы не можем «верить», но которые нас интересуют (как, например, интересует средневековое мировоззрение, хотя мы просто не можем больше принимать его за «истину»). Таким образом, помимо того мировоззрения, которого мы придерживаемся в жизни, фантастика предлагает нам множество разных «что, если»; размышления об этих возможностях придают гибкость нашему уму; мы приобретаем

---

[62] Примечания: 62
Смысл существования (*фр.*).

способность смотреть на иные точки зрения как на равные нашим.

Вопрос 3: Как Вы оцениваете взаимоотношения между фантастикой и «большой» литературой?

Научной фантастике не хватает глубины исследования человеческих взаимоотношений — в этом ее недостаток; на чисто интеллектуальном уровне в ней больше концептуальных идей как таковых, и в этом отношении она выше мейнстримовой или реалистической литературы. Кроме того, ей нет необходимости уделять такое внимание стилю, и она может сосредоточиться на содержании. Однако фантастика (кроме Брэдбери) пишется для молодых, более оптимистичных людей, которых жизнь еще по-настоящему не потрепала; а реалистическая литература адресуется — и правильно! — к тем, кто уже знает вкус поражений, с кого облетел первый цвет молодости… поэтому, увы, реалистичная литература более зрела.

Вопрос 4: По Вашему мнению, участие в фэндоме, фэнзинах и конвентах может принести начинающему писателю пользу или вред?

Пользу, хоть и довольно скромную. Это полезно, пока фанаты позволяют писателю говорить,

а не пытаются давать ему указания. Задача писателя — говорить; он не должен превращаться в слушателя. Однако идеи для научной фантастики не стоит искать ни в фэндоме, ни у других писателей и так далее; идеи берутся — по крайней мере, должны браться — из большого мира, особенно с самых дальних его берегов. Отовсюду, только не из научно-фантастического фэндома.

Вопрос 5: Какой источник или источники Вы порекомендуете начинающим писателям? Из каких книг лучше всего черпать идеи для научной фантастики?

Журналы, посвященные новейшим исследованиям в области клинической психологии, особенно работы европейской школы экзистенциального анализа. К. Г. Юнг. Восточные писания дзен-буддизма, даосизма и т. п. По-настоящему авторитетные — в сравнении с популярными книжками — исторические работы (например, *The Brutal Friendship*[63]). Работы по Средневековью, особенно по ремеслам, например, о стеклодувах, а также по средневековой науке, алхимии, религии и т. п. Греческая философия.

[63] Примечания: 63

F. W. Deakin, The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler, and the Fall of Italian Fascism (Harper and Row, 1962).

Вся древнеримская литература. Персидские религиозные тексты. Трактаты эпохи Ренессанса по теории искусства. Немецкая драматургия романтического периода.

Вопрос 6: Считаете ли Вы, что начинающему писателю-фантасту следует сосредоточиться на рассказах, а не на больших формах, или наоборот? Почему?

Сначала рассказы, чтобы отточить мастерство: это более легкая форма. Затем очень постепенно, не торопясь, переходить к более крупным формам — до двадцати пяти тысяч слов. И наконец, попробовать силы в полноразмерном романе (примерно шестьдесят тысяч слов), за структурный образец взяв романы какого-либо автора, которым вы восхищаетесь. Я, например, первые свои романы писал, ориентируясь на А. Э. Ван Вогта. Потом, когда стал более уверен в себе, от этого отошел. Конечно, за образец надо брать автора, которому хорошо удается именно романная форма (к примеру, Брэдбери не подойдет).

Вопрос 7: Какие советы Вы дали бы начинающему писателю по созданию «реалистических» характеров и написанию живых диалогов?

Читайте современную «реалистическую»

прозу, особенно рассказы Олгрена, Стайрона, Херба Голда, так называемых писателей «новой школы». А также левых писателей первого ряда 30-х годов — Дос Пассоса, Ричарда Райта и так далее. Начиная с Драйзера и Готорна — старайтесь придерживаться американских писателей, поскольку именно они (включая, разумеется, Хэмингуэя и Гертруду Стайн) развивали реалистичный диалог. Сюжет и характеристики персонажей попробуйте посмотреть у французских реалистов, например, у Флобера. И в любом случае внимательнейшим образом изучайте Джеймса Джойса — всего, от ранних рассказов до «Поминок».

Вопрос 8: Считаете ли Вы, что хорошая книга должна содержать в себе посыл или мораль? Прокомментируйте это.

Ни в коем случае! Идея, что в книге обязательно должны быть посыл или мораль, — буржуазная концепция. Во времена аристократии все понимали, что искусство не обязано ни поучать, ни делать лучше: оно достигает своей цели, если просто развлекает. На развлечение не стоит смотреть свысока. Струнные квартеты Моцарта ничему нас не учат. А покажите мне мораль и назидание, например, у позднего Бетховена! Му-

зыка чиста; такой же может быть и литература; она становится чище, когда отказывается от претензии чему-то научить читателей или сделать их лучше. Писатель в моральном отношении ничем не лучше своих читателей — часто даже хуже. Какой морали он может их научить? Пусть предлагает то, что у него есть, — идеи.

Вопрос 9: Как Вы полагаете, до какой степени возможно понять из творчества писателя его собственные взгляды на религиозные, политические, этические проблемы?

Если он хорошо пишет — невозможно. Только плохой писатель вставляет в роман свое личное мнение. Верно, даже желая чему-то «научить», возможно написать хорошее произведение. Но сейчас я таких произведений не припоминаю (взять, например, Рэя Брэдбери. Читая его книги, невозможно понять, что думает обо всем этом он сам: автор исчезает полностью. Так и должно быть.) Одна из величайших ошибок литературной критики состоит в том, что из произведений автора будто бы можно извлечь его личные взгляды: Фрейд, например, повторяет эту грубую ошибку раз за разом. Успешный писатель способен принять любую точку зрения, необходимую для действия его героев: способностью осво-

бодить свою работу от личных предрассудков измеряется его мастерство.

Вопрос 10: Какой автор более всех повлиял на Вас в годы вашего становления? Были ли другие влиятельные факторы — среда, образование и т. п.?

Больше всех повлиял Ван Вогт. И Тони Бучер (не собственной прозой, а критикой). Еще интерес к японским романистам из Французского отделения Университета Токио, писавшим после Второй мировой войны. Также интерес к глубинной психологии и веществам, расширяющим сознание. И к «потоку сознания», как у Джеймса Джойса. А еще — но это я бы не рекомендовал начинающим писателям — собственные «нервные срывы», которые я пережил в девятнадцать, двадцать четыре и тридцать три года. Такого рода страдания сильно проясняют твое мировоззрение, но за счет комфорта: это может сделать тебя лучше как писателя, но слишком дорогой ценой.

Вопрос 11: Что Вы считаете величайшей слабостью современной научной фантастики?

Неспособность исследовать тонкие и сложные отношения между полами. Мужчины в отношениях с женщинами загоняют себя в самые

чудовищные ловушки, но научная фантастика игнорирует эту фундаментальную сторону взрослой жизни — или же с ней не справляется. Поэтому она остается литературой для людей незрелых и привлекает в основном подростков и молодежь. Если бы фантастика исследовала отношения мужчины и женщины, то не теряла бы читателей, едва они повзрослеют. Фантастике придется этому научиться, или она всегда будет отставать, как сейчас. Единственное исключение — роман «Механическое пианино»; я советую каждому фанату научной фантастики и в особенности каждому начинающему писателю снова и снова изучать во всех подробностях эту великолепную книгу, в которой на первом плане находятся отношения главного героя и его жены.

Лунная табличка (1969)

Проблемы здесь, на Земле, ни в коем случае не должны отнимать у полета «Аполлон-11» его славу. В XVII–XVIII веках схожие проблемы — бедность, отсутствие возможностей, даже голод — привели к колонизации Нового Света. Самые тяжкие общественные беды порой становятся стимулом к исследованию: человек неустанно ищет выход, стучится в любую дверь в надежде обрести дорогу, которая выведет его к чему-то иному и новому. Необходимо признать: полет на Луну стал — и навеки останется — факелом, освещающим безграничные возможности человека, его способность делать то, чего никто и никогда прежде не делал. Помня об этом, нам стоит оптимистичнее смотреть и на то, что мы можем сделать здесь, на Земле; это свидетельство нашей силы и упорства, а не того, что мы позабыли о земных целях. Кроме того, очень важно, что мы отправили на Луну человека: исследование соприродно человеку, это фактически инстинкт — или, по крайней мере, мощная внутренняя си-

ла, которую невозможно отрицать. Полет на Луну был неизбежен и открыл нам новое измерение в нас самих.

Кто такой писатель-фантаст? (1974)

Радость, с которой писатели-фантасты встречаются друг с другом лично, будь то на лекциях, конференциях или конвентах, указывает, что между ними, новичками и «старичками», есть нечто общее. Даже если идеи и мнения в произведениях двух фантастов друг с другом враждуют, между ними самими возникает мгновенное взаимопонимание. Казалось бы, противоположные темы и взгляды в книгах должны создавать барьер при встрече. Однако никакого барьера нет, и в группе писателей-фантастов тебя охватывает чувство воссоединения семьи или встречи старых друзей после долгой разлуки — словом, общения людей с одинаковым базовым взглядом на мир или хотя бы одинаковой структурой личности. Почти всегда это общение характеризуется взаимным уважением — не только к работе друг друга, но и друг к другу как к личностям. Мы связаны так, как связаны члены когда-то тесно спаянного народа, ныне рассеянного по свету и дорожащего каждой встречей. Ни в одной другой

человеческой группе я такого не встречал: в нас есть нечто особенное — и эта особость связывает нас, а не разъединяет, как, например, так называемых «нью-йоркских литераторов» с их хронической завистью, ревностью и желчностью друг к другу. Насколько мне известно, такое товарищество, такое взаимопонимание среди людей искусства — явление уникальное; и, думается, оно что-то значит, что-то сообщает о нас.

Встречая нового автора, едва начавшего печататься, мы не чувствуем, что он угрожает нам или что-то у нас отнимает; странно сказать, но мы счастливы — и говорим ему об этом, и подбадриваем, одним словом, принимаем с распростертыми объятиями. Возможно, связано это вот с чем: само то, что он выбрал фантастику, а не какой-нибудь другой жанр — и вообще не какую-то другую профессию, — уже кое-что говорит о нем. Вот то, что позволяет нам сразу принимать решение в пользу любого новичка в наших рядах: он точно пришел сюда не за материальной выгодой. Фантастикой много денег не заработаешь: все мои доходы — от книг, и средний школьный учитель (или подставьте любую другую малооплачиваемую профессию) получает почти вдвое больше меня. Так что нам ясно, с чего начинать;

видя свежее лицо молодого автора, я сразу понимаю, каких мотивов у него нет: он ускользнул из лап одного из величайших пороков, алчности (а также тщеславия и гордыни, ибо славы и престижа он здесь тоже не добьется). Встречая новичка, я исхожу из того, что он действительно любит научную фантастику и ради нее готов на жертвы — иначе отправился бы на пастбища позеленее.

А какую положительную мотивацию, какой тип личности я предполагаю, например, в Джордже Эффинджере[64], новом авторе, с которым впервые встретился в августе прошлого года? «Я знаю, что у тебя в голове!» — вот что я думаю, знакомясь с автором, едва опубликовавшим свой первый рассказ. Знаю: ты не хочешь славы, власти, состояния, первого места в списках бестселлеров — и тем не менее жаждешь писать фантастику, возможно, не можешь не писать. Один фантаст сказал мне как-то: «Я бы писал, даже если бы за это вообще не платили». Тщеславное желание увидеть на обложке свою фамилию? Нет, просто понимание, что ты сам это выбрал: в фантастику не толкнули тебя амбициозные

[64] Примечания: 64

Джордж Алек Эффинджер (1947–2002) — американский писатель-фантаст, лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла». На русский язык переводилась его киберпанк-трилогия «Когда под ногами бездна».

родители, желающие, чтобы сын «чего-то добился» — стал доктором, или адвокатом, или подставьте любую другую славную, респектабельную, щедро оплачиваемую профессию. Он пришел сюда сам. Невозможно представить, чтобы мать сказала: «Надеюсь, мой сын, когда вырастет, станет писать фантастику!» Писателем-фантастом — и «старичком» вроде меня (двадцать два года в профессии), и новичком, едва продавшим первый рассказ, — движет внутреннее убеждение в *ценности* научной фантастики. Не обязательно вера, что он сам напишет Великий Американский Научно-Фантастический Роман и обессмертит свое имя: наши молодые авторы скромны, робки и непритязательны. Но само это дело для него важно и значительно. И он не видел бы этой ценности, если бы не читал книги других авторов, своих предшественников, и не обладал бы каким-то пониманием или ощущением того, что есть фантастика и чем она может быть.

Если он начнет писать и продаваться, на него будут смотреть свысока; люди станут спрашивать: «Ну а что-нибудь *серьезное* вы пишете?» — и этим показывать, что не разделяют таинственного убеждения в значимости научной фантастики. Он рискует скорее утратить статус, чем приоб-

рести. Не среди коллег, разумеется, а среди тех, кто научную фантастику представляет себе по малобюджетным фильмам типа «Гигантские анчоусы пожирают Нью-Йорк». Он-то понимает, что это никакая не фантастика. Даже если сам он не обладает могучим талантом — не беда: фантастика — общее дело, оно строится слой за слоем, год за годом, всегда с оглядкой на тех, кто пришел раньше тебя. Если только ты не пишешь вестерны, тебе не удастся продать одну и ту же историю дважды, поменяв лишь название и имена героев. И читатель фантастики, при всех исключениях, прежде всего настаивает на одном: новые рассказы и романы не должны дублировать того, что уже было, и горе новичку, что не изучил классиков НФ начиная с 1930 года; прежде чем начать писать сам, он должен впитать их всех — и, как правило, так и делает. А потом — как я в 1951 году, когда опубликовал свой первый рассказ, — добавляет новый камень, новый кирпичик к грандиозному зданию, возведенному поколениями до него, находящемуся в общественной собственности всех читателей и писателей фантастики. В этом смысле фантастика должна быть авангардным жанром. Так и есть. И мне кажется, что главный мотив у многих из

нас — у меня так точно — в том, чтобы положить свой камешек в эту огромную мозаику, чьи конечные очертания никому еще не видны. Можно сказать, писатель-фантаст появляется на свет, когда читает книгу другого фантаста, а потом говорит: «А дальше могло быть вот что…» — имея в виду, что эта книга, эта история, эта тема должна быть продолжена. Хайнлайн пишет то, что сам называет «историей будущего»; такова большая часть фантастики. И может быть, важнейший мотив для писателя-фантаста — желание «творить» историю, вкладывать в нее свой взгляд, свое восприятие того, «что было дальше» — после того, как умолкли предыдущие авторы. Как будто между нами — авторами, фанатами, редакторами — идет бесконечная беседа. Началась она очень давно (думаю, около 1900 года), к ней присоединялись новые голоса; большие лягушки в маленьком пруду и лягушки поменьше — все квакают одну возвышенную песнь, ибо каждый из нас ощущает *непрерывность* и возможность, право, моральную необходимость внести свой вклад в растущую «историю будущего».

Я вижу, как старшеклассники переходят от жадного чтения фантастики к робким попыткам писать, затем продают свои первые рассказы…

дальше, быть может, они исчезнут или станут одними из многих, или кто-то из них сделается Тедом Старджоном, уникальным и мощным голосом в нашем хоре… но движет ими одно: желание сформулировать и выразить на бумаге нечто новое. «Об этом никто еще не думал!» — говорит фантаст, когда приходит идея; но это не просто единичная идея, зародившаяся у него в голове — это его вклад в огромный и все растущий корпус идей. В точных науках, когда экспериментальное исследование открывает какой-либо неизвестный прежде закон или принцип, исследователь понимает, что должен опубликовать результаты; зачем вообще открывать новые законы природы, если никому об этом не рассказывать? В этом родство между настоящим ученым и писателем-фантастом: раз уж он открыл что-то новое, его обязанность — моральная обязанность — опубликовать это на бумаге. И неважно, сделает ли публикация его богатым или бессмертным — дело вообще не в этом. Просто бессмысленно, например, выяснить в стерильных лабораторных условиях, что подопытные мыши, которых кормят одной консервированной макрелью, живут вдвое дольше контрольной группы — и сохранить эту новость в секрете. Мне кажется, мы в

нашем деле движимы тем же мощным мотивом, что и настоящие ученые-исследователи: желанием познакомить людей с чем-то таким, чего они прежде не замечали. Все прочие факторы — необходимость зарабатывать на жизнь, желание впечатлить людей или стать «бессмертным» — здесь вторичны: приятные бонусы, не более того.

Быть может, в писателе-фантасте (здесь приведу в пример себя) мы видим повзрослевшего мальчика, который в детстве мечтал стать ученым (как я палеонтологом). Но наука не оставляет места для фактора, важнейшего для нас: полета фантазии. Например, антрополог находит в Африке череп гуманоида, которому почти три миллиона лет. Осматривает его, подвергает разным исследованиям, а потом в статье в *Nature* или в *Scientific American* рассказывает, что обнаружил. Но я представляю, как вместе с Лики обнаруживаю этот невероятно древний человеческий череп — ему 2,8 миллиона лет, а объем мозга всего 800 см 3, — и при мысли об этом в голову лезут самые безумные фантазии, которые я *не могу доказать*. Если X, то Y. Если череп подлинный и принадлежит человеку, значит, три миллиона лет назад на земле жили люди. Но дальше я готов вообразить себе их культуру и увидеть, словно

в управляемом сне, на что мог быть похож их мир. Я имею в виду не рацион, прямохождение, скорость бега и прочее; это законная область естественных наук. Нет, череп рассказывает мне о том, что, пожалуй, следует назвать «вымыслом». Возможно, он готов поведать целую историю. Ключевое слово здесь «возможно»: из того времени до нас не дошло никаких предметов, мы просто не знаем, что там было, — и все же я вижу больше, чем держу в руке. Каждый предмет — дверь или ключ к целому миру, не похожему на наш: прошлому, настоящему, будущему — но не к тому, в котором мы живем; об этом ином мире рассказывает мне череп, о нем грежу я сам. Так я покидаю обитель истинной науки. Если я захочу об этом написать («что, если древние гуманоиды умели управлять окружающим миром так-то» и т. д.) — придется писать то, что называется научной фантастикой. Начинается все с подлинной научной любознательности — точнее, с любознательности вообще — вместе с желанием заполнить пробелы в наших знаниях чем-нибудь необычным и захватывающим. Добавить к конкретной реальности, сообщающей о себе столько-то и ни словом больше, собственный «проблеск» иного мира.

Однако я не хочу сказать, что фантаст — это ученый-неудачник, которому наука не дает возможности предаваться фантазиям, и он обращается к литературе. Дело не только в том, что ему не терпится увидеть больше, угадать то, о чем реальный череп не сообщает, и он переходит к изобретению мифов, сказок об «ином мире», лишь изредка то тут, то там соприкасающемся с нашим. Мы, писатели-фантасты, во многих предметах снова и снова видим ключи к иным мирам, к иным вселенным. А чего не видим, то ощущаем — и это ощущение неотделимо от литературного, художественного воображения. Есть изречение: «Этот камень мог бы рассказать множество историй о прошедших битвах, о совершенных и забытых подвигах — *если бы умел говорить*!» Писатель-фантаст чувствует эту историю и описывает ее. Он говорит вместо предметов — говорит за них. И иначе не может. Он знает, что есть нечто большее, знает, что едва ли дождется, когда наука раскроет все тайны бытия — быть может, и никто из нас не дождется. И писатель начинает воспевать эти неведомые битвы и подвиги сам. В будущее он помещает их лишь для удобства: истинное место действия его истории — воображаемый мир, тонкими ниточками

«ключей» связанный с нашим. Можно сказать так: Гомер воспевал уже свершившиеся события, а писатель-фантаст поет о тех, что впереди, ибо чувствует, что эти события могут произойти, не нарушив законы логики, только в будущем. Если бы Гомер сложил «Илиаду» до начала Троянской войны, это была бы научная фантастика.

Думаю, о родстве между писателем-фантастом и ученым сказано достаточно. Нетерпение, изобретательность, открытие, что все вокруг тебя (и в реальном мире, и в фантастике других авторов) рассказывает еще нерассказанные истории, которые без твоего голоса останутся неуслышанными, — все это важные стороны характера фантаста, благодаря которым название «*научная* фантастика» по-прежнему нам подходит, даже когда мы пишем о чисто религиозном обществе и располагаем его не в будущем, а на параллельной Земле. Дело не в том, что это истории о науке, а в том, что мотивы фантаста параллельны мотивам ученых-исследователей. Но он еще и недоволен. В нем кипит недовольство; он хочет улучшить или изменить то, что видит — не выходя на улицу, не занимаясь политической агитацией, а пристально вглядываясь в иные возможности и альтернативы, возникающие у него в голове. Не

говорит: «Мы должны принять закон о загрязнении воздуха», не вступает в общество борцов за экологию; желания у него те же — видя порчу и распад нашего общества, он возмущен не меньше любого другого, — однако подход к проблеме решительно иной.

На основе известных ему или возможных данных он создает картину, в которой проблема решена, или картину, в которой она доведена до крайности. Его рассказ или роман об этом несет чувство протеста, но не политического; он восстает против конкретной реальности, но необычным образом. Он хочет петь, а не выкрикивать лозунги и нести плакаты. И он споет нам о преисподних куда более страшных, чем те, с которыми мы сталкиваемся в реальности, или о лучших мирах, или о мирах, где таких явлений просто не существует, — о мирах, живущих по иным законам. Я бы сказал, он активист-интроверт, а не экстраверт. Увидев, что наши шоссе превратились в смертельные ловушки, он не думает обращаться в городской совет с требованием принять закон о снижении скорости и т. п. ему, как интроверту, чужда идея открытого, публичного политического действия. И если он пойдет маршировать с лозунгами, получится

просто смешно. Он застенчив и погружен в себя. Его путь — не активизм, а писательство.

Таким образом, я бы сказал, что писатель-фантаст соединяет в себе черты ученого и политического активиста. Ученые улучшают мир, не выходя из лабораторий; активисты выходят на улицу с требованиями. А писатель-фантаст видит отблески идей, хороших, дурных и просто причудливых, и старается привлечь к ним наше внимание. Следовательно, он не только ученый и политик, но и литератор: все это вместе и еще более того. Его работу иногда называют бегством от реальности; но в отношении научной фантастики, по крайней мере, в наши дни, ничто не может быть дальше от истины. Он пишет о реальности — пишет с таким жаром и убежденностью, с какими другой выходил бы на демонстрацию протеста. Таков его путь, ибо он не принадлежит к одному из этих трех типов, а представляет собой их все, сплавленные воедино. Где-то по дороге подцепляет он идею, что слова реальны, что они обладают властью и позволяют добиться желаемого. Должно быть, эту мысль разделяют с ним все писатели; но вы сразу увидите, что как его мотивация, так и то, что он стремится запечатлеть на бумаге, решительно отличают его от

писателей других жанров. Те хотят запечатлеть нечто прекрасное или, быть может, преходящее — «зафиксировать» один трущобный квартал в Бронксе в 1930 году и всю его внутреннюю жизнь и сохранить навеки для будущих поколений, — а писатель-фантаст фиксирует лишь видения, что рождаются у него в голове. Он свободен и рад писать о бесконечном множестве миров, не стремясь сохранить какой-то один — например, мир своего детства в маленьком городке, с колой за четвертак и так далее… нет, он хочет выложить на бумагу все множество возможностей, которые кажутся ему достаточно важными, чтобы их записать и ими поделиться.

Ключевое слово здесь «гибкость»: именно это завораживает фантаста и толкает создавать не одну вселенную, а множество. Главное, «что, если…». Отчасти ученый, отчасти политический активист, убежденный в силе письменного слова, нетерпеливый и неустанный, он создает для нас новые миры, отталкиваясь от известного набора фактов или даже от одного-единственного факта. Он хочет видеть возможности, а не актуальности. Но, как я и сказал, эти возможности — не эскапистские (хотя некоторые разновидности дешевой фантастики, особенно посвященной

фантазиям о силе и власти, можно обвинить в эскапизме), поскольку их источник прочно укоренен в реальности. Фантаст грезит, приоткрыв один глаз, трезво оценивая все, что происходит вокруг. И думает: «Нет, не так все должно быть! Что, если, проснувшись однажды утром, мы обнаружим, что все люди сделались бесплодны, кроме…» — и дальше ученый в нем начинает оценивать возможное развитие событий и то, как это повлияет на человечество. Как видите, это сильно отличается от историй о хоббитах и волшебных странах в шкафу. Фантаст, как сказал однажды Сантаяна, «грезит под властью предмета» — так Сантаяна определял наше привычное бодрствование; «грезит под властью предмета», да, но как бы ни был могуществен этот реальный «предмет», писатель-фантаст обладает (это более всего восхищает меня в научной фантастике!) способностью ослаблять его хватку; мы по-прежнему в лапах у «предмета», но уже не в абсолютной его власти. Писатель-фантаст способен растворять и истончать ту привычную незыблемую абсолютность, какую имеют для нас «предметы» (окружающая обстановка, повседневная жизнь); он освобождает нас, создавая некое третье пространство, не конкретное и не абстрактное, а

уникальное, связанное сразу и с тем, и с другим. Итак, мы освобождаемся — однако сохраняем связи, не дающие забыть, что живем мы в конкретном обществе в конкретное время; ни один порядочный фантаст не хочет, чтобы мы об этом забывали, чтобы уплывали в мир фантазий и переставали замечать реальные проблемы вокруг себя. Он просто говорит: «Знаете, мне тут пришло в голову: допустим, произойдет то-то и то-то, и *тогда*...» — вот с этого «тогда» и начинается вымысел. Событие, о котором идет речь (допустим, Вашингтон, столицу США, смыло гигантским цунами — или придумайте любую другую завязку), не произошло, возможно, и никогда не произойдет, и нас вовсе не просят верить в его истинность сейчас или в будущем. Но повседневная тирания «реальности», обычно крепко держащей нас в руках, слабеет и утихает, когда мы думаем о том, что все могло бы быть иначе.

Часто читателей и писателей фантастики обвиняют в некоей психической ненормальности, в стремлении избегать реальности, как бывает при шизофрении. Стандартная картина: трудный подросток, заперевшись у себя в комнате, жадно читает «Пикантные научно-фантастические рассказы ужасов» и бежит в болезненные фантазии,

избегая таким образом необходимости решать свои проблемы. Однако основная проблема шизофреника — неспособность мыслить абстрактно до такой степени, что все его психические процессы оказываются привязаны к конкретным стимулам, к тому, что именуется конкретным мышлением. Создание красочных и сложных историй об обществах будущего или о других планетах ничего не даст поврежденному разуму шизофреника, если ему требуется помощь в бегстве от реальности — думается мне, с этим лучше справится телевидение.

Подлинная научная фантастика, ее порядочные и ответственные творцы (таково большинство из нас) не предлагают альтернативу встрече с реальностью, ибо, как я уже сказал, именно на реальности основываются, именно из нее черпают идеи. В этом отличие фантастики от жанра фэнтези. С психическим здоровьем у них тоже все в порядке: за прошедшие годы я познакомился с несчетным множеством своих коллег — все это теплые, живые, дружелюбные люди, искренне сетующие на то, что профессия требует от них ради написания романа на год запираться в кабинете и, ни на что не отвлекаясь, писать… Ремесло писателя — дело одинокое; по крайней мере, я

это узнал на себе, и для меня это серьезная претензия к писательству: не то, что оно позволяет убегать от мира в «фантазии» моих романов, а то, что отрезает меня от жены, детей и друзей. Вот это я переношу с трудом. Как и все мы. По моим наблюдениям, у писателей-фантастов достаточно экстравертности, чтобы страстно желать связей с другими людьми и весьма успешно их устанавливать; их одиночество мотивировано не желанием уйти от мира, а *необходимостью* создавать определенные условия для работы. Я бы сказал, это ярко выраженные экстраверты, судя по тому, как жадно они хватаются за любую возможность пообщаться с коллегами и фанатами, выступить с лекцией, по радио, на телевидении, дать интервью… но затем они *вынуждены* возвращаться в свою одинокую берлогу на время, которое для создания хорошего романа может занимать, с перерывами на еду и сон, до двух лет.

Фантастам это ненавистно; они предпочли бы вечно сидеть и общаться, однако должны пинками загонять себя обратно за рабочий стол. Они не бегут от жизни — их оттаскивает нужда; в то время как настоящий ученый, на мой взгляд, может быть более интровертен и отсутствие контактов с людьми во время работы приветствовать

с неподдельным облегчением. И это приводит нас к еще одному, я бы сказал, важнейшему пункту в определении того, что за люди становятся писателями-фантастами. Фантаст теплее и дружелюбнее ученого, рад болтать, играть и сближаться с другими; его разрывают противоположные желания, при каждой возможности он бежит из своего кабинета, чтобы пообщаться с себе подобными, но большую часть времени вынужден проводить в одиночестве. Возможно, большинство фантастов (да и писателей вообще), как и я, решают эту проблему, создавая персонажей своих историй, — те и составляют им компанию в долгие, одинокие, тоскливые вечера. Много лет общаясь с коллегами, я проникся убеждением, что практически для всех нас характерна любовь к людям, забота о них, желание близости; возможно, именно этим объясняется то, что фантаст выбирает фантастику, а не чистую науку. Писатели-фантасты — не одинокие волки. Застряв посредине между митингом и отшельничеством — между политическим активистом и ученым, — они нашли (по крайней мере, я нашел) работающий компромисс: пока я пишу, компанию мне составляют персонажи, я могу любить их и поддерживать так же, как поддерживал бы

«реальных» друзей, ведь в конечном итоге, как бы ни были наши книги насыщены идеями, пишем-то мы о людях! — и при этом можно не лезть на баррикады и не размахивать флагом, что мне совершенно несвойственно.

Судя по многочисленным конвентам, писатели-фантасты неподдельно любят друг друга и видят в коллегах не просто других писателей, а друзей. Наверняка это не уникальная черта фантастики — и все же писатели других жанров не так похожи на большую семью: среди них больше соперничества, они чаще имеют зуб друг на друга, и, слыша, что у кого-то вышел новый роман, чаще втайне надеются на его провал. Ничего подобного не встретишь у писателей-фантастов. Мы — одна семья, одна команда, как те, что во времена Византии трудились над какой-нибудь огромной мозаикой, не стремясь подписывать ее своими именами; мы друзья, мы восхищаемся друг другом не только как писателями, но и как людьми. Мы утверждаем бытие друг друга — и в этом духе дружбы ощущаем тесную связь с тем, что значит быть человеком. Холодных, шизоидных писателей-фантастов очень мало, если такие вообще есть: встретив Рэя Брэдбери, или Теда Старджона, или Нормана Спинрада, или А. Э. Ван

Вогта, вы встречаете теплого, сердечного человека, который тоже хочет узнать вас поближе; вы — часть семьи, существующей уже много десятилетий и все растущей; здесь вы не найдете ни стерильных белых халатов, ни отстраненности, ни бездушия. Фантастика требует человечности — или, если сформулировать иначе, человек, не обладающий способностью к эмпатии и потребностью в ней, едва ли захочет писать фантастику. Слишком робкие, чтобы ходить на митинги, слишком сердечные, чтобы запереться в лабораториях и ограничиться экспериментами над животными или неодушевленными вещами, слишком взволнованные и нетерпеливые, чтобы ограничить свое знание только тем, что знаем совершенно точно — мы живем в мире, который в одной радиопередаче о фантастике был назван «миром тысячи «может быть»». Такой мир привлекает людей, которые одиноки, но не одиночки; а между этими двумя понятиями есть принципиальная разница.

Переоценка эксперимента Майкельсона – Морли (1979)

Неудача знаменитого эксперимента Майкельсона — Морли в 1881 году, в котором абсолютная скорость Земли, движущейся сквозь светоносный эфир, оказалась равна нулю, породила теорию относительности Эйнштейна, утверждающую, что само понятие «абсолютной скорости» лишено смысла. Однако ученые из Калифорнийского университета, вооруженные более совершенными лазерными техниками, предлагают более вероятное объяснение нулевого результата: на самом деле Земля стоит на месте, а Коперник был тайным пифагорейцем, решившим восстановить в правах древнюю и давно отвергнутую гелиоцентрическую модель Солнечной системы. На конференции в Южной Калифорнии астрономы и астрофизики заявили, что: 1) необходимо вернуться к более точной геоцентрической модели; 2) Коперника следует выкопать и подвергнуть порицанию. Что касается Эйнштейна, то было выдвинуто предложение отныне отзываться о

нем снисходительно и с некоторой насмешкой, однако в том, насколько ядовито должны звучать насмешки, присутствующие ученые во мнениях не сошлись.

Предисловие к роману «Доктор Бладмани» (1979, 1985)

Что ж, в 1964 году, когда писал «Доктора Бладмани», я ошибся в своих предсказаниях. События, которые я предвидел, не произошли; начав читать роман, вы скоро поймете, о чем речь. Впрочем, научная фантастика и не предсказывает будущее. Это литературная условность, не более того. Как инопланетяне в «Звездном пути», которые все говорят по-английски.

Однако забавно взглянуть на то, в чем именно я оплошал. Хуже всего, пожалуй, что я совсем ничего не понял в развитии космических программ с участием людей. В «Докторе Бладмани» мы видим одного американца, вечно облетающего Землю по орбите. Это очевидная чушь: либо по орбите будет кружить множество американцев (и русских, коль уж на то пошло) — либо никто.

Разумеется, главное, в чем я ошибся, — дата конца света. Тогда, в 1964 году, я ожидал его в любую минуту, то и дело поглядывая на часы. Гораций Голд, редактор журнала *Galaxy*, однажды

пошутил, что я вечно планирую апокалипсис на будущую неделю. Это было примерно в 1954 году: тогда я ждал конца света в 1964. Что ж, таковы были страхи того времени. Теперь у нас другие заботы. Беспокоимся о том, как при нынешней инфляции выплачивать долги, где взять бензин для автомобиля. Куда более земные проблемы, вовсе не космического масштаба.

Именно такие проблемы осаждают героев «Доктора Бладмани» в их мире — мире после Третьей мировой. Правда, автомобили там движутся на конской тяге. Зато очки чрезвычайно редки и стали сокровищем. Особым уважением пользуются производители сигарет, и величайшим почетом — те, кто умеет чинить вещи. Общество перевернулось вверх дном, но не стало жестоким, как мы могли бы ожидать. Изменилось оно в другом отношении — стало сельским. Большие города стерты с лица земли, на их месте раскинулась бесконечная сельская глубинка, жить в которой вовсе не страшно. Стоит добавить, что она ни в коей мере не напоминает наш мир.

Впрочем, в нашем мире не было Третьей мировой.

На мой взгляд, этот роман полон огромной надежды. В нем следующая война не становится

концом человеческой цивилизации. Люди по-прежнему здесь, живут и со всем справляются. Те, кто выжил, в общем, не жалуются на свою новую жизнь. Интересны перемены в социальном положении выживших. Возьмем Хоппи Харрингтона, у которого нет ни рук, ни ног. В мире до ядерных ударов Хоппи — маргинал, не обладающий никакой властью. Счастье — если ему удается найти хоть какую-то работу. В послевоенном мире все меняется. Благодаря своим новым способностям он возвышается и в конце концов становится угрозой для всего человечества — не только на поверхности планеты. Хоппи превратился в полубога, и достаточно сложного. Он ведь сам по себе человек не злой, перед нами случай злоупотребления властью. Зло не в Хоппи — оно в самой власти.

А Уолт Дэнджерфилд на спутнике превращается из верного помощника оставшихся на земле, из человека, поддерживавшего их в беде, дававшего им силу и единство — в того, кто слабеет день ото дня и отчаянно надеется на помощь. Он воплощает в себе одиночество, страх многих оставшихся внизу: одиночество — и потерю предметов и ценностей, составлявших их изначальный мир. Идет время, и уже не Дэнджерфилд дает силу тем, кто

остался на земле, — теперь они должны придать сил ему. В этот вакуум силы и входит Хоппи Харрингтон, олицетворяющий чудовище в каждом из нас — голодного духа, того, что жаждет не воды или пищи, а насилия и власти над другими. Жажда власти в Хоппи исходит из физической депривации. Это компенсация за то, чего ему от рождения недоставало. Хоппи неполон — и хочет восполнить себя за счет остального мира, психологически его пожрав.

В «Докторе Бладмани» вы прочтете об испытаниях, проведенных в 1972 году, которые обернулись катастрофой. Разумеется, таких испытаний не было, и катастрофы тоже. Впрочем, не было и такого человека, как доктор Блутгельд. Все это вымысел. Но на каком-то уровне — нет. Запад округа Марин, где происходит большая часть действия романа, мне хорошо знаком. Я писал книгу, когда сам жил в этих краях. Признаки окрестностей, описанные мною, взяты из жизни. С вымыслом смешано много такого, что можно проверить. Как и мои герои, я собирал в западной части округа Марин грибы, как и они, отличал съедобные от ядовитых. Это одно из самых красивых мест в Соединенных Штатах; когда я жил там в конце пятидесятых — начале шестидесятых,

оно было отрезано от остальной Калифорнии, и не стоило труда вообразить его местом действия для послевоенного микрокосма. Сейчас, перечитывая «Доктора Бладмани», я, к большому своему удовольствию, вижу, что сумел запечатлеть в книге многие черты этого уютного мирка, который так любил — и от которого теперь отделяет меня и время, и расстояние.

Любимый мой герой в романе — продавец телевизоров Стюарт Маккончи, который, так уж вышло, чернокожий. В 1964 году, когда я писал «Доктора Бладмани», сделать одним из главных героев чернокожего было довольно-таки смелым шагом. Боже, как же переменился мир в последние годы! Но такой переменой можно только гордиться. В самом первом моем романе, «Солнечная лотерея», чернокожим был капитан космического корабля — для 1955 года большой смелостью казалось и это. На мой взгляд, Стюарт стоит в центре романа. Именно его глазами мы впервые видим доктора Блутгельда, который и есть Доктор Бладмани. Реакция Стюарта проста: он видит сумасшедшего — так его и понимает. Бонни Келлер, близко знающая доктора Блутгельда, видит в нем нечто более сложное. Откровенно говоря, сам я смотрю на Блутгельда так же, как

Стюарт Маккончи. Можно сказать, Стюарт Маккончи — это я: я ведь тоже одно время торговал телевизорами на Шеттак-авеню в Беркли. Как и Стюарт, по дороге на работу заглядывался на симпатичных девушек и каждое утро, перед тем как открыть магазин, подметал тротуар перед своей витриной. Так что, должен признаться, в докторе Блутгельде я никаких глубин не вижу и не ищу. Все просто: ненавижу его, ненавижу все, что он собой олицетворяет. Он — чужой, он — враг. Я не могу проникнуть в его сознание, не могу понять его ненависть. Русских я не боюсь; по-настоящему пугают меня такие вот Блутгельды — Доктора Бладмани — в нашем собственном обществе. Уверен, что и они, если знают обо мне, платят такой же ненавистью и с удовольствием сделали бы со мной то же, что и я с ними.

«И пока Стюарт смотрел, опираясь на метлу, мимо прошмыгнул и воровато скрылся в офисе психиатра первый на сегодня чокнутый».

Вот так мы впервые видим доктора Блутгельда: глазами человека с метлой. И я на стороне этого человека с метлой — рядом с ним весь роман, от начала и до конца. Стюарт Маккончи — человек проницательный, и несколько секунд наблюдения за Блутгельдом помогли ему понять то,

чего не поняла Бонни Келлер за годы близкого знакомства. Признаюсь, здесь я предубежден. Мне кажется, первому впечатлению человека с метлой стоит доверять. Доктор Блутгельд — ненормальный, и его ненормальность угрожает всем нам. Множество зла в нашем мире исходит от таких людей просто потому, что они существуют.

Так что, пусть в 1964 году, когда я писал «Доктор Бладмани», я во многих предсказаниях ошибся, теперь, перечитывая роман, я вижу, что в главном не соврал. А главное — это люди и их способность выжить. Выжить не как звери, а как подлинные люди, способные к подлинной человечности. В этом романе нет сверхчеловеков. Нет героических подвигов. Признаю, есть предсказания, которые не сбылись, — но в том, что касается самих людей, их силы, упорства, жажды жизни… нет, здесь я все предвидел верно. Потому, разумеется, что и не предсказывал — просто описывал то, что видел вокруг себя: мужчин, женщин, детей и животных, жизнь на этой планете, которая продолжится, что бы ни произошло.

Я горжусь людьми из этого романа. Пожалуй, хотел бы быть одним из них. Когда-то и я махал метлой на тротуаре Шеттак-авеню в Беркли и ис-

пытывал при этом то же, что и Стюарт: бодрость, чувство, что я на своем месте и занят делом, радостное ожидание будущего.

Мой роман об этом будущем: и, несмотря на войну (которой так и не произошло), это хорошее будущее. Я сам хотел бы жить со своими героями в их микрокосме, в послевоенном мире округа Марин.

Предисловие к сборнику The Golden Man (1979)

Глядя на рассказы, написанные более чем за три десятилетия, я вспоминаю магазин «Счастливый пес». По причине, связанной с той стороной жизни, что хорошо знакома не только мне, но и, наверное, большинству писателей-фрилансеров. Имя ей — бедность.

Теперь я вспоминаю об этом со смехом и даже с ностальгией: так или иначе, это была самая счастливая пора моей растреклятой жизни — тогда, в начале пятидесятых, когда я только начал писать фантастику. Но мы были бедны. Нет, не так: мы — моя жена Клео и я — были беднейшими из бедных. И это было совершенно не весело. Бедность закаляет характер? Чушь! Если уж на то пошло, она делает тебя хорошим счетоводом: приходится считать очень точно — и пересчитывать деньги (совсем немного денег) снова и снова. Выходя из дома в продуктовый магазин, точно знаешь, сколько можешь потратить, точно знаешь, что купишь, — и знаешь, что, если потра-

тишь лишнее, голодать тебе день, а то и два.

Итак, сейчас пятидесятые, и я на Сан-Пабло-авеню в Беркли, Калифорния, в магазине «Счастливый пес» покупаю фунт фарша из конины. Причина того, что я фрилансер и живу в бедности (сейчас признаюсь в этом впервые) в том, что меня приводят в ужас любые Представители Власти: начальники, копы, учителя. Я решил уйти на вольные хлеба, чтобы стать самому себе хозяином. Недурная мысль. Ушел из музыкального магазина, где работал в отделе грампластинок, и теперь ночь за ночью пишу рассказы, фантастические и реалистические… и фантастические продаю. Должен признать, мне не нравятся ни вкус, ни плотность фарша из конины: мясо слишком сладкое… зато как же я рад, что больше не обязан каждый день ровно в девять утра стоять за прилавком, в пиджаке и галстуке, говорить: «Доброе утро, мэм, чем могу помочь?» — и так далее. Так же я радовался, когда меня вышвырнули из Калифорнийского университета в Беркли за то, что я отказался ехать на армейские сборы — Господи помилуй, только Представителей Власти в форме мне и не хватало! Так вот, протягиваю продавцу за прилавком «Счастливого пса» тридцать пять центов, и в

этот миг на меня обрушивается мое личное проклятие. Откуда ни возьмись, передо мной снова Представитель Власти! От судьбы не уйдешь — я совсем об этом забыл.

— Вы ведь не для собаки покупаете конину, — говорит продавец, — а для себя.

В нем девять футов росту, а весит он фунтов триста. Нависает надо мной и сверлит глазами. И мне как будто снова пять лет, я опять в детском саду и пролил на пол клей.

— Да, сэр, — признаю я.

И хочу ему сказать: «Послушайте, да, я ночь за ночью пишу фантастические рассказы, и денег нет совсем, но ведь это не навсегда — жизнь наладится; и у меня есть любимая жена, и кот по имени Магнификат, и старый домик, который мы купили в рассрочку и платим по двадцать пять долларов в месяц, потому что больше никак не получается…» Однако этого человека интересует лишь одна сторона моей бедственной, но небезнадежной жизни. Я знаю, что он сейчас скажет. И всегда знал. Конина, которую продают в «Счастливом псе», предназначена для животных. А мы с Клео едим ее сами, и теперь меня за этим застукали: грядет Страшный Суд, я снова Нарушил Правила.

И почти жду, что продавец скажет:

— Ах ты, непослушный мальчишка! Ты плохо себя ведешь!

В этом моя проблема — и тогда, и сейчас: не слушаюсь и плохо себя веду. Верно, я боюсь любых властей; и в то же время мне так ненавистны и власти, и собственный страх, что я бунтую. Фантастика — тоже своего рода бунт. Я взбунтовался против армейских сборов — и меня исключили из университета, велели больше не приходить. С работы в музыкальном магазине однажды просто ушел и не вернулся. Позже протестовал против войны во Вьетнаме, и ЦРУ завело на меня огромное досье, воровало и просматривало мои письма: обо всем этом писали в *Rolling Stone*. Все, что я делаю, еду ли в автобусе или сражаюсь за свою страну — дурное поведение непослушного мальчишки. Даже издателей я не слушаюсь: вечно срываю сроки и задерживаю рукописи (эту, кстати, тоже).

Но научная фантастика и есть мятежное искусство. Она требует от авторов и читателей не слушаться и плохо себя вести — не бояться задавать вопросы: «Почему?», «Как?», «Зачем?». Эти вопросы сублимируются вплоть до тем, которые обсуждаю я в своих книгах: «Реальна ли

вселенная?», «Все ли мы действительно люди или некоторые из нас машины, механически реагирующие на внешние стимулы?». Во мне много гнева. На прошлой неделе врач сказал, что давление у меня снова ползет вверх и не исключены осложнения на сердце. Да, я много злюсь. Например, на смерть. Или на страдания людей и животных. Когда умирает кто-то из моих котов, я проклинаю Бога — вполне всерьез, задыхаясь от ярости. Хотел бы я зажать его в угол и поговорить по душам: сказать, что, по-моему, этот мир никуда не годится, что человек вовсе не согрешил и пал — его сюда попросту вытолкали; и, как будто этого мало, еще и заставили признать себя безнадежным грешником.

Я знаю самых разных людей (я ведь долго прожил, мне уже под пятьдесят, и на это я тоже злюсь), и в основном хороших. Глядя на них, я создаю своих героев. Но то и дело кто-то из них умирает — и тут я начинаю злиться по-настоящему, в полную силу. Мне хочется кричать Богу: «Сначала ты забрал у меня кота, потом девушку. Что же ты творишь? Да послушай же меня! Так нельзя!»

Вообще спокойным человеком меня не назовешь. Я вырос в Беркли и там впитал то обострен-

ное общественное сознание, что в шестидесятых захватило всю страну, положило конец Вьетнамской войне, избавило нас от Никсона и принесло еще множество благих перемен: одно движение за гражданские права чего стоит! В Беркли все приходят в ярость по щелчку пальцев. Я злился на агентов ФБР, навещавших меня неделя за неделей (Джордж Смит и Джордж Скраггс из Красного подразделения, так представилась эта парочка), и злился на своих друзей — членов Компартии. Сам я на заседании КП США побывал только один раз: вскочил на ноги, начал страстно (т. е. яростно) спорить с тем, что там говорили, и меня попросили выйти.

Тогда было начало пятидесятых, а сейчас конец семидесятых, но я все еще злюсь. Сейчас, например, я в ярости из-за Дорис, моей дорогой подруги, девушки двадцати четырех лет. У нее рак. Человек, которого я люблю, может умереть в любой момент; и ярость на Бога и на мир бушует во мне, поднимает кровяное давление и ускоряет пульс. Так я и пишу. Стараюсь писать о людях, которых люблю, в вымышленном мире, порожденном моим сознанием, а не в том, что у нас есть, потому что тот мир, что у нас есть, не отвечает моим стандартам. Не следует ли пересмотреть

свои стандарты? Покориться реальности? Но я всегда был непослушным мальчишкой. В этом суть фантастики. Хотите покориться реальности — читайте Филипа Рота, читайте список мейнстримных бестселлеров за авторством нью-йоркского литературного истеблишмента. Но вы читаете фантастику, а я пишу для вас. Пишу, чтобы показать вам и то, что люблю (своих друзей), и то, что пламенно ненавижу (что с ними случается).

Я вижу неописуемые страдания Дорис: в борьбе с раком она проходит через мучения, в которые невозможно поверить. Однажды я выскочил из ее квартиры и побежал к другу — буквально бежал бегом. Врач сказал мне, что Дорис долго не проживет, и посоветовал с ней попрощаться и честно объяснить почему — потому что она умирает. Я попытался так и сделать, но не смог, запаниковал и бросился бежать. Пришел к другу, мы сидели в гостиной и слушали странную музыку (я люблю странную музыку — и в классике, и в роке, — она успокаивает). Он тоже писатель, молодой писатель-фантаст по имени К. У. Дже-

тер[65], — и неплохой. Просто сидели, и вдруг я сказал громко, словно размышляя вслух: «Самое ужасное, что я теперь и пошутить про рак не смогу!» А потом понял, что сказал, и он понял — и мы покатились со смеху.

Так я перехожу от злости к смеху. Наше положение, положение человека, в конечном итоге не ужасно, не исполнено высшего смысла — попросту смешно. А как еще это назвать? Быть может, мудрейшие из нас — клоуны вроде Харпо Маркса, те, что не разговаривают. Если бы мне позволили исполнить любое свое желание, я бы пожелал, чтобы Бог прислушался к тому, чего не говорит Харпо Маркс, и понял, почему он не разговаривает. Если помните, Харпо умел говорить. Просто не хотел. Быть может, потому, что нечего сказать: все уже сказано. А может, случись ему заговорить, его слова указали бы на нечто страшное — то, чего нам лучше не замечать и не сознавать. Не знаю. А вы знаете ответ?

Писательство — дело одинокое. Запираешься в кабинете, работаешь, работаешь, и нет этому

---

[65] Примечания: 65

К. У. Джетер (р. 1950) — американский писатель-фантаст, предтеча киберпанка. Близкий друг Филипа К. Дика и прототип одного из героев романа «ВАЛИС». Также Дик встречается как персонаж в его романе Dr. Adder (Bluejay Books, 1984).

конца. Например, я двадцать семь лет работаю с одним и тем же литературным агентом, но ни разу с ним не встречался: он в Нью-Йорке, я в Калифорнии. (Один раз видел его по телевизору, в *Tomorrow Show* Тома Снайдера, и, надо вам сказать, мой агент — крутой парень. Ему палец в рот не клади! Именно такой, каким и должен быть агент писателя-фантаста.) Я встречался со множеством фантастов, со многими из них мы стали друзьями. Например, Харлана Эллисона знаю с 1954 года. Харлан меня готов живьем съесть. В прошлом году, когда мы были вместе в Меце, во Франции, на Втором ежегодном Фестивале научной фантастики, Харлан на меня набросился и разнес в пух и прах; дело было в баре, вокруг толпа народа, в основном французы. Харлан меня просто на куски порвал. Ну и отлично, мне понравилось. Знаете, это как кислотный бэд-трип: сопротивление бесполезно, остается расслабиться и получать удовольствие.

И этого сукиного сына я тоже люблю. Он из тех, кто существует на самом деле. Как Ван Вогт, и Тед Старджон, и Роджер Желязны, и прежде всего Норман Спинрад и Том Диш, двое главных для меня людей в мире. Одиночество писательского ремесла умеряется братством писателей. В про-

шлом году сбылось то, о чем я мечтал почти сорок лет: я познакомился с Робертом Хайнлайном. Именно его книги — его да еще Ван Вогта — пробудили во мне интерес к научной фантастике, так что Хайнлайна я считаю своим духовным отцом, хотя наши политические идеологии друг другу противоположны. Несколько лет назад, когда я болел[66], Хайнлайн предложил мне помощь, обещал сделать все, что в его силах, — а ведь в то время мы даже не были лично знакомы; но он звонил, чтобы спросить, как я себя чувствую, и подбодрить. Хотел даже купить мне электрическую пишущую машинку — благослови его Боже, одного из немногих истинных джентльменов. Я не согласен с идеями, что он высказывает в своих книгах, но какое это имеет значение? Однажды, когда я задолжал налоговой службе и не мог заплатить, Хайнлайн выручил меня деньгами. Очень уважаю и его, и его жену — в знак уважения посвятил им книгу. Выглядит Роберт Хайнлайн очень впечатляюще — красавец с военной выправкой; по всему, даже по стрижке, понятно, что он из армии. Я для него — фрик и раздолбай; и все же он помог мне и моей жене,

[66] Примечания: 66
Травма руки из-за автомобильной аварии.

когда у нас были тяжелые времена. Вот это лучшее, что есть в человечестве; такое — и таких людей — я и люблю.

Моя подруга Дорис, у которой рак, прежде была девушкой Нормана Спинрада. Мы с Норманом близки уже много лет и много безумного совершили вместе. Оба мы легко теряем самообладание. У Нормана такой скверный характер, какой сто лет искать будешь — не найдешь. Он и сам в курсе. Бетховен был таким же. А у меня характера совсем не осталось — наверное, поэтому и давление все лезет вверх: гнев не находит себе выхода. В конечном итоге я так и не понимаю, на кого и на что злюсь. И завидую Норману, который отлично умеет выплескивать гнев в атмосферу. Он великолепный писатель и великолепный друг. Вот что дала мне научная фантастика: не славу, не состояние — верных друзей. Для меня это дорогого стоит. Жены приходят и уходят; девушки приходят и уходят; а фантасты держатся вместе, пока не умрут в буквальном смысле… что, кстати, со мной может случиться в любую минуту (возможно, к моему тайному облегчению). А пока я пишу это предисловие к *The Golden Man*, перечитываю рассказы, написанные за тридцать лет работы, вспоминаю былое — магазин «Счастливый пес»,

жизнь в Беркли, участие в политике и то, как из-за этого Большой Брат схватил меня за задницу… Остаточный страх во мне еще есть, но я верю, что царству полицейских интриг и террора пришел конец (по крайней мере, на время). Теперь я нормально сплю. А было время, когда всю ночь просиживал в страхе, ожидая стука в дверь. Наконец меня попросили «зайти в центр», как они это называют, где меня ждало несколько часов полицейского допроса. Даже *OSI* (разведывательная служба авиации) — и та меня допрашивала: оказалось, в округе Марин завелись террористы — и на сей раз террором занимались не власти, а какие-то чернокожие, недавно вышедшие из Сан-Квентина. Выяснилось, что этой группировке принадлежит дом по соседству с моим. Полиция считала, что мы заодно; бесконечно долго мне показывали фотографии каких-то черных парней и спрашивали, знаю ли я их. К этому времени я даже отвечать не мог. Нелегкий день выдался тогда у малыша Фила.

Так что, если вы думаете, что писатели ведут тихую жизнь книжных червей, то ошибаетесь — по крайней мере, в моем случае. Я даже пару лет прожил на улице, среди наркоманов. Бывало и забавное, и трогательное, но бывало и мерз-

кое. Об этом я писал в «Помутнении», так что здесь повторять не буду. Единственное, что было хорошего на улице: люди там не знали, что я известный писатель-фантаст, а если и знали, им было плевать. Они хотели знать только одно: что бы еще у меня стащить и продать. К концу второго года я лишился всего, что имел, в буквальном смысле, даже дома. Полетел в Канаду, почетным гостем на Научно-фантастический конвент в Ванкувере, выступил с лекцией в университете Британской Колумбии и решил там остаться. А наркоманов к черту. Тяжелое было время, я в эти годы даже перестал писать. Влюблялся в уличных девиц, которым было все равно с кем… Водил старый кабриолет «Понтиак» с модифицированным четырехцилиндровым карбюратором, широкими шинами и без тормозов, и вечно нас осаждали беды, вечно мы попадали в передряги, с которыми сами не могли справиться. Только уехав из Канады и вернувшись к себе в округ Ориндж, я собрался с мыслями и вновь начал писать. Встретил очень правильную девушку, женился на ней, у нас родился сын — назвали Кристофером. Теперь ему пять. А пару лет назад она ушла от меня и забрала сына. Такие дела, как говорит Воннегут. А что еще тут скажешь? Такова

реальность: ты либо над ней смеешься — либо сдаешься и ползешь на кладбище.

Я тут обнаружил, что с огромным удовольствием перечитываю свое, особенно ранние романы и рассказы. Они запускают ментальное путешествие во времени, совсем как определенные песни, когда услышишь их по радио (например, слыша песню Дона Маклина «Винсент», я сразу вижу рядом девушку по имени Линда в мини-юбке за рулем желтого «Камаро»; мы едем в дорогой ресторан, я беспокоюсь, смогу ли заплатить за ужин, а Линда говорит, что влюбилась в одного писателя-фантаста намного ее старше, и я — о глупое тщеславие! — воображаю, что это обо мне, но, оказывается, она имеет в виду Нормана Спинрада, с которым я ее познакомил); разом возвращается все — странное чувство, вам оно тоже наверняка знакомо. Мне случалось слышать, что все обо мне — все стороны моей жизни, психики, все пережитое, все мечты и страхи — можно узнать из моих книг, что по корпусу сочинений можно полностью и в точности восстановить мою личность. Это правда. Так что, читая себя — например, рассказы из этого сборника, — я словно путешествую по собственному сознанию

и жизни, переношусь в прошлое. Абреакция[67] — так это называют психиатры. Вот тема наркотиков. Вот тема философии, особенно громадные эпистемологические сомнения, впервые посетившие меня еще во время учебы в Беркли. Умершие друзья — вот они, в моих рассказах и романах. Даже названия улиц! Одному персонажу я дал реальный адрес — адрес моего агента. (А Харлан однажды вставил в рассказ собственный телефонный номер и потом об этом пожалел.) И разумеется, постоянная тема музыки, любви к музыке, поглощенности ею. Музыка — единственная нить, связывающая мою жизнь в единое и осмысленное целое.

Видите ли, не стань я писателем, сейчас работал бы в музыкальной индустрии, почти наверняка в индустрии грамзаписей. Помню, как в середине шестидесятых впервые услышал Линду Ронстадт[68]: она была гостьей на телешоу Глена Кэмпбелла, и о ней еще никто ничего не знал. А я, едва взглянув и услышав, последний разум

---

[67] Примечания: 67

Эмоциональная разрядка, высвобождение подавленных эмоций.

[68] Примечания: 68

Линда Мария Ронстадт (р. 1946) — американская автор-исполнитель, признанная «королева кантри и рок-музыки». Дебютировала с сольным проектом в 1969 году. Была обручена с Джорджем Лукасом.

потерял. В свое время я работал в розничной продаже грампластинок, в мои обязанности входило отмечать новые таланты и ставить их на видное место; так вот, увидев и услышав Ронстадт, я сразу понял, что вижу и слышу одну из величайших звезд в этом бизнесе; будущее ее простиралось передо мной как на ладони. Дальше она выпустила несколько альбомов, ни один не взлетел, но я исправно покупал их все — и вычислил даже *месяц*, когда о Линде узнает вся страна. Даже написал письмо в *Capitol Records* — объявил, что следующий альбом Ронстадт станет началом взлета, невиданного в индустрии грамзаписей. И следующим стал *Heart like a Wheel*. «Кэпитол» мне так и не ответил, но что за беда? Я оказался прав — и был на седьмом небе. Понимаете, вот этим я бы занимался сейчас, если бы не пошел писать фантастику. Теперь это одна из моих любимых фантазий: как я открываю Линду Ронстадт — и остаюсь в истории как следопыт из «Кэпитол», открывший новую звезду. Хотел бы я, чтобы на моей могиле написали:

ОН ОТКРЫЛ ЛИНДУ РОНСТАДТ
И ПОДПИСАЛ С НЕЙ КОНТРАКТ

Друзья ядовито посмеиваются над фантазия-

ми о том, как я открываю Ронстадт, Грейс Слик, Стрейзанд и так далее. У меня хорошая стереосистема (по крайней мере, звукосниматель и акустика хороши) и огромная коллекция записей, и каждую ночь, с 11 до 5 утра, я пишу, надев первоклассные электростатические наушники *Stax*. Вот так смешиваю полезное с приятным. Что может быть лучше, чем работать и предаваться греху одновременно? Сижу, пишу, в уши мне льется Бонни Колок, и никто, кроме меня, ее не слышит. Хотя прикол в том, что слышать-то некому: рядом нет никого, все жены и подружки давно свалили. Еще одна беда писательства: это такое одинокое занятие, и оно требует такой длительной концентрации, что жена, девушка, да кто угодно, с кем ты живешь, могут не выдержать. Пожалуй, это самая горькая цена, которую платит писатель. Теперь компанию мне составляют только два кота. Как и друзья-наркоманы (бывшие друзья — почти никого из них уже нет в живых), они не в курсе, что я известный писатель, — и, как и с моими друзьями-наркоманами, меня это вполне устраивает.

Каково быть знаменитым, я узнал во Франции. Любопытный опыт. Я у них любимый писатель-фантаст, самый лучший в целом огромном мире

(за что купил, за то и продаю). Я уже упомянул, что был почетным гостем на Фестивале в Меце и произнес там речь, которая, как обычно, не имела никакого смысла. Даже французы не смогли ее понять, несмотря на синхронный перевод. Когда я сочиняю речи, в мозгах у меня что-то идет вразнос; возможно, я воображаю себя реинкарнацией Зороастра, вещающего глаголы Божьи. Так что выступлений я стараюсь избегать. Позвоните мне и предложите кучу денег за выступление — я увильну под любым предлогом, откровенно и нелепо навру, только бы отвертеться. Но как же фантастично (в смысле, нереально) было оказаться во Франции и увидеть все свои книги в прекрасных дорогих переплетах — а не этот ужас в бумажных обложках, тот, что Спинрад называет «сиротские слезы»! Хозяева книжных магазинов приезжали пожать мне руку. Городской совет Меца устроил нам, писателям, банкет и прием. Я уже упомянул, что там был Харлан, а кроме него, и Роджер Желязны, и Джон Браннер, и Гарри Гаррисон, и Роберт Шекли. С Шекли я до того не встречался; оказался милейший человек. Браннер, как и я, раздался вширь. Все мы бесконечно вместе обедали и ужинали, и Браннер старался показать всем вокруг, что говорит

по-французски. Повсюду бродили редакторы, издатели и журналисты. Интервью у меня брали с восьми утра до половины четвертого следующего утра, а я, как всегда, говорил то, о чем еще не раз придется пожалеть. Это была лучшая неделя в моей жизни. Очевидно, там, в Меце, я впервые был по-настоящему счастлив — не из-за славы, а потому, что вокруг было столько веселого оживления. Французы бурно обсуждают даже меню; заказывая ужин, спорят так, как в Беркли о политике не спорили. Чтобы решить, по какой улице идти, требуется десять французов: они вопят, бурно жестикулируют, а потом разбегаются в разные стороны. Как и мы со Спинрадом, французы в любой ситуации видят самые невероятные возможности — должно быть, поэтому я у них так популярен. Возьмите множество возможностей — мы с французами непременно выберем самую безумную. Странно было смотреть на людей, для которых истерика — общепринятый культурный феномен, которые не могут ни принять решение, ни выполнить какое-нибудь действие, не сопроводив это драмой. Я такой же: меня парализует собственное воображение. Спущенная шина для меня — это

а) конец света;

б) верный знак, что где-то здесь прячутся монстры (почему, я уже забыл).

Вот за что я люблю фантастику. И читать, и писать. Писатель-фантаст видит не просто возможности, а самые *безумные* возможности. Это не просто: «Что, если…» Это: «Бог ты мой! А *что, если…*» — с выпученными глазами и дрожью в голосе. Мы всегда готовы встретить марсиан. Спокойным здесь остается только мистер Спок. Вот почему Спок сделался для нас культовым божеством: он успокаивает нашу привычную истерию.

> КИРК (в страшном волнении): Спок, «Энтерпрайз» вот-вот взорвется!
>
> СПОК (спокойно): Капитан, ответ отрицательный; это лишь неисправность предохранителя.

Спок всегда прав, даже когда ошибается. По тону голоса, по сверхъестественной рассудительности мы понимаем, что это не человек, подобный нам, — это бог. Так говорят боги; каждый из нас инстинктивно это чувствует. Вот почему Леонарда Нимоя приглашают на телевидение вести псевдонаучные передачи. Слышишь голос Нимоя — веришь всему. Пусть телевизионщики хоть

ищут потерянную пуговицу на кладбище слонов — Нимой успокоит все наши сомнения и опасения. Хотел бы я такого психотерапевта: вбегал бы к нему, полный своих обычных истерических страхов, а он бы развеивал их парой слов.

> ФИЛ (истерично): Леонард, небо падает на землю!
>
> НИМОЙ (спокойно): Фил, ответ отрицательный; это лишь неисправность предохранителя.

Мне сразу становится легче, давление падает, и я возвращаюсь к роману, который должен был сдать еще три года назад.

Читая рассказы, включенные в этот сборник, не забывайте вот о чем: большинство из них написаны в годы, когда научная фантастика в глазах всей Америки ценилась чрезвычайно низко — можно сказать, практически не существовала. Ничего смешного: писателей-фантастов презирали, и это очень портило нам жизнь. Даже в Беркли — или в Беркли особенно — тебя спрашивали: «Ну а что-то *серьезное* вы пишете?» У нас не было денег; фантастику почти никто не издавал (а регулярно издавало только одно издательство, *Ace Books*; над нами жестоко смеялись, нас

гнали и презирали. Стать писателем-фантастом — значило поставить на себе крест: писатели других жанров, не говоря уж о людях всех прочих профессий, даже представить себе не могли, чтобы кто-то в здравом уме занялся таким делом. Единственный писатель-нефантаст, обошедшийся со мной вежливо, был Херберт Голд, с которым я познакомился на литературном вечере в Сан-Франциско. Он дал мне автограф на регистрационной карточке и подписал: «Коллеге Филипу К. Дику». Карточку я хранил, пока чернила не выцвели до полной неразличимости, и до сих пор я благодарен ему за милосердие. (Да, вежливо обойтись с писателем-фантастом — это был акт милосердия.) Чтобы получить авторский экземпляр моего первого романа «Солнечная лотерея», пришлось специально заказывать его в *City Lights Bookstore*[69] в Сан-Франциско, специализировавшейся на всяком странном. Так что, когда в 1977 году в Меце мне жал руку мэр на официальном приеме, я вспоминал опыт пятидесятых годов, когда мы с Клео жили на девяносто долларов в месяц, питались в буквальном смысле

[69] Примечания: 69

City Lights Bookstore — культовый книжный магазин и издательство из Сан-Франциско. Основан в 1953 году битником Лоуренсом Ферлингетти.

собачьей едой, не могли даже выплатить штраф за просроченную библиотечную книгу, и журналы я читал в библиотеке, потому что не мог их купить. Думаю, вам стоит это знать — особенно если вам, скажем, чуть за двадцать, денег нет и временами накатывает отчаяние, — неважно, фантаст вы или нет. Да, вам есть чего бояться, и часто этот страх оправдан. В Америке есть голодающие — даже сейчас. Мои финансовые испытания в пятидесятых не закончились; не далее как несколько лет назад, в середине семидесятых, мне нечем было платить за квартиру, я не мог себе позволить ни машину, ни телефон, не мог отвести сына к врачу. В тот месяц, когда Кристофер и его мать от меня ушли, я заработал девять долларов — и было это всего три года назад. Выжил я только благодаря доброте своего агента Скотта Мередита: он мне одалживал, когда приходилось совсем туго. В 1971 году я буквально ходил по друзьям и просил чего-нибудь поесть. Но, послушайте, я не жалости прошу: я пытаюсь сказать, что ваш кризис, ваше испытание, если вы сейчас через него проходите, не будут длиться вечно. Знайте: мужество, сообразительность и просто жажда жизни помогут вам выжить. Я видел, как полуграмотные уличные девчонки

выживают среди таких ужасов, что и не описать. Видел лица людей, у которых мозги выжжены наркотой и соображения осталось ровно настолько, чтобы понимать, что с ними стряслось; видел их неуклюжие попытки выдержать то, что выдержать нельзя. Помните строчку из стихотворения Гейне «Атлант»: «То, что я выношу, невыносимо». И следующую: «Готово разорваться сердце!» Но все же это не единственная константа жизни — и не единственная тема для прозы, моей или чьей-либо еще, исключая, может быть, французских экзистенциалистов. Кабир[70], суфийский поэт XV века, писал: «Лживо то, что ты не прожил!» Так проживите — пройдите это испытание до конца. Только тогда, не в середине, вы сможете его понять.

Если у меня когда-нибудь найдется время на анализ того гнева, что кипит внутри и находит себе столько разнообразных сублимаций, быть может, я обнаружу, что негодую, когда вижу бессмыслицу. Беспорядок, сила энтропии — то, что нельзя понять; а что непонятно, в том не может быть, по крайней мере для меня, никакой искупительной ценности. Все мои писания вкупе

[70] Примечания: 70

Кабир (1440–1518) — средневековый индийский поэт-мистик. Тексты Кабира включены в священную книгу сикхов.

— не что иное, как попытка взять жизнь, все, что я в ней видел и что делал сам, и переработать во что-то осмысленное. Не уверен, что у меня получается. Прежде всего, я не могу подделывать то, что вижу. А вижу я хаос и скорбь — значит, об этом и должен писать. Но порой я видел мужество и юмор — и их тоже вставлял в книги. К чему все это должно привести? Что за грандиозное мировоззрение вложит смысл в этот мир?

Мне помогает — если здесь вообще что-то может помочь, — когда в глубине ужасного и бессмысленного обнаруживается горчичное зернышко смешного. Вот уже пять лет я изучаю тяжеловесные, смертельно серьезные теологические сочинения — для романа, который сейчас пишу. Немало Мудрости Мира Сего пролилось с печатных страниц ко мне в мозг, чтобы он их обработал и выделил в виде новых слов: слова на входе, слова на выходе, а в середине мозг устало пытается найти во всем этом какой-то смысл. Так или иначе, вчера ночью я сел читать статью об индийской философии в «Философской энциклопедии», очень полезном восьмитомнике. Было четыре утра; устал я смертельно — уже не помню, сколько сижу над этим романом и копаюсь ради него в философских справочниках. А там, в сере-

дине серьезной научной статьи, было вот что:

«При помощи различных аргументов буддистские идеалисты доказывали, что наше восприятие не дает знания о предметах внешнего мира, отличных от воспринимающего… Окружающий мир, как предполагается, состоит из различных объектов, однако об их различиях нам известно только из того, что мы по-разному их воспринимаем. Но если различны наши переживания, нет необходимости поддерживать избыточную гипотезу о существовании внешних объектов…»

Иными словами, применив к основному эпистемологическому вопросу «Что есть реальность?» бритву Оккама, буддистские идеалисты пришли к выводу: вера в окружающий мир — «избыточная гипотеза»; иначе говоря, она нарушает Принцип Экономии, лежащий в основе всей западной науки. Так что окружающий мир отменяем и переходим к более важным делам, какие у нас там на повестке дня.

В ту ночь я отправился в постель, смеясь. Смеялся целый час. Да и сейчас смеюсь. Доведите философию и теологию до предела (буддистский идеализм, пожалуй, так и делает) — и с чем вы останетесь? Да ни с чем. Ничто не существует (несуществование нашего «я» они тоже доказыва-

ют). Как я и говорил, выход лишь один: увидеть, до чего все это смешно. Кабир, которого я цитировал, видел выход в танце, в радости и в любви; он писал о звоне «крохотных браслетов на ногах букашки-танцовщицы». Хотел бы и я услышать эту музыку; быть может, она унесла бы прочь и высокое давление, и гнев, и страх.

«Отзыв». Рецензия на книгу «Кибернетическое воображение в научной фантастике» (1980)

Перед нами первая попытка издательства МТИ[71] справиться с научной фантастикой. Книга объемом менее 300 страниц весит почти полтора фунта[72] — впечатляет в сравнении с «Больше, чем люди» Теда Старджона, изданном *Ballantine Books*, который весит ровно четверть фунта. Надо понимать, книга Уоррик вшестеро значимее, чем книга Старджона. Свое исследование, сообщает нам Уоррик, она «основывает на 225 фантастических романах и рассказах, опубликованных с 1930 по 1977 годы». А выводами делится прямо в предисловии: «Это исследование демонстрирует, что большая часть фантастики, написанной после Второй мировой войны, реакционна по отношению к компьютерам и искусственному интеллекту. Зачастую она

---

[71] Примечания: 71
Массачусетский технологический институт.

[72] Примечания: 72
Примерно 700 г.

плохо информирована о теории информации и компьютерных технологиях и вместо того, чтобы предвидеть будущее, отстает даже от текущих научных достижений». Дальше Уоррик подробно рассказывает о своих эстетических критериях, исходя из которых судит фантастику (весьма интересно!). Три писателя-фантаста, на которых она ссылается чаще всего, — Азимов, Лем и я. Создается впечатление, что нас троих она считает наиболее значимыми, и в этом я бы с ней поспорил. На мой взгляд, само понятие «значимости» при оценке научной фантастики совершенно бесполезно. Покритиковал бы я и цветисто-неряшливый стиль книги (например, цитирую: «…тюрьма ложных иллюзий» — это не только плеоназм, но и двойное отрицание, а «воображение Дика, странствующего по образцам возможностей в развитии взаимоотношений человека и созданных им конструктов, исторгает потоки причудливых метафор», или «факел, бросающий отсветы во тьму будущего, высвечивает в нем потенциал выживания» и т. п. — просто выпендреж и неуважение к читателю). Однако я предпочту поспорить с целью этой книги и начну с того, что никакой цели у нее нет. Это книга-паразит, и само ее существование показывает, что

фантастика как жанр движется к своему концу; только дряхлое, тускнеющее явление начинает привлекать к себе подобных академических кровососов. Как говорит Иисус: «Где будет труп, там соберутся орлы»[73].

Основная претензия, которую много раз повторяет Уоррик, — склонность фантастики предупреждать об опасностях новых технологий, как для отдельных людей, так и для общества в целом. Что ж, неприятно, но факт: писателей-фантастов тревожат модные тренды, они беспокоятся о том, какие утопии могут вырасти в будущем из настоящего; в этом и состоит главная ценность фантастики. Говорят, было когда-то время, когда наука и прогресс считались синонимами. Теперь же мы тревожимся, и на то есть причины. Не потому что ничего не знаем о состоянии мира или о прорывах в науке. Целую главу Уоррик посвящает моим романам и рассказам, в которых действуют роботы, и даже приводит мои слова: «Величайшая перемена, которую переживает сейчас наш мир, состоит в том, что живые существа становятся все более вещами, а механизмы — все более одушевленными». И что? Мне не доз-

[73] Примечания: 73
Мф. 24:28.

волено смотреть на это с тревогой? Кто решает, о чем фантастам можно писать и тревожиться, а о чем нет? Книга Уоррик восхваляет меня, определяя мои работы как значимые, однако присваивает себе роль арбитра, призванного судить чужую точку зрения и чужую тревогу. Но и точка зрения, и предмет тревоги в фантастике определяется взаимодействием между автором, редактором и читателем; критик здесь всего лишь зритель. Читателю нравится то, что я пишу? — отлично. Не нравится? — тогда и говорить не о чем. «Значимость» — из правил другой игры, в которую я не играю. Начиная читать, а потом и писать фантастику, я думаю о чем угодно, только не о значимости. Сидя в школе на геометрии и потихоньку читая вложенный в учебник номер *Astounding*, я точно не значимости в них искал. Чего же я искал? Возможно, интеллектуального развлечения. Стимуляции ума.

Если академический мир аннексирует научную фантастику, это приведет ее к гибели, что бы ни думали по этому поводу Дилейни, Расс, Лем и Ле Гуин, единогласный хор жаждущих академического одобрения, словно оправдания на высшем суде. Но я смотрю налево и вижу потрепанный, без обложки номер *Planet Stories* за

июль 1952 года; там был опубликован мой первый рассказ[74], и множество благонамеренных людей интересовались, с чего мне вздумалось работать для такого рынка, писать для читателей такого «мусорного» (любимое ругательство Лема) журнальчика. И, честно сказать, лучше уж ругань, чем эти новые хвалы. Фантастика сделалась вполне съедобной для высокомерных людей с дипломами? Что ж, без меня. Увесистая книга профессора Уоррик, напечатанная на дорогой бумаге, с твердым переплетом и суперобложкой, впечатляет физически; но души в ней нет, — и, хуже того, она покушается на нашу душу. Оставьте нас в покое, доктор Уоррик; дайте спокойно читать книжки-«сиротские слезы» в бумажных обложках. Не надо даровать нам высочайшее одобрение. Наша способность стимулировать человеческое воображение и доставлять радость не зависит от вашего мнения. И, честно говоря, до сих пор мы прекрасно обходились без вас.

---

[74] Примечания: 74
«Вкус уаба».

Мое определение научной фантастики (1981)

Определение научной фантастики я начну с того, чем НФ *не является.* Ее нельзя определить как «роман (рассказ, пьесу), действие которого происходит в будущем»: существует такой жанр, как космический вестерн, в котором действие происходит в будущем, но он — не научная фантастика. Хотя казалось бы: приключения, драки, войны в будущем, в космосе, с использованием суперпродвинутых технологий. Почему же это не научная фантастика? Ведь очень похоже; и Дорис Лессинг (например) считает, что это она и есть. Однако космическому вестерну недостает важнейшего ингредиента: *качественно новой идеи.* Кроме того, действие научной фантастики иногда разворачивается и в настоящем — в романах или рассказах об альтернативных мирах. Итак, если отделить НФ от будущего и от супертехнологий, что в ней останется такого, о чем мы сможем сказать: это научная фантастика? Перед нами вымышленный мир — вот первый шаг: это не наше общество, но оно основано на известном

нам обществе, т. е. наше общество служит исходным пунктом, отправной точкой; общество, описанное в НФ, каким-то образом развивается из нашего, иногда перпендикулярно, как в историях об альтернативных мирах. Это наш мир, но вывихнутый каким-то ментальным усилием со стороны автора; наш мир, преображенный в то, чем он не является — или пока не является. Новый мир должен отличаться от нам известного, по крайней мере, в одном отношении — и это различие должно быть достаточно серьезным, чтобы запустить цепь событий, которые в нашем обществе — и ни в одном известном нам обществе настоящего или прошлого — произойти бы не могли. За этим «вывихом» должна стоять концептуальная идея; иначе говоря, отличие должно быть осмысленным и значимым, а не банальным или произвольным — в этом суть научной фантастики: общество, преобразованное таким образом, что в результате рождается новое общество, создается в сознании автора, переносится на бумагу и поражает читателя конвульсивным шоком — *шоком неузнавания.* Читатель сознает, что читает не о том мире, в котором живет.

Теперь о том, как отделить научную фантастику от фэнтези. Это невозможно; немного подумав,

вы поймете, почему. Возьмем псионику, возьмем мутантов, действующих в замечательном романе Теда Старджона «Больше, чем люди». Если читатель верит, что такие мутанты возможны, он видит в книге Старджона научную фантастику. Если же считает, что мутантов так же не бывает, как драконов и волшебников, — читает ее как фэнтези. Фэнтези включает в себя то, что, по общему мнению, невозможно; фантастика — то, что, по общему мнению, возможно при определенных обстоятельствах. Суждение, по сути, произвольное; объективного знания о том, что возможно и что невозможно, у нас нет, и решение зависит от субъективных взглядов читателя.

Теперь перейдем к определению *хорошей* научной фантастики. Концептуальный «вывих», иными словами, новая идея — должна быть по-настоящему новой (или же новым вариантом старой) и стимулировать разум читателя, должна вторгнуться в его сознание и показать такие возможности, о которых он раньше и не задумывался. Следовательно, «хорошая научная фантастика» — не объективное понятие, а оценочный термин, хотя, на мой взгляд, хорошая фантастика существует вполне объективно.

Думаю, лучше всего выразил это доктор Уиллис

Макнелли из Калифорнийского университета в Фуллертоне, когда сказал: истинный главный герой научно-фантастической книги — не личность, а идея. Если фантастика хороша — это идея новая, стимулирующая, и, что важнее всего, она запускает цепную реакцию идей в сознании читателя; она, так сказать, распечатывает мозг читателя, чтобы и он, как мозг автора, начал творить. Итак, фантастика движима духом творчества и побуждает творить: о большей части мейнстримовой литературы этого не скажешь. Мы, читатели фантастики (сейчас я говорю как читатель, а не как автор), читаем ее, потому что любим испытывать эту цепную реакцию в мозгу, начатую какой-то новой идеей в тексте; потому что самая лучшая научная фантастика предполагает партнерство автора и читателя, в котором творят оба — и радуются этому. Радость — вот последний и самый важный ингредиент научной фантастики; радость от открытия нового.

Предсказания (1981)

1983

Советский Союз создает ускоритель элементарных частиц, в результате ядерная атака на эту страну становится невозможной. В это же время СССР применяет это оружие для уничтожения спутников. США обращаются к нервно-паралитическому газу.

1984

Соединенные Штаты отлаживают систему, в которой источником энергии становится водород, заключенный в металлических гидридах. Потребность в нефти уходит в прошлое.

1985

В это время или немного раньше в СССР или в США происходит масштабная ядерная катастрофа, которая приводит к закрытию всех атомных электростанций.

1986

Спутники типа *HEAD-2* неожиданно обнаруживают во Вселенной огромный высокоэнергетический феномен, масса которого достаточна,

чтобы, когда он достигнет пределов расширения, «схлопнуть» всю Вселенную.

1989

Соединенные Штаты и СССР заключают договор о создании единого огромного суперкомпьютера как центрального источника информации, доступного для всего мира; это необходимо, поскольку переработка огромных массивов информации становится непосильной.

1993

В лаборатории, возможно, в СССР, впервые создана искусственная форма жизни. Это снижает наш интерес к поиску жизни на других планетах.

1995

Использование компьютеров обычными гражданами (доступное уже в 1980 году) превращает широкие массы из пассивных телезрителей в специалистов по обработке информации, высокообразованных людей с живым и ясным умом.

1997

Первые «купольные» колонии успешно основаны на Луне и на Марсе. При помощи модификаций ДНК создаются квазимутанты, способные выжить в неземных условиях, т. е. на других планетах.

1998

Советский Союз испытывает силовую установку, способную придать космическому кораблю скорость света; пилотируемый корабль отправляется к Проксиме Центавра. Вскоре за ним следует американский.

2000

Инопланетный вирус, занесенный на одном из межпланетных кораблей, массово уничтожает население Земли, но колонии на Луне и на Марсе остаются незатронутыми.

2010

Используя тахионы (частицы, движущиеся назад во времени) как носители, Советский Союз пытается проникнуть в прошлое и изменить его при помощи имеющейся научной информации.

Создатели и разрушители вселенных (1981)

Филип К. Дик — автор 48 романов и 150 рассказов, по книгам которого сейчас находятся в производстве четыре фильма. Лауреат премии «Хьюго», Мемориальной премии Джона У. Кэмпбелла, французской премии *Graoully d'Or*, премии Британской ассоциации научной фантастики и премии журнала *Playboy* в категории «Лучший автор-прозаик 1980 года»[75]. В феврале этого года издательство *Bantam* выпускает его новый роман «ВАЛИС», а в апреле в *Simon & Shuster* выйдет продолжение — «Всевышнее вторжение». Лондонская *Times* пишет о нем: «Рядом с Филипом К. Диком, одним из самых оригинальных авторов во всех прозаических жанрах, представители европейского авангарда выглядят нарциссами, давно зашедшими в тупик». Живет в Санта-Ана, округ Ориндж, Калифорния, более двух лет явля-

[75] Примечания: 75

За рассказ «Стылый полет», затем переименованный в «*I Hope I Shall Arrive Soon*».

ется подписчиком *SelecTV*[76].

Научно-фантастические фильмы отлично выучились нас дурачить. Словно покрывало майи, отдел спецэффектов в Голливуде ныне способен симулировать все, что ум в силах вообразить, а вы будете думать, что все это по-настоящему. Не довольствуясь уничтожением целых планет, изобретательные сценаристы и режиссеры скоро представят нам причудливые новые вселенные, полные соответствующих обитателей. Не пропустите! Что бы вы там ни думали о внешности инопланетян, правда окажется намного хуже. То, что вылезло из груди Кейна в «Чужом» — не вершина длинного ряда монстров, а лишь его начало.

Спецэффекты для научно-фантастических фильмов требуют огромных денег. Раз за это платят, значит, секрет прибыли именно здесь. Не в сюжетной линии: с тех пор, как нас покинул Хичкок, Голливуд утратил вкус к сюжетам. Зачем вообще сюжет, если есть спецэффекты? Историю заменили графические, визуальные образы. Авторы научно-фантастических романов об этом знают и ворчат; писали они одно — а зрители ви-

---

[76] Примечания: 76
Вступительный биографический абзац написан самим Диком.

дят в кино совсем другое. Но так и должно быть. Ведь здесь нам уже не рассказывают историю — мы видим ее своими глазами.

Ридли Скотт, режиссер «Чужого», сейчас снимающий фильм с бюджетом в 15 миллионов по моему роману «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», в интервью журналу *Omni*[77] признался, что мой роман «тяжело читается», и это несмотря на факт, что книга массово издана в бумажной обложке. С другой стороны, читать сценарий будущего фильма (он будет называться «Бегущий по лезвию») мне было очень даже легко. Отличный сценарий. Никакой связи с книгой. Кое в чем он, пожалуй, лучше. (Мне еще пришлось потратить кучу времени, чтобы его раздобыть. Никто из команды, работающей над «Бегущим по лезвию», ни разу со мной не связался. Но все нормально; я ведь тоже с ними не связывался.) На экране моя история превратится в масштабную и бессвязную толкотню андроидов, которые то взрываются, то нападают на людей, в массовые убийства, общее

[77] Примечания: 77

Omni — американский научно-популярный журнал, выходивший в 1978–1995 годах (с 1986 по 1998 год выходил онлайн). Основан Бобом Гуччионе, издателем журнала Penthouse. В Omni печаталась хорошая подборка фантастики, за которую отвечал с 1978 года Бен Бова, а с 1981 года Эллен Датлоу. В журнале были впервые в США изданы, например, «Джонни Мнемоник» Уильяма Гибсона и «Книга крови» Клайва Баркера.

смятение и хаос: увлекательное зрелище![78] Моя книга в сравнении с этим чертовски скучна.

Но вы и не захотели бы увидеть на экране мой роман, в котором сплошные разговоры да личные проблемы главного героя. Такие вещи на экран не перенесешь. Да и зачем переносить, если роман — это история в словах, а кино — событие, однокоренное с *кинетикой*? Не случайно же кино так назвали. Оно *движется.* Так что я не возражаю.

Иной раз мы, писатели-фантасты, уверяем себя, что нынешний массовый подъем интереса к нашему делу связан с успехом космических программ, всех этих полетов с людьми и без людей, и фотографиями, присланными с лун, которых еще никто и никогда не видел, — не говоря уж о кольцах, сплетающихся вопреки известным законам физики. Однако дело не в этом. Истинная причина безумного коммерческого успеха современных научно-фантастических фильмов вот в чем: производители спецэффектов совершили квантовый скачок в своем ремесле; такие фильмы, как «Близкие контакты третьего вида», «Чужой» или «2001», потрясающи — и так же

[78] Примечания: 78

Ридли Скотт потом пригласил Филипа К. Дика на студию и показал ему черновой монтаж фильма. Экранизация понравилась Дику, и он изменил свое мнение.

потрясали бы, изумляли и вызывали трепет, если бы мы до сих пор ездили на «Фордах» модели А. Может, тогда даже сильнее.

Да, звездолеты больше не болтаются на веревочках, не дрожат, не качаются и не дергаются у нас перед глазами, как в старом сериале «Флэш Гордон». Монстры — больше не надувные резиновые игрушки, неуклюже подражающие фантазиям рядового десятилетки. Фабрика мечты достигла ныне немыслимого совершенства. Все, что я, как автор, только могу измыслить — в Голливуде воплотят в жизнь, чтобы напугать вас, или поразить, и в любом случае убедить. Вот почему НФ-фильмы в наши дни работают — в отличие от былых времен, когда детишки на субботних послеобеденных сеансах ржали и свистели, глядя, как Лон Чейни-младший выползает из фальшивого болота, чтобы наложить проклятие мумии на какую-нибудь очередную идиотку.

Конечно, как писатель, я был бы рад, если бы в кино использовались и сами мои идеи, а не только основанные на них спецэффекты. При всем потрясающем визуальном воздействии «Чужой» (возьмем его для примера) не дает нам ничего нового в плане понятий, способных пробудить не чувства, а разум. Монстр здесь — просто монстр,

космический корабль — просто космический корабль. «Звездный путь» много лет назад дарил зрителям куда больше свежих и смелых идей, чем нынешние высокобюджетные НФ-фильмы, и неудивительно: ведь сценарии для этих часовых телевизионных серий писали величайшие тогдашние фантасты. Немного устаешь от того, как люди оказываются роботами, безвредные на вид формы жизни оборачиваются кровожадными, но очень предсказуемыми космическими осьминогами, и прежде всего, от битвы при Мидуэй, которую снова и снова разыгрывают в открытом космосе. Хотя должен признать: загадочные, музыкальные, почти религиозные обертоны «Звездных войн» и «Империя наносит ответный удар» меня заворожили. Нет, и здесь то и дело ощущаешь все тот же трепет, то же ожидание чуда. И если в конце непременно нужно взорвать орбитальную станцию — бог с ней, в конце концов, она так красиво разлетается по экрану в кислотных тонах. Вот величайшее из писаных правил: научно-фантастический фильм оканчивается не всхлипом, но взрывом[79]. Наверное, так и должно быть в этой лучшей из видимых

[79] Примечания: 79
Аллюзия на стихотворение Т. С. Элиота.

галактик.

Примечание к рассказу «Вкус уаба» (1980)

Идея, которую я хотел изложить на бумаге, была связана с определением «человеческого». Драматическая форма, в которую я завернул эту идею: столкновение людей в буквальном смысле, нас самих — и инопланетной формы жизни, обладающей теми глубинными чертами, которые я связываю с человечностью. Не двуногие с увеличенной поверхностью коры головного мозга — перефразируя старую поговорку, раздвоенная редиска, умеющая думать, — но организм, обладающий человеческой душой.

Простите, если слово «душа» вам не нравится, другого термина я придумать не могу. Разумеется, когда я писал «Уаба» — в дни моей юности и политического активизма в Беркли, — самому мне и в голову не приходило, что ключевой ингредиент уаба — душа; я был пламенным радикалом и атеистом, совершенно чуждым религии. Но даже в те дни (мне было примерно двадцать два) я стремился противопоставить истинную человечность тому, что позже назвал «андроидом

или рефлекторной машиной», которая выглядит как человек, однако им не является — предмет моего выступления[80] в Ванкувере в 1972 году, через двадцать лет после публикации «Уаба». Зародыш идеи, выраженной в этой речи, скрыт здесь, в моем первом опубликованном рассказе. Разница связана с эмпатией — или, как называли ее в былые времена, *caritas* или *agape*[81].

В этом рассказе эмпатия (со стороны уаба, который выглядит как большая свинья, но чувствует как человек) становится настоящим оружием выживания. Эмпатия определяется как способность поставить себя на чужое место. Уаб делает это даже лучше, чем мы обычно ждем друг от друга: и эта духовная способность вполне буквально становится его спасением. В уабе я хотел показать высшую форму жизни: так я оценивал его тогда — и оцениваю сейчас. С другой стороны, капитан Франко (сознательная аллюзия на испанского генерала Франко, дань моим тогдашним политическим увлечениям) рассматривает других существ исключительно с точки зрения их полезности; они для него — объекты, и за эту

[80] Примечания: 80
«Андроид и человек», текст включен в этот сборник.

[81] Примечания: 81
Бескорыстная, самоотверженная любовь (*лат., др.-греч.*).

полную неспособность к эмпатии он платит самую высокую цену. Так я показываю, что эмпатия важна для выживания: она дает преимущество в ситуации межвидовой конкуренции. Недурная идея для очень раннего рассказа очень молодого писателя!

Понравились мне аннотации, которыми снабдил «Вкус Уаба» журнал *Planet Stories*. На титульной странице:

> Многие рассуждают как философы и живут как глупцы, – так сказал грязный уаб после смерти.

И над заглавием рассказа:

> Грязный уаб вполне мог бы сказать: многие рассуждают как философы и живут как глупцы.

Реакция читателей была просто великолепная; Джек О'Салливан, редактор *Planet Stories*, написал мне, что, по его мнению, рассказ удался — и заплатил пятнадцать долларов. Так я впервые узнал расценки на труд писателя-фантаста.

Неделю назад, шаря у себя в шкафу, я наткнулся на старый-престарый дешевый журнальчик:

пожелтелый, с истрепанными углами, без обложки… Взял в руки, спрашивая себя, что бы это такое могло быть, — и это древнее ископаемое, этот артефакт давно ушедшей эпохи оказался *Planet Stories* за июль 1952 года с моим первым рассказом. Глубокое волнение охватило меня, когда я смотрел на иллюстрацию к «Уабу»: чудесная маленькая илька работы Вестала[82], и под ней подпись: «Этот уаб, сэр, — сказал Петерсон. — Он предложил поговорить на другую тему». Что ж, прошло двадцать восемь лет, наступили восьмидесятые — но и теперь звучит тихий голос уаба. Пусть он говорит вечно… и пусть люди к нему прислушиваются.

[82] Примечания: 82

Иллюстрация *Германа Вестала* (1916–2007), популярного художника-графика, работавшего для палп-журналов.

III. «Человек в Высоком замке» и его продолжение

Подробнее о «Человеке в Высоком замке» (1962), год спустя получившем премию «Хьюго» в категории «Лучший научно-фантастический роман», читатель может узнать из **Предисловия редактора**.

«Нацизм и „Высокий замок”» впервые опубликована в фэнзине *Niekas* (№ 9 сентябрь 1964). Текст написан в ответ на политически окрашенную рецензию на «Высокий замок», вышедшую в предыдущем номере *Niekas*, за авторством другого писателя-фантаста (и друга Дика) Пола Андерсона. Статья воспроизведена в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 14 июнь 1987). Поскольку статья поднимает множество важных фактологических вопросов, необходимо отметить: утверждение Дика, что «многие» еврейские беженцы, жившие во время Второй мировой войны на Дальнем Востоке, под властью Японии «создавали гитлеровские организации» и приветствовали друг друга нацистским салютом, не подтверждает ни одно из многочисленных научных исследований,

к которым я обращался. Источник этого утверждения Дика неизвестен.

«Материалы к биографии Готорна Абендсена» (1974) и **Две законченные главыизпредполагаемого продолжения «Человека в Высоком замке»** (1964) публикуются здесь впервые. Примечательно качество этих двух глав; о том, почему Дик не завершил продолжение, см. в Предисловии. Стоит сделать одно историческое уточнение: в первой главе упоминается, что фельдмаршал Роммель застрелился, — на самом деле он принял яд. Важно также отметить, что аудиокассета, расшифровка которой опубликована в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 9–10, январь 1986), включает в себя на одной из сторон заметки, надиктованные Диком (в это время он повредил плечо и не мог печатать) и касающиеся продолжения романа. На пленке описана сцена, в которой нацисты безжалостно допрашивают Готорна Абендсена, пытаясь выяснить, в самом ли деле существует *Nebenwelt* (альтернативная вселенная), в которой победили не нацисты, а союзники. Но Абендсен не может сказать им правду — он не знает. Тайна остается тайной.

Нацизм и «Высокий замок» (1964)

Немало лун прошло с тех пор, как бледнолицый[83] опубликовал рецензию на мой роман «Человек в Высоком замке», а читатели (например… но их было очень много, назову по имени только Джона Бордмена) начали комментировать — нет, не рецензию и не мою книгу, а проблему нацизма. И правильно сделали: эта тема заслуживает обсуждения намного большего, нежели в пределах книги или рецензии, и реакция на нее показывает, что я был прав — мы все еще страшно напуганы, все еще в тревоге, и не зря, ибо, как верно заметил Гарри Уорнер, «…в чувстве вины за войну мы идентифицируем себя с немцами, потому что очень на них похожи».

Однако, хотя все эти комментарии появились еще в марте, увидел я их только сейчас — и мне бы тоже хотелось высказаться.

Джон Бордмен называет доктора Фридриха

---

[83] Примечания: 83

Имеется в виду *Пол Андерсон* (1926–2001) — видный писатель-фантаст, семикратный лауреат премии «Хьюго», трехкратный лауреат премии «Небьюла», друг Дика.

Ферстера[84] «величайшим из современных критиков Германии». На самом деле *единственный* «величайший современный критик» попросту невозможен: эти слова означают всего лишь, что говорящий доверяет своему источнику. Что ж, доверять своему источнику вполне разумно, но я бы оспорил и его уникальность, и претензии на некое абсолютное — в стиле платоновских идей — совершенство в качестве единственного истинного источника. Правда, с той цитатой, которую приводит Бордмен (см. замечания Бордмена в *Niekas* за март 1964 года), я согласен. Беспокоит меня сам подобный тип мышления (хотя не обращайте внимания: сейчас раннее утро, я еще не завтракал, так что меня беспокоит все подряд). Мы не можем сказать наверняка, существовали ли в самом деле «две Германики», в смысле двух традиций мысли, или же нацизм стал абсолютной кульминацией, логическим осуществлением всего, что представляла собой Германия в целом; мы просто этого не знаем. Мы знаем, *что* они делали, знаем, какие идеологии *декларировали*...

---

[84] Примечания: 84

Фридрих Вильгельм Ферстер (1869–1966) — немецкий философ, педагог и пацифист. После Второй мировой войны требовал, чтобы немецкий народ не просто принял свою вину, но и искупил ее перед остальным человечеством.

но понять, *почему* они — т. е. нацисты — все это творили, нам не под силу. Честно говоря, я ведь с ними общался. Все, что они могут сказать: мы боялись. Да, боялись так же, как мы, хотя и других вещей: боялись нас, Великобритании, России (впрочем, России мы тоже боимся) и прежде всего евреев — вот этого мы не боимся и даже не можем понять, этот страх нам чужд. Для нас еврей — это, например, вон тот симпатичный высокий парень с бокалом в руке, с которым мы болтаем на вечеринке. Для них… все, занавес. Однажды вместе со своим знакомым нацистом, после войны переехавшим в Соединенные Штаты, я входил в одну квартиру и на пороге сказал ему: «Кстати, парня, который здесь живет, зовут Боб Голдстайн». И тут мой друг-нацист побледнел и отшатнулся, по-настоящему отшатнулся, он буквально боялся войти в квартиру — и в дополнение к страху испытывал тяжелое физическое отвращение. Почему? Спросите Ханну Арендт, еврейку; «величайшим современным критиком Германии» я бы назвал ее. Впрочем, похоже, и она, выросшая среди них, ответа не знает. Это нечто иррациональное, не логика, а психология. Почему некоторые боятся кошек, или автомобилей, или рыжих козлов? Они сами понятия не

имеют. Фобия есть фобия: как показали Фрейд, Юнг и Х. С. Салливан, она вырастает из тех глубин нашего «я», которые самому «я» неведомы и недоступны. *Ipse dixit*.

Простите, пожалуйста, если я болтаю лишнее; видите ли, я чувствую, что простые и ясные «ответы» на этот вопрос («Почему нацисты делали то, что делали, способны ли на это и мы, следует ли нам и себя считать виновными?») нас обманывают; простой ответ здесь невозможен. Виновны ли мы в очередной авантюре, которую затевают прямо сейчас безумные «планировщики» в Вашингтоне? Виновна ли какая-нибудь немецкая деревенская бабушка в 1939 году в тех решениях, что принимало бюро Эйхмана в Берлине? Однако есть несколько установленных фактов, о которых стоит помнить.

Когда Гиммлер пожелал присутствовать при казни (расстреле) нескольких ни в чем не повинных и безвредных евреев и ему предоставили такую возможность, от ужаса с ним случился припадок: он едва не потерял сознание, упал наземь, корчился в рыданиях. Адъютантам пришлось силой поднимать его на ноги. После этого Гиммлер издал указ о том, чтобы евреев больше «не расстреливали, но изыскали какой-либо более

милосердный способ мгновенного и безболезненного умерщвления». Запомним это и отметим. Даже у нелюдя, у существа, убившего в себе все человеческое настолько, что он смог подняться в высший эшелон нацистской власти, нашлись «человеческие чувства». (А вот Гитлеру смотреть на казни было неинтересно, да если бы и посмотрел, едва ли он выдал бы какую-то эмоциональную или этическую реакцию, — это тоже стоит отметить.) А еще *Wehrmacht Soldaten* (обычные немецкие солдаты) ненавидели *Schwarzers*, СС, и считали их убийцами. Отметим и это. Граждане Германии украдкой совали хлеб в запечатанные вагоны для скота, в которых евреев везли через Рейн навстречу смерти. Ремарк рассказывает, как какой-то немец, когда мимо его дома проводили колонну узников концлагеря, заиграл на рояле тему из «Фиделио» Бетховена, ту, что рассказывает об узниках, несправедливо осужденных тираном, которым наконец позволили увидеть солнечный свет. Даже немецкие проститутки приходили к заборам концлагерей, надеясь «что-нибудь сделать» для тех, кто там находится. Иными словами, там, где обычные немцы видели и понимали, что творят с евреями, в них постоянно пробуждались добрые (это слово я пишу

без кавычек) намерения; да, наверное, многие плевали в евреев, пинали их, насмехались над ними, бранили… но не все. *Die Stille im Lande*[85] — так называли нацисты немцев, не одобряющих расовую политику; эти немцы понимали, что стоит им громко высказать недовольство — уничтожат и их. Заметим еще: первыми обитателями концлагерей стали не евреи, а сами немцы. А во время войны несогласие с политикой правительства в Германии означало смерть. Например, одну немку посадили за то, что она выносила мусор, завернув его в газету с портретом Гитлера: суд (так называемый *Reichsgericht*[86]) счел это «государственным преступлением». И никто не возразил!

И однако немцы — значительная их часть, больше половины — проголосовали за Гитлера и помогли ему прийти к власти законным путем, хотя прекрасно знали о его взглядах на человеческие расы. Почитайте ранние дневники Геббельса: *Partei*[87] пользовалась поддержкой

---

[85] Примечания: 85
Молчание в стране (*нем.*).

[86] Примечания: 86
Имперский суд в Веймаровской Германии и Третьем рейхе.

[87] Примечания: 87
Партия, НСДАП.

не буржуазии, а рабочего класса. Отметим, что от коммунистов и умеренных социалистов рабочий класс переметнулся к нацистам. Почему? Могу предположить. Нацисты, как и политические боссы в наших больших городах — Чикаго, Нью-Йорке, Бостоне, — были для всех «открыты», всегда готовы тебя выслушать, помочь, поделиться едой и поддержкой… а немцы в то время голодали, умирали, их выселяли из домов, лишали всего; если помните, стояла Великая депрессия, и простые люди в Германии, как и у нас, дошли до ручки. Один из самых популярных современных фолк-певцов в то время (в конце 1930-х) не только пел в поддержку бастующих и против нашего союза с Великобританией, но и рассказывал, по-южному растягивая слова, что его записали в «японские шпионы»; иными словами, этот великий фолк-певец — его инициалы П. С.[88] — в то время был за нацистскую Германию. Почему? Из-за ее пакта с СССР. В международной политике коммунисты и нацисты некоторое время сотрудничали; ведь нацисты не были «правыми» — это были такие же левые, по крайней мере, пока нацистские танки не

[88] Примечания: 88

П. С. — *Пит Сигер* (1919–2014) — американский фолк-певец и общественный активист, член Коммунистической партии.

ворвались на контролируемую СССР половину разделенной Польши.

Джордж Х. Уэллс в своем комментарии в *Niekas* говорит о «еврейских националистах», которых «упустили из вида». И об этом стоит сказать: в то же время, когда среди нееврейских жителей Германии распространялась идеология антисемитизма, сами немецкие евреи — в подавляющем большинстве — все более начинали считать себя не немцами, даже не европейцами, а националистами еще не существовавшего национального государства Израиль. (Моисей Мендельсон[89] умолял свой народ не попадаться на эту удочку, а «выйти из гетто и стать частью европейского сообщества», но большинство его не слушало.) Итак, мы видим, что евреи в Германии пришли к тем же идеям, что и донацистские «расисты», например, Вагнер[90], который в таких дискуссиях вечно оказывается козлом отпущения: он, мол, *изобрел* мысль, что евреи — враждебные

---

[89] Примечания: 89

Моисей Мендельсон (1729–1786) — еврейско-немецкий философ, духовный лидер еврейского просвещения, реформатор. Проложил путь евреям от отчуждения гетто к общеевропейской культуре.

[90] Примечания: 90

Вильгельм Рихард Вагнер (1813–1883) — немецкий композитор. Крупнейший реформатор оперы. Автор «Тангейзера», «Парсифаля», «Кольца Нибелунгов». Филип К. Дик был поклонником музыкального творчества Вагнера.

Германии чужаки. Чушь собачья! Внимательное исследование идей Рихарда Вагнера показывает, что в конце жизни он порвал с Ницше, поскольку видел путь спасения для Германии (и для человека как такового) в христианской любви, а не в самодовольном милитаризме (см. «Парсифаль»). Так что даже среди знаменитых донацистских теоретиков мы не найдем единообразия во мнениях; зато найдем англичанина по имени Стюарт Хаус Чемберлен[91], и еще одного, по имени Карл Родс…[92] да, еще и Ницше, конечно же; но кроме него в самом, так сказать, «сердце тьмы» мы обнаруживаем безумных англичан. Учивших тому, о чем рассказывает Ханна Арендт: что мировая элита должна состоять из маленькой группы нордических арийцев — высшей касты, которая будет указывать «черненьким», т. е. большинству из нас, куда идти… например, в фальшивую душевую, которая обернется газовой камерой. Да, прав Гарри Уорнер, писавший в *Niekas*: мы все помним

---

[91] Примечания: 91

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) — английский писатель, социолог, философ. Расист и антисемит, автор книги «Основы XIX века».

[92] Примечания: 92

Сесил Джон Родс (1853–1902) — английский политический деятель, премьер-министр Капской колонии, организатор колониальной экспансии в Южной Африке, «архитектор апартеида». Северная и Южная Родезия были названы в его честь.

и вздрагиваем, потому что не только «они», но и «мы» поддавались страшным мыслям, а значит, и подстрекали к страшным деяниям. Это «мы» включает в себя и фанатичных еврейских националистов, ныне живущих в Израиле, из тех громил, что врываются в школы в квазивоенной униформе (вроде бы это называется «парамилитари») и срывают уроки у детей, потому что им показалось, что учитель в этом классе недостаточно чистокровен. В данном случае, однако, он уже не недостаточно немец, а недостаточно еврей.

Сионисты изгнали из Израиля *миллион* арабов; эти арабы, получившие поддержку — попросту говоря, спасенные от голодной смерти — у квакеров, сейчас составляют самую многочисленную на земле группу беженцев. И пусть никто не говорит, что эти арабы (т. е. неевреи, и, значит, чужаки, хотя их народ прожил на этой земле две тысячи лет) *хотели* уйти! Их запугали и заставили бежать, и теперь они не могут вернуться. Так жертвы Второй мировой войны превратились в агрессивных националистов, готовых воевать (см. Суэцкий кризис) с соседями, если им окажут адекватную военную поддержку (и поддержку снова оказывает Британия, вместе с Францией).

Все это ужасно. А во время Второй мировой в поселениях еврейских беженцев на Дальнем Востоке, под властью Японии, многие евреи вступали в гитлеровские организации и обменивались нацистским (или римским, если это название вам ближе) приветствием.

Нам нравится представлять себе жертв тирании и жестокости как *невинных* жертв («пешек»). Но часто случается, что и жертва запятнана кровью, что она активно участвовала в том зле, которое в конце концов обернулось против нее. Многие евреи в наши дни не ездят на «Фольксвагенах», а некоторые даже отказываются слушать Бетховена; разве это не так же невротично и «нездорово», как и столетней давности идеология крови, почвы и расы — идеология, которую исповедовали в Германии и евреи, и неевреи? Встречая фанатично националистичных евреев, поборников чистоты крови, я люблю ошарашивать их фактом, которого они, как правило, не знают: многие средневековые немецкие рыцари-поэты — миннезингеры — были евреями.

Так что с доктором Фридрихом Ферстером, «величайшим современным критиком Германии», мы поспорим. «Германик» — т. е. мировоззрений, исповедуемых немцами, — было никак не мень-

ше двух, а могло быть и три, и семь, и девять. И. С. Бах считал себя поляком (его государь был вассалом короля польского). Тем не менее мы называем Баха немцем, потому что он говорил по-немецки. Тони Бучер знает немецкий в совершенстве — выходит, он немец и, следовательно, нацист? Евреи в Германии говорили по-немецки… а громила, что сломал еврейскому скрипачу руку свинцовой трубой за то, что тот на концерте в Израиле вздумал сыграть пьесу Рихарда Штрауса, был фанатичный сионист. Как вам кажется, не ближе ли он к коричневорубашечникам 1930-х?

Когда знакомый еврей-фанатик называет меня «язычником», я отвечаю: «Скажи уж прямо „гой" и не парься!» Потому что, если я «язычник», это означает, что две тысячи лет развития человеческой мысли прошли втуне.

Он не хочет, чтобы я подвез его на «Фольксвагене» — сделанном, скорее всего, не в Германии, а в Нью-Йорке и совершенно точно купленном у еврея, у Леона Фелтона из Сан-Рафаэля? Ладно, тогда я не позволю ему при мне есть бейглы! (Шучу, конечно. Просто пытаюсь показать, что взваливать ответственность на народ ничем не лучше, чем на любую чисто семантическую, мифическую, не существующую в действительности

человеческую общность; немец № 1 не похож на немца № 2, немец № 2 не таков, как немец № 3, и так далее. Все равно что сказать, что мы с вами ответственны за взрыв бомбы в негритянской воскресной школе, где пострадали маленькие дети… да вы прекрасно знаете, что мы тут ни при чем, и попадись нам белые ублюдки — нет, просто ублюдки, — которые это сделали, мы бы с ними расправились не хуже толпы разъяренных негров.)

Я не «белый». Мои немецкие друзья — не «немцы», а еврейские — не «евреи». Я номиналист. Для меня существуют только индивидуумы, а собирательных единиц — расы, крови, народа и т. п. — попросту нет. Например, я англокатолик: но мои взгляды сильно отличаются от взглядов моего викария, который, в свою очередь, резко расходится во взглядах со своим епископом, с которым (это епископ Пайк[93]) я, напротив, почти во всем согласен. И так далее.

И выходить из комнаты, когда туда входит немец, я готов не более, чем когда входит еврей.

---

[93] Примечания: 93

Джеймс Альберт Пайк, епископ (1911–1969) — американский священник епископальной церкви, харизматичный общественный деятель. Погиб в Израиле во время экспедиции. Друг Филипа К. Дика. Прототип главного героя романа Дика «Трансмиграция Тимоти Арчера».

Как и не позволяю своим еврейским знакомым видеть во мне «язычника», т. е. представителя иной *расы.* Если я им не нравлюсь — пусть говорят это мне в глаза; если не нравятся все неевреи — пусть тоже, как нацисты в свое время, говорят это прямо в глаза. Но у них ничего не выйдет, как не вышло у нацистов: Израиль стоит, и евреи существуют. Однако — посмотрим правде в глаза — существует и Германия. Давайте жить в настоящем и смотреть в будущее, а не застревать невротически на бедах прошлого. Не Людвиг ван Бетховен зажег огонь в печах Дахау. Не Леонард Бернстайн перебил еврейскому скрипачу руку свинцовой трубой. Верно? На том и *salve*[94], как говорили римляне. Или, как говорят англокатолики, да пребудут с вами мир и любовь Божии. Да, и с немцами. И с евреями, пожалуйста, тоже.

[94] Примечания: 94
Будьте здоровы (*лат.*).

Материалы к биографии Готорна Абендсена (1974)

Разумеется, я принадлежу к поклонникам мистера Абендсена; его работы оказали на меня сильнейшее влияние, особенно заметное в моем романе «Человек в Высоком замке» (*Berkley Books*, 1974)[95].

Никто не станет спорить с тем, что самым известным романом Готорна Абендсена стал «И отяжелеет кузнечик» (возможно, многим из нас лучше знакомо немецкое название *Schwer Liegt die Heuschrecke*[96], хотя этой книге пришлось и издаваться, и распространяться «подпольно» в связи с ее политическим и религиозным содержанием. Хотя «Кузнечик» бросал вызов властям, сами они изучали роман с пристальным профессиональным интересом, поскольку он обрисовывает основные исторические «возможности» «альтернативного мира» — понятие,

---

[95] Примечания: 95
Имеется в виду переиздание в мягкой обложке.

[96] Примечания: 96
По немецкому изданию романа (изд. Konig Verlag, Мюнхен, 1974 год).

хорошо знакомое читателям научной фантастики, — и изображает в не слишком благоприятном свете судьбу стран Оси; именно последнее заставило мистера Абендсена и его семью искать неудобное и, несомненно, временное прибежище в Штатах Скалистых Гор, между двумя частями Соединенных Штатов, разделенных, согласно договору, после поражения коммунистическо-плутократических Союзников.

В настоящее время мистер Абендсен живет вместе со своей семьей самой скромной и обыденной жизнью, из опасений полицейского преследования за его знаменитый подпольный роман, в котором страны Оси *проиграли* войну. Его дальнейшее творчество очень скудно; по большей части это торопливо написанные письма, публикуемые в некоммерческих «фэнзинах», выходящих за пределами Соединенных Штатов — по очевидным причинам.

Две законченные главы из предполагаемого продолжения «Человека в Высоком замке» (1964)

1.

Утром пятого августа 1956 года рейхсмаршал Герман Геринг вылетел с крупной базы Люфтваффе, расположенной в Майами, Флорида, на север. Геринг проснулся в дурном настроении: на душе тяжким грузом лежала недавняя новость о том, что Маленький *Doktor* назначен канцлером Германии и всех оккупированных территорий. «И это после того, — думал он, — как мои бомбардировщики разгромили Англию и выиграли войну! А что сделало Министерство пропаганды? Распространяло лозунги и вселяло в народ модный, но совершенно бесполезный энтузиазм?»

Под ним простирался *Gau*[97] Вирджиния; ракета «Мессершмит Р-15» скользила так низко над землей, что можно было различить внизу крошечные черные пятнышки — это, согласно

---

[97] Примечания: 97
Область (*нем.*), административная единица в Третьем рейхе.

Богом установленному порядку, предвечному и неотменимому, трудились на полях рабы. Гармоничное, успокаивающее зрелище! Но сегодня и оно его не радовало.

Смерть прежнего канцлера, Бормана, стала для Геринга неожиданностью. А вот для других — нет, например, для самого Геббельса, не говоря уж об умниках из верхушки СС. Но политическая бдительность не сильно-то помогла рейхсфюреру СС Рейнхарду Гейдриху, который у себя, на Принц-Альбертштрассе в Берлине, теперь кипел, пыхтел, исходил злостью и рассылал письма во все стороны. «Интересно, на что рассчитывает?» — спрашивал себя рейхсмаршал. Стянул к своей берлинской штаб-квартире танки и отряды Ваффен-СС, да не какие-нибудь, а дивизию «Лейбштандарт» под командованием старого и надежного солдата Зеппа Дитриха, очевидно, для того, чтобы не дать новому канцлеру сместить Гейдриха — о чем доктор Геббельс наверняка уже подумал, — а заодно пригрозить партии на случай, если новый канцлер захочет получить от генералов присягу на верность, чего Борману так и не удалось. И снова Геринг задумался о том, разумно ли покидать базу Люфтваффе в Майами, его убежище в нынешнем кризисе. В конце концов,

Бальдура фон Шираха, главу Гитлерюгенда, по приказу Геббельса уже арестовали. Впрочем, Геббельс невзлюбил Шираха еще со времен успеха «Новых полей» — проекта по осушению Средиземного моря. Этот проект, личное достижение Шираха, сделал его популярным в массах, тех самых, на которые ориентировался Геббельс, так что возник конфликт интересов… и несколько дней назад он разрешился арестом фон Шираха.

Разумеется, если начнется заварушка, у Вермахта есть неоспоримое преимущество: эксклюзивное обладание водородной бомбой. Уже много лет агенты СС шныряют вокруг армейских объектов, пытаются что-то разнюхать и построить свой ядерный реактор. По всей видимости, дело у них не клеится. Однако любое правительство, неважно, представляет оно партию, или СС, или третью силу — быть может, коалицию этих двоих, — нуждается в генералах, и особенно в поддержке героя войны, фельдмаршала генерала Роммеля, ныне в отставке, но по-прежнему полного сил. И по-прежнему ненавидящего и партию, и СС за свою отставку с поста губернатора оккупированных территорий через несколько лет после Дня Капитуляции — после победы, которую, как воображает Роммель в своем горделивом невежестве,

он лично принес в Каир. Хотя любому немецкому школьнику известно, что, не уничтожь Люфтваффе английскую радиолокационную сеть, победы Германии не видать.

Автопилот Р-15 запищал, указывая на приближение к пункту назначения. Олбани, Нью-Йорк.

«Надеюсь, — думал Геринг, — Фриц Захер действительно нашел доказательство своей гипотезы! И если так, я его вознагражу». Награда, тщательно завернутая в плотную ткань, лежала в заднем отсеке ракеты: большая бутыль, а в ней уникально деформированный человеческий плод, результат медицинских экспериментов доктора Зейсс-Инкварта. Отец славянин, мать негритянка. Во время беременности над зародышем поработала команда Зейсс-Инкварта: в результате глаза у него находились на ступнях, а там, где должна быть голова, росла третья нога. Уникальный экземпляр, один из обширной коллекции рейхсмаршала. Пожалуй, лучший. Но ради Захера Геринг готов был пожертвовать этой драгоценностью — разумеется, если Захер докажет, что его предположения верны.

По периметру особняка Захера в Нью-Йорке дежурили вооруженные патрули с собаками — и не случайно: операция требовала секретности.

Геринг об этом знал, поскольку охрана финансировалась Люфтваффе. Абвер, военно-морская контрразведка, поставлял людей — поэтому знал и адмирал Канарис. Так что Геринг не удивился, когда, выйдя из Р-15, увидел, что Захер вместе с Канарисом уже его ждут.

Отдуваясь после спуска по крутому трапу, Геринг заговорил:

— Герр Захер, я привез вам *Wunderkind*! — И, покосившись на Канариса, которого недолюбливал, добавил: — А для вас подарка не захватил.

– *Der Dicke*[98] подражает японцам, — проговорил Канарис, ни к кому в особенности не обращаясь. — Церемония обмена дарами! — Он взглянул на часы. — Думаю, пора начинать. — И бросил взгляд на здание, в котором до войны, в дни независимости Америки, располагалась резиденция губернатора.

— Попробуйте угадать, что с ним, — предложил Геринг, доставая обернутую тканью бутыль.

— Рейхсмаршал, кто знает, что вы здесь? — поинтересовался Захер. — Прежде всего, из СС? СС нас особенно беспокоит.

— Никто, только мои люди. — Геринг вручил

---

[98] Примечания: 98
Толстяк (*нем.*).

бутыль молодому ученому. — Это что-то совершенно новенькое: надеюсь, он поднимет вам настроение!

— Сердечно благодарю вас, рейхсмаршал, — ответил Захер, принимая бутыль. — Ваша коллекция уродов известна всему свету. Помню, как-то еще школьником я был на экскурсии возле вашей виллы в Бреннере и видел… — Он уже развернул ткань и теперь рассматривал бутыль на свет. — Цефалопедалис! Какая прелесть! Очень, очень интересно. — И он задумчиво уставился на головоногого младенца. — Дома, должно быть, такой стоит не меньше тысячи *Reichsmark*, а здесь еще больше. У меня пока нет собственной коллекции — настоящей коллекции, по крайней мере; только…

— Может, начнем? — резко прервал его адмирал Канарис.

Они вошли в здание. Геринг и Канарис последовали за ученым в белом халате через холл и оказались в просторном зале, видимо, бывшей столовой, как догадался рейхсмаршал. Здесь сидели двое; стол перед ними был завален бумагами и заставлен разными предметами довольно обычного вида. Оба явно чувствовали себя не в своей тарелке, а увидев рейхсмаршала, поспешно

встали навытяжку.

— Это выжившие члены группы *Kommando* из двенадцати человек, отправленных через наш портал, — объяснил Захер. — Восемнадцать месяцев прошло с тех пор, как мы впервые убедились в существовании параллельной вселенной, названной нами *Nebenwelt*[99], поскольку этот иной мир граничит с нашим. Он постоянно рядом и имеет «лазейки», через которые в него открывается доступ, — одна из них находится здесь. Все это мы знаем уже полтора года. Но теперь можем представить намного более точные и подробные данные о *Nebenwelt*; именно для этой презентации я пригласил на встречу вас, герр рейхсмаршал, и адмирала Канариса. Хочу представить вам герра Кохлера и герра Зелигзона, остальное они расскажут сами.

— Я Кохлер, — представился тот, что пониже. Его товарищ с явным облегчением снова сел. — Вместе с другими из нашей группы *Kommandos* — теми, кто выжил при переброске в иной мир, но не сумел пережить переброску обратно, — в течение полутора лет прожили в *Nebenwelt,* не вызывая подозрений благодаря беглому знанию

---

[99] Примечания: 99
Побочный мир (*нем.*).

английского, на котором говорят в этой части света. Обстановка там вполне удовлетворительная, однако все заполонено евреями. Через общественные библиотеки и случайные контакты мы постарались выяснить, почему их столько и почему в этой местности доминирует английский, а не немецкий язык. Как мы и предполагали до переброски — такова изначальная теория герра Захера, — *Nebenwelt* представляет собой альтернативную Землю, на которой Ось Рим — Берлин — Токио проиграла войну, и победа досталась Союзу коммунистических и плутократических наций. Из-за этого Америка там остается еврейским государством номер один, а большевики контролируют половину мира — другую половину: они разделили мир между собой, как и предсказывал в случае поражения Оси доктор Геббельс.

Наступило молчание. Рейхсмаршал и адмирал Канарис взвешивали в уме то, что услышали.

— Удалось ли вам, — заговорил наконец Канарис, — выяснить, почему именно была проиграна война?

— Да не все ли равно? — с раздражением воскликнул Геринг. — Оставьте эти технические детали ученым! — Повернувшись к Захеру, он

добавил: — Ваш *Nebenwelt* — галлюцинация, призрак! Он же не реален — не таков, как это! — И громко постучал костяшками пальцев по книжной полке, полной научных изданий.

— Мы добыли вещественные доказательства, — вставил Кохлер.

— Фальшивки! — отрезал Геринг.

— Это уж мне решать, — отрезал адмирал Канарис. Подойдя к столу, он разглядывал лежащие на нем бумаги, книги и другие предметы. — Почему вы, рейхсмаршал, с порога отвергаете эту идею? — Он перевел вопросительный взгляд на Геринга. — Потому что она не укладывается у вас в сознании? Но, как и говорит герр Кохлер, мы знаем об этом — по крайней мере, в теории — уже полтора года. У вас было немало времени, чтобы переварить эту новость. А теперь перед нами люди, которые жили там и что-то оттуда привезли. — Он взял со стола толстую книгу, задумчиво перелистал и перевел взгляд на Кохлера, который по-прежнему стоял навытяжку, преданно сверля его глазами. — «Взлет и падение Третьего рейха», автор Уильям Ширер. Видимо, здесь мы должны отыскать «технические детали»?

— Описан период до 1945 года, — кивнул Кохлер. — Я прочел ее несколько раз. Очень много

информации, определенно лучший исторический труд на эту тему. Я спрашивал в нескольких книжных магазинах Нью-Йорка, и везде мне отвечали, что лучше книги о Второй мировой войне не найти, так что это определенно не случайный выбор. И определенно не подделка! — убежденно добавил он.

— Ожидая вашего прибытия, адмирал, и вашего, рейхсмаршал, — заговорил Захер, взяв из рук у Канариса книгу и открывая ее на месте, заложенном закладкой, — я полистал ее сам. Если позволите, зачитаю вам кое-что.

— Просто перескажите, — ответил Канарис.

— Их история, по-видимому, разошлась с нашей в начале тридцатых. Там президент Рузвельт *не был убит* в своем кабинете в 1941 году, когда Америка вступила в войну против Оси.

— И Брикер так и не стал президентом? — встревоженно спросил Канарис.

— Нет, герр адмирал, — покачал головой Захер.

— Во время войны, — снова заговорил Кохлер, — фельдмаршалу Роммелю не удалось взять Каир и соединиться с частями германской армии, вышедшими из России. Кроме того, германская армия так и не прорвала русский фронт: у города

под названием Сталинград на Волге коммунистические орды перешли в контрнаступление и уничтожили все части Шестой армии.

— А еще, — пробормотал у него за спиной, не глядя на Геринга, герр Зелигзон, — Люфтваффе сконцентрировалась на бомбежках крупных гражданских объектов в Великобритании и так и не вывела из строя радиолокационную сеть. Поэтому вторжение на Британские острова не состоялось.

— Ближе к концу войны, — продолжал Кохлер, — англосаксонские державы создали атомную бомбу. Ее идею предложил в письме к Рузвельту еврей Эйнштейн, родившийся в Германии: так он предал свою родину.

— Германия для евреев не родина! — отрезал Геринг.

— Очевидно, герр Эйнштейн был с вами согласен, — сухо ответил Канарис.

— Нам доставили и материалы, касающиеся нынешнего положения Германии в том мире, — снова заговорил Захер. — Она была разделена между англосаксонскими державами и коммунистической Россией. Расколота надвое, погибла как единая страна. — Помолчав, он добавил: — Япония — на сегодняшний день сателлит Соеди-

ненных Штатов. Коммунизм распространился далеко на восток, особенно силен он в Китае. — Говорил он бесстрастно, жестко, без всяких эмоций перечисляя факты. — Из этого очевидно, какое жизненно важное значение для нашего мира имело убийство Рузвельта. Если можно сказать, что одно-единственное событие…

— Любопытно было бы выяснить, — перебил его Геринг, — как поживает в так называемом *Nebenwelt* фельдмаршал Эрвин Роммель, завоевавший нам победу в сорок седьмом? Не могу вообразить, чтобы он принял поражение!

— После потери Северной Африки, — ответил Кохлер, — фельдмаршал был переброшен во Францию, чтобы принять командование войсками, ожидающими английского вторжения. В дороге его автомобиль был замечен и атакован британским «спитфайром», Роммель был ранен пулеметной очередью и попал в госпиталь. Так что защищать от вторжения Западный вал Крепости Европа ему не пришлось. — Помолчав, Кохлер добавил: — Есть кое-что еще.

— Ну? — нетерпеливо спросил Геринг.

— Фельдмаршал Роммель присоединился к группе предателей, покушавшихся на жизнь Адольфа Гитлера.

— Быть такого не может! — воскликнул Геринг.

— Подождите! — решительным жестом остановил его Канарис. — Дайте ему договорить.

— Заговор раскрыли, — продолжал Кохлер. — Заговорщики были удавлены и вздернуты на мясницких крючьях, чего вполне заслуживали. Однако Эрвину Роммелю, как герою войны и бывшему патриоту, позволили застрелиться. Так он и сделал.

Снова наступило долгое, тяжелое молчание.

— Я думаю, — заговорил наконец Геринг, — что эти так называемые «материальные свидетельства» — подделки, сфабрикованные Абвером. — Он уставился в лицо адмиралу Канарису, пытаясь разгадать значение легкой иронической усмешки у него на губах. — Однако непонятен их мотив. Отчасти ясно: очернить фельдмаршала. Но остального не понимаю.

Говорил он решительно и резко, с уверенностью, которой вовсе не ощущал. Требовалось время, чтобы все это переварить. Очевидно, это фальшивое «открытие» связано с нынешним кризисом во внутренней политике Рейха. Интуитивно он чувствовал, что за всей интригой стоит адмирал Канарис и его контрразведка: не

случайно же Кохлер и Зелигзон, как и прочие *Kommando*, агенты Абвера.

И все же… все же очень похоже на то, что альтернативная вселенная действительно существует. Как и утверждает это Захер уже полтора года. Но что творится там на самом деле? Если бы послать туда верных ему людей из Люфтваффе…

— Спешу добавить, рейхсмаршал, — продолжал Кохлер, — что решение бомбить английские города, а не радиолокационную сеть, принадлежало не вам, а фюреру. — И он воззрился на Геринга с надеждой.

Адмирал Канарис скрестил руки на груди, задумчиво прошелся по комнате и заговорил, словно обращаясь к самому себе:

— Вот уже несколько минут я обдумываю одну странную мысль. В регионах, подвластных Японии, особенно в штатах Скалистых гор и в ТША, распространяется одна книга: у нас она запрещена, но в моем ведомстве, разумеется, ее знают. Говорят, по каким-то неведомым мне причинам она очень популярна у японцев. Это роман, чистая выдумка — по крайней мере, так мы полагали до сих пор.

— «И отяжелеет кузнечик», — закончил Геринг. Он читал книгу Готорна Абендсена: на него, ра-

зумеется, запрет не распространялся. — История о том, каким был бы сегодняшний мир, если бы союзники выиграли войну.

— И анализ того, как они могли бы победить, — добавил Канарис. — Абендсен считает, что союзники выиграли бы, если бы Советский Союз сумел остановить генерала фон Паулюса под Сталинградом. Именно на этом допущении основан его вымышленный мир. Об этом же историческом условии сообщают и наши двое *Kommando*: это и произошло в *Nebenwelt.* Похоже, книга Абендсена — не что иное, как сообщение об этом другом мире.

— Не совсем, — поправил Кохлер. — И Зелигзон, и я знакомы с романом Абендсена: между миром, который он описывает, и тем, в котором мы прожили последние полтора года, действительно есть общее сходство. Однако многие детали различаются. Это ни в коей мере не точная копия. Например, в книге президентом Америки на момент вступления в войну был Рексфорд Тагуэлл, а в *Nebenwelt* — все еще Рузвельт…

— Тем не менее, — настаивал Канарис, — Абендсен все же что-то знает о *Nebenwelt*, пусть в самых общих чертах. Детали различны, но сходство налицо: игнорировать это было бы неумно с по-

литической точки зрения.

— Почему неумно? — поинтересовался Геринг.

— Это означает, что у Захера нет монополии на доступ в *Nebenwelt.* Знает о нем один человек, Готорн Абендсен, — могут узнать и другие, а возможно, уже и знают. Значит, у нас нет того абсолютного контроля над порталом в иной мир, который нам нужен.

— Да зачем он нам нужен? — недоуменно спросил Геринг. Никогда он не мог уследить за хитросплетениями мысли адмирала, столь характерными для разведчиков.

Адмирал ответил, тщательно подбирая слова, с выдержанно-бесстрастным лицом:

— Любая планируемая нами военная операция должна быть тщательно прикрыта.

— Да почему? — все не мог взять в толк Геринг. — И какие-такие мы планируем военные операции?

Единственное, что приходило ему в голову — космическая программа, колонизация Венеры и Марса. До сих пор Вермахт в этом не участвовал; эмиграцией занимались только СС. Может быть, наконец решено привлечь к этому и армию? Пожалуй, от этого будет толк: СС пока что так и не удалось вывести достаточно адекватных

образцов генетически усовершенствованного человека, пригодного к жизни на других планетах.

Однако Канарис, по всегдашнему своему обыкновению, быстро и ловко перевел разговор на другое:

— Необходимо провести тщательное, пункт за пунктом, сравнение воображаемого альтернативного мира Абендсена с *Nebenwelt.* Я хочу точно знать, в чем они схожи, а в чем различны. — Он сделал выразительный жест. — Возможно, это всего-навсего то, что японцы называют синхронистичностью, — ничего не значащее совпадение. Или, скорее, то, что называл синхронистичностью наш физик Вольфганг Паули: я и забыл, что концепция акаузальных связей — немецкого происхождения. — Канарис нахмурился. — Они постоянно обращаются к этому чертову оракулу, книге «И-Цзин», без нее не принимают ни одного решения. Меня такое смущает. Хорошо, что Партия осудила этот дегенеративный восточный мистицизм!

— Этот оракул, — подхватил Кохлер, — существует и в *Nebenwelt.* Мы несколько раз с ним сталкивались, хотя широкого распространения там он не имеет. А в книге Абендсена, в описанном им мире, не упоминается совсем.

— Еще одно различие, — задумчиво протянул Канарис. — Если бы мы верили этому оракулу, — сказал он наконец, — то предположили бы, что он знает о существовании *Nebenwelt* и что в «И-Цзин» можно найти какие-то сведения и о нем. Я читал, что оракулом пользуется Абендсен; насколько я понял, он составил сюжет своей книги при помощи гексаграмм. Быть может, поэтому его вымышленный мир так напоминает *Nebenwelt?* Но подумайте, какой в этом риск для Германии! Если оракул пытается сообщить тем, кто к нему обращается… — Тут адмирал, нахмурившись, оборвал себя. — Я так говорю об этой штуке, словно она живая!

— Хорошо, что мы здесь, на германской территории, ее запретили, — заметил Геринг. — Помню, как настаивал на этом доктор Геббельс: у него просто пена изо рта пошла, когда тот композитор — как бишь его? — сказал в интервью, что на основе «И-Цзин» подбирает гармонические последовательности.

— Наш Маленький *Doktor* пускает пену изо рта по поводу всего, чего не понимает, — заметил Канарис.

— А кто понимает этого оракула? — возразил Геринг. — Никто, даже из тех, что на него полага-

ются. Если не считать теорию Паули о синхронистичности, у нас нет гипотез, как он работает. Не верить же, подобно древним китайцам, что гексаграммами управляют невидимые духи!.. — Эта тема ему наскучила, и он вернулся к тому, ради чего прибыл в Олбани. — Захер, чрезвычайно важно для внешней и внутренней безопасности Германии, чтобы ваши исследования *Nebenwelt* оставались строго конфиденциальными. Книга Абендсена и так подняла слишком много шума: даже в Германии большинство интеллектуалов имеют общее представление о ее сюжете, хоть, разумеется, саму книгу не читали. К сожалению, читать и не обязательно — достаточно знать о ее существовании. Вы понимаете, о чем я. Если широкие массы задумаются о возможности иной жизни, о том, каким был бы мир без германского владычества, это надломит их безусловную самоидентификацию с *Gemeinschaft*[100], единым народом, созданным Партией в 1932 году и теперь распространившимся на половину мира. Писатель Готорн Абендсен нанес своей книгой огромный вред: всех возможностей *Sicherheitsdienst*, тайной полиции, оказалось недостаточно, чтобы

---

[100] Примечания: 100
Сообщество (*нем.*).

предотвратить ее нелегальное распространение даже в центральных *Gau*, да что там — в самом Берлине! Особенно широкую популярность, несмотря на все усилия госбезопасности, получила книга в Гамбурге.

— Нам необходим этот Абендсен, — продолжал размышлять Геринг. — Пусть *SD Einsatz Gruppe* похитит его и как следует допросит.

«Как только отсюда выберусь, — решил он, — позвоню насчет этого Гейдриху. Странно, что рейхсфюрер СС до сих пор ничего не сделал в этом направлении».

— Позволите ли вы мне продолжить описание *Nebenwelt*, а также объяснить значение этих материальных свидетельств? — спросил Кохлер, кивнув в сторону стола, где лежали грудой привезенные им и Зелигзоном артефакты.

— Валяйте, — ответил Геринг и приготовился слушать подробный отчет о другом мире, таинственной вселенной, где страны Оси — как ни странно — проиграли Вторую мировую войну.

2.

В аэропорту Темпельхоф капитана Рудольфа Вегенера встретили двое эсесовцев в отполированном как зеркало «Даймлере». И вели

дружелюбную беседу ни о чем, пока автомобиль приближался к штаб-квартире СС на Принц-Альбертштрассе, вокруг которой, ввиду близящегося кризиса во внутренней германской политике, уже стояла лагерем знаменитая дивизия чернорубашечников «Лейбштандарт» под командованием Зеппа Дитриха. Теперь Вегенер видел огромные танки «Тигр», стратегически развернутые: их 88-мм пушки прикрывали каждый перекресток и само здание.

Эта демонстрация военной силы его не впечатлила. Одна тактическая водородная бомба, выпущенная Вермахтом из миномета, сотрет с лица земли всю дивизию вместе с самим Гейдрихом. Но, должно быть, под такой защитой Палач психологически ощущал себя в безопасности. Менталитет СС расцветал среди похожих на парады маневрах, таких как эти блестящие танковые кордоны.

Его проводили в огромный кабинет, где рейхсфюрер СС разговаривал по телефону.

— Мы уже посылали человека, — говорил Гейдрих резким, монотонным голосом, глядя сквозь Вегенера. — Его нашли убитым в мотеле в Денвере. Зарезанным. Да, кто-то перерезал глотку. Да, он почти добрался до этого еврея Абендсена. —

Пауза. — Нет, привозить его сюда не собирался, да и зачем? Что он может сказать, кроме того, что уже сказал в своей книге? — Снова пауза, на этот раз подольше. — Если хотите, чтобы мы привезли его сюда, вам придется объяснить, зачем он вам нужен. Мы — не подразделение Люфтваффе. Хорошо, тогда пошлите кого-нибудь сами. Сбросьте на него бомбу. Всего хорошего.

Гейдрих повесил трубку, черкнул что-то на вырванном из блокнота листке, затем кивнул в сторону кожаного кресла у стола.

— Рейхсмаршал, — пояснил он Вегенеру. — Все его четыре центнера. Присаживайтесь. Вы тот человек из Абвера, что был в Тихоокеанских Штатах Америки. — Бегло просмотрев лежащую на столе кипу бумаг, он достал одну, пробежал глазами. — Читаю про вас. Ну что, как там дела у япошек? Безалаберность и расхлябанность, верно? Впрочем, у нас немногим лучше, особенно теперь, когда эта вонючая хромая помойная крыса Геббельс пробралась в канцлеры — надеюсь, ненадолго. Он ведь готов нас всех во сне перерезать. Вот почему я послал людей встретить вас в аэропорту.

— Я это ценю, — скованно ответил Вегенер.

— По нашему мнению, — светским тоном про-

должал Гейдрих, — Бормана убили. Впрочем, Геббельс в любом случае занял пост канцлера незаконно. Несколько юристов СС изучили дело и подготовили справку. Следовало провести выборы с голосованием всех членов партии. Новый вождь Германии должен выйти из партийных рядов, как завещал Гитлер. И даже если бы Геббельс пришел к власти законным путем, он просто слишком стар, как и все *Altparteigenosse*[101]. Я, разумеется, к этой категории себя не отношу.

— Ни в коем случае, — согласился Вегенер.

— Что же, вам удалось сообщить япошкам об операции «Одуванчик»? Генерала Тедеки это заинтересовало?

— Я… я ни о чем подобном понятия не имею, — ответил Вегенер.

— Но вы же были там, чтобы сообщить японцам, что мы готовимся их атаковать! — В раздражении Гейдрих заговорил сухо и резко, очень отчетливо выговаривая слова, словно обращался к иностранцу. — Операция «Одуванчик» — нападение на Японию. Это ваша миссия. Для этого вы отправились туда под видом предпринимателя из Швеции. — Он пролистал досье. — Вылетели

---

[101] Примечания: 101
Старые товарищи по партии (*нем.*).

с аэропорта Темпельхоф на одной из этих новых ракет, «Люфтганза 9-Е», под фамилией Байнс. В дороге с вами заговорил агент СД: назвался Алексом Лотце, художником, вы сообщили ему, что торгуете пластмассовыми и полиэстеровыми изделиями. В аэропорту Сан-Франциско вас встретил делегат от японского торгового представительства, господин Нобусуке Тагоми. На следующий день у него в кабинете, в здании *Nippon Times*, вы оба встретились с отставным начальником штаба японской Императорской армии, генералом Тедеки, и сообщили, что Вермахт готовит нападение на его родные острова — внезапную атаку, о которой ничего не знает даже Токкока, японская тайная полиция.

— Для меня это все совершеннейшая новость, — ответил Вегенер.

— Какого черта? — нетерпеливо воскликнул Гейдрих. — Именно во время этой встречи с генералом Тедеки и господином Тагоми в здание ворвался отряд СД с целью уничтожить всех троих! — Помолчав, он добавил: — Они провалили задание.

Наступило короткое молчание, затем Вегенер ответил слегка охрипшим голосом:

— Господин Тагоми — хороший стрелок. Он

коллекционирует револьверы времен Гражданской войны в США и постоянно практикуется в стрельбе из них.

— А мы-то спрашивали себя, что случилось. Бруно Крейц фон Меере, глава СД в Сан-Франциско, выстроил целую теорию, что снайперы кэмпэйтай, японской гражданской полиции, устроили засаду то ли снаружи кабинета Тагоми, то ли прямо внутри. Хм, так, выходит, о людях фон Меере позаботился сам Тагоми? — Он кивнул, очевидно, довольный тем, что загадка разрешилась. — Итак, вы предали свою страну. По личной инициативе или в дело вовлечен Абвер? А как насчет самого генерала Канариса?

— Он ничего не знает о моей поездке, — ответил Вегенер, гадая про себя, есть ли у Гейдриха доказательства обратного. Рейхсфюрер СС, похоже, в курсе всего остального.

Гейдрих, однако, этого словно не заметил и перешел на другое:

— Там, в Тихоокеанских Штатах, вам не попадалась та еврейская книга, в которой мы проиграли войну? Роман «Кузнечик»?

— Он там доступен, — уклончиво ответил Вегенер.

— Вы слышали мой разговор с рейхсмаршалом:

они хотят, чтобы я похитил Абендсена и доставил его сюда, причин не раскрывают. — Гейдрих пристально взглянул на Вегенера. — Нам известно, что в Олбани, Нью-Йорк, действует совместный проект вашей организации и Люфтваффе. Вы лично что-нибудь об этом знаете?

— Нет, — ответил Вегенер, на этот раз честно.

— Насколько нам удалось выяснить, — продолжал Гейдрих, — этот проект исходит из предположения о существовании параллельных миров: один мир наш, другой — тот, что Абендсен описал как вымышленный в своем романе. Проект возглавляет Захер. Каких успехов он добился, нам пока неизвестно. Может быть, и никаких. Возможно, он исходит из ложной посылки. Или… — Гейдрих поднял руку, — или посылка оказалась верной, но отыскать проход между мирами ему не удалось. — Перечисляя возможности, он методично загибал пальцы. — Или они нашли проход, но этот иной мир — *Nebenwelt,* кажется, так они его называют — оказался не тем, что этот еврей Абендсен описал в своей псевдохудожественной книге. Есть и другие варианты. — Он немного подумал. — Что, если они нашли проход сразу в несколько миров, и мир Абендсена — один из них?

— Хм… — протянул Вегенер.

— Любопытно, что рейхсмаршалу вдруг понадобился Абендсен. Причем не мертвый, а живой: рейхсмаршал требует похитить его и привести в штаб-квартиру Люфтваффе в Майами. — Несколько секунд Гейдрих смотрел на свои загнутые пальцы. — Очевидно, они хотят допросить Абендсена о мире его «Кузнечика»… и это, на мой взгляд, может означать только одно: они что-то нашли! — Он поднял глаза, смерил Вегенера острым взглядом. — Уверены, что ничего об этом не знаете? Вы агент Абвера — а именно Абвер, как мы слышали, поставляет Захеру своих агентов для проникновения…

— Все последнее время, — перебил его Вегенер, — я готовился к поездке в ПША, теперь оконченной. Со мной разговаривать бесполезно: я ничем не могу вам помочь. Даже если этот проект, как вы говорите, существует, — до сегодняшнего дня я ничего о нем не слышал. — Для него все это звучало очень сомнительно: скорее всего, горячечная фантазия гениальных безумцев из верхушки СС, включая самого Гейдриха.

— И все же подумайте, — проговорил Гейдрих, сложив руки на груди и откинувшись на спинку кресла. — Согласно закону, вы государственный

изменник: вы сознательно и систематически передавали наши важнейшие военные секреты врагу, а именно, высшим армейским чинам Японии. Я мог бы без санкции *Reichsgericht* удавить вас и подвесить на крюк для разделки мясных туш. Я мог бы перед этим раздавить вам яйца плоскогубцами. Я мог залить щелочь вам в…

— Ваша организация, — ответил Вегенер, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, — ничего не посмеет сделать с агентом военно-морской контрразведки. А если мне придется предстать перед судом, это будет военный трибунал, подчиненный моему начальству из Абвера.

— Хотите пари?

— Я знаю точно, — ответил Вегенер, — что ваша организация также против операции «Одуванчик». По вашим собственным словам, вы следили за мной, знали, куда и зачем я направляюсь, еще до моей встречи с генералом Тедеки. Вы могли бы меня остановить.

— Мы и попытались, — безмятежно ответил Гейдрих. — В здании *Nippon Times*.

— К чему вы клоните?

— В настоящий момент, — заговорил Гейдрих, — вы находитесь в самом центре располо-

жения дивизии Ваффен-СС «Лейбштандарт». Ни у Абвера, ни у Вермахта, ни у Партии, ни у всех троих, вместе взятых, нет никаких средств вас отсюда вытащить. Так что, если хотите торговаться, придется со мной — а со мной сторговаться нелегко, как вы, возможно, слышали. В этом досье на вас, — он указал на разбросанные по столу бумаги, — перечислены и задокументированы все подробности вашей измены. Сейчас эти документы доступны многим, но у меня есть возможность полностью их дезактивировать. Люди из СД не явятся к вам в пять утра и не потащат в лагерь для окончательного решения; против вас не будет проводиться акция «*Nacht und Nebel*»[102]. Мало того, я сделаю вас почетным полковником Ваффен-СС: приказ вручит вам сам генерал Дитрих. — Он снял телефонную трубку и коротко бросил: — Зеппа Дитриха ко мне!

— Я знаком с этой процедурой, — отрезал Вегенер. — Спасибо, не стоит.

Едва став почетным полковником СС, он автоматически окажется под юрисдикцией СС, начнет получать приказы от Гейдриха или даже

[102] Примечания: 102

«Ночь и туман» (*нем.*) — директива, подписанная Адольфом Гитлером в декабре 1941 года, позволяющая гестапо похищать и ликвидировать членов оппозиции.

от кого-то пониже в иерархии. На протяжении последних лет множество офицеров Вермахта приняли подобные предложения, не зная о последствиях. «Внезапные эсэсовцы, — мрачно подумал он. — Созданные росчерком гейдриховского пера».

Гейдрих повесил трубку и ответил, пожав плечами:

— Ваше право. Хотите оставаться капитаном в организации, которой, может, через год уже не будет, — пожалуйста. Адмирал Канарис, знаете ли, уже несколько лет ходит по тонкому льду: только вопрос времени, когда он провалится… и утащит за собой остальных.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Вегенер. — В обмен на то, что выпустите меня отсюда?

— Не просто «выпущу». Помимо этого я гарантирую вам дальнейшую безопасность — например, от репрессий со стороны вашей собственной организации. Кому покровительствует СД, тот практически неуязвим: вы сможете мирно спать по ночам, что в нынешние времена непредсказуемого политического климата почти немыслимо. А хочу я вот чего: когда будете докладывать своему начальству в Абвере о ходе миссии в

Сан-Франциско, не упоминайте, что заезжали сюда. Приземлились в Темпельхофе, взяли такси, поехали в штаб-квартиру Абвера. Без происшествий.

— И дальше, — продолжил Вегенер, — я должен буду регулярно докладывать вам или кому-то из ваших подчиненных о ходе работы Захера над его проектом.

Гейдрих молчал и не сводил с него глаз.

— Меня могут и не подпустить к проекту Захера, — заметил Вегенер.

— Ну, разговоры-то вы услышите. Разговоры даже мы слышим, хоть нам и не удалось внедриться в организацию Канариса… до сих пор. Я вас не тороплю; понимаю, это требует времени. Могу подождать. Главное, чтобы не пришлось ждать слишком долго. *Verstehst du*?[103]

— Понимаю, — ответил Вегенер. Немного подумав, он решился рискнуть. — Вы меня не убьете, поскольку сообщение генералу Тедеки об операции «Одуванчик» послужит вам на пользу. Вы используете это как средство убедить Партию не поддерживать Вермахт; напасть внезапно теперь точно не выйдет, а все мы знаем, что, хоть япон-

---

[103] Примечания: 103
Вы понимаете? (*нем.*)

цы пока не сумели сделать водородную бомбу, в прочем вооружении у них недостатка нет. Даже если мы уничтожим сами их родные острова — китайские регионы, колония Маньчжоу-Го, Филиппины, Тихоокеанские Штаты Америки, японские владения в Латинской Америке…

— С географией Великой восточноазиатской сферы сопроцветания я знаком, — сухо прервал его Гейдрих.

— Плюс еще то, — добавил Вегенер, — что система наведения наших ракет пока что очень несовершенна. Прискорбно несовершенна, я бы сказал. Например, нам известны результаты испытаний этой системы в Африке. Несколько лет…

— С тех пор мы сильно усовершенствовали систему наведения.

— Я нужен вам живым, — продолжал Вегенер, — потому что я — единственный немец по национальности, знающий из первых рук, что высшее командование японской армии осведомлено об операции «Одуванчик». Без меня все, что у вас есть — досье на меня, а оно может быть и поддельным. По крайней мере, так скажут генералы Вермахта. Особенно Роммель.

— Фельдмаршал в отставке, — возразил Гей-

дрих. — И уже стар.

— Его собираются вернуть на службу. — В Абвере узнали об этом несколько месяцев назад. — Вернут и сделают главным руководителем операции: все знают, что в искусстве стратегии ему до сих пор нет равных. Кроме того, его присутствие сделает кампанию намного более популярной у населения: ведь в нем видят *Übermensch*[104]. Единственного героя наших дней, можно сказать, прямого преемника Гинденбурга.

— Или Адольфа Гитлера.

— Легендарная репутация фюрера как стратега со временем померкла. В прошлом о его ошибках знал только Вермахт, сейчас знает бóльшая часть немецкого народа. Уверен, вы сами это понимаете. Вы ведь следите за такими вещами.

— Это все из-за пареза мозга! — горячо ответил Гейдрих. — Если бы наш *UrFuhrer* в молодости в Вене, в этом еврейском городе, не подхватил болезнь…

— Думаю, с моей стороны разговор окончен, — прервал его Вегенер, поднимаясь на ноги. — Я должен доложить начальству об успехе своей

---

[104] Примечания: 104
Юберменш, сверхчеловек (*нем.*).

миссии. *Guten tag*[105].

Рейхсфюрер тоже встал, хотел заговорить, но в этот миг на столе запищал интерком.

— Да? — произнес он, нажав кнопку.

— Вас хочет видеть генерал Скорцени, сэр, — донеслось из интеркома.

— Хорошо, пусть войдет. — Гейдрих скрестил руки на груди и задумался, в размышлении покачиваясь на каблуках.

Отворилась дверь, и в кабинет вошел плотный седовласый человек в форме генерала Ваффен-СС, на удивление моложавый и бодрый с виду, с настороженными умными глазами. Окинул острым взглядом Вегенера, затем повернулся к рейхсфюреру СС.

— А вы обдумайте мои предложения, — снова обратился Гейдрих к Вегенеру. — На некоторое время я парализую любые возможные действия, связанные с вашей недавней миссией в Тихоокеанских Штатах. Свяжусь с вами в конце недели — и надеюсь на благоприятный ответ. Помните, положение у вас шаткое.

---

[105] Примечания: 105
Хорошего дня (*нем.*).

IV. Наброски и планы

В этом разделе содержатся примеры работы Дика над своими идеями — наброски сюжетов для сведения агентов, редакторов, кино– и телепродюсеров, способных ими заинтересоваться. Наброски сжаты, но ясны, полны и драматических возможностей, и когнитивных парадоксов. Все четыре выбранных наброска относятся к концу 1960-х, единственному периоду, когда Дик всерьез пытался прорваться в телесценаристы. (Один из лучших его ранних рассказов, «Колония», в 1956 году был адаптирован для радиошоу *X Minus One*, посвященного постановкам научной фантастики.) Свидетельств о том, что он сумел хотя бы привлечь внимание кого-либо в этой индустрии, у нас нет. Само такое стремление, возможно, было вызвано тем, что некоторые из его собратьев-фантастов, такие как Харлан Эллисон и Теодор Старджон, сумели стать сценаристами серий оригинального «Звездного пути».

«Джо Протагор жив и обитает на Земле». Сюжет романа» — написано в 1967 году, впервые опубликовано посмертно в антологии *New Worlds*

2 (*VGSF/Gollansz*, 1992, редактор-составитель Дэвид Гарнетт, иллюстрации Джима Бернса).

«Идея сюжета для „Миссия невыполнима”»[106] и **«Идея телесериала»** — написаны в 1967 году, ранее не публиковались.

«Заметки к роману „Мечтают ли андроиды об электроовцах?”» — впервые опубликованы посмертно в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 18, август 1988). Были написаны в 1968 году для Бертрама Бермана, кинопродюссера, первым купившего опцион на экранизацию только что вышедшего романа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». В конечном счете роман был экранизирован (уже без участия Бермана) Ридли Скоттом под названием «Бегущий по лезвию». Незадолго до смерти Дик успел узнать, что фильм имеет шумный успех, и был от этого в решительном восторге. Однако на ранней стадии создания фильма Дик был недоволен качеством сценария (впоследствии его переделал Дэвид Пиплз, и его вариант Дику понравился больше) и выразил свое неудовольствие в статье «Создатели и разрушители вселенных», включенной в один из

---

[106] Примечания: 106

«*Mission: Impossible*» (1966–1973) — американский ТВ-сериал. В 1996 году запущен ремейк в виде серии полнометражных фильмов с Томом Крузом в главной роли.

предыдущих разделов нашей книги. Интересно сравнить эти заметки Дика с конечным продуктом — вышедшим на экраны фильмом.

«Джо Протагор жив и обитает на Земле». Сюжет романа (1967)

ТЕМА

Революция приводит к менее благоприятным условиям, чем планировал диктатор. Диктатору предлагают уйти в отставку, передав власть претенденту, уверенному, что он добьется большего. Однако группа, противостоящая претенденту, перемещает диктатора на альтернативную Землю, где правит не диктатор, а претендент. Условия жизни там гораздо хуже. В сущности, во всех альтернативных мирах живется хуже, чем на Земле. Претендент знает об этой группе и их замыслах; он задумывается о том, что же делать. Решение: команда претендента путешествует по альтернативным мирам и оставляет здесь и там «поддельные подделки», искусно продуманные и изготовленные, которые, когда диктатор их обнаружит, должны убедить его, что *весь* альтернативный мир — фальшивка. Пока все идет хорошо. Но претендент заходит слишком далеко: планирует создать *полностью* поддельный мир

(альтернативную Землю), в котором его правление ведет к всеобщему процветанию. Претендент понимает, что диктатор подозрителен и будет искать признаки подделки, однако уверен, что все удастся. Следующий шаг: что же станет делать группа, лояльная диктатору (те, кто показывают ему настоящие альтернативные миры)? Им не нужно подбрасывать «поддельные подделки» на «хорошую альтернативную Землю» — ведь она подделка целиком!

СЮЖЕТ

Джо Протагор недоволен своей работой. Впрочем, в перенаселенном и плохо организованном социалистическом мире 2007 года ему еще повезло, что хоть какая-то работа есть. Однако, накопив денег, он отправляется на консультацию к Мистеру Кадровику. Это своеобразное «существо» искусственного происхождения, практически живое, нечто вроде мощнейшего суперкомпьютера с тысячами входных портов на Земле и в колониях на других планетах, играет важную роль в жизни толп безработных или страшащихся потерять работу жителей Земли. Проанализировав знания, навыки и опыт Протагора, Мистер Кадровик сможет подсказать, в какой области он найдет адекватное применение

своим способностям, затем мгновенно проанализирует все открытые вакансии и отыщет для него подходящую. Однако консультации Мистера Кадровика стоят дорого. У Протагора не слишком много «настоящих» денег (т. е. металлических монет, в отличие от бумажных денег, почти ничего не стоящих из-за постоянной инфляции), но ждать он больше не может — не в последнюю очередь из-за того, что на него давит подружка. Он заходит в одну из многочисленных кабинок Мистера Кадровика (вроде телефонной кабинки), набирает на клавиатуре свое резюме, бросает в щель драгоценные монеты. В ответ получает загадочную фразу: «С тобой твои двадцать слов», — говорит Мистер Кадровик и отключается. Джо Протагор выходит из кабинки, пытаясь осмыслить загадку… и здесь роман переходит ко второму главному герою.

Симон Херлих, престарелый и дряхлый деспот, уже очень долго поддерживает в себе жизнь при помощи искусственных органов — и столько же времени правит Землей. Будущий преемник, амбициозный претендент по имени Артур Селф, его недолюбливает. Многие годы Селф пытается убедить старика добровольно уйти в отставку и передать власть ему, т. е. более молодому, более

мужественному Арту Селфу. Селф убежден, что, если бы Землей все это время правил он, она была бы в куда лучшем состоянии и политически, и экономически, и социально — если не духовно (точнее, идеологически, т. к. на Земле тоталитарное государство).

Мы узнаем о Проекте «ПОЧТИ» — работах по открытию и исследованию альтернативных Земель. Знакомимся с ученым, который отвечает за этот меж-Земной проект: это Ник Эдель, близкий друг и соратник Симона Херлиха, — человек, которого Селф ненавидит, поскольку именно Эдель и его проект удерживают Херлиха у власти… ведь все альтернативные Земли, которыми правит Селф, оказываются хуже нашей.

Селфу приходит идея отправить свою команду в один из самых худших альтернативных миров и разместить там «симуляции подделок» — иными словами, поддельные подделки, чтобы дискредитировать Эделя и весь его проект, создав впечатление, что альтернативные Земли фальшивые. Мы видим, как он отправляется в корпорацию *REM*, огромный производственный концерн, принадлежащий правительству (впрочем, в этом обществе коммунистического типа правительству принадлежат все предприятия).

Здесь мы знакомимся с Синтией Стоунмерчант, престарелой вдовой, управляющей этим огромным индустриальным картелем. Она враждебна старому диктатору; в сущности, ее вообще не устраивает общество коммунистического типа, она предпочла бы вернуться к капитализму с частной собственностью на средства производства. Поэтому с удовольствием производит на своих заводах «поддельные подделки» по заказам Селфа. Вдвоем они разрабатывают сногсшибательную идею — создать целый поддельный мир: эту идею миссис Стоунмерчант и ее технические специалисты должны теперь привести в исполнение.

Однако Селф не знает, что миссис Стоунмерчант намерена сконструировать *капиталистический* поддельный мир, который окажется лучше нашего собственного. Не только Симон Херлих, но и Арт Селф для нее враги. Она враждует с тоталитарным обществом как таковым и действует, преследуя собственные цели.

Мы возвращаемся к Джо Протагору: с помощью своей девушки он сумел расшифровать загадочное прорицание, врученное ему Мистером Кадровиком. Оно означает, что ему следует пойти в Лос-Анджелесское отделение корпорации *REM*

и подать заявление на должность 20583-AR… техническое обозначение, которое ровно ничего для него не значит; он понятия не имеет, чем придется заниматься. Однако Мистер Кадровик никогда не ошибается; так что Джо Протагор без сожалений оставляет свое место, собирает скудные пожитки (у него нет почти ничего, даже живет он в съемной комнате — Земля перенаселена, а правительство не справляется со строительством нового жилья) и, сев на наземный автобус второго класса, отправляется в Лос-Анджелес.

Придя в Лос-Анджелесское отделение корпорации *REM* и подав заявление на должность 20583-AR, Протагор узнает, в чем она состоит. Ему придется придумывать аттракционы для «парка развлечений»: что это такое — он не знает, никогда о таком не слыхивал. Однако менеджер по кадрам *REM* заверяет, что для такого рода задачи он человек самый подходящий (в *REM* Джо Протагор предъявляет то же резюме, что показывал Мистеру Кадровику). «Вы отлично справитесь!» — говорит мистер Бин и проводит его в светлый, удобный современный офис. Взяться за работу нужно прямо сейчас. В кабинете уже приготовлены исторические тексты и технические руководства, посвященные паркам

развлечений; Джо Протагор начинает читать, и на этом мы его оставляем. Но прежде, чем вернуться к замыслам Арта Селфа, мы видим, как Протагор задается интересным вопросом. А что производит корпорация? *Для чего* нужна его работа? Ответа от своих новых начальников он не получает. «Просто разрабатывай аттракционы, — говорят ему. — Романтические, забавные, пугающие — какие угодно. Обрати особое внимание на парк двадцатого века под названием „Диснейленд": пусть он станет для тебя образцом. Ориентируйся на него, и у тебя все получится».

Мы-то, разумеется, знаем, что производит корпорация *REM*: фальшивый альтернативный мир, якобы для исполнения замысла Селфа, на самом деле — для личных целей миссис Стоунмерчант. Во всяком случае, Протагор, «малый протагонист», теперь прочно связан и с «большим протагонистом» Селфом, и с миссис Стоунмерчант, этой третьей силой на мировой — точнее, межмировой — арене.

Теперь перед нами прошли все действующие лица. Вот их список:

Симон Херлих, престарелый деспот.

Артур Селф, претендент на власть.

Миссис Синтия Стоунмерчант, директор кор-

порации *REM.*

Джо Протагор, простой трудяга, малый протагонист.

Эбби Верселли, девушка Протагора.

Марлин Пул, член партии, фанатичная сторонница Херлиха.

Патрик О'Коннел, громила и личный палач Херлиха.

Майк Фокс, крутой наемник, охранник из корпорации *REM.*

Деметер Тролль, шпион и информатор Селфа.

Ауликки Мидмей, жена (молодая) Херлиха.

Келвин Голд, Дэн Хастингс, Иен Каин — группа высших должностных лиц, лояльных Херлиху.

Дальше разворачивается сюжет. Вкратце он таков: пока корпорация *REM* создает фальшивый альтернативный капиталистический мир, команда исследователей Ника Эделя *случайно натыкается на подлинный капиталистический альтернативный мир.* Это не радует никого — ни Арта Селфа, ни старого деспота (должно бы, конечно, порадовать миссис Стоунмерчант, однако и Херлих, и Селф держат это открытие в строжайшем секрете). Этот мир лучше любой альтернативы, включая и их собственную. Такой возможности ни Селф, ни Херлих не предвидели:

зашоренные коммунистической идеологией, они полагали, что если когда-нибудь и обнаружится капиталистическая альтернатива (что, впрочем, оба считали крайне маловероятным), то она будет ужасна.

Арт Селф отправляется туда, проводит там некоторое время инкогнито и возвращается в свой мир. И здесь почти сразу натыкается на «поддельную подделку»!

Что означает это открытие? Возможны две гипотезы.

1) Этот мир — его собственный — реален, но кто-то разбрасывает здесь «поддельные подделки», так же как делал он сам в иных мирах; возможно, это миссис Стоунмерчант, как-то узнавшая о реальном капиталистическом альтернативном мире.

2) Или же его собственный мир — подделка, а его память — ложная, вживленная ему в мозг кем-то неизвестным, кто хочет, по всей видимости, его уничтожить. Кто это — сторонники Херлиха из партийного аппарата или специалисты миссис Стоунмерчант? Трудно сказать.

Здесь загадочность происходящего достигает кульминации, и дальше сюжет движется к развязке.

А. Протагор выполняет странную работу для неизвестной ему цели по заданию Корпорации, производящей непонятно что.

Б. Миссис Стоунмерчант то ли знает, то ли не знает об открытии реальной капиталистической альтернативной Земли. Если узнает, что она сделает?

В. Арт Селф обнаруживает в собственном мире то, что выглядит как «поддельные подделки». Что это значит? Кто разместил их здесь и зачем? Или здесь и вправду все фальшивое?

Г. Старый Симон Херлих под конец жизни обнаруживает, что все его мечты и надежды пошли прахом; вдруг обнаружилось, что капиталистический мир может быть (да, собственно, и есть) намного лучше всего, чего добился он со своей мировой революцией. Что же ему теперь делать? Отказаться от построенного им тоталитарного общества и постараться вернуть капитализм — с помощью миссис Стоунмерчант и, возможно, других директоров, разделяющих ее взгляды?

Развязка романа такая. Личная полиция Селфа обнаруживает, что «поддельные подделки» в его собственном мире распространяет команда, работающая на корпорацию *REM*. Это отвечает на его вопрос. Его мир реален, а миссис Стоунмер-

чант пытается сделать с ним то же, что он сам с Херлихом. Тогда Селф посылает своих наемников убить миссис Стоунмерчант (после ожесточенного боя с охраной ее компании), поскольку теперь точно знает, что она, говоря на тоталитарном жаргоне, организовала против него заговор и, видимо, пытается подорвать социалистический строй. Однако миссис Стоунмерчант к этому готова: едва она умирает, в тот же миг запускается автоматическая программа, рассылающая по всему миру множество экземпляров признания в том, чем занималась *REM*: в изготовлении «поддельных подделок» по заказу Селфа. Признание адресовано всем высшим должностным лицам, сохраняющим лояльность Херлиху, так что через двадцать четыре часа престарелый деспот узнает, что замышлял против него Селф.

Так Селф мгновенно становится преступником, на которого открыта охота — в обществе, где ускользнуть от правительственной полиции невозможно. Он знает, что скрыться от агентов Херлиха не сможет, но сможет хотя бы отомстить корпорации *REM*, виновной, как он считает, в его падении и неминуемой гибели. Используя все оставшиеся у него ресурсы, он атакует множество отделений *REM* и за считаные часы превращает

большинство из них в руины… а большинство сотрудников убивает. Или думает, что убил. На самом деле миссис Стоунмерчант предвидела и это: с момента ее смерти пиратская копия машины перемещения по мирам, украденная у Ника Эделя, начала перемещать ее сотрудников в альтернативный капиталистический мир.

И вновь роман сосредотачивается на Протагоре, считающем, что он перенесся в благополучный капиталистический мир и теперь в безопасности. Очень скоро он делает ужасное открытие. Это вовсе не подлинный альтернативный капиталистический мир! Что-то — по крайней мере, в его случае — пошло не так. Это незавершенная подделка, которую корпорация *REM* создавала для Селфа в то время, когда миссис Стоунмерчант узнала о существовании реального капиталистического мира. Здесь он обнаруживает, например, недоделанные аттракционы, которые сам и проектировал, посреди одинокого, пустынного «парка развлечений», в котором он — единственный обитатель; он один в этом эрзац-мире, и нет пути назад.

Но история кончается не на траурной ноте. Корпорация *REM* не забрала отсюда производственные механизмы, установки, при помощи

которых они строили этот «мир». И в конце книги мы видим, как Джо Протагор вновь запускает эти огромные и сложные машины: если покинуть эрзац-мир он не может, то, по крайней мере, сможет его завершить — сделать местом, где вполне можно жить и даже создать эрзац-«людей» себе в компанию. Он — властелин целого мира, и он счастлив. Из всех главных героев Джо Протагор кончил лучше всех — и читатель согласится, что так и должно быть.

В конце на вопросы: «Что реально? Что иллюзорно?» — дается ответ (по крайней мере, попытка такого ответа в контексте романа). Джо Протагор покинул «реальный», но тягостный мир и поселился в «нереальном», но вполне его удовлетворяющем. Так что критерий здесь чисто прагматический. Если недоделанный эрзац-мир способен удовлетворить потребности Джо Протагора, *значит, он реален* — в том смысле, что предоставляет материал, из которого можно выстроить вполне терпимую жизнь. В сущности, ложно само противопоставление «реального» и «нереального»: правильный вопрос: что поддержит нашу жизнь? Что позволит живому организму функционировать? И в ответе на этот вопрос эрзац, незаконченный мир выигрывает,

поскольку, среди прочего, дает Джо Протагору поле для творческой деятельности (ведь он сам доделывает этот мир по своему вкусу). Теперь он не бюрократ, а художник, а эрзац-мир — ком глины, из которого он вылепит свою уникальную реальность. И мы понимаем, что для него это лучшая реальность из всех возможных.

Идея сюжета для «Миссия невыполнима» (1967)

Миссия разворачивается в латиноамериканской стране, аналогичной современной Кубе. До недавнего времени страной правил диктатор, думающий только о собственных удовольствиях, но около года назад он был свергнут и *убит* молодым идеалистичным революционером. Однако этот революционер левый и ассоциирует себя с «другой стороной», т. е. с коммунистическими странами Восточной Европы и Азии. Соединенные Штаты, разумеется, хотели бы его сместить, но убийство — не вариант: его сподвижники поймут, что это сделало ЦРУ, и станут еще более фанатичными противниками Запада. Итак, вот цель миссии: найти способ убедить или заставить революционера *добровольно* перейти на сторону США — что не только лишит его власти в собственной стране, но и подорвет позиции его последователей-марксистов.

Команда «Миссия невыполнима» разрабатывает такую схему. Лидер революции (далее «Р»)

сейчас находится в шикарном санатории внутри страны — во дворце удовольствий, оставшемся от правления предыдущего диктатора. В этом уютном местечке «Р» проводит тайное совещание с лидерами революционных движений, действующих в соседних латиноамериканских странах. Таким образом, на некоторое время он скрылся от глаз публики. Используя Киннамон Картер как наживку, команда похищает «Р», накачивает наркотиками и увозит, а в санатории оставляет магнитофонную пленку с «его посланием», склеенным из отдельных слов, вырезанных из его предыдущих выступлений: слова подобраны и склеены так, как будто «Р» сообщает прочим, оставшимся в санатории, что должен «временно отлучиться». (Прием с нарезанной магнитофонной пленкой использовался в «Великом человеке»[107], но в «Миссия невыполнима», кажется, такого еще не было.) Команда привозит «Р» в специально подготовленное здание. Изнутри оно обставлено и оборудовано как психиатрическая больница. Когда «Р» прибывает туда, «главный психиатр» (кто-то из команды, возможно, Джим Фелпс) сообщает, что он болен шизофренией и

[107] Примечания: 107

The Great Man (1956) — американский фильм Хосе Ферреса, драма в стиле нуар.

больше года находился в полной кататонии. «Р» не правит страной: партизаня в горах, он сошел с ума и только воображал себя правителем. Ему кажется, что он сместил бывшего диктатора (далее «Д») и с ним расправился, но это заблуждение; «Д» жив и *по-прежнему у власти*.

Дальше в дело вступает изобретательность команды и ее мастерство в искусстве подделок. «Д» появляется на телеэкране, и это не старая кинопленка или видеозапись; видно, что дело происходит в наше время, «Д» упоминает различные современные события. Бегло упоминает даже самого «Р» — говорит, что он безнадежно психически болен и находится в лечебнице. Вся эта передача сфабрикована. «Р» звонит своим помощникам — но звонки поступают к Бернарду «Барни» Коллиеру, а Роллин Хэнд сообщает «Р», что сперва один, затем и другой его помощник либо брошены в тюрьму, либо мертвы. Движению пришел конец: оно рухнуло после того, как «Р» обезумел и не мог больше им руководить. (Появление «Д» по телевизору — это тоже Роллин в своей очередной резиновой маске.) Но самый грандиозный обман еще впереди.

Придя к власти — после смещения и убийства «Д» — «Р» произнес программную речь перед

народом, он хорошо ее помнит. В ней он рассказывал стране о своих целях и намерениях, открыл свое лицо и имя, сообщил покоренной стране, что намерен вести ее по пути «прогрессивного антикапитализма», и так далее. Команда делает следующее. Они берут часть аудиозаписи (или звуковую дорожку кинохроники) с его выступлением и накладывают на съемку. Роллин, на этот раз в резиновой маске «Р» и с прочими аксессуарами, делающими его неотличимыми от «Р», «выступает» — но не с балкона президентского дворца в столице перед огромными толпами; фрагмент кинохроники или видеозаписи показывает «Р» в психиатрической больнице — той самой, где он сейчас, — в стандартной одежде пациента, он произносит речь перед другими пациентами и больничным персоналом (здесь используется фонограмма и мастерство имперсонатора).

Однако в фильм вкралась маленькая техническая ошибка. На экране появляется стопка журналов, и «Р» замечает, что журналы те же, что и сейчас, хотя фильм якобы снят больше года назад. Сам «Р» тоже разбирается в электронных устройствах: ему удается раздобыть стоп-кадр фильма и увеличить его настолько, чтобы можно

было разобрать дату на обложке журнала. Точно — журнал современный, а не годичной давности! Так «Р» понимает: все это фальшивка (команда «МН» пока не знает, что он разгадал их обман). Хотя теперь он все знает, физически он остается у них в руках. Как выйти на контакт с внешним миром, т. е. со своими последователями? Ведь все телефоны здесь завязаны на Барни, а у дверей дежурит Вильям «Уилли» Армитадж с ручным пулеметом «шкода».

Но «Р» — человек изобретательный и неординарно мыслящий: в конце концов, он сумел из вождя партизанского отряда стать вождем целой страны. На этот раз команда «МН» схлестнулась с человеком, который не только не глупее их, но и владеет схожими навыками — например, в электронных устройствах разбирается не хуже Барни. (Не припоминаю, чтобы в какой-нибудь из предыдущих серий команда «МН» сталкивалась с экспертом в своей области.)

У «Р» есть два варианта действий.

1) Попробовать завладеть одной из раций команды, перепаять схему так, чтобы рация начала работать на коротких волнах, и, если получится, связаться с ближайшим постом народной милиции.

2) Или добраться до подземного телефонного кабеля и перемонтировать его так, чтобы сигнал снова начал поступать во внешний мир. Он примерно представляет, где расположен кабель, но точно не знает; и в любом случае кабель глубоко под землей, а у него нет ни лопаты, ни какого-либо подобного орудия. Так что он решает украсть и перепаять рацию.

Киннамон тоже здесь, под видом пациентки. «Р» умудряется стащить миниатюрную рацию из ее сумочки и прокрадывается в тихое место, где можно поработать. Куда же еще, если не в подвал? Ему удается вскрыть замок на двери подвала, он пробирается в темноте, затем включает свет… и оказывается в электронном центре Барни. Все, что ему нужно, здесь! Вот это удача!

Прежде всего надо позаботиться о Барни, если он сюда вернется, — и «Р» раскладывает на деревянных ступенях, ведущих в подвал, провод под током без изоляции. А затем начинает лихорадочно работать над перепайкой рации, пользуясь инструментами и другим оборудованием Барни. Тот действительно возвращается, достает пистолет с глушителем, бежит вниз по лестнице… и наступает на провод. Барни падает вверх тормашками, пистолет выпадает у него из

рук и летит по ступенькам вниз, где ждет «Р». Тот хватает оружие: теперь нет нужды перепаивать рацию — он сможет сам отсюда выбраться.

Выйдя из здания, «Р» крадется по лужайке и сталкивается с Уилли. Стреляет, и Уилли падает: по всей видимости, он мертв. «Р» бежит дальше, прочь от «психиатрической больницы», и скрывается в лесу — его побег удался!

Следующий кадр: «Р» устало пробирается через лес. Наконец, к огромному своему облегчению, он выходит на дорогу. Скоро мимо проедет какая-нибудь машина, и он попросит его подвезти — а пока бредет по дороге, стремясь убраться от команды «МН» как можно дальше.

(Зритель пока думает, что не только «Р» сумел уйти и миссия провалилась, но и Барни и Уилли мертвы.)

«Р» приближается к посту милиции; вокруг слоняются несколько милиционеров в форме цвета хаки. «Р», спотыкаясь, бредет к ним. Заметив его, они вскидывают винтовки.

— Это я! — тяжело дыша, восклицает «Р». — Эрнесто! Ваш вождь, Эрнесто Гуардиа! Неужели вы меня не узнаете?

Их лица остаются холодными и враждебными, а затем один из них стреляет. «Р» падает

за камень, а потом открывает огонь из своего пистолета с глушителем и убивает нескольких милиционеров. Наступает тишина. «Р» единственный остался в живых.

Он поднимается на ноги и, тяжело дыша, бредет к милицейской сторожке, ошеломленный немыслимым: его собственная милиция в него стреляла. В сторожке находит свежие газеты и радиоприемник. Просмотрев газеты и послушав радио, «Р» обнаруживает, что в его отсутствие двое его помощников попытались захватить власть: теперь страна разделена на два воюющих лагеря, и, что еще хуже, оба противника опубликовали секретные дотоле документы, компрометирующие «Р» (здесь по аналогии с десталинизацией в СССР после смерти Сталина).

Что же ему делать? С командой «МН» он справился, ее обман разоблачил, но теперь оказался низложен на самом деле! Обвиняющие его документы сообщают, что, партизаня в горах, он тайно сотрудничал с ЦРУ, ведь в то время «Р» еще не пошел по пути марксистской «народной демократии» китайского образца.

Вдруг, как по волшебству, в небе появляется маленький, но стремительно летящий самолет, снижается и садится на кукурузное поле позади

сторожки. Из кабины спрыгивает пилот; на нем и в руках у него разные предметы военного назначения. «Р» стреляет в него — от первого же выстрела пилот падает, а «Р» бежит через поле к самолету. В следующий миг он в воздухе — и летит в сторону США. Камера возвращается к «убитому» пилоту, и мы видим, как он неторопливо поднимается на ноги и смотрит самолету вслед. Встают и «убитые» милиционеры: все широко улыбаются. Что же все это значит?

То, что «Р» пал жертвой многослойного обмана. Газеты, найденные им в сторожке, были фальшивыми. Как и радиопередача: ее подготовил Барни, живой и невредимый. Команда *планировала,* что «Р» «застрелит» Уилли и «вырубит током» Барни, затем убежит из «больницы» и доберется через лес до фальшивой сторожки. На самом деле «Р» не покинул поддельный мир и не вышел в реальный: никто не захватывал власть в его отсутствие; не было гражданской войны; никто не публиковал на него компромат; и «милиция», и «пилот» были фальшивыми и вовсе не умерли, как не умер и Уилли; пистолет, снабженный эффективным глушителем, попросту не стрелял — неудивительно, что глушитель был столь эффективен! А теперь «Р» летит в Соединенные

Штаты. Команда «МН» выполнила задание: зрителям только *казалось,* что они на время утратили контроль над ситуацией… на самом же деле все произошло в точности как они планировали. И разоблачение «психушки», и фальшивая пленка с «Р», произносящим речь, — с самого начала команда рассчитывала, что «Р» откроет правду… догадается и о резиновой маске Роллина, и о фонограмме. *«Р» слишком умен, чтобы попасться на фальшивку,* и команда понимала это с самого начала. Чтобы выполнить миссию, они сначала позволили «Р» «раскрыть все» — и с этого места начали новый обман.

Разумеется, долетев до Флориды, «Р» очень скоро узнает истину — откроет, что никакого захвата власти у него дома не было. Но к этому времени у американских властей уже будут и аудио-, и видеозаписи с официальной просьбой «Р» предоставить ему убежище в Штатах, и этого, разумеется, будет достаточно, чтобы предотвратить его возвращение на родину.

Идея телесериала (1967)

Локация. Небеса, туманная облачная местность. «Мы за вами присмотрим» — маленькая фирма ангелов-хранителей, состоит из Анастасия Келпа, владельца фирмы (типаж Пола Дугласа); мисс Теолы Фезер, секретаря, телефонистки, девушки в приемной; Мориса Ниблмена, специалиста по лабораторным исследованиям; главного героя, Херба Девинтера, оперативника; Ладлоу Орлавски, менеджера по продажам; и Фреда Энгстрома, специалиста по отладке и ремонту техники, которую использует Херб в своих путешествиях на Землю. «Мы за вами присмотрим» — маленькая частная фирма, конкурирующая с несколькими гигантами, однако ее рейтинг удачных дел составляет практически 100 %; гордая организация, где работают «по старинке», осаждаемая проблемами — а именно, Правительство грозит вот-вот отозвать у нее лицензию из-за малочисленности персонала (в других конторах ангелов-хранителей тысячи оперативников, а здесь один Херб, красавчик, но недотепа, который каждый раз сначала едва

не проваливает дело, а потом вытягивает его чудом в последнюю минуту). Дополнительный персонаж — мистер Вейн, правительственный аудитор: он напоминает призрака (голос, пропущенный сквозь эхо-камеру), всегда где-то рядом и появляется, когда его не ждут. Он обладает властью закрыть фирму, и его «аудита» боятся, хоть и предполагают, что он судит по справедливости. Анастасий Келп — реалист, понимает, что его фирмочка — анахронизм и, скорее всего, недолго продержится на плаву, но упрямо отказывается сдаться и свернуть лагерь. Все в МЗВП старомодно, даже телефоны и деревянные конторки; все отдает началом XX века, никакого хрома или техники — если не считать «волшебных» электронных суперштучек, которые выдает Фред Энгстром Хербу перед каждым путешествием на Землю. Супер-устройства всякий раз разные, в зависимости от задания. Они в самом деле впечатляют, и в этом смысле Херб со своим вечным атташе-кейсом превращается в пародию на Джеймса Бонда. Когда он работает на Земле, это становится основным мотивом сериала: своего рода сверхъестественный Джеймс Бонд, только очень добрый, наивный и чуточку растяпистый. Однако на Небесах, в офисе МЗВП, место действия

превращается в этакий старомодный ситком, в котором весь персонал — ворчливая, но дружная и любящая семья, а Анастасий Келп — конечно, всеобщий папа.

Каждый эпизод показывает очередное задание Херба Девинтера. В каждом эпизоде в МЗВП приходит за помощью клиент. Родственник или близкий человек, оставшийся на Земле, попал в беду, и клиент хочет нанять профессионального ангела-хранителя, чтобы его выручить. Поскольку МЗВП — маленькая маргинальная фирма, хоть и с хорошей репутацией, за помощью к ним неизбежно потянутся разные чудаки… так оно и происходит. Впрочем, родственник на Земле легко может оказаться еще бóльшим чудаком, а его проблема — совершенно безумной.

Покинув Небеса и офис МЗВП и явившись на Землю, Херб, как правило, представляется пострадавшему так: протягивает визитку — он, разумеется, носит элегантный нью-йоркский костюм, сшитый по последнему крику моды, — и говорит: «Мистер Питерсон? Меня зовут Херб Девинтер, я из «Мы за вами присмотрим!» Меня наняла ваша бабушка Хэтти, чтобы я взглянул на вашу ситуацию и помог найти позитивное решение проблемы» — и так далее. Иными словами,

выкладывает все как есть, и пострадавший сразу понимает, кто ему помогает и почему. Сомнения и вопросы необходимо сокращать, насколько возможно; затем оба переходят к сути дела, и дальше жертва принимает Херба так же, как приняла бы любого специалиста, разбирающегося в таких ситуациях. Легкость, с какой жертва разделывается с сомнениями, можно объяснить ее отчаянным положением — в такой беде просто *нельзя себе позволить* скепсис.

Драматический элемент каждого эпизода составляют усилия Херба Девинтера в сотрудничестве с жертвой вытащить ее из беды. Ему это всегда удается, однако, прежде чем победить, он запутывает и ухудшает ситуацию до предела, и часто жертва оказывается сообразительнее и проницательнее его. Нотку юмора добавляют столкновения от случая к случаю с врагами жертвы — бандитами или гангстерами, которые также понимают, кто такой Херб, но их это совершенно не парит; они могут, например, стукнуть его по голове, вырубить и обшарить бумажник. Главарь банды, как и жертва, охотно верит, что перед ним ангел, но цинично сомневается в том, что Херб может быть хоть на что-то полезен. Кроме того, у Главаря имеются электронные супер-устройства,

не уступающие магическим штучкам, которыми экипирован Херб; часто техника Главаря оказывается даже более продвинутой (мы помним, что в МЗВП все страшно устарело). Впрочем, иногда какой-нибудь из гаджетов Энгстрома оказывается необычайно эффективным, буквально творит чудеса. Так что ситуация в разных эпизодах может развиваться по-разному. Маятник качается от чуда до полного провала — т. е. гаджеты Херба могут и творить чудеса, и быть совершенно бесполезными, — что поддержит интерес аудитории; такая нестабильность электронных «помощников» будет превращать Херба почти в супермена в одних сериях, и в идиота — в других. Даже в рамках одного эпизода невозможно предсказать, какой последует результат, когда Херб в следующий раз запустит руку в свой вечный атташе-кейс; здесь можно достичь неплохого саспенса.

Конфликт между жертвой и ее врагами всегда разворачивается за рамками закона. Если бы с этой ситуацией могли справиться земные юристы или полиция, помощь мистера Девинтера не требовалась бы. В каждом случае жертва в своей борьбе совершенно одинока; это и заставляет клиента на Небесах обращаться к ангелам-хранителям.

Иногда, в особенно сложных случаях, на Земле появляется собственной персоной владелец фирмы Анастасий Келп: появляется без зова, и Херб, видя его мощную фигуру, суровую физиономию и слыша грозный голос, испытывает не облегчение, а унижение. Келп никогда не помогает Хербу — только распекает за ошибки и требует не халтурить. Эти двое совсем друг на друга не похожи, поэтому и отношения между ними негладкие.

Кроме того, Херб время от времени — как правило, не чаще одного раза за эпизод — «звонит» на Небеса, чтобы посоветоваться либо с ремонтником Энгстром, либо с хорошенькой секретаршей, либо (гораздо реже) с самим Келпом. И разумеется, все в МЗВП следят за успехами Херба на своем Терраэкране. Как и встревоженный клиент, он порой теряет терпение, начинает орать на Херба или, поймав его в момент звонка на Небеса, пытается пожаловаться на нерасторопность оперативника его начальству. (Терраэкран, кстати сказать, — это видеоинтерком, смесь научно-фантастических и сверхъестественных технологий: от научной фантастики — идея видеофона, а сверхъестественно то, что в качестве Терраэкрана можно использовать почти любой предмет, например, зеркало в двери шкафчика в ванной;

Херб бреется, вдруг его отражение в зеркале затуманивается, и на его месте возникает сердитая физиономия Анастасия Келпа.)

Кроме того, мистер Вейн, представитель Правительства — что такое это «правительство», остается неясным, очевидно, он либо Бог, либо представитель Бога, — то и дело появляется в земных локациях, следит за происходящим и оценивает работу Херба, желая понять, «отвечает ли фирма реальным потребностям клиентов». В спасении жертв он никогда не участвует, за исключением чрезвычайных ситуаций, когда случайно оказывается в эпицентре взрыва и т. п.

Как видим, в каждом эпизоде Херб подвергается серьезному давлению со всех сторон: от своего начальника мистера Келпа, от мистера Вейна, от врагов жертвы — и, разумеется, от самой жертвы, которая всегда ждет от представителя Небес, профессионального ангела-хранителя, пришедшего ей на помощь, каких-то блестящих результатов. Но каждый раз Херб разочаровывает и жертву, и Келпа, и Вейна, всегда появляющегося за какую-то пару секунд до слов «КОНЕЦ СЕРИИ» — и лишь в самый последний миг, с помощью Фреда Энгстрома и мисс Фезер, умудряется выправить положение и одержать победу, так что все

облегченно вздыхают. Мистер Вейн неохотно признает, что фирма заслужила свою репутацию, и разрешает ей существовать дальше. Эпизод заканчивается тем, что Херб возвращается на Небеса, входит в офис фирмы… и — кода, завершающая каждую получасовую серию: мы видим порог фирмы и падающую на него тень нового клиента.

Таким образом, каждый эпизод начинается и заканчивается тенью на пороге — всякий раз новой тенью — и тем, как все сотрудники, а также сам мистер Келп, поворачиваются к дверям и с любопытством смотрят на нового клиента.

За сексуальное начало на Небесах отвечает (в мягкой форме) мисс Фезер, а на Земле и в более откровенной форме — некоторые жертвы-женщины, которых Хербу приходится спасать. Здесь сериал должен немного напоминать романы из серии «Топпер». Херб, красавчик ангельской внешности, скромный, застенчивый и, можно сказать, неискушенный, притягивает шикарных богатых дам, которых приходится спасать. Он наивен, так что их флирт никогда далеко не заходит (а сериал остается вполне подходящим и для детей). Кроме того, жителя Небес вряд ли могут всерьез заинтересовать отношения со смертны-

ми. Однако порой он поддается соблазну.

Поскольку Херб может появиться на Земле где угодно, в любой стране, выбор локаций чрезвычайно разнообразен. Один эпизод может происходить в Восточном Берлине, а другой — в штате Айдахо. Это позволит придать сериалу такой же интернациональный колорит, как в сериале *U.N.C.L.E.*[108].

В минуты крайней опасности для Херба, когда ему не удается заставить работать какое-нибудь волшебное суперустройство, Фред Энгстром может являться ему на помощь, и они ломают голову над гаджетом вместе. У обоих то преимущество, что они бессмертны: скажем, дом может распасться на элементарные частицы, но они, разумеется, не пострадают. Здесь звучит тема «супермена» с юмористическими, даже сатирическими обертонами.

Намного большую глубину сериалу может придать участие некоего зловещего «человека», появляющегося здесь и там, в разных обличиях, на Земле, где выполняет свои задания Херб. Этот зловещий незнакомец меняет и имена, и занятия, и способ действий, но всегда строит козни против

---

[108] Примечания: 108

The Man from U. N. C. L. E (1964–1968) — американский шпионский ТВ-сериал. В 2015 году вышел полнометражный ремейк Гая Ричи.

Херба… таким образом, у работы Херба появится оттенок вечного крестового похода на стороне Бога и Добра против Зла, персонифицированного в образе таинственного злодея, плетущего какие-то козни на Земле. Разумеется, поскольку у нас приключенческая комедия, эти философские обертоны следует приглушить, но оставить внятными для всех, кто их заметит.

Награда, которую получают «Ангелы-Хранители» за успешное спасение людей от бед — разрешение существовать дальше, которое торжественно выдает им мистер Вейн в конце каждой серии. Так что, помимо борьбы за спасение жертвы на Земле, которая в каждой серии своя, сквозным сюжетом является борьба Херба Девинтера, Анастасия Келпа и прочих в организации за сохранение своей фирмы — за выживание.

Заметки к роману «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968)

Первый вопрос: кто здесь фокальный персонаж? Либо Рик Декард, охотник за головами, либо Джек Изидор. Поскольку Изидор моложе, выбрав его главным героем, мы получим нечто вроде «Выпускника»[109] — историю, где все персонажи старше тридцати развращены и стали орудиями Истеблишмента, а побеждает юная, свободная, невинная любовь; для взрослого кино, пожалуй, чересчур попсово. В романе Изидор питает к андроидам наивную любовь, а Рик Декард видит в них злокозненные машины, подлежащие уничтожению. Эти два разных (и взаимоисключающих) взгляда развиваются параллельно друг другу в двойном сюжете, чтобы слиться в конце романа, где Изидор сталкивается с жестокостью андроидов, отрывающих ноги пауку. Взгляд Рика Декарда победил: доказательством

---

[109] Примечания: 109

The Graduate (1967) — знаковый для поколения 60-х фильм Майка Николса с Дастином Хоффманом в главной роли. Экранизация одноименного романа Чарльза Уэбба.

этому служит то, что Изидор показывает ему, где в полуразрушенном многоквартирном доме прячутся андроиды. Поскольку взгляд Декарда оказывается верным, видимо, главным героем стоит сделать его. Мы не можем выйти с девизом «любовь, невинность и вера побеждают все», как поступили — на мой взгляд, неверно — создатели фильма «Выпускник».

Но если главный герой — Рик Декард, мы сталкиваемся с серьезной проблемой (или лучше сказать — «с проблемой, требующей решения»): любовь этого охотника за головами к животным и, по контрасту, бессердечные убийства андроидов. Любить животных больше людей может только сумасшедший или циник — по крайней мере, так часто думают. Значит, нужно очень быстро показать, *почему* Рик так относится к андроидам, то есть заранее предъявить доказательство, что прав он, а не Изидор. В таком случае борьба взглядов не будет главной темой фильма; если же оставить ее главной темой, доказательство, что Рик Декард прав, должно быть отнесено в конец. В романе нам *говорят*, что андроиды лишены человеческих чувств, сердечности и эмпатической чувствительности, однако на практике мы этого не видим вплоть до встречи

Изидора и Декарда. Но, может быть, лучше оставить так: контраст между этими двумя взглядами, Декарда и Изидора, в каком-то смысле останется основой сюжета. Заметьте, я сказал «сюжета», а не «темы». Основная тема этой книги связана с религией мерсеризма, ее акцентом на разделенную боль и взаимное сострадание — с возрождением изначальных христианских ценностей. Или же основной темой стоит сделать широкий бэкграунд, целостный мир, в котором живут герои, с его коллективным и всеобщим поклонением животным, с огромными многоквартирными домами, опустелыми и ветшающими, с «недоумками», подобными Джеку Изидору, — и добавить сюда красной нитью тему взаимной эмпатии?

Очень важен вопрос кастинга. Рика Декарда мог бы сыграть, например, Грегори Пек[110] (это сделало бы его одновременно сильным, добросердечным и мудрым). Ни в коем случае не Ричард Уидмарк[111] (станет похож на маньяка-убийцу). Есть и другие возможности, например, Мартин

---

[110] Примечания: 110

Грегори Пек (1916–2003) — американский актер, лауреат премии «Оскар» за фильм «Убить пересмешника». Звезда Голливуда в 1940–1960-х годах.

[111] Примечания: 111

Ричард Уидмарк (1914–2008) — американский актер и звезда вестернов.

Болсам[112] (архетипическая отцовская фигура) или кто-то вроде Бена Газзары[113] (крутой парень, человек действия). Что касается Изидора, его бы мог сыграть, например, Дин Стокуэлл[114] (чувствительный интроверт, живущий в мире, который сам для себя создал), или, быть может, Уолли Кокс[115] — тогда он стал бы похож на Уолли Кокса. Моя теория предполагает, что главным героем должен стать Декард: пусть вначале зрители не смогут вполне разделять его взгляды — к концу он победит морально, психологически, драматически, вообще во всех возможных смыслах. Так что я за то, чтобы Рика Декарда играл кто-нибудь вроде Грегори Пека, а Джека Изидора — Дин Стокуэлл. Мне кажется, что с каждым кастинговым решением, с каждым изменением

---

[112] Примечания: 112

Мартин Болсам (1919–1996) — американский актер, снимавшийся в кино и на ТВ. Лауреат премий «Оскар» и «Тони». Снимался в «Психо», «12 разгневанных мужчинах», «Завтраке у Тиффани».

[113] Примечания: 113

Бен Газзара (1930–2012) — американский актер, режиссер и сценарист. В 60-х годах работал на ТВ. Снимался в «Большом Лебовском» и «Догвилле».

[114] Примечания: 114

Дин Стокуэлл (1936–2021) — американский актер, режиссер, продюсер. Снимался в «Дюне», «Синем бархате», «Ужасе Данвича», сериале «Квантовый скачок» и ремейке сериала «Звездный крейсер «Галактика».

[115] Примечания: 115

Уолли Кокс (1924–1973) — американский актер кино и ТВ.

в кастинге мозаика начнет складываться совершенно по-новому. Представьте, например, какое сильное впечатление произведет яркая, полная жизни девушка вроде Грейс Слик[116] в роли Рейчел (о таком кастинге я могу только мечтать!).

Разумеется, встает и вопрос о *тоне* картины. Что это — трогательная история (Изидор защищает андроидов, а потом видит, каковы они на самом деле, и его мир мыльной оперы рассыпается в прах), или комедия, в которой Изидор — клоун (если это Уолли Кокс и т. д.), или боевик, в котором Декард подстреливает одного андроида за другим? Или широкая панорама целого и целостного мира, фундаментально *этничного,* со множеством странных и затейливых обычаев, к которым местные жители относятся с величайшей серьезностью, — обычаев, включающих в себя убийство на законных основаниях, — мир, где один «народ» (т. е. андроиды) не имеет ровно никаких легальных прав? А еще этот фильм может прославлять полицию — или ее клеймить, что возвращает нас к уже прозвучавшему и более глубокому вопросу: к какой возрастной группе

[116] Примечания: 116

Грейс Слик (р. 1939) — американская рок-исполнительница и автор песен, вокалистка в Jefferson Airplane. Автор песни «White Rabbit». Секс-символ своей эпохи. Введена в Зал славы рок-н-ролла.

будет принадлежать главный герой?

По-моему, необходимо сделать акцент на абсурдном, нелепом, на ирреальности мира, в котором обитают герои. Чего стоят, например, дилеры живых животных, успешно заменившие наших торговцев автомобилями! Странный, подобно сну (с замедленной съемкой, как в «Выпускнике»). Мир, где все не то, каким кажется… до определенного момента. А потом начинаются убийства андроидов, и все вдруг становится абсолютно реальным, всамделишным, мрачным и совершенно не смешным.

Еще одна, дополнительная странность: у нас имеются две Рейчел, с одной встречается Декард, с другой Изидор. Это одна и та же модель андроида. Здесь очень нужна — и придаст изюминку фильму — изобретательная работа оператора: двойная экспозиция или наложение друг на друга кадров с двумя андроидами. Однако зрителям должно быть ясно, что эти две Рейчел, каждая со своим спутником-человеком, действуют в одно и то же время: это не флэшбэки, а параллельная двойная жизнь. Например, андроид, разговаривающий с Риком Декардом, говорит какую-то фразу — тут мы видим другую Рейчел с Изидором, и она произносит совершенно тем же тоном

совершенно те же слова; пригодится наложение звуковой дорожки, так чтобы голос звучал словно в электронной эхо-камере. Думаю, что:

1) будет нелегко достичь желаемого эффекта,

2) но дело того стоит. Небольшой сюжетный эпизод с Другим Полицейским Участком можно вырезать полностью.

Не уверен, что фильм, как роман, должен начинаться с Органа Настроений. Может быть, вместо этого показать, как Джек Изидор на рассвете паркует свой грузовичок ремонтника электрических животных. Техническое замечание: думаю, охотникам за головами нужно какое-нибудь особое оружие — только, пожалуйста, не лазерная трубка, какие уже были в «Звездном пути» и в «Пришельцах»! Здесь тоже требуется изобретательность, а не клише. Прибавьте *звук,* который издает такое оружие: он должен быть новым и необычным. Например, хлопок пробки, вылетающей из бутылки шампанского.

Сильной стороной романа кажется мне то, что он открывает простор для многих жанров и настроений; остросюжетность в поиске и уничтожении андроидов, нежность по отношению к животным, странные и жутковатые интерьеры заброшенного здания, где живет Джек Изидор, —

есть место и для смеха, и для изумления, и для ужаса, и, конечно, для благоговейного трепета, когда появляется Мерсер. Можно снять разноплановый фильм… или же, возможно, стоит полностью вырезать некоторые темы (и соответствующие части сюжета), хоть для романа они и важны, и за счет этого больше сосредоточиться на оставшихся, например, на темах Изидора и Мерсера. Полагаю, очень важно сохранить тему поиска и уничтожения андроидов, поскольку с ней связан конфликт взглядов Декарда и Изидора, и поскольку на всем протяжении сюжета она отвечает за насилие, за погони и стрельбу… хотя здесь я спрашиваю себя, адекватно ли будет смотреться тест, которому Декард подвергает андроидов, на визуальном носителе. Возможно, необходимо придумать тест совершенно нового типа, может быть, вообще не из вопросов и ответов, а, например, снятие энцефалограммы. Это тоже важный момент, в котором нужно проявить воображение, как и с оружием.

Также необходимо больше секса. Например, Рик Декард занимается сексом с Рейчел — и следующим кадром Изидор пытается заняться тем же самым с ее двойником, но терпит ко-

мическую неудачу в духе Питера Селлерса[117]. Возможностей много… Например, оба андроида одновременно произносят одни и те же реплики. Реплики, на которые Рик Декард дает одни ответы, а Джек Изидор другие. И пусть ухаживания Изидора выглядят пугающей пародией на любовные успехи Рика Декарда.

Это ставит перед нами очень важную проблему: сексуальные отношения между людьми и андроидами. На что это похоже? Что означает? Это все равно что лечь в постель с реальной женщиной? Или похоже на кошмарный бэд-трип, в котором мертвое и инертное притворяется живым, теплым, способным на самую пронзительную близость, какая только возможна между человеческими существами? И интимное соединение Рика Декарда с Рейчел Розен не есть ли вершина фальши: чисто механические движения минус ч*увства* — то, что обычно понимаем мы под этим словом? Не делает ли ее психическая — и физическая — холодность и мужчину таким же «замороженным»?

---

[117] Примечания: 117

Питер Селлерс (1925–1980) — знаменитый английский актер. Общемировую известность ему принесли роли в фильмах «Доктор Стрейнджлав» (1964) Стэнли Кубрика, «Розовая пантера» (1963) Блейка Эдвардса и «Будучи там» (1979) Хэла Эшби.

В романе это ярче всего выражено в сцене, когда Рейчел и Рик собираются лечь в постель. Рейчел говорит: «Андроиды не могут иметь детей… должно быть, это нас многого лишает? По правде сказать, не знаю (мне неоткуда узнать): каково это — родить ребенка? Если уж на то пошло, каково быть рожденным? Мы не рождаемся, не растем, не умираем от болезни или от старости — просто высыхаем, как муравьи. Снова муравьи… Мы и есть муравьи: хитиновые рефлекторные механизмы, не живые по-настоящему. Я ведь не живая! Ты ложишься в постель не с женщиной».

А немного позже Рейчел говорит: «Да, понимаю… я об этом слышала… все нормально получается, пока не задумываешься. Но стоит задуматься, спросить себя, что ты делаешь, — и продолжать уже не можешь. По, кхм, чисто физиологическим причинам». Рик молча наклоняется и целует ее обнаженное плечо.

В романе на этом тема секса и кончается; но ведь здесь намного больше возможностей, и в кино они могут выйти особенно яркими. Например (первое, что пришло мне на ум): обманывает ли Рик свою жену Айрен — иначе говоря, можно ли женатому человеку спать с андроидом? «Это не считается» — и так далее. В любом случае клю-

чевой вопрос звучит на странице 168, где Рейчел спрашивает: «Ты хотел бы когда-нибудь снова переспать с андроидом?» Рик дает вежливый, дипломатичный, уклончивый ответ: «Только если это будет девушка. Девушка, похожая на тебя». Но Рейчел уже ясно дала понять, что она — не личность: она — тип, одна из разновидностей андроидов. Вступив с ней в связь, Рик интимно соприкоснулся не с другим индивидуумом, будь то человек или андроид, а со всем типом или моделью, представителей которой теоретически могут быть десятки тысяч. Кому же *на самом деле* он отдал свое влечение? Армии, орде одинаковых рейчел розен? Это уничтожает смысл любви — по крайней мере, сексуальной, эротической любви, — поскольку подрывает ее основной принцип: один мужчина — одна женщина (по крайней мере, в один временной период). А он, получается, занимался любовью с ними всеми одновременно!

Полагаю, здесь начинают в полный голос звучать ключевые вопросы: что такое реальность? Что такое иллюзия? Вся сексуальная сцена с Рейчел (и между Изидором и Прис, если их тоже включат) должна напоминать сон, но не в обычном смысле приятных эротических сновидений

или фантазий о бесконечном множестве женщин, неиссякаемой мужской силе и т. п. — нет, это должен быть пугающе *механический* эпизод полусна-полуреальности; кажется, что Рейчел тает в его объятиях — при этом на поверхность выступают из глубины ее тела стальные шестеренки и проводки. Чем более Рик старается заставить ее стать женщиной — или, точнее, играть роль женщины, — тем теснее соприкасается с ее неживой сердцевиной. Нужно показать — только тонко, ни в коем случае не напрямик, — что попытки заниматься с ней любовью как с женщиной терпят неудачу из-за того, что ее механическая сердцевина не знает усталости. Я не имею в виду, что он открывает дверцу у нее на груди и, отодвинув в сторону правую грудь, обнаруживает внутри лабиринт супертехнологичных селеноидов, сервомеханизмов и транзисторов. Такое открытие ничего не даст ни ему, ни зрителям: это уже известно. Нужно показать, насколько женщина-андроид и мужчина-человек в своем взаимном желании способны — или неспособны — подавить искусственное, механическое начало. Оба притворяются… но такое случается сплошь и рядом, в том числе и в сексе: во время секса оба партнера на время отказываются от способности

к суждению. Вопрос в том, как далеко можно зайти на этом пути? Сумеют ли оба получить то, чего желают, — или ее искусственная суть приведет к тому, что, все теснее сближаясь, они, к горькому разочарованию обоих, будут все более отдаляться друг от друга?

Мне думается, после ласковых слов и касаний нужно показать завершение или первые минуты после секса — и дать понять, что в эти мгновения они ненавидят друг друга; что связь, в которую они вступили по обоюдному желанию, обоим принесла лишь горечь, разочарование и от этого — взаимную ненависть.

А бок о бок с этим прискорбным исходом можно расположить аналогичную сцену между Изидором и Прис — и там пусть все развивается более оптимистично, чем можно было ожидать. Пусть, по иронии судьбы, успеха достигнет Изидор, именно благодаря своей неискушенности и неопытности. И это создаст прочную основу для его скорби, когда трое «анди» погибнут.

Сексуальная неудача между Риком и Рейчел в конечном счете приведет к полному разрыву отношений между ними — тема в духе «Поездки в

Индию»[118]. И если это глубокое и окончательное отчуждение поможет Рику в его убийственной миссии против Прис Стрэттон — в сущности, поможет ее убить, — тогда сексуальная тема сыграет важнейшую роль и в сюжете книги (сейчас этого нет, в печатном издании секс — всего лишь интерлюдия). Да, вполне возможно, отвращение Рика к близости с Рейчел — после того, как он готов был на все, чтобы с ней сблизиться, — сыграет ключевую роль и в его решимости уничтожить троих «анди».

Тут я прерываю свои размышления и буду с надеждой (хоть и очень слабой) ожидать ответа на эти замечания по анализу моего романа.

[118] Примечания: 118

«Поездка в Индию» (1924) — знаменитый роман английского писателя Э. М. Форстера.

V. Эссе и выступления

Основные статьи и тексты выступлений Филипа Дика, не посвященные научной фантастике.

«Наркотики, галлюцинации и поиск реальности». Эссе впервые опубликовано в фэнзине *Lighthouse* (№ 11, ноябрь 1964, главный редактор Терри Карр).

«Шизофрения и Книга Перемен». Эссе впервые опубликовано в фэнзине *Niekas* (№ 11, март 1965). Переиздано в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 17, июнь 1987).

«Андроид и человек». Текст выступления Дика в Университете Британской Колумбии, Ванкувер, в феврале 1972 года. Впервые опубликовано в фэнзине *SF Commentary* (№ 31, декабрь 1972)[119]. Недавно переиздано в эклектичном сборнике Дика *The Dark Haired Girl* (*Mark V. Ziesing*, 1988). Эта статья представляет собой самый пространный из известных нам экскурсов Дика в социальную

---

[119] Примечания: 119

Номер был посвящен поездке Дика в Канаду и содержал также его переписку с редактором фэнзина Брюсом Гиллеспи (р. 1947), — видным фэном, издателем нескольких фэнзинов и автором-составителем книги Philip K. Dick: Electric Shepherd (Norstrilla Press, 1975).

этику. Юмор на тему изнасилования страшно устарел, и восхваление уличной преступности как признака свободы и сопротивления вряд ли порадует читателей, живущих в криминальных районах. Однако основной тезис — различие между андроидом и человеком — по-прежнему остается содержательным и убедительным.

«Человек, андроид и машина». Впервые эссе опубликовано в британском сборнике статей *Science Fiction at Large: A Collection of Essays, by Various Hands, About the Interface Between Science Fiction and Reality* (*Gollansz,* 1976) под редакцией Питера Николлса[120], переиздана в *The Dark Haired Girl*.

«Если этот мир тебя не устраивает, поищи другие!» Текст выступления Дика на Втором международном фестивале научной фантастики[121] в Меце, Франция, 24 сентября 1977 года. Впервые опубликовано на французском языке как *Si vous trouvez ce monde mauvais, vous devriez en voir quelques autres* в антологии *L'Annee 1977–1978 de la S. — F. Et du Fantastique* (*Juilliard,* 1978) под

[120] Примечания: 120

Питер Николлс (1939–2018) — австралийский редактор, критик, деятель фэндома. Соавтор авторитетной The Encyclopedia of Science Fiction.

[121] Примечания: 121

Deuxieme Festival International de la Science-Fiction.

редакцией Жака Гуамара. Первая англоязычная публикация состоялась в фэнзине *PKDS Newsletter* (№ 27, август 1991).

«Как создать вселенную, которая не развалится за два дня». Текст, написанный как выступление, но, по-видимому, так и не произнесенный. Впервые опубликован в авторском сборнике *I Hope I Shall Arrive Soon* (*Doubleday*, 1985).

«Космогония и космология». Текст, датированный 23 января 1978 года. По словам самого Дика, он подытоживает его ключевые озарения, в этот же период выраженные в «Экзегезе». Включен сюда в качестве эссе, поскольку Дик отпечатал его на машинке и отправил своему литературному агенту Расселу Галену, хоть и не выражал открыто желания его напечатать. В этом смысле он отличается от остальной «Экзегезы», которую Дик никому не показывал и лишь изредка делился выдержками с немногими друзьями. Впервые опубликован ограниченным тиражом в издательстве *Kerosina Books*[122] в 1987 году.

---

[122] Примечания: 122

Эссе было дополнено предисловием Пола Уильямса и выпущено тиражом 825 экземпляров: 500 в мягкой обложке, а 325 в твердом переплете. 250 экземпляров в твердом переплете дополнили комплект издания «ВАЛИС» в футляре, с послесловием и автографом Кима Стэнли Робинсона.

«Письмо о Тагоре». Эссе впервые опубликовано в фэнзине *Niekas* (№ 28, ноябрь 1981).

Наркотики, галлюцинации и поиск реальности (1964)

Давним невинным днем, еще в досумасбродной юности, в каком-то учебнике по психиатрии я наткнулся на фразу, которая, словно Юм Канта, навеки вырвала меня из безмятежной дремоты в райском саду. «Психотик не просто думает, что видит, как по стене вверх ползут четыре голубых моллюска с тряпочными крыльями, — он действительно их *видит.* Строго говоря, мозг не создает галлюцинацию — он ее воспринимает, так же как любые «реальные» данные от органов чувств; и в ответ на это совершенно реальное для него восприятие «реальности» пациент действует так же логично, как мы — в ответ на наши чувственные восприятия. В любом случае говорить «он только думает, что видит это», — значит, совершенно не понимать сущность психоза».

Долгие безотрадные годы размышлял я об этом; а тем временем фармацевтика, психиатры и некоторые знаменитости с сомнительной репутацией много сделали для того, чтобы подтвердить

этот тезис и исследовать тему дальше. Нынешняя психиатрическая наука имеет очень мало общего со старым добрым времечком (около 1900 года), когда пациенты делились на две категории: сумасшедшие — то есть слишком больные, чтобы нормально функционировать в обществе, мыть машину, платить по счетам, поддерживать приятную беседу после порции мартини, так что их приходится запирать в лечебнице… и невротики — то есть те, кто догадался отправиться за помощью к психиатру сам и предъявляет чисто «истерические» жалобы, например, чувствует навязчивое желание всем расшнуровывать ботинки, или подсчитывать, сколько мальчиков на трехколесных велосипедах проедет за день мимо его окна, или же страдает от «невротических» расстройств, которые все можно свести к тревоге, непропорциональной «реальному положению дел», в особенности к каким-то специфическим фобиям — например, пациента парализует от ужаса при мысли, что теплым воскресным деньком беспилотная ракета, которая должна упасть в Атлантический океан, вместо этого упадет прямиком на задний двор, где он жарит барбекю. Между «сумасшедшими», которые заперты — или должны быть заперты — в сумасшедшем

доме, и «невротиками» или «истериками», посещающими психиатра раз в неделю для беседы, никакой реальной связи не видели; в сущности, убеждение, что сумасшествие (или, по-современному, психоз) — болезнь скорее физической, чем психогенной природы, а невротик испытывает неестественные страхи из-за каких-то травматических событий в раннем детстве, настолько укоренилось, что изначальное открытие Фрейда было связано с созданием диагностической базы, помогающей врачу определить, к какому разряду относится больной. Если окажется психотиком, значит, глубинная психология — психоанализ — не для него; если он невротик, надо всего лишь вытащить из глубин его подсознания подавленный и давно забытый травматический сексуальный опыт, пролить на него свет… и навязчивые действия и фобии мигом исчезнут.

Все было прекрасно, пока Юнг не показал и не доказал две вещи:

1. Полноценные психотики, лежащие в больнице, отвечают на психотерапию так же быстро, как и невротики, при условии, что терапевт понимает их специфический психотический язык и устанавливает с ними коммуникацию.

2. Многие «невротики», лечащиеся амбула-

торно, которые имеют работу, растят детей, регулярно чистят зубы и т. п., на самом деле являются не «невротиками-интровертами», как называл это Юнг, а самыми настоящими психотиками — как правило, шизофрениками — на ранней стадии болезни длиною в жизнь. И вот *они* на психоанализ отвечают хуже, чем кто бы то ни было.

Следовательно:

А) возможно, все психические заболевания, независимо от их тяжести, имеют психогенное происхождение;

Б) не исключено, что невроз — не болезнь и даже не симптом болезни, а конструкция, которую создает мозг, чтобы достичь стабильности и избежать более серьезного слома. Так что разрушать невроз может быть рискованно — что, если под ним скрывается полноценный психоз? Психиатр с улыбкой откидывается в кресле и говорит: «Вот видите? Вы больше не боитесь автобусов». А пациент вдруг понимает, что теперь боится всего, начиная с жизни как таковой. И нормально жить больше не в состоянии.

Так рухнула тщательно выстроенная схема с сознанием, бессознательным, подавленными детскими сексуальными травмами и так далее

— схлопнулась, как средневековая карта плоского мира, превратилась в ничто, даже в опасность для тех, кого теперь называют «пограничными психотиками», что на практике означает: «те, кто не способен нормально функционировать в обществе, однако функционируют — кое-как». Рухнули, одна за другой, все теории: оказывается, существуют «рациональные» психотики — те, кого мы с усмешкой именуем параноиками… Однако довольно. Мы подошли к тому, что я считаю главной проблемой: к наличию у психотиков не только ложных идей («за мной следят, против меня заговор» и т. п.), но и галлюцинаций, которых нет у невротиков. Возможно, это и дает нам диагностическую базу, позволяющую определить если не природу болезни, то хотя бы степень ее выраженности. Перед нами сразу встает один жутковатый момент. Существует такая вещь, как негативная галлюцинация — иначе говоря, человек не видит то, чего нет, а не видит того, что есть. (Юнг приводит, пожалуй, самый экстраординарный пример такой галлюцинации: один его пациент видел людей без голов — только до шей, а выше — пустота.) И еще больше пугает, что этот пациент не был психотиком: он был совершенно точно всего лишь истерик, и это может

подтвердить любой сценический гипнотизер, поскольку такую же иллюзию он запросто может внушить и заведомо небольным людям… и не только это — может внушить много такого, что, не будь влияния гипноза, однозначно расценивалось бы как психотические проявления.

Здесь, кажется, мы на что-то наткнулись — и это «что-то» вгоняет в дрожь. Мы вступаем сейчас на территорию, изображенную Ричардом Кондоном в его потрясающем романе «Маньчжурский кандидат»[123]: мало того, что ложные идеи и галлюцинации можно внушить буквально кому угодно — над каждым из нас навис ужас «постгипнотического внушения», которое вполне возможно использовать в политических целях. Вряд ли я фантазирую — вспомните: ведь Фрейд изначально занимался формой психотерапии, основным орудием которой был гипноз. Иными словами, вся современная глубинная психология — постулирующая существование некоей области сознания, недоступной нашему сознательному «я», но во многих случаях им управляющей — выросла из наблюдений за людьми, действующими сообразно твердым

[123] Примечания: 123

«Маньчжурский кандидат» (1959) — политический триллер, сюжет которого связан с применением техники «промывки мозгов».

убеждениям, восприятиям и мотивам, внедренным в них путем «внушения» во время гипноза. Внушение? Какое слабое слово, как мало оно передает в сравнении с самим этим переживанием! (Со мной это однажды проделали — в жизни не испытывал ничего более необычного.) «Внушение» для загипнотизированного — не что иное, как новый взгляд на мир, наложенный на привычный, его собственный; для внедрения новых идей, данных, образцов поведения в психические процессы человека нет никаких преград — ни по объему, ни по продолжительности, ни потому, насколько они расходятся с тем, что мы по какому-то капризу именуем «реальностью». Мало того (рассуждая логически, такого просто не может быть, но оно есть), загипнотизированного субъекта можно изменить и физически, придать ему способности, которых не было: например, положить головой на один стул, пятками на другой, встать на него — и он будет неподвижно висеть в воздухе, выдерживая ваш вес; так что, выходит, даже тело его меняется, вплоть до противоречий с нашими знаниями о человеческой анатомии, о кровеносной системе и так далее. Например, он может очень долго держать неподвижной вытянутую руку — гораздо дольше, чем это считается

возможным; он преодолевает чисто физиологическое ограничение, и этому нет объяснений, если не обращаться к йоге, или к псионике, или… да что уж там — к магическим силам. Но кто здесь обладает магическими силами? Сам пациент? Гипнотизер? В голову лезут средневековые представления о колдунах и жертвах их колдовских чар… ну и куда это нас приведет? Идти этим путем вряд ли захочет даже Джон У. Кэмпбелл-младший[124].

И все же, быть может, нам удастся выстроить какое-то внятное объяснение, если мы вспомним, что в наше время найдено немало подтверждений существованию экстрасенсорного восприятия — и экстрасенсорных способностей. Это не новость: еще в 1900 году сам Фрейд, работая с пациентами методом свободных ассоциаций, собрал значительные свидетельства о существовании телепатии. (Очень неприятно это признавать, экстрасенсорное восприятие меня пугает; но даже одна только документация Фрейда — а он был невероятно скрупулезным наблюдателем — доказывает, что оно существует.) А недавно в психиатрическом журнале с

[124] Примечания: 124

Дик не одобрял специфических требований Кэмпбелла к сюжетам публикуемых им в своем журнале НФ-рассказов.

безупречной репутацией несколько опытных психиатров с научными степенями подтвердили: телепатическое восприятие их пациенты демонстрируют так часто, что сомневаться в нем не приходится. Эренвальд[125] в книге, опубликованной в респектабельном издательстве *W. W. Norton*, с предисловием Гарднера Мерфи[126], выстраивает даже целую теорию душевных расстройств, основываясь на наблюдениях за своими пациентами, тяжело психически больными людьми, постоянно и вопреки собственному желанию воспринимающими чужие мысли; параноики, например, улавливают невысказанные, подавленные враждебные мысли и чувства людей вокруг себя; по его словам, параноики, с которыми он встречался в больничных палатах, снова и снова цитировали ему слово в слово собственные враждебные мысли о них — мысли, которые он, разумеется, скрывал, как и все мы поступаем, потому что хотим нормально общаться

---

[125] Примечания: 125

Ян Эренвальд (1900–1988) — чешско-американский психиатр и психотерапевт, исследователь парапсихологии. Член Нью-Йоркской медицинской академии. Дик имеет в виду книгу Telepathy and Medical Psychology (1948).

[126] Примечания: 126

Гарднер Мерфи (1895–1979) — американский психолог, исследователь парапсихологии. Президент Американской психологической ассоциации и Британского общества физических исследований.

с окружающими. Что ж, сквозь нудную болтовню вы продрались и теперь приступаете к Моему Основному Тезису. Если принять заявления Эренвальда как они есть (т. е. предположить, что он говорит правду), перед нами встает ясная и очевидная возможность, что как минимум в случае параноиков — хорошо, *некоторых* параноиков — «ложные идеи» вовсе не ложны; напротив, это верное и точное восприятие такой области реальности, которую все прочие (слава Господу!) не воспринимают.

Хорошо, теперь вернемся назад и рассмотрим еще раз всю тему психических заболеваний, галлюцинаций позитивных и негативных, опыта гипноза, псевдошизофренических сенсорных расстройств, какие вызывает прием ЛСД или природных токсинов, содержащихся в некоторых грибах, и т. д., и т. п.; ну и, пожалуй, чтобы окончательно выставить себя дураком, добавлю к этому мистицизм — мистический опыт, именуемый «обращением», то, что произошло с апостолом Павлом. Готовы к такому? Поехали.

Можно ли быть психотиком без галлюцинаций? Можно. У параноиков только «ложные идеи»: они видят ту же реальность, что и мы, но интерпретируют ее по-своему, укладывают в

свою схему.

Можно ли галлюцинировать, не будучи психотиком? Да, например, в состоянии гипноза, под наркотиками, при высокой температуре, под воздействием некоторых ядов и так далее.

Какова связь между галлюцинациями и «нормальным» восприятием мира? Немецкая (точнее, швейцарская) психология предполагает, что у каждого человека есть собственный, присущий только ему, в каком-то смысле уникально структурированный способ воспринимать, воображать — или что хотите еще делать — реальность. В наше время повсеместно признано, что реальность «в себе», как называл ее Кант, по сути непознаваема ни для одного воспринимающего организма; категории структуры, времени, пространства — лишь механизмы, субъективная рамка, которую живые воспринимающие системы (в том числе отделы нашего мозга, отвечающие за обработку «сырых» сенсорных данных) накладывают на окружающий мир, чтобы превратить хаос во что-то более или менее постоянное и упорядоченное, дабы основываясь на данных памяти (прошлое) и наблюдения (настоящее), организм мог предугадывать, что, *возможно,* произойдет в будущем. Чрезвычайно важна здесь непрерывность: для

функционирования во внешнем мире нужно, чтобы большая часть этого мира была нам знакома и понятна (вот почему проблема имени не выдумана средневековыми схоластами, а вполне реальна; именно слово, логос, превращает хаос в отдельные и отличные друг от друга предметы).

Значительная доля этой организации совершается внутри самой нашей системы восприятия, иначе говоря, в бессознательных и недосознательных частях неврологического аппарата, так что к тому времени, когда сенсорные данные воспринимает наше «я», они уже, так сказать, автоматически организованы сообразно нашему индивидуальному взгляду на мир. Таким образом, «я» (или эго, или как эту ерунду ни назови) работает с материалом, добрая часть которого создана, на том или ином уровне, им самим. В свете этого совершенно иной характер приобретает идея галлюцинирования: галлюцинации, вызванные психозом, гипнозом, наркотиками, ядами и т. п., возможно, отличаются от того, что мы обычно видим, не качественно, а лишь количественно. Иными словами, неврологический аппарат организма начинает производить лишнее, что-то сверх своей структурирующей и организующей задачи. Система восприятия

в каком-то смысле перерабатывает, предоставляет тому разделу мозга, в котором обитает «я», слишком много информации. В результате когнитивный процесс, в особенности способность суждения, расположенная в лобной доле, не может справиться с той информацией, что к ней поступает, и мир становится — для этого человека — загадочным и непостижимым. Появляются предметы и явления без имен, и, поскольку человек не знает, что это — т. е. не может их назвать или объяснить их назначение, — то не может и рассказать о них другим. Разрыв словесной коммуникации — роковой признак того, что человек переживает реальность слишком по-другому, слишком иначе, чтобы создавать эмпатические связи с другими людьми.

Но на ключевой вопрос: где же, на какой стадии возникает эта новая и странная реальность, эта причудливая деформация всеобщего и привычного взгляда на мир? — все это не отвечает. Теперь мы знаем: значительная часть того, что мы именуем «окружающей реальностью», состоит из субъективной рамки, которую накладывает сама система восприятия, и что способов восприятия мира, быть может, столько же, сколько и людей. Но каким же путем вползают в наше

сознание нежеланные, даже пугающие, и уж точно не общие для всех «галлюцинации»? Вплоть до последних трех-четырех лет повсеместно признавалось, что эти разрывы в упорядоченной непрерывности мира, несомненно, возникают в самом человеке, на каком-то уровне его неврологической структуры; но теперь впервые маятник доказательств качнулся в другую сторону. Слышен совершенно новый термин «расширенное сознание»: он говорит, что исследования, особенно с галлюцинаторными веществами, указывают на возможность того, что, нравится нам это или нет, воспринимающая система организма, как и в случае с параноиками Яна Эренвальда, перерабатывает, воспринимает слишком многое, забрасывает центр суждения в лобной доле мозга данными, которые он не в силах объяснить. Это, разумеется, плохо: в таких обстоятельствах невозможно ни суждение, ни межличностное общение, так как теряется общий язык, — но эти «лишние» данные исходят откуда-то вне нашего организма; органы чувств воспринимают то, что действительно есть, — и это неправильно, поскольку делает невозможным когнитивный процесс, независимо от того, *насколько реальны воспринимаемые объекты.* Как видно, проблема

не в том, что организм «видит то, чего нет»: он видит то, что есть, — но никто больше этого не видит, для описания этой реальности не существует семантических знаков, так что организм не может больше продолжать эмпатические взаимоотношения с членами своего сообщества. И это разрыв эмпатии с обеих сторон: они не могут ощутить его «мир» — он больше не ощущает их мира.

Галлюцинации, психическая болезнь, наркотический опыт «расширенного сознания» угрожают организму из-за их социальных последствий. Огромную роль играет в человеческой жизни язык; это ключевой инструмент, при помощи которого индивидуальные образы мира связываются друг с другом и становятся общими, открывая путь ко всем целям, ради которых конструируется общая реальность. То, что, по сути, субъективно, становится объективным на договорной основе. Глядя с такой точки зрения — социологической или антропологической, — вообще неважно, где возникают галлюцинации и являются ли они верными (но уникальными и потому невыразимыми) переживаниями «высших уровней реальности, проблесков которых в обыденной жизни мы не замечаем».

Реальное или нереальное, возникающее в самой системе восприятия из-за, например, какого-нибудь химического вещества, в норме не присутствующего в организме и не влияющего на обмен веществ в мозгу, — то, что мы называем «галлюцинацией», — разрушительно: отчуждение, одиночество, чувство, что весь мир стал чужим, что все в нем изменилось и исказилось, — все это логичное следствие того, что индивид, прежде часть человеческой культуры, превращается в органическую «монаду без окон»[127]. Неважно, что его рассудок не затронут; неважно, испытывает ли он «адекватные эмоции», — два классических критерия при диагностике шизофрении. На самом деле, кажется, не страдает ни то, ни другое: на свои сенсорные ощущения индивид реагирует так же, как мы реагируем на свои, то же касается и эмоциональной жизни — он демонстрирует чувства и настроения, сами по себе для нас вполне понятные. Но мы не воспринимаем то, что воспринимает он, — а его эмоции почти всегда связаны с переживаемым уникальным опытом.

Мое собственное ощущение, особенно в виду

[127] Примечания: 127

Цитата из Лейбница, описывающая внутреннее бытие монад, которые отделены друг от друга.

недавних лабораторных исследований, нашедших какую-то связь между шизофренией и гормонами надпочечников, таково: «Здоровый человек не знает, что возможно все». Иными словами, психически больной в какой-то момент *слишком много узнал*. В результате его мозги, так сказать, зависли. Говорят, опасно знать слишком мало; но, черт возьми, как насчет того, чтобы знать слишком много? О смерти как факторе реальности, быть может, нам не следовало бы знать вовсе — или, по крайней мере, знать как можно меньше. Джеймс Стивенз[128] в стихотворении «Шепчущий» (сборник *Insurrections*, Дублин, 1912) сообщает нечто такое, чего я рад был бы не знать — а теперь знаю, а рано или поздно, думаю, это предстоит выяснить каждому. По иронии судьбы, у Стивенза это ощущает сам Бог:

Я создаю тебя,
А затем в горе и в радости
Не слежу за тем, куда ты идешь,
С чем борешься,
Побеждаешь или проигрываешь:

---

[128] Примечания: 128

Джеймс Стивенз (1882–1950) — ирландский поэт и писатель, автор романов «Горшок золота», «Полубоги» и др.

Этого я не знаю

И не хочу знать.

Нет нужды зависеть от галлюцинаций, к безумию ведет множество дорог.

Шизофрения и Книга Перемен (1965)

У многих видов животных, например, у жвачных, новорожденный выталкивается в *коинос космос* (общий мир) более или менее сразу. Для ягненка или жеребенка *идиос космос* (личный мир) умирает, едва его глаз касается первый луч дневного света. Но человеческого ребенка после рождения ждут еще долгие годы некоего полуреального существования; полуреального — потому что вплоть до пятнадцати-шестнадцати лет он как бы еще не вполне родился, не имеет самостоятельного бытия; у него сохраняются фрагменты *идиос космос,* а из *коинос космос* ему навязывают не так уж много. Общий мир не обрушивается ему на плечи всем своим бременем вплоть до рубежа, который мы именуем лестным титулом «психосексуальная зрелость» — попросту говоря, до тех милых школьных деньков, когда спрашиваешь симпатичную девочку с первой парты, не хочет ли она выпить с тобой по стакану содовой после уроков, а она отвечает: «НЕТ!» Вот и все. Здравствуй, общий мир. Готовься к долгой зиме,

юноша: впереди будет только хуже.

Прешизофреническую личность обычно называют «эффективным шизоидом»[129]. Означает это вот что: подростком он все еще надеется, что симпатичную девочку (или мальчика) с передней парты не придется звать на свидание. Если обратиться к моему собственному шизоидному школьному опыту, год или около того он будет молча глазеть на девочку и представлять в уме все возможные исходы: хорошие исходы проходят под рубрикой «фантазии», дурные — «фобии». И тянется, тянется бесконечная война между этими двумя полюсами, меж тем как настоящая живая девушка понятия не имеет, что ты есть на свете (и неудивительно: ведь тебя, в сущности, нет). Если побеждают фобии («Вот я ее спрошу, а она ответит: «С тобой?!» — и т. д.), то шизоидный подросток физически вылетает из класса с агорафобией, которая дальше постепенно расширяется и превращается в истинно шизофреническое избегание любых контактов, или же бежит в фантазии и становится, так сказать, сам себе Эйбом

[129] Примечания: 129
Так в тексте — видимо, имеется в виду «аффективный».

Мерритом[130] или, если все совсем худо, сам себе Г. Ф. Лавкрафтом. Так или иначе, девушка забыта, а переход к психосексуальной зрелости так и не происходит — что само по себе, возможно, не так страшно: в конце концов, на свете есть не только хорошенькие девушки (по крайней мере, мне так рассказывают). Но есть мрачные последствия. То, что произошло, повторяется снова и снова всякий раз, как подросток сталкивается лоб в лоб с *коинос космос.* А ведь именно в этом возрасте, с пятнадцати до двадцати двух, он вынужден сталкиваться с внешним миром постоянно («Чарли, позвони наконец стоматологу, с дыркой в зубе надо что-то делать!» — и т. п.) *Идиос космос* утекает сквозь пальцы; пост-чревное чрево выталкивает «новорожденного». Происходит биологическое взросление, и его не попросишь подождать. Если подросток продолжает попытки, позже их назовут «желанием сбежать от реальности и ответственности, свойственной взрослым людям», и если ему поставят диагноз шизофрении, то скажут, что он «бежал из реального мира в мир своих фантазий». Это почти так, но все же не

[130] Примечания: 130

Абрахам Меррит (1884–1943) — американский писатель, работавший на стыке фантастики, фэнтези и хоррора. Оказал сильное влияние на последующее становление жанра.

совсем верно. Дело в том, что у реальности есть признак, по которому — если об этом задуматься — мы и определяем, что это реальность: *от нее не убежишь*. Возможно, в прешизофренической жизни, в шизоидно-аффективный период, ему это иногда удавалось — но больше не удается. И мрачный лик шизофрении, проступающий лет в девятнадцать, — не уход от реальности, а ровно наоборот, прорыв реальности, от которой больше некуда бежать. Реальность обступает со всех сторон, она здесь, от нее не скрыться. Борьба за уход от реальности длиною в жизнь окончилась поражением; она окружает тебя, ты тонешь в ней… бульк!

Существование шизофреника отличается от той жизни, которой, как принято считать, наслаждается все остальное человечество, одним существенным ингредиентом — временем. Для шизофреника все происходит *сейчас*, хочет он того или нет; мы смотрим фильм кадр за кадром — а на него обрушивается разом вся пленка. Причинно-следственную связь он не воспринимает. Вместо этого во всех ситуациях действует принцип акаузальной связи, который Вольфганг Паули назвал синхронистичностью. Как и человек под ЛСД, шизофреник погружен в беско-

нечное «сейчас».

И здесь появляется «И-Цзин», или «Книга Перемен», поскольку она работает на основе синхронистичности и является не чем иным, как устройством, помогающим с ней справляться. Впрочем, возможно, слову, которое использовал Паули, вы предпочтете простое «совпадение». Так или иначе, оба термина указывают на акаузальные связи или, точнее, на события, связанные акаузуально, события, происходящие вне времени. Нет цепи, тянущейся из вчера через сегодня в завтра; все творится сейчас. Словно заранее заведенные часы Лейбница, которые звонят одновременно. Однако ни один звонок не имеет причинно-следственной связи с другими.

Открытие, что события могут происходить вне времени, поражает меня и пугает. Первая моя реакция была: «Боже правый, так я не ошибся: в кресле у дантиста время *действительно* тянется вечно!» Распространяться о более приятных возможностях, типа вечного блаженства, предоставлю мистикам. Так или иначе, ЛСД сделал это открытие доступным для каждого; теперь оно подлежит общественному консенсусу, входит в область знания, становится научным фактом — или, если хотите, просто фактом. Войти в это

состояние может любой, не только шизофреник. Да, друзья мои, вы тоже можете страдать вечно: просто примите 150 мг ЛСД — и наслаждайтесь! И если этот опыт не оправдает ваших ожиданий, мы вернем вам деньги. Хотя после двух тысячелетий под ЛСД, проведенных на Страшном Суде, вряд ли кто-нибудь станет всерьез переживать из-за пяти долларов.

По крайней мере, теперь каждый может узнать, каково приходится шизофренику в кататоническом состоянии, с той лишь разницей, что ЛСД позволяет вернуться в *коинос космос* некоторое время спустя (примерно десять часов по общему счету) — сколько бы долго (мягко сказать) ни длилось ваше пребывание в *идиос космос.* Для шизофреника-кататоника, увы, его состояние вечно — не только в личном мире, но, если ему не повезет, и в общем. Говоря на языке дзен-буддизма, под ЛСД вы переживаете недолгую вечность («столько-то и столько-то», как выражаются в журнале *Planet Stories*). И в этом безвременном интервале могут произойти сколь угодно сложные и причудливые события, настоящий эпический фильм на манер недавно вышедшего «Бен Гура». (Если хотите узнать, что чувствует человек под ЛСД, не принимая ЛСД, представьте

себе, что смотрите «Бен Гура» двадцать раз без перерыва. Ясно? Так-то.)

Эти события не связаны между собой как причины и следствия: это не горизонтальная цепь причинно-следственной связи, переживаемая нами во времени, а распахивающаяся вертикальная щель синхронистичности; существуя вне времени, она не знает никаких ограничений; в ней нет встроенного конца. Так что вселенная шизофреника — снова выразимся мягко — очень велика. Слишком велика. Наша вселенная конечна и контролируема, словно зубная паста, выдавливаемая из тюбика дважды в день; мы втираем в себя лишь такое количество реальности, с каким можем справиться — точнее, думаем, что справимся. Мы контролируем свою реальность хотя бы с виду: например, решаем не ехать по шоссе в час пик, а объехать такими закоулками, про которые никто (точно, никто!), кроме нас, не в курсе. Разумеется, рано или поздно — чаще всего около шестидесяти пяти — мы ошибаемся: сворачиваем не туда или вдруг хватаемся за сердце и падаем — и, упс, после всех этих лет успешного плавания в морях реальности мы мертвы и так же, как шизофреник, заперты в вечном «сейчас».

Но, повторим еще раз, все это впереди; пока

что ежегодное медицинское обследование показывает, что мы вполне здоровы, а если и нет, то страдаем чем-нибудь обыкновенным и неопасным. Нашего частичного знания реальности хватает, чтобы нести нас дальше, дальше и дальше. Тянется, тянется цепь причин и следствий, а мы следуем за ней; как положено добропорядочным американцам из среднего класса, платим за страховку — и надеемся как можно дольше не попасть в страховую статистику. В конце концов нас погубит синхронистичность: однажды в четыре утра мы выедем на перекресток с ограниченным обзором, совершенно пустой — а с другой стороны выедет на него второй такой же идиот, еще и накачанный пивом, и мы оба отправимся в мир иной, где, возможно, нас ждет то же самое. Видите ли, синхронистичность нельзя предсказать: это один из ее признаков.

Или все-таки можно? Если вдруг… представьте себе, что можно было бы регулярно узнавать заранее о значимых совпадениях. Но разве это не противоречие в терминах *априори*, по самому смыслу слов? В конце концов, совпадение или, как называет его Паули, проявление синхронистичности, по самой своей природе не зависит от прошлого; следовательно, ничто не может

стать его предиктором (об этом см. у Дэвида Юма, особенно о свистке паровоза и самом паровозе). Именно это состояние, в котором не знаешь, что произойдет дальше, и никак не можешь на это повлиять — *sine qua non*[131] безрадостного мира шизофреника: он беспомощен, пассивен, не он делает, а с ним делается то или другое. Реальность случается с ним снова и снова, как какая-то вечная автокатастрофа — без отдыха, без облегчения.

Шизофреники не пишут и не отправляют письма, никуда не ходят, не звонят по телефону. Это им пишут разгневанные кредиторы и официальные органы вроде Департамента полиции Сан-Франциско; им звонят рассерженные родственники; слишком часто их вытаскивают из дома и заставляют куда-то идти — то к парикмахеру, то к дантисту, то в психушку. Если каким-то чудом шизофреник сумеет взбодриться, позвонить по номеру HI-4–1234, заказать такси и поехать к старому доброму другу папе римскому — в такси непременно врежется мусоровоз; а когда, выйдя из больницы (этот случай, кстати, произошел несколько лет назад с Горацием Голдом), он

[131] Примечания: 131
Необходимое условие (*лат.*).

снова вызовет такси и попробует еще раз — на перекрестке будет ждать еще один мусоровоз. Шизофреник это знает. Такое уже случалось. Такие совпадения — редкость только для нас, а с ним-то это происходит все время; синхронистичность — то, в чем он живет.

Так что же с этим делать? Для шизофреника любой метод, позволяющий справиться с синхронистичностью, — ключ к выживанию; для нас не ключ, но серьезное подспорье. Такая методика пригодится нам обоим.

Вот для этого уже три тысячи лет существует «И-Цзин». Она работает (примерно в 80 % случаев, судя по данным Паули, собравшего статистическую базу). Джон Кейдж[132], композитор, использует ее, создавая последовательности аккордов. Некоторые физики на ее основе предсказывают поведение элементарных частиц, обходя злосчастный принцип Гейзенберга. Я с ее помощью решаю, в каком направлении двинется сюжет романа (свои комментарии, пожалуйста,

[132] Примечания: 132

Джон Кейдж (1912–1992) — американский композитор, художник, новатор, лидер послевоенного авангарда.

придержите для *Yandro*[133]). Юнг использовал ее с пациентами, чтобы обходить их психологические «слепые пятна». Лейбниц основал на ней свою бинарную систему, идею открытых или закрытых ворот, если не всю систему монадологии… хотите верьте, хотите нет.

«Книгу Перемен» можете использовать и вы: чтобы делать ставки на боксеров или заинтересовать девушку — в сущности, для чего угодно, только не для предсказаний будущего. Этим «Книга Перемен» не занимается: это не устройство для гадания, хотя именно так ее столетиями понимали в Китае, и так же понял Рихард Вильгельм[134], который перевел ее на немецкий — с немецкого и переведено английское издание *Pantheon Press*. (Гельмут, сын Рихарда, также китаист, показал это в своих лекциях и статьях

[133] Примечания: 133

Yandro (1953–1986) — влиятельный фэнзин, издаваемый Хуанитой Коулсон. Лауреат премии «Хьюго» в категории Лучший любительский журнал (и десятикратный номинант на нее же).

[134] Примечания: 134

Рихард Вильгельм (1873–1930) — немецкий крупный синолог и востоковед.

в *Eranos Jahrbucher*[135], изданных по-английски все тем же *Pantheon Press*. И Легг[136] в первом английском издании «Книги Перемен», около 1900 года, тоже об этом писал.) Верно, *кажется,* что эта книга имеет дело с будущим; ведь перед вашими глазами разворачивается для обзора игра тех сил, что *определяют* будущее. Но эти силы действуют сейчас; а существуют они, так сказать, вне времени, как *ablativus absolutus* в латинском языке. Эта книга анализирует и диагностирует, но не предсказывает. Таков же многоступенчатый медицинский осмотр: он сообщает о том, что происходит в вашем теле *сейчас* — и из этого знания компетентный врач, возможно, сумеет до некоторой степени вывести то, что может произойти с вами в будущем. («Мистер Макнит, эту артерию необходимо заменить, иначе уже на следующей неделе или прямо сейчас по дороге домой вы упадете мертвым».)

---

[135] Примечания: 135

Журналы конференции Общества «Эранос», междисциплинарного дискуссионного клуба, действовавшего в Европе с 1933 года. В клубе участвовали крупные исследователи в области науки, истории, филологии и религии, среди которых были Э. Шредингер, Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде, К. Г. Юнг, И. Пригожин и др.

[136] Примечания: 136

Джеймс Легг (1815–1897) — британский синолог, первый профессор китайского языка в Оксфордском университете, первый переводчик «Книги Перемен» на английский язык.

При помощи «И-Цзин» можно исследовать конфигурацию *коинос космос* в его целостности — именно для этого создал ее около 1100 года до н. э. царь Вэнь, свергнутый и томящийся в темнице. Он не хотел знать будущее — ему нужно было знать, что происходит сейчас за пределами камеры, что творится с его царством в миг, когда он бросает сухие стебли тысячелистника и получает гексаграмму. Знание такого рода, очевидно, для каждого из нас имеет огромную ценность: ведь на его основе можно сделать достаточно обоснованные догадки (хотя подчеркиваю — *догадки)* о будущем и, опираясь на них, решить, что делать (весь день сидеть дома, выйти ненадолго, отправиться навестить папу римского и т. п.).

Однако, если человек является в какой-то степени шизофреником — что, как неохотно признает теперь психиатрическая наука, вполне возможно, и таких чертовски много, гораздо больше, чем прежде думали, — знание такого типа, абсолютная, тотальная репрезентация состояния *коинос космос* в текущий *Augenblick*[137] становится для него тотальным знанием, поскольку будущего для шизофреника не существует. В зависимо-

[137] Примечания: 137
Момент (*нем.*).

сти от степени шизофренического восприятия времени, в котором все мы в той или иной мере заперты, каждый из нас может получить пользу от «И-Цзин». Если человек — полностью шизофреник (такое невозможно, но представим себе это для наших целей), гексаграмма становится для него всем: изучив гексаграмму и приложенные к ней тексты, он знает — буквально — все, что нужно знать. Если гексаграмма благоприятная, он может расслабиться; если нет — понимает, что оправдались его страхи. Все вокруг *в самом деле* нестерпимо, безнадежно, и он ни на что не может повлиять. Он может, например, совершенно всерьез спросить у книги: «Мертв ли я?» — и получить ответ. Мы скорее спросим: «Не погибну ли я в ближайшем будущем?» — и, прочтя гексаграмму, получим какое-то озарение; например, если гексаграмма гласит: «Неудача. Дальше ничего» — остережемся сегодня вечером садиться за руль. И возможно, проживем на несколько лет дольше — что, согласитесь, полезно и шизофреникам, и нет.

Но жить по этой чертовой книге нельзя, ведь это значит покориться статическому времени, как пришлось свергнутому императору Вэню, проведшему остаток дней в темнице, как при-

ходится современным шизофреникам, а также тем из нас, кто решается попробовать ЛСД. Зато мы можем использовать ее частично; частично — поскольку весьма частична и ее способность «предсказывать грядущие события»; в строгом смысле, как я только что сказал, такой способности у нее нет вовсе. Разумеется, из нее можно вывести более или менее точную картину будущего. Но это значило бы стать шизофреником — или более шизофреником, чем ранее. Потерь от этого больше, чем приобретений; мы ведь не хотим, чтобы наше будущее было поглощено настоящим! А полностью познать будущее — значит ощутить его здесь и сейчас. Попробуйте — сами поймете, каково это. Дело в том, что, едва исчезает будущее, уходит и возможность каких бы то ни было свободных и эффективных действий. Кстати, эта тема постоянно звучит в научной фантастике: если ничто иное не приходит вам на ум, вспомните хотя бы мой роман «Мир, который построил Джонс». Джонс, обладающий даром предвидения, в конце концов полностью теряет способность действовать: дар не освобождает его, а парализует. Понятно?

Пожалуй, эти наблюдения я подытожу так. Если вы сейчас абсолютный шизофреник, используйте

«И-Цзин» для всего: спрашивайте у книги даже, когда вам сходить помыться или когда открыть новую банку тунца для кота Ровера. Если вы шизофреник только частично (обойдемся без имен), используйте книгу в некоторых ситуациях, но очень умеренно; не полагайтесь на нее во всем подряд; приберегите ее для Серьезных Вопросов, например: «Жениться ли мне или продолжать жить во грехе?» — и т. п. Если вы совсем не шизофреник (встаньте и возьмите с полки пирожок — или как там вы, нешизофреники, выражаетесь), будьте так добры, пользуйтесь этой книгой очень понемногу, в микроскопических, контролируемых дозах, примерно так же, как вы, добропорядочный представитель среднего класса, по утрам и вечерам выдавливаете на зубную щетку «Глим» — или как там эта чертова паста называется. Относитесь к ней (прости Господи) как к игре, безделушке. Задавайте вопросы, противоположные тем, какие задают частичные шизофреники; не спрашивайте: «Как мне выбраться из пучины беспросветного ужаса и отчаяния, в которую я по собственной глупости угодил уже в пятидесятый раз?» и т. д. — ограничьтесь вопросами типа: «От чего погибла Атлантида?» и: «Куда же я засунул зеленые

спортивные штаны?». Словом, задавайте вопросы, ответ на которые не повлияет ни на вашу жизнь, ни даже на ваше текущее поведение; и не вздумайте «воплощать в жизнь» ответы, которые подсказывает книга, — держите себя в руках и следите за собой так бдительно, словно приняли ЛСД. Наблюдайте и наслаждайтесь тем, что видите (или, если попали в ад, наблюдайте и страдайте неподвижно и молча), — но на этом все: стоит на основании того, что вы видите, начать действовать в реальной жизни, как вас живо упекут в Шанхайский народно-демократический дурдом и заставят собирать урожай.

Я говорю по собственному опыту. Написать эту статью повелел мне оракул — «И-Цзин».

Честно говоря, типично дзен-буддистская ситуация: «И-Цзин» велел написать статью, объясняющую, почему не надо следовать советам «И-Цзин». Впрочем, эта книга поймала меня на крючок много лет назад. Может, подскажете, как избавиться от этой зависимости? Или лучше спросить у книги? Так… хм… прошу простить: теперь я не сяду за машинку раньше будущего года. Или еще позже. Вечно мне не везет с будущим.

Андроид и человек (1972)

Так называемое первобытное сознание склонно одушевлять все, что его окружает. Современная глубинная психология уже много лет требует, чтобы мы отказались от этих антропорморфических проекций на неодушевленную, в сущности, реальность, интроецировали — т. е. вернули обратно себе в голову — свойство «быть живым», которое невежественно приписываем мертвой материи. Говорят, что такая интроекция — признак истинной зрелости индивида и маркер подлинной цивилизованности, в отличие от просто общественной культуры, которую можно найти и в диких племенах. Нам говорят: уроженец Африки видит все вокруг пульсирующим, наполненным жизнью и стремлением к цели, как и он сам, но стоит отказаться от этих ребяческих проекций, и он поймет, что на самом деле окружающий мир мертв и жизнь обитает только в нем самом. Когда он достигнет этой высшей точки зрения, мы назовем его «зрелым» или «здоровым». Или «человеком с научным

мышлением». Но вот какой возникает вопрос: что, если в процессе этого он овеществит — то есть начнет воспринимать как вещи — и других людей? Камни, скалы и деревья для него теперь лишены души, пусть так; а как насчет друзей? Их он заодно не превратит в камень?

В сущности, это психологическая проблема. И разрешить ее, пожалуй, менее важно, чем принято думать. Дело в том, что в последнее десятилетие мы наблюдаем тренд, которого не могли предвидеть многоумные психологи. Тренд, снимающий проблему как таковую: наша окружающая среда — я имею в виду созданный человеком мир машин, механизмов, компьютеров, электронных систем, взаимосвязанных гомеостатических компонентов — все более и более начинает обладать тем, что, по мнению многоумных психологов, следует называть одушевленностью. То, что нас окружает, становится живым в самом прямом смысле — или, по крайней мере, квази-живым, фундаментально и разительно схожим с нами. Кибернетика, ценнейшая научная дисциплина, совсем недавно созданная покойным Норбертом Винером, аккуратно и дотошно сравнив поведение машин и людей, пришла к выводу, что изучение машин может дать нам ценные прозре-

ния о природе собственного поведения. Выясняя, что не так с машиной — например, каким образом одновременное действие двух тропизмов[138] привело одну из синтетических черепашек Грея Уолтера[139] к замешательству и довольно сложному поведению, — человек узнает, например, нечто новое и плодотворное о том поведении людей, которое раньше именовали «невротическим». Но предположим, что эту аналогию можно и перевернуть. Допустим — такое Винер вряд ли предвидел, — что исследование самих себя, нашей собственной природы поможет нам постичь сложную внутреннюю жизнь механических и электронных устройств. Иными словами — тут я делаю особый акцент — мы вполне можем что-то узнать о нашем внешнем искусственном окружении, о том, как оно себя ведет, почему, каким образом и по каким причинам «ломается», проведя аналогию с тем, что знаем о себе.

Машины становятся, так сказать, более человечными — по крайней мере, в том смысле, в

---

[138] Примечания: 138

Тропизмами в психоанализе называют фундаментальные мотивы действий, например, либидо, стремление к смерти и т. п.

[139] Примечания: 139

Грей Уолтер (1910–1977) — американский нейрофизиолог и кибернетик. Крупный исследователь электрофизиологии и пионер метода вживления микроэлектродов. Основоположник современной ЭЭГ.

каком, как показал Винер, возможно сравнение между человеческим и механическим поведением. Но не себя ли мы знаем и постигаем в первую очередь? Вместо того чтобы исследовать себя, изучая творения рук своих, попробуем лучше попытаться понять их, взглянув на себя.

Наверное, сейчас мы в самом деле видим, как жизнедеятельность человека постепенно сливается с жизнедеятельностью созданной им окружающей среды. Еще сто лет назад такая мысль показалась бы не просто антропоморфической — абсурдной. Что мог узнать о собственном поведении человек из 1750 года, наблюдая за первой паровой машиной? Из того, как она пыхтит и дымит, он должен был понять, например, почему снова и снова влюбляется в девушек одного типа? Да это было бы не первобытное мышление, а патология! Но сейчас мир, в который мы погружены — мир, созданный нашими руками, — становится настолько сложным, настолько таинственным, что Станислав Лем, видный польский писатель-фантаст, размышляет: быть может, наступит время, когда человека смогут посадить за попытку изнасилования швейной машинки. Будем надеяться, это окажется хотя бы машинка женского пола. И не моложе семнадцати лет — лучше

всего старенький почтенный «Зингер»… хотя нет, у «Зингера» наверняка уже менопауза.

В некоторых своих рассказах и романах я писал об андроидах, роботах, симулякрах — неважно, как их называть; речь шла об искусственных существах, выдающих себя за людей. Как правило, с недобрыми целями. Видимо, я принимал как аксиому, что будь у такого существа — у робота, например — добрая или хотя бы достойная цель, ему не было бы нужды маскироваться. Теперь мне кажется, что это глупость. Искусственные существа не подражают людям; просто в каком-то глубоком смысле они уже *и есть* люди. Они не пытаются нас обмануть ради своих целей — они просто следуют теми путями, какие мы для них проложили, стремясь решить общие проблемы: поломку тех или иных частей, потерю источника энергии, защиту от естественных врагов (например, от грозы), короткое замыкание… уверен, каждый из вас на своем опыте знает, что такое короткое замыкание и как оно способно погубить целый рабочий день!

Теперь, когда я задумываюсь на тему «робот как человек», мне приходит на ум совсем другое: блестящий металлический корпус, телескопические линзы, аккумулятор солнечной энергии

на спине… но если его ранить, потечет кровь. Под металлической оболочкой — сердце, такое же, как у нас. Может быть, я об этом напишу. Или в одном рассказе, который скоро выйдет, компьютер в ответ на философские вопросы типа: «Зачем существует вода?» — распечатывает Первое послание к Коринфянам. Был уже у меня один рассказ — правда, боюсь, там я недостаточно серьезно подошел к теме, — в котором компьютеру задавали вопросы, и если он знал ответ, то съедал спрашивающего. Интересно, а если не знал? Об этом я писать не стал; тогда, наверное, человек должен был съесть компьютер? Так или иначе, я смешивал человеческую реальность с искусственной, не замечая, что это смешение уже стало частью нашей реальности. Как и Лем, я думаю, что чем дальше, тем этого будет больше. Давайте заглянем на шаг вперед: если человека смогут судить за попытку изнасилования швейной машинки — должно быть, швейная машинка сумеет вызвать полицию, а потом будет свидетельствовать против него в суде. Пожалуй, еще и заплачет при этом. Сколько возможностей тут открывается: лжесвидетельство подкупленных швейных машинок против невиновных; тесты на отцовство; разумеется, и

аборты для швейных машинок, забеременевших против своего желания. А как насчет противозачаточных пилюль для швейных машинок? Должно быть, некоторые машинки, как одна из моих бывших жен, станут жаловаться, что от противозачаточных набирают вес — то есть, в их случае, начинают делать неровные стежки. Будут и безответственные швейные машинки, которые забывают принять таблетки. И — последнее по месту, но не по значению — обязательно откроются Клиники планирования семьи, где юным, едва сошедшим с конвейера швейным машинкам станут рассказывать об опасностях беспорядочного секса и предупреждать, что на безнравственных машинок насылает венерические болезни разгневанный Бог — швейный Бог, способный делать такие ровные строчки, что доверчивые создания из металла и пластика, как и мы, всегда готовы склониться перед Его чудесами.

Конечно, я сейчас дурачусь; но это не юмор ради юмора. Наши электронные механизмы становятся настолько сложными, что, чтобы их понять, нам приходится переворачивать кибернетический принцип аналогии и исходить из нашего собственного мышления и поведения — хотя, думается мне, приписывая машинам

мотивы и цели, мы уже вступим в область параноии; то, что делают машины, напоминает наши собственные действия, однако намерений в том же смысле, что у нас, у них не бывает; только тропизмы, те цели, что мы вложили в них для выполнения определенных задач, только реакции на определенные стимулы. Например, пистолет сделан для того, чтобы стрелять из него кусочком металла с целью ранить, покалечить или убить, — но это не значит, что пистолет сам этого *хочет.* Однако здесь мы входим в область философии, подступаем к вопросу, поднятому Спинозой, который заметил — на мой взгляд, с величайшей проницательностью, — что падающий камень, умей он мыслить, вполне мог бы думать так: «Я *хочу* падать со скоростью тридцать два фута в секунду»[140]. Наша свободная воля — т. е. то, что, испытывая какое-нибудь желание, мы свободно делаем именно то, что хотим, — даже для нас может оказаться всего лишь иллюзией; глубинная психология это подтверждает; многие наши жизненные мотивы исходят из бессознательного, находящегося вне нашего контроля. В сущно-

[140] Примечания: 140

Имеется в виду афоризм Бенедикта Спинозы: «Если бы свободно падающий камень мог мыслить, он думал бы, что падает по свободной воле».

сти, нами управляют те же стремления, что и насекомыми, хотя слово «инстинкт» к нам неприменимо. Но, как бы это ни называть, бóльшая часть поведения, которое мы воспринимаем как реализацию своей свободной воли, управляется вовсе не нашим сознанием — на практике мы те же падающие камни, обреченные лететь вниз со скоростью, предписанной природой, такой же жесткой и предсказуемой, как сила, создающая кристаллы. Пусть каждый из нас ощущает себя уникальным, с каким-то особым предназначением, какого прежде в мире и не видано… для Бога мы — просто миллионы кристаллов, идентичных в глазах Космического Ученого.

И вот еще одна не слишком приятная мысль. По мере того как все более одушевленным становится окружающий мир, мы, так называемые люди, можем обнаружить вдруг, что становимся все более неодушевленными, что уже не идем по своей воле, а плетемся чужим путем, повинуясь встроенным в нас тропизмам. Быть может, где-то на полпути мы встретимся с собственными сложнейшими компьютерами. И в один прекрасный день человек по имени, допустим, Фред Уайт подстрелит робота по имени Пит Такой-то, произведенного на заводе *General Electric*, — а

тот, к большому его удивлению, застонет и начнет истекать кровью. Быть может, умирающий робот подстрелит в ответ мистера Уайта — и, к собственному удивлению, увидит, как от электромотора, служившего ему сердцем, поднимается в небеса беловатый дымок. Представляете, какой это будет момент истины для них обоих?

И здесь я хотел бы задать такой вопрос: что в нашем поведении мы можем назвать специфичным для человека? Присущим только нам, как живым существам? А что мы можем — по крайней мере, сейчас — рассматривать как исключительно механическое или, если чуть расширить, свойственное механизмам и низшим организмам рефлекторное поведение? В категорию такого псевдочеловеческого поведения я бы включил и то, что демонстрируют живые когда-то люди — существа, которые (это мы обсудим дальше) сделались инструментами, средствами, а не целью, превратились в аналоги машин *в плохом смысле*: биологическая жизнь продолжается, обмен веществ идет, но души — за неимением лучшего слова — здесь больше нет, или, по крайней мере, она спит крепким сном. Такое явление существует в нашем мире — и всегда существовало, но теперь продуцирование

такого неестественного для человека поведения стало делом правительства и правительственных агентств. Сведение человека к механизму, к средству, предназначенному для какой-то цели, пусть даже «благой» в абстрактном смысле, представляется мне величайшим мыслимым злом. Что может быть страшнее, чем взять живого человека, который смеется, плачет, ошибается, делает глупости, — и затолкать в машину, которая, что бы он ни думал и ни воображал, влечет его к цели, совершенно чуждой его собственному, пусть и ничтожному, предназначению? Можно сказать, история превращает его в свой инструмент. История — и люди, обученные и натренированные техникам манипуляции, экипированные специальными приборами, идеологически заряженные так, что использование этих приборов кажется им необходимым или, по крайней мере, желательным методом достижения той или иной великой цели.

Здесь мне вспоминается замечание Тома Пейна о какой-то европейской партии его времени: «Они восхищаются перьями и забывают об умирающей птице». Эта-то «умирающая птица» меня и заботит. Умирающая — и снова оживающая в сердцах тех, кто только вступает во взрослый

мир, — птица нашей подлинной человечности.

Вот о чем я хочу сегодня сказать. Хочу открыть свою надежду, свою веру в сегодняшнюю молодежь. В их мир, в их ценности. И вместе с тем в их нетерпимость к ложным ценностям, ложным идолам, ложным жупелам предыдущего поколения. В то, что их, этих прекрасных ребят, не подчинит себе и даже не коснется та «гравитация» — если использовать мою предыдущую метафору, — что заставляет нас, людей постарше, падать сквозь жизнь со скоростью в тридцать два фута в секунду, не зная об этом, не желая этого… и воображая, что мы сами этого хотим.

По-моему, эти ребята — по крайней мере, некоторые, быть может, многие — падают с иной скоростью или даже не падают совсем. Уитменовское «маршируют под звуки иных барабанов»[141] можно перефразировать так: они падают не в ответ на «истины», в которых не усомнились, не проверили, а просто приняли как должное, — а в ответ на новое, внутреннее, подлинное человеческое желание.

Юность, разумеется, всегда к этому стремится; в сущности, это и есть определение юности.

---

[141] Примечания: 141
На самом деле неточная цитата из Генри Дэвида Торо.

Сейчас это стремление стало настолько острым, думается мне, именно потому, что мы постепенно, шаг за шагом, месяц за месяцем, сливаемся до неразличимости с окружающими нас механизмами — так что со временем, например, писатель перестанет писать не потому, что кто-то выключил его электрическую пишущую машинку, а потому, что выключили *его самого*. Но этих молодых ребят не выключишь: никакой шнур не подсоединяет их к внешнему источнику питания. Их сердца бьются в собственном ритме. Их энергия исходит не от кардиостимуляторов; ее источник — упрямое, злое, доходящее почти до абсурда нежелание, чтобы им «парили мозги», — иначе говоря, кормили лозунгами, втирали идеологию любого сорта, низводящую их к инструментам достижения каких-то абстрактных, сколь угодно «благих» целей. В Калифорнии, откуда я родом, я живу бок о бок с такими ребятами, участвую, сколько могу, в их новом, едва зарождающемся мире. Я хотел бы рассказать об этом мире, поскольку, если повезет, что-то из этого мира, его ценности, его образ жизни окажут влияние на будущее всего нашего общества, на нашу будущую утопию или антиутопию. Как писатель-фантаст, я, разумеется, призван всегда

смотреть вперед, в будущее. Я надеюсь — и хочу передать вам эту надежду вместе с тем мощным, несокрушимым оптимизмом, что охватывает меня, когда думаю об этом, — что будущее за этими ребятами, которые сейчас, в юные годы, не имеют ни малейшей политической или общественной власти, не могут даже, согласно нашим калифорнийским законам, купить себе банку пива или пачку сигарет, не могут голосовать, не могут никак повлиять на принятие законов, управляющих ими и всем нашим обществом. Вот что я вам скажу: если вас интересует мир завтрашнего дня, о нем можно кое-что узнать — или, по крайней мере, почитать о разных возможностях развития событий — на страницах *Analog*, *F&SF* или *Amazing*; но, если вам нужно будущее в его подлинном виде — понаблюдайте за парнишкой шестнадцати или семнадцати лет в его привычных передвижениях по городу, посмотрите, как проходит его обычный день. Как говорят у нас в округе Залива Сан-Франциско, «проверьте его расклады». Я проверил — и вот что обнаружил. Эти ребятки, мои калифорнийские соседи, и есть воплощение моих научно-фантастических историй о будущем, исполнение моего предназначения, вершина моей жизни как че-

ловека и писателя; они и есть то, чего я жду — и чему страстно желаю победы. Они — то, во что я верю сильнее, чем во что-либо иное. За что готов отдать жизнь. Они — передовой отряд в войне, которую мы ведем, в войне за сохранение и укрепление человечности — нашей сокровенной сущности, источника нашего предназначения. Мы должны не только полететь к звездам, но и совершить путешествие в глубь собственной природы. Ибо важно не только то, *куда* мы отправимся, на Альфа Центавру или на Бетельгейзе, но и *кем* мы туда попадем. Отправляясь в дальнее странствие, нельзя оставлять дома свою природу. *Ad astra* — но *per hominum*[142]. Вот о чем ни за что нельзя забывать.

В самом деле, как-то обидно будет, если, впервые ступив на поверхность Марса, двуногий посланец с Земли провозгласит: «Благодарю Бога за то, что Он дал мне… дал мне… щелк… дал мне… щелк-щелк… запись прервана». А потом загорится и взорвется, потому что в его пластиковой груди замкнуло какой-то проводок. Пожалуй, еще хуже для этого создания, если, вернувшись на Землю, он узнает, что его «дети» переработаны

[142] Примечания: 142
К звездам, но людьми (*лат.*).

вместе с алюминиевыми банками и бутылками из-под колы в порядке борьбы с загрязнением окружающей среды. Отправившись жаловаться в мэрию, этот астронавт из пластмассы, проводов и реле обнаружит, что его трехлетняя гарантия уже истекла, а поскольку запчасти для него больше не производятся, то и свидетельство о рождении аннулировано.

Разумеется, не надо принимать мои слова всерьез, буквально. Это метафора — но над ней стоит задуматься. Быть может, нам пора внимательнее присмотреться к тем двуногим созданиям, которые мы планируем отправлять вместо людей, например, на орбитальные станции. Мы ведь не хотим узнать три года спустя, что вся «команда» переженилась на механизмах станции и не желает возвращаться!.. Вспоминается превосходный рассказ Рэя Брэдбери, в котором житель Лос-Анджелеса вдруг с ужасом понимает, что в преследующей его полицейской машине нет водителя, что она едет за ним сама по себе, — мы уверены, что за рулем всегда кто-то должен быть; и в рассказе мистера Брэдбери, по крайней мере для меня, истинный ужас не в том, что машина, повинуясь каким-то своим алгоритмам, охотится за героем, а в том, что внутри нее пустота. Неза-

полненное место. *Отсутствие* чего-то жизненно важного — вот где ужас, вот где апокалиптическое видение кошмарного будущего. Сам я предвижу нечто более оптимистичное: случись мне писать этот рассказ, я бы усадил за руль полицейской машины подростка — он угнал ее, пока полицейский отходил в кафе перекусить, и теперь гонит в гараж, чтобы разобрать на запчасти и продать. Быть может, звучит цинично, но разве так не лучше? У нас в Калифорнии говорят: когда полицейские приезжают на вызов, им надо оставлять кого-то следить за машиной — иначе, выйдя из дома, недосчитаются шин, мотора и подвески, и придется им шлепать в участок пешком. Быть может, добропорядочных людей такое пугает, но меня, честно сказать, только веселит. Самые примитивные и мелочные ходы человеческого сознания всегда переиграют самый сложный и возвышенный алгоритм машины. Мне кажется, здесь молодое поколение преподает нам важную истину: машина — даже полицейская машина — легко заменяема; ее можно угнать, разобрать и продать на запчасти, а полицейские станут ездить на другой. Какая разница? Все они одинаковы. А вот человека внутри, если с ним что-то случится, не продублируешь и никем не заме-

нишь. Даже если он нам не по душе — без него не обойтись. Потеряешь — не найдешь.

И точно так же, если он превратится в андроида, снова человеком ему уже не стать. По крайней мере, у большинства не получается.

Пока дети нашего мира борются за развитие собственной индивидуальности, пока с презрением, почти с ненавистью отвергают истины, которым мы поклоняемся, для нас — под «нами» я имею в виду истеблишмент — они остаются источником проблем. И это не обязательно политически активная молодежь, создающая организации, выходящая на улицы с флагами и плакатами: как бы революционны ни были эти плакаты, на мой взгляд, это уже уходит в прошлое. Я говорю сейчас о подлинной индивидуальности, особости, неподвластности внешним силам — о ребятах, каждый из которых, как принято говорить, «делает по-своему». Он, например, не нарушает закон, перегораживая железнодорожные пути перед поездом, везущим солдат на военную базу, — всего лишь приезжает с тремя приятелями в кинотеатр под открытым небом и смотрит кино, не заплатив. Это ведь тоже нарушает закон. Первое прегрешение имеет политический смысл, за ним стоит некая теория;

второе — просто отказ соглашаться с тем, что все должны поступать как им указано, особенно если указание написано крупными буквами на знаке при въезде. Но в обоих случаях подросток не подчиняется приказу. Первому случаю мы, возможно, аплодируем, ибо видим в нем смысл и цель. Во втором видим только безответственность. Однако я, глядя на второй случай, провижу в нем более счастливое будущее. В конце концов, в истории всегда кто-то создавал оппозиционные движения и противостоял правительству. Ничего особенного в этом нет: одна сила против другой. Создать утопию таким способом никому еще не удалось. Думаю, и не удастся.

Превратиться в то, что я, за неимением лучшего слова, называю андроидом, означает, как я и сказал, позволить превратить себя в средство: путем избиения, угроз, манипуляций или вовсе без твоего ведома — неважно, результат один. Но невозможно превратить человека в андроида, если этот человек при любом удобном случае нарушает закон. Андроидизация требует повиновения. И прежде всего *предсказуемости.* Только там, где реакцию индивида на любую заданную ситуацию можно предсказать с научной точностью, открываются врата для поточного

производства андроидов. Что толку в фонарике, который включается не всякий раз, когда нажмешь на кнопку, а только иногда? Любая машина должна работать надежно. И андроид, как любая другая машина, должен стабильно отвечать на нажатие кнопок. Но наша молодежь ненадежна: в этом смысле на нее нельзя положиться. Из-за лени, недостатка внимания, испорченности, криминальных наклонностей — подойдет любой ярлык, которым вы захотите объяснить ненадежность молодежи. Все это означает попросту: мы можем до бесконечности твердить ему, что делать, но когда настанет пора выполнять указания — все подкорковые инструкции, вся идеологическая накачка, все транквилизаторы, вся психотерапия, — все это окажется впустую. Он просто не станет прыгать по щелчку кнута.

Так что для нас и наших грубых методов он бесполезен. Не подействует на него ни кнут, ни пряник.

Случилось так, что накачки стало слишком много. Телевидение, газеты, все так называемые масс-медиа попросту перестарались. Слова перестали что-то значить для молодых — они досыта наелись болтовней. Их невозможно больше

учить: слишком уж мы стараемся вбить в них знания, и слишком очевидно, что думаем при этом о собственных целях. Авторы фантастических антиутопий, писавшие лет пятнадцать назад, и я среди них, предвидели в будущем мощную машину массовой пропаганды через СМИ, все и вся вокруг втаптывающую в болото посредственности и единообразия. Но дело обернулось иначе. Пока радио в машине трещит и хрипит, донося до народа официальный взгляд на войну во Вьетнаме, подросток просто отсоединяет приемник и заменяет двумя динамиками, для высоких и для низких частот; в разгар пропагандистской атаки приемник замолкает навеки. А парень, вдумчиво и умело собирающий у себя в машине аудиосистему, даже не замечает, что голос по радио пытается что-то ему втолковать. Этот мальчишка, в свои семнадцать уже настоящий мастер, прислушивается к приемнику, только чтобы понять, нет ли искажений, помех, хорошо ли компенсируется частотная кривая. Его взгляд, слух и мысль обращены к непосредственной реальности — к самому динамику, а не к звучащему из него *flatus voci*[143].

---

[143] Примечания: 143
Колеблемый речью воздух (*лат.*).

Тоталитарное общество, предсказанное Джорджем Оруэллом в «1984», должно было уже прийти. Электронные устройства здесь. Правительство здесь — и вполне готово жить по заветам Оруэлла. Существует и власть, и мотивация, и технические средства. Но все это ничего не значит: их все больше и больше *никто не слушает.* Новая молодежь, которую я вижу, слишком тупа, чтобы читать, слишком непоседлива и легко отвлекается, чтобы смотреть телевизор, слишком занята собой, чтобы запоминать что-то, к себе не относящееся. Коллективный голос властей для подростка — ничто. Он бунтует, но бунтует не из теоретических, идеологических соображений, а из побуждений, которые можно назвать чисто эгоистическими. Добавьте к этому полное равнодушие к ужасным последствиям, которые обещают ему власти за неповиновение. Подкупать его бессмысленно — все, что ему нужно, он может смастерить, стащить, каким-нибудь хитрым образом добыть сам. Запугивать бесполезно: на улице и дома он видел столько насилия, что теперь его ничем не проймешь. Пригрозишь ему трепкой — он просто удерет или, если бежать некуда, начнет лупить в ответ. А полицейский автомобиль с решетками на окнах, призванный

отвезти его в концлагерь, не сможет тронуться с места — охрана обнаружит, что, пока малолетнего хулигана запихивали внутрь, другой, столь же безнадежный малолетний хулиган, порезал автомобилю шины. А пока меняли шины, еще какой-то предприимчивый юноша слил бензин из бензобака для своего тюнингованного «Шевроле» и укатил.

Высокотехнологичный кошмар — вот как мы видели свое будущее. Невозможно было себе представить силу и изобретательность, способную что-то противопоставить наступлению этого кошмара. И уж конечно, нам в голову не приходило, что малолетние хулиганы, Боже их благослови, способны убить это будущее общество в зародыше одной лишь своей испорченностью! Вот вам две газетные заметки. Первая — из *Time*, этой обители тошноты: соберитесь с духом, мне придется прочесть ее вслух. Она о том, что *Time* называет будущей вершиной в области телефонных услуг, о которой расскажет нам Гарольд С. Осборн, бывший главный инженер корпорации AT&T: «Всякий раз, когда где-то в мире рождается младенец, при рождении он получает телефонный номер на всю жизнь. Едва научится говорить, ему вручают устройство вро-

де часов с десятью кнопками на одной стороне и экраном на другой. Для того чтобы поговорить с кем угодно по всему миру, ему достаточно взять в руки устройство и набрать кнопками номер. Затем, перевернув устройство, он услышит голос своего знакомого и увидит на экране его лицо, в цвете и в объемном изображении. Если же он не сможет его увидеть и услышать, то будет знать, что его знакомый мертв».

Ну… не знаю. Меня это как-то не радует. По-моему, грустно. Плакать хочется. Но в любом случае ничего этого не будет. Наша молодежь об этом уже позаботилась. «Телефонные фрикеры» — так себя называют эти ребята. О них в заметке, опубликованной чуть раньше в этом же году, рассказывает *L. A. Times*:

> Они (телефонные фрикеры) повсюду носят с собой кастомизированные «мультичастотники» – системы многочастотной тональной аналоговой сигнализации; на жаргоне телефонных фрикеров

он именуется Blue box[144]. Самодельные мультичастотники различаются по размеру и дизайну. У одного элегантный карманный транзистор, собранный дипломированным инженером, у другого прибор размером с сигарную коробку с муфтой для крепления к телефонной трубке. Короче говоря, эти телефонные фрикеры разработали двадцать два способа говорить по телефону бесплатно и без кредитных карточек. В случае ошибки фрикер знает, как обнаружить supervision – так называется на жаргоне телефонных компаний почти неразличимый сигнал, звучащий на линии перед ответом абонента и регистрацией платы за звонок. Заметив ненавистную supervision, телефонный фрикер тут же вешает трубку.

Капитан Кранч уже в телефонной будке, жмет на красные кнопки своего самодельного приборчика. Свое прозвище он получил от свистка, приложенного к

[144] Примечания: 144

«*Синяя коробочка*» — электронное устройство, позволяющее имитировать служебные управляющие тональные сигналы и посылать их по телефонным линиям. Например, Стивен Возняк и Стив Джобс, задолго до основания Apple, занимались подпольным изготовлением и продажей «синих коробочек».

коробке хлопьев «Кэптен Кранч». Кранч обнаружил, что звук свистка обладает частотой 2600 Гц – ту же самую частоту использует телефонная компания, чтобы указать, что линия свободна; и, разумеется, это первая частота, которую фрикер учится имитировать, чтобы «разъединиться» и перейти с одной линии на другую. Склонившись над своим прибором, Кранч внимательно читает список кодов стран. Затем, выдавая себя за телефониста, сообщает оператору на другом континенте точную техническую информацию и вызывает Италию. Меньше чем через минуту трубку снимает профессор древнегреческой литературы из Флорентийского университета.

Вот так обернулось будущее. Никто из фантастов не мог предвидеть появления телефонных хакеров! По счастью, не предвидели этого и телефонные компании. Но такова разница между сухим мифом и причудливой, цветистой реальностью. И эту разницу создают молодые — наша сказочная, уникальная молодежь, не знающая ни преград, ни берегов.

Возвращаясь к научной фантастике, сейчас я предвижу в будущем анархическое тоталитарное государство. Десять лет спустя телерепортер остановит какого-нибудь подростка на улице и спросит, кто сейчас президент Соединенных Штатов. Выяснится, что парень этого не знает. «Но президент может тебя казнить! — воскликнет репортер. — Может избить, бросить в тюрьму, отнять все права, все твое состояние, абсолютно все...» — «Вот и папаша мой так же обещал, обещал, — ответит парень, — а в прошлом месяце раз, и помер от инфаркта». Конец интервью. А когда репортер начнет собирать оборудование, то обнаружит, что у него пропал один из дорогущих новейших 3D-видео-стерео-микрофонов: пока разглагольствовал, парнишка его стянул — и был таков.

Если мы в самом деле движемся к тоталитарному обществу, в котором государственный аппарат всесилен (а похоже, так и есть), важнейшие этические правила выживания подлинного человека таковы: обманывай, лги, ускользай, изображай, будь в другом месте, подделывай документы, собирай у себя в гараже более продвинутые электронные девайсы, чем те, которыми располагает правительство. Большой Брат сле-

дит за тобой? Поздно ночью, когда телевизор разрешается выключить, перемонтируй его так, чтобы наутро полисмен, следящий за трансляцией из твоей гостиной, увидел на экране свой собственный дом. Заставляют доносить на товарищей по клубу авиамоделирования? Стучи на того, про кого знаешь, что он стукач. Оплачивай штрафы поддельными деньгами или ворованными кредитками. Везде указывай неверный адрес. В суд приезжай на угнанной машине. Пообещай судье: если он тебя осудит, ты подменишь противозачаточные таблетки его дочери на аспирин. Или включишь его честь в список рассылки порножурналов. А если ничто другое не сработает, пригрози, что используешь его телефонный счет для междугородних звонков на другие планеты. Взрывать здание суда больше не требуется. Просто найди способ опозорить судью — допустим, однажды ночью ты видел, как он гнал по встречной с выключенными фарами, заляпанными номерами и с наклейкой на бампере: «Равные права для нас, гомосексуалов!». Потом, конечно, ее содрал, но ты-то видел. И еще десять твоих друзей видели и могут подтвердить. Все они уже в телефонных будках и звонят в местные газеты, чтобы сообщить им эту новость. Но если

он такой болван, что все-таки твердо решил тебя осудить, пусть сначала вернет мини-диктофон, который ты совершенно случайно оставил у него в спальне. У него как раз выключатель сломался, так что писал он десять суток подряд. Интересно, что там на пленке? И пусть судья не пробует уничтожить пленку: ты привлечешь его за вандализм — в тоталитарном государстве будущего это самое страшное преступление. Чего стоит в его глазах твоя жизнь в сравнении с катушкой магнитофонной пленки *Mylar* за три бакса? А ведь пленка может, как и все остальное, оказаться собственностью правительства — тогда вандализм обернется государственным преступлением!.. Вот первый расчетливый шаг к мятежу.

Не знаю, помните ли вы «карту мозга», представленную недавно Пенфилдом[145]: ему удалось определить точное местонахождение мозговых центров, отвечающих за каждое наше ощущение. К мозгу лабораторной крысы подключают электроды, стимулируют одну крохотную зону — и крыса погружается в вечное блаженство.

---

[145] Примечания: 145

Уайлдер Грейвс Пенфилд (1891–1976) — канадский нейрохирург и физиолог. Создал функциональную карту коры головного мозга. См. «модулятор настроения Пенфилда» в «Мечтают ли андроиды об электроовцах» Дика.

«Вот так скоро и со всеми нами сделают, — пессимистично заметил по этому поводу один мой знакомый. — Вживят электроды в мозги — и будем мы и думать, и чувствовать все, что они захотят». Ну что ж, тогда правительству придется для начала заказать производителям несколько десятков миллионов электродов. Объявят конкурс и, как у них водится, отдадут заказ тому, кто запросит самую скромную цену, — а это значит, что электроды у него будут собраны на коленке из подержанных деталей.

Техники, которым поручат вживлять электроды в мозги миллионов и миллионов людей, будут работать спустя рукава. И вот когда в Белом доме повернут рубильник, чтобы вся страна погрузилась в скорбь по случаю кончины какого-нибудь высокопоставленного чиновника, например, министра внутренних дел, ответственного за реабилитационные лагеря рабского труда, — выяснится, что что-то они спаяли не так: все население не скорбеть начнет, а, как та лабораторная крыса, запляшет от радости. Или бракованные провода, соединяющие мозги избирателей с Вашингтоном, закоротит от перегрузки, и Белый дом сгорит ко всем чертям.

Думаете, это просто мечты? Маленькая фан-

тазия о будущем, которого на самом деле стоит ждать с тревогой?

Постоянное усиление тирании государства, которое мы, писатели-фантасты, провидим в будущем — не случайно мы так поглощены «антиутопиями», — этот рост вторжения государства в частную жизнь индивида, то, что государство все больше о нас знает, и когда то, что узнаёт, ему не нравится, пытается раздавить индивида всей своей мощью — весь этот пагубный процесс, как мы прекрасно понимаем, главным своим инструментом сделал высокие технологии. Изобретения прикладной науки — например, невероятно чувствительные сенсоры, пришедшие к нам прямым ходом с Вьетнамской войны и поспешно адаптированные для гражданского использования, все эти инфракрасные датчики движения, снайперские прицелы, хромированные коробочки с клапанами и циферблатами, видящие сквозь камень и кирпич, способные поведать пользователю, что происходит за милю от него в наглухо закрытом со всех сторон здании, будь то бетонный бункер или обычный многоквартирный дом, — все эти приборы, как и оружие прошлых лет, легко могут попасть, как выражаются власти, «не в те руки», то есть в руки

тех самых людей, за которыми призваны следить. Как и любым инструментам, всем этим универсальным передатчикам, звукозаписывающим устройствам, датчикам движения и т. п. неважно, на кого работать. Вот броневик на службе закона и порядка мчится на место уличной потасовки — туда, где, например, какой-нибудь дерзкий малолетка бросил из окна водяную «бомбочку» на спортивную машину богатого налогоплательщика, — но как бы быстро он ни ехал, как бы ни был укомплектован вооруженными копами и движим духом праведного возмездия, те же уличные видеокамеры, от которых полиция узнала о происшествии, могут проследить и его путь. И предупреждение: «Копы едут, смываемся!» — прозвучит по той же армейской рации, с какими Национальная гвардия разгоняла борющихся за свои права чернокожих. До того как абсолютная власть абсолютного государства будущего достигнет победы, она может обнаружить вот что: полицейские приходят арестовать вас за недозволенные мысли — однако сканер, который вы встроили в дверь, замечает незваных гостей, отличает их от ваших друзей и вовремя предупреждает об опасности.

Позвольте привести пример. В недавно выстро-

енном муниципальном центре нашего округа — огромной страшной махине из хрома и пластика в стиле «Бака Роджерса», такие часто мелькают на заднем плане в плохих фантастических фильмах — каждый посетитель должен пройти через электронный металлоискатель, который подает сигнал тревоги, если чувствует на тебе металл — неважно, ключи это, часы, ножницы, бомба или винтовка с патронами «Винчестер.308». Когда устройство срабатывает — на мне оно срабатывает все время, — тут же подходит полисмен в форме и обыскивает посетителя. Рядом висит предупреждение: мол, найдут при тебе оружие — пеняй на себя. И тут же вторая фраза: если во время обыска при тебе найдут нелегальные вещества — тоже пеняй на себя. Думаю, даже вы здесь, в Канаде, понимаете, почему в муниципальном центре округа Марин каждого посетителя обыскивают на предмет оружия — все из-за того трагического инцидента со стрельбой, что произошел с год назад. Но еще они официально сообщают, что у посетителя будут искать наркотики — и это уже не имеет никакого отношения ни к стрельбе, ни вообще к какой-либо опасности для здания или находящихся в нем людей. Электронный пропускной пункт был установлен вполне законно,

чтобы предупредить ситуацию, когда кто-либо захочет пронести в муниципальный центр оружие или взрывчатку, — а затем ему придали дополнительную полицейскую функцию, с его подлинной задачей, связанной разве что тем, что и то, и другое входит в Уголовный кодекс. Чтобы посетить библиотеку округа, находящуюся в этом здании, нужно пройти обыск — в сущности, безусловно и безоговорочно подчиниться требованиям полицейского — без всякой юридической защиты, гарантированной фундаментальными статьями американского законодательства, без малейших свидетельств, указывающих, что вы можете иметь при себе наркотики и должны подвергнуться обыску. У меня во время обыска проверяли даже книги и бумаги, которые я приносил с собой: нет ли там чего незаконного? Следующий шаг — где-нибудь через несколько месяцев — расставить такие же металлоискатели на входах в торговые центры и вообще во всех людных местах. Вдумайтесь: власти обыскивают человека на предмет наркотиков за то, что он зашел вернуть книгу в библиотеку, — и вы поймете, как далеко может зайти тирания государства. Она уже поставила себе на службу металлоискатель, реагирующий на все, что

мы носим с собой — ключи, монеты, маникюрные ножницы. Ты проходишь мимо, раздается негромкое: «Бип!» — и перед тобой распахивается дверь, ведущая уже не в окружную библиотеку, а возможно, в тюрьму. Все из-за одного «Бип!» А сколько еще «бип!» услышим мы и услышат наши дети в таких контекстах, каких мы сейчас и вообразить не можем? Но вот что внушает оптимизм: нынешние молодые люди, родившиеся уже в этом всевидящем мире, прекрасно знают все его возможности и принимают их как должное. Однажды я припарковал машину возле магазина и принялся, как обычно, запирать двери, чтобы с заднего сиденья ничего не стащили. «Не надо запирать, — сказала девушка, которая была со мной. — Стоянка под наблюдением. За каждым человеком и за каждой машиной постоянно следят телекамеры: ничего не случится». Так что мы пошли в магазин, оставив машину незапертой. И, разумеется, она оказалась права: она родилась в этом обществе — и такие вещи знает назубок. А я — о, у меня дома, в Санта-Венеции, стоит теперь инфракрасный датчик движения, подключенный к тому, что я называю «цифровым передатчиком»: когда сканер срабатывает, эта штука передает закодированный сигнал по

прямой линии в ближайшее охранное агентство, сообщая им, что в дом проникли незваные гости. Эта электронная система работает абсолютно самостоятельно, независимо от того, дома я или нет. Умеет отличать людей от животных. Система питания у нее автономная. Если кто-то перережет, повредит или хотя бы подергает отходящий от нее провод, равно как и любую другую часть системы, она немедленно забьет тревогу. Я приобрел ее на всю жизнь, так что, если перееду, *Westinghouse* мне ее переустановит на новом месте. Со временем, как надеются в *Westinghouse Security*, такими охранными системами будут снабжены все жилые дома и офисы. Почти в каждом городе нашей страны компания выстроила и содержит свои коммуникационные центры. Если поблизости нет полицейского участка, готового или способного принимать тревожный сигнал, вам ответит коммуникационный центр: фирма гарантирует, что в течение четырех минут он вышлет к вам силы охранного агентства — иначе говоря, через четыре минуты к вам в дом войдут хорошие парни с отличными пушками. Неважно, проникнет ли пришелец в дом с помощью отмычки, или сломает стену, или (говорят, теперь часто так делают) разберет часть крыши — как бы ни

вошел, зачем бы ни явился, механизм заметит его и передаст сигнал. Отключить систему могу только я. А если забуду и она примет за грабителя меня… ну, тогда, наверное, мне не жить.

Кстати, кто-то предположил, что инфракрасный датчик движения, постоянно сканирующий все, что творится у меня в гостиной, «может следить за мной и сообщать властям, чем я занимаюсь у себя дома». Что ж, докладываю: сейчас сижу с бумагой и ручкой и пытаюсь понять, откуда взять 840 долларов, которые я остался должен *Westinghouse* за эту систему. Пожалуй, если продам все, что у меня есть, включая дом, то… нет, стоп. Да, еще одна деталь. Если войду в дом — свой собственный дом — и система заметит у меня нелегальные наркотики, она не скажет «бип». И даже не вызовет охрану. Просто взорвет к чертовой матери дом со мной вместе в акте самоуничтожения.

Кстати сказать, там, где я живу, большой проблемой являются уличные наркотики — в том смысле, что наркота, которую вы купили на улице, может быть «разбодяжена», недовешена, или просто вам подсунут совсем не то, что обещали. Кончится тем, что вы отравитесь, помрете или просто «обожжетесь» — или будете платить

десять баксов за грамм лактозы. Поэтому открылось много независимых лабораторий, которые занимаются именно анализом качества уличных наркотиков: можно отправить им по почте порцию того, что вы купили, и они вам скажут, нет ли там стрихнина или пиротехнического порошка. Полиция, разумеется, «реальную» задачу этих лабораторий сечет с первого взгляда. Они работают как пункты контроля качества для производителей наркоты. Допустим, вы варите кристаллический мет у себя в ванной — процесс сложный, но вполне выполнимый, — и от каждой порции берете пробник и высылаете в одну из таких лабораторий… а они вам пишут в ответ: «Качество пока не айс, попробуйте варить на пять минут дольше». Вот чего боится полиция. Вот как работает полицейский менталитет. Любопытно, что менталитет пушеров работает так же: ведь именно так они и делают. Не знаю — мне кажется, скорее неплохо, что торговцы наркотой заинтересованы в качестве своего товара. В прежние времена им было важно только, чтобы ты успел расплатиться, — а дальше помирай сколько влезет.

Да, любой ответственный родитель в курсе, что наркотики на улицах — проблема и угроза для

детей. Полностью, безусловно с ними согласен! В свое время — об этом можете прочесть в биографических справках, сопровождающих мои романы и рассказы, — я сам интересовался экспериментами с психоделиками. Но для меня с этим покончено. Слишком много суицидов, психозов, непоправимых органических повреждений сердца и мозга. Однако есть другие вещества — не нелегальные, не уличные наркотики, не «разбодяженные» лактозой и пиротехническим порошком, с этикетками — и они беспокоят меня куда сильнее. Эти респектабельные, добропорядочные наркотики прописывают респектабельные доктора в респектабельных больницах, особенно психиатрических. Это вещества-умиротворители. Я упомянул о них, чтобы вернуться к своей основной теме: человек и андроид, и как первый становится вторым — точнее, как из первого делают второго. Широко распространенное, абсолютно легальное, рецептурное использование некоторых транквилизаторов, таких, как фенотиазины[146], в отличие от некоторых нелегальных уличных наркотиков, возможно, не наносит непоправимого вреда мозгу; но они вполне могут

[146] Примечания: 146

Фенотиазины — лекарственные средства, нейролептики и антипсихотики (например, аминазин).

нанести — и, боже сохрани, наносят — непоправимый вред тому, что я должен назвать «душой». Об этом поговорю подробнее.

Недавно было обнаружено: то, что мы называем психической болезнью или психическим расстройством, — такие синдромы, как разные виды шизофрении или биполярные расстройства[147], — вероятно, связано с нарушениями метаболизма мозга, с неспособностью некоторых веществ-катализаторов реакций в мозгу, таких, как серотонин[148] и норадреналин[149], работать как следует. Одна теория гласит, что при стрессе избыточная выработка моноаминооксидазы[150] может вызывать галлюцинации, дезориентацию и нарушения мышления в целом. Внезапный шок, особенно неожиданный и вызывающий сильное горе, например, от потери кого-то или

---

[147] Примечания: 147

Маниакально-депрессивный психоз.

[148] Примечания: 148

Серотонин — один из основных нейромедиаторов, влияющих на состояние качества жизни человека. Стимулирует тормозящие процессы в мозге.

[149] Примечания: 149

Норадреналин — нейромедиатор, обеспечивающий химическую передачу нервных импульсов в нервной системе.

[150] Примечания: 150

Моноаминооксидаза (МАО) — фермент, поддерживающий постоянную концентрацию нейромедиаторов.

чего-то дорогого, или от утраты того, что казалось принадлежащим тебе по умолчанию, — все это вызывает избыточную выработку норадреналина: он попадает на обычно неиспользуемые нейронные пути, перегружает нейронные цепочки и вызывает поведение, которое мы называем психотическим. Таким образом, психическая болезнь — это биохимический феномен. При введении некоторых веществ, таких как фенотиазины, метаболизм мозга возвращается к нормальному балансу; серотонин снова начинает работать как катализатор, и пациент выздоравливает. Или вводят ингибиторы МАО — ответ на стресс становится переносимым, и пациент возвращается к нормальной жизни. А еще есть Прекрасный Принц психиатрической фармацевтики, всеобщая надежда — карбонат лития[151]: он при приеме снижает излишнюю выработку или выброс в кровь гормона норадреналина, который в первую очередь отвечает за иррациональные мысли или социально неприемлемое поведение. Вся амплитуда чувств — горе, гнев, страх, вообще все сильные чувства — присутствие в мозговой ткани лития сокращает до приемлемого уровня.

[151] Примечания: 151

Психотропный препарат из группы нормотимиков, используется для лечения аффективных расстройств — маний или депрессий.

Человек становится стабилен, предсказуем, больше не представляет угрозы для окружающих. Теперь он будет думать и чувствовать примерно одно и то же день за днем, день за днем. И власти могут не опасаться: он не преподнесет им никаких неприятных сюрпризов.

В области анормальной психологии хорошо описана шизоидная структура личности: ей свойственна постоянная бедность чувств. Такой человек, идя по жизни, гораздо больше думает, чем чувствует. И как показал великий швейцарский психиатр Карл Юнг, его жизнь не может сложиться удачно: большинство ключевых жизненных событий человеку необходимо встречать не только интеллектуальным, но и эмоциональным откликом. И здесь видна четкая параллель между личностью «андроида» и шизоида. Оба живут и действуют механически, рефлекторно.

Однажды я слышал, как шизоид рассказывал о себе — совершенно серьезно — в таких выражениях:

— Я принимаю сигналы от других. Но не могу отправить собственный сигнал, пока не подзаряжусь. Из шприца.

Клянусь, я процитировал буквально. Вообразите себе такой взгляд на себя и на других. Сигналы.

Словно с другой планеты. Человек полностью овеществил и себя, и всех вокруг себя. Ужас! Здесь точно душа мертва — или никогда и не жила.

Еще одно свойство сознания андроида — неспособность делать исключения. Возможно, в этом главное: андроид неспособен прекратить реакцию, не приводящую к достижению результата, он повторяет одно и то же снова и снова, снова и снова. Низшие животные, например, светлячки, так и живут — повторяя одну и ту же реакцию на определенные сигналы. Однажды был проведен эксперимент с голубем: его попробовали использовать как контролера качества в сборочном цехе. Тысячи и тысячи деталей час за часом проплывали перед голубем, и острый взгляд безошибочно различал в них огрехи, выходящие за пределы допустимой нормы. Голубь, как оказалось, способен был увидеть отклонения, которых человеческий глаз не замечал. Заметив бракованную деталь, голубь тыкал клювом в кнопку, деталь падала с конвейера в брак, и в то же время открывался дозатор корма, и голубь получал в награду зернышко кукурузы. Он обожал свою работу, мог трудиться восемнадцать часов без перерыва. Даже когда переставали падать кукурузные зерна — видимо, в дозаторе просто

кончалась кукуруза, — он продолжал с энтузиазмом долбить по кнопке, видя заводской брак. С рабочего места его приходилось сгонять силком.

Вот я на месте этого голубя непременно начал бы жульничать! Клевал бы кнопку, как только захочется есть, просто чтобы получить кукурузу. Допустим, если очень долго бракованных деталей просто нет. А что случилось бы с голубем, если бы, боже упаси, все детали оказались сделаны на совесть? Он бы с голоду помер. Честность в таких условиях может оказаться самоубийственной. Право же, найти бракованную деталь для голубя было вопросом жизни и смерти. А что бы вы стали делать, будь вы голубем — и, допустим, уже четыре дня нет ни одной бракованной детали и от вас остались перья да кости? Что победит — мораль или жажда жизни? Для меня жизнь голубя точно стоит больше, чем качество контроля. А вот будь я голубем, но с сознанием андроида, этот андроид бы сказал: «Пусть я умираю от голода, но будь я проклят, если отправлю в брак хорошую деталь!» И еще, полагаю, подлинно человеческий ум скоро бы заскучал и начал время от времени отправлять детали в брак просто так, от скуки. И сколько ни проверяй электрические цепи, это не вернуло бы его механизму надежность.

Теперь позвольте поговорить еще об одном элементе, который кажется мне главным ключом к тому, что значит быть человеком. Это не только внутреннее свойство организма, но и положение, в котором он находится. То, что с ним происходит, с чем он сталкивается, что его ранит и с чем он должен совладать, — мучительные состояния, создающие человека там, где до того был лишь, по слову Библии, прах земной. Такое положение читается на лицах многих средневековых «Пьета», изображений мертвого Христа на руках у матери. Там два лица, мужское и женское. И, странным образом, на многих «Пьета» лицо Христа выглядит старше, чем у Богоматери. Как будто молодая женщина держит древнего старца; она его пережила — и все же осталась позади. Он прошел через весь жизненный цикл, от рождения до старости; она выглядит, пожалуй, так, словно всегда была… нет, не вечной в классическом смысле, но способной превзойти то, что с ней произошло.

Он не выжил — это видно по лицу. А она выжила. В каком-то смысле они прошли через это вместе, но с разным исходом. Его уничтожило. Быть может, женщина гораздо более способна к страданию — не в том смысле, что страдает больше мужчины, а в том, что намного больше может

вынести. Именно в ее, а не в его способности выжить — ключ к выживанию вида. Христос может умереть на кресте, и род человеческий продолжится; но если умрет Мария — всему конец.

Я видел совсем молодых девушек, лет восемнадцати или девятнадцати: им пришлось такое пережить, пройти через такие страдания, какие и для меня, и, думаю, почти для любого мужчины оказались бы непосильны. Они проходили через испытания — и их человечность развивалась, возрастала в меру их положения, чтобы быть ему под стать. Не хочу предлагать здесь сомнительное учение, что страдание как-то облагораживает, что на самом деле страдать полезно, — знаете, как иногда можно услышать о гениях: «Он не стал бы гением, если бы не страдал», и так далее. Я имею в виду лишь одно: возможно, разница между ментальностью «андроида» и человека в том, что последний прошел через нечто такое, чего не проходил первый, или, по крайней мере, ответил на это иначе — *изменился*, переменил свой образ действий и от этого переменился сам. Андроид в той же ситуации просто повторяет снова и снова одни и те же ограниченные рефлекторные жесты, как насекомое, которое вновь и вновь угрожающе поднимает крылья

или испускает дурной запах. Такой ответ или защита срабатывает либо не срабатывает. Но охваченный внезапной бедой организм делается более человеческим — точнее сказать, становится человеческим именно в тот момент, когда вступает в борьбу не только с внешним миром, но и с самим собой, ищет новые ответы, когда его подводят прежние. Лицо мертвого Христа выглядит изможденным, даже иссохшим, как будто он истощил силы в попытках использовать каждую возможность не умереть. Он так и не сдался. И хоть и умер, хоть и проиграл — умер человеком. Вот что читается в его лице.

«Сущность индивида, — говорит Спиноза, — в упорном стремлении продолжать индивидуальное бытие». Первыми источниками религиозного утешения, до того как на сцену истории выступили мужские солярные боги, были хтонические божества и Мать-Земля. Таково же и происхождение человека: из земли он вышел и в землю возвратится. Весь древний мир верил, что, как свое индивидуальное бытие мужчина получает от женщины, так же в конце концов к женщине вернется — и в ней обретет покой. В одном из «Кентерберийских рассказов» Чосера старик «ходит с утра до вечера, стучит по земле своей

палкой и говорит: „Матушка, матушка, впусти меня…”». Так же в конце «Привидений» Ибсена человек средних лет, умирающий от паралича и перед смертью впавший в детство, просит: «Мама, дай мне солнце…». Как ясно показал Спиноза, любая человеческая индивидуальность, как любая конечная вещь, рано или поздно погибнет… и единственное утешение перед лицом гибели, будь то индивида или целого общества, в том, что он возвращается к матери, к женщине, к Земле.

Но если женщина — утешение мужчины, в чем же утешение для женщины? Что остается ей?

Однажды я видел, как юная девушка восемнадцати лет от роду терпела такие муки, что даже смотреть на них было почти непосильно. И выжила — я бы на ее месте, наверное, нет. Я хотел ее утешить, помочь, но ничего не мог сделать. Только быть рядом. Что может сделать маленькое, конечное индивидуальное существо, когда страждет Мать-Земля? Приятель этой девушки отказался на ней жениться, потому что она забеременела от другого; не хотел с ней жить, отказался искать ей жилье, пока не сделает аборт — в чем тоже помогать отказался; отказался даже с ней разговаривать, пока все не будет кончено; а после этого обещал жениться.

Что ж, она сделала аборт, и после больницы мы привезли ее ко мне домой отлежаться и прийти в себя, — а этот сукин сын, разумеется, просто ее бросил. В те дни после аборта я был с ней и видел, каково ей пришлось: сначала в переполненной палате муниципальной больницы в чужом городе, совсем одна — никто ее не навещал, кроме меня и еще пары знакомых, ни приятель, ни собственные родные ею не интересовались; потом — у меня дома, когда она поняла, что приятель не станет снимать квартиру на двоих и жить с ней вместе, как обещал, и общие друзья — в сущности, его друзья — потеряли к ней интерес и начали смотреть свысока; и я видел, как день за днем она угасает, вянет и отчаивается, как снедает ее дикий страх: куда же теперь идти? Что с ней будет? Ничего нет — ни друзей, ни работы, ни семьи, даже одежда лишь та, что на ней. И у меня после выздоровления оставаться нельзя. Обычно она лежала в кровати и плакала, и прижимала к себе щенка, которого мы с ней забрали в приюте; этот щенок — все, что у нее было. А однажды ушла, куда — я так и не узнал. Она больше со мной не связывалась; ей хотелось забыть меня, и больницу, и те дни, когда она истекала кровью, и медленно приходила в себя,

и осознавала свое истинное положение. Щенка она оставила. Он и теперь у меня. Особенно запомнилось мне в эти две послеабортные недели то, как груди у нее набухли и налились молоком: ее тело, по крайней мере некоторые его части, не знало, что ребенок мертв, что никакого ребенка и не было. «Как полные бутылки», — говорила она. И вдруг я увидел в ней женщину — именно сейчас, когда материнство ее было поругано и уничтожено; есть ребенок или нет, — она превращалась в женщину, хоть ум ее об этом молчал. Она по-прежнему носила хлопковую ночнушку, в которой, должно быть, спала еще дома, когда ходила в школу — из тех девичьих ночнушек, которые легко стирать. По-прежнему любила зайти в магазин, купить себе шоколадный батончик и комикс. Согласно калифорнийским законам, ей запрещалось покупать и курить сигареты. Есть фильмы — даже довольно много, — которые закон запрещал ей смотреть. Думаю, это фильмы о жизни. По дороге в Сан-Франциско, на прием к врачу, чтобы договориться об аборте — у нее был срок пять с половиной месяцев, по калифорнийским законам почти предельный, — она купила себе мягкую игрушку за 89 центов. У нее было только 25 центов, так что заплатил я. Уходя,

игрушку она забрала с собой. Эта девушка была самым отважным, добрым, умным, светлым человеком, какого я знал. Жизненная трагедия согнула ее, практически сломила, несмотря на все мои усилия. Но я думаю — или верю, — что сила, составляющая ее суть, та, что исцеляет раны и наполняет груди молоком, та, что побуждает тело жить, даже когда душа и дух практически уничтожены — надеюсь, эта сила преодолеет все. Если умрет и она, ничего не останется — по крайней мере, на мой взгляд. Будущего, как я его себе представляю, попросту не будет. Потому что я могу себе представить лишь будущее, населенное скромными, незаметными людьми вроде этой девушки. Самому мне не стать его частью, я не смогу даже на него повлиять; все, что мне под силу, — описывать, как я вижу, это будущее и его обитателей: таких, как это отважное маленькое создание, доброе, несчастное, одинокое и любящее. Она идет сейчас своим, неизвестным мне путем — и, должно быть, не вспоминает обо мне. Пусть так: надеюсь и молюсь, что она *забудет*. «Те, кто не помнит своего прошлого, обречены его повторять», — говорят нам; но, быть может, так лучше. Быть может, это единственно выносимый путь — уметь забывать. Надеюсь, разум ее забыл

то, что с ней произошло, так же как тело забыло, что ребенка не было, что ребенок мертв — или так об этом и не узнало.

Быть может, это своего рода слепота, отказ или неспособность взглянуть в лицо реальности. Что ж, к тому, что мы называем «реальностью», я никогда не питал особого уважения. Для меня реальность — не столько то, что мы воспринимаем, сколько то, что делаем. Ты создаешь реальность быстрее, чем она тебя. Человек — реальность, сотворенная Богом из праха земного; Бог — реальность, которую человек творит постоянно из собственных страстей и собственной решимости. «Добро», например, — это не качество, даже не какая-то сила, действующая в мире или над миром; это то, что творим мы из клочков и обрывков, из бессвязных, загадочных, разочаровывающих, даже жестоких и ранящих, разбросанных в нашем мире обломков какого-то иного мира, в котором они, быть может, имели смысл.

Мир будущего для меня не место, а событие. Не конструкция, выстроенная одним из авторов словами в форме рассказа или романа, который другие люди читают, — а конструкция, в которой нет ни авторов, ни читателей, а лишь толпа персонажей в поисках сюжета. Да, сюжета там

тоже нет. Только они сами — и то, что они друг другу говорят, что друг с другом делают, что строят, чтобы поддерживать свою индивидуальную и общую жизнь, — словно огромный зонтик, пропускающий свет и отсекающий тьму. Когда умирают персонажи, роман заканчивается. И книга возвращается в прах, из которого вышла. Или, как мертвый Христос, назад в объятия теплой, нежной, горюющей, понимающей, любящей матери. И начинается новый цикл: он вновь рождается из ее чрева — таков зачин истории, новой истории, иной, быть может, лучшей. Истории, которую персонажи рассказывают друг другу. «Жизнь — повесть, полная шума и ярости…»[152] — но смысла в ней очень и очень много. Это лучшее, что у нас есть. Наше вчера; наше завтра; дитя, бывшее прежде нас; женщина, которая нас переживет, переживет все наши мысли и дела — и будет длиться вечно.

В моем романе «Три стигмата Палмера Элдрича», исследовании абсолютного зла, главный герой после встречи с Элдричем возвращается на Землю и диктует записку. Она играет роль эпиграфа к роману. В сущности, в этом одном абзаце

---

[152] Примечания: 152
Искаженная шекспировская цитата из трагедии «Макбет».

и заключен весь роман: остальное — развернутый флэшбэк или, скорее, протокол вскрытия, просто поясняющий то, что сказано в этой книге из одного абзаца. Семьдесят пять тысяч слов, над которыми я трудился много месяцев, — просто объяснение или бэкграунд для единственной фразы в книге, имеющей значение. (Кстати, в немецком издании ее нет.) Эта фраза — мой символ веры: не в Бога, в доброго, в злого или в обоих, а в нас самих. Вот как она звучит — в ней все, что я должен сказать, все, что когда-либо хотел сказать:

> Вот что я имею в виду, и подумайте об этом: мы созданы всего-навсего из праха земного. Не слишком-то высокое происхождение, не забывайте. Но даже при таком сомнительном начале мы не так уж плохо справляемся. Так что лично я верю: положение наше, конечно, не ахти, но справимся и с ним. Ясно?

Кстати, это навело меня на забавную мысль: быть может, однажды гигантский автомат возденет вверх манипуляторы и прогремит: «Из ржавчины мы вышли!» И другой автомат, в объятиях своей женщины, в предсмертном страхе и

тоске, вздохнет в ответ: «И в ржавчину возвратимся». И на бесплодную землю снизойдет мир.

Научная фантастика работает с той частью жизненного цикла нашего вида, что ожидает впереди. Но если это действительно цикл, значит, будущий его отрезок в каком-то смысле уже сбылся. Или, по крайней мере, мы можем математически точно рассчитать его облик, сложив его из уже известных нам отрезков. Вот первый: культура Матери-Земли. Следующий — мужественные солярные божества и их суровые авторитарные общества, от Спарты и Рима до фашистской Италии, Японии, Германии и СССР. А теперь, возможно, наступает то будущее, в которое смотрит средневековая «Пьета»: в объятиях Матери-Земли, по-прежнему живой, лежит мертвое солярное божество — ее сын; он возвращается во чрево, из которого вышел. Думаю, мы входим в этот третий и последний отрезок истории, и это общество, которое фантастика пытается угадать и описать, будет совсем не похоже на две предыдущие цивилизации, известные нам в прошлом. Это не двухчастный цикл: мы пришли к концу периода мужественного солярного божества не для того, чтобы вернуться к при-

мордиальному[153] культу Матери-Земли, как ни полны молока ее груди, — впереди простирается нечто новое. А за ним, наверное, нечто еще более новое, уникальное, ныне недоступное нашему взору. Сам я так далеко провидеть не в силах; реализация, исполнение средневековой «Пьета» как живой реальности, все вокруг нас *живое,* такое же одушевленное, как мы сами, — это вижу, однако дальше проникнуть не могу. Пока не могу. Что ж, буду довольствоваться этим; буду счастлив лежать у нее на руках в глубоком, но не смертном сне — «невидимым туманом», как сказал Воэн[154].

Если «Пьета», созданная тысячу лет назад каким-то средневековым ремесленником, неведомым (не следует ли сказать «парапсихическим»?) путем воплотила в себе мир будущего — что же сейчас может стать для нас аналогом этого вдохновенного и пророческого артефакта? Что есть у нас, такое же знакомое и понятное обитателям XX века, какой была «Пьета» для граждан средневекового христианского мира, но в далеком будущем способное воплотить в себе всю

---

[153] Примечания: 153
Первичному. Термин традиционалиста Рене Генона.

[154] Примечания: 154
Генри Воэн (1621–1695) — валлийский поэт-метафизик.

вселенную? Для начала попробуем представить себе благочестивого крестьянина из Франции XIII века, взирающего на «Пьета» в своей деревенской церквушке — и провидящего в ней век XXI, о котором сейчас гадаем мы, фантасты. А затем, как в фильме[155] Бергмана, переход — к чему? Один из нас взирает — на что?

Жизненный цикл — смерть и возрождение — переработка. «Пьета» нашего современного мира: безобразная, вездесущая, всем известная. Не мертвый Христос на руках бессмертной горюющей матери, а гора алюминиевых банок из-под *Budweiser* в восемьдесят футов высотой, тысячи тысяч банок; с грохотом и звоном их зачерпывает, мешает, крушит и давит гигантская машина — полностью автоматизированная фабрика *Budweiser* («Автофабрика» — так я это назвал в одноименном рассказе) принимает опустошенные банки в свои объятия, чтобы переработать и вернуть к новой жизни, наполнить новым, живым содержимым. Все как раньше… или нет, если химики из лабораторий *Budweiser* исполняют замысел Божий о вечном прогрессе, то новое пиво станет лучше прежнего.

---

[155] Примечания: 155
Имеется в виду фильм «Шепоты и крики» (1972) Ингмара Бергмана.

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло» (Первое послание к Коринфянам апостола Павла) не перепишут ли когда-нибудь так: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклый пассивный инфракрасный сканер?» Сканер, который, как в «1984» Оруэлла, все время следит за нами? Мы смотрим телевизор — а он смотрит нас и смеется, или скучает, или иногда развлекается нами, как мы развлекаемся, глядя в его непроницаемый экран?

Но нет, на мой вкус это чересчур пессимистично и отдает паранойей. Думаю, 1-е послание к Коринфянам перепишут так: «Инфракрасный сканер тускло видит *нас*». Тускло, мутно — потому что не совсем нас понимает. Но ведь мы и сами не слишком-то понимаем друг друга, да и самих себя. И пожалуй, это к лучшему: значит, мы готовы к сюрпризам — и, в отличие от начальства, которое таких вещей не любит, можем обнаружить, что странные и неожиданные происшествия идут нам на пользу.

Кстати сказать, сюрпризы (возможно, эта мысль для вас тоже сюрприз) работают как противоядие от паранойи… или, точнее сказать, если вы живете так, что время от времени или даже часто жизнь вас удивляет, то вы не параноик.

Параноика ничто не удивляет: все происходит в точности как он ожидал, и даже еще точнее. Все укладывается в его систему. Но у нас системы нет и быть не может; возможно, *все* системы — иначе говоря, любые теоретические, словесные, символические, семантические и т. п. формулы, которые люди пытаются использовать как всеохватывающие, всеобъясняющие гипотезы о сути вселенной, — не что иное, как проявления паранойи. Стоит смириться с тем, что так называемый «неодушевленный» мир вокруг нас загадочен, бессмыслен, противоречив, враждебен и прежде всего необъяснимо к нам сердечен и щедр; иными словами, ведет себя с нами точь-в-точь как человек. Он сложный, запутанный, он сбивает с толку, часто противоречит сам себе, в нем кроются неведомые нам глубины — совсем как в человеке, которого можно любить. Иногда и немного бояться. И вечно не понимать. О котором мы ничего не можем по-настоящему знать, ни в чем не можем быть уверены; все, что нам остается, — доверять и строить догадки. Он не такой, как мы думаем, он плохо с нами обращается, он несправедлив; порой по какому-то минутному капризу нас поддерживает, а потом бросает — или, по крайней мере, нам кажется, что бросает.

Что на самом деле у него на уме, мы, быть может, не узнаем никогда. И все же так лучше, не правда ли, чем жить в угрюмой, враждебной и себе, и жизни уверенности параноика. (Здесь мне вспоминается один знакомый, сказавший однажды (надеюсь, он пошутил): «Доктор, мне что-то подсыпают в еду, чтобы сделать меня параноиком!»)

Вспомню в последний раз одну раннюю научно-фантастическую книгу, с которой мы все знакомы, — Библию. В фантастике множество рассказов, в которых компьютеры в ответ на разные вопросы печатают строки или целые главы из этой священной книги. А вот вам еще идея для общества будущего: что, если там компьютеры будут печатать людей?

Хорошо, если это неясно, возьмем другой вариант (он куда хуже, но понятнее) — конденсированную версию Библии: «В начале был конец». Или лучше наоборот? «В конце было начало». А, неважно. Пусть решит случай. По счастью, от меня никто не требует делать такой выбор.

Возможно, когда компьютер будет готов выплюнуть одну или другую из этих двух фраз, принимать решение придется сидящему за компьютером андроиду; или нет, если я правильно понимаю, как устроено мышление андроида, он

не сможет принять решение и напечатает обе фразы вместе, создав самоотрицающее ничто, не способное послужить даже предвечным хаосом. Но, может быть, андроид все-таки справится с задачей — быть может, какая-то способность к принятию решений у него все же есть: так что он превознесет одно утверждение над другим и его объявит «верным». Но никакой андроид — надеюсь, вы помните и понимаете, в этом слове я объединяю все, что не есть человек, — никакой андроид не додумается до того, что сотворила одна моя знакомая девчонка с блестящими глазами: нечто странное, безусловно этически сомнительное — по крайней мере с точки зрения любой традиции, — но для меня поистине человечное в том смысле, что в этом поступке для меня проявилось веселое бунтарство, душевная (если не духовная) отвага и неповторимый рисунок личности.

Однажды она ехала куда-то на машине и увидела впереди грузовик, перевозящий упаковки «Кока-колы». Множество таких упаковок было сложено пирамидой в кузове. Когда грузовик припарковался, девушка остановилась прямо за ним и набила себе багажник упаковками «Кока-колы» — взяла столько, сколько поместилось. И

много дней после этого сама пила бесплатную «Кока-колу» и угощала друзей. А когда все бутылки опустели — собрала их и отнесла в пункт приема стеклотары.

И вот что я скажу: благослови ее Бог! Пусть живет вечно. А компания *Coca-Cola*, и телефонные компании, и все эти конторы со своими металлоискателями, датчиками движения, снайперскопами и прочим пусть катятся ко всем чертям. Металл, камень и провода мертвы — и никогда не жили. А эта девчонка и ее друзья — они и есть наше человеческое будущее. «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?»[156] — спрашивает Библия. В каком-нибудь позднейшем издании, быть может, мы прочтем: «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух *андроидов* сходит ли вниз?» Куда отправляются после смерти души андроидов? Хотя они ведь не живут, значит, и умереть не могут. А если не могут умереть, то будут рядом с нами вечно. Есть ли у них вообще души? А у нас, коль уж на то пошло?

Мне думается, что, как и говорит Библия, все

---

[156] Примечания: 156
Еккл. 3:21.

мы отправимся в одно место. Но это не могила — это жизнь бесконечная. Мир будущего.

Благодарю вас.

Человек, андроид и машина (1976)

Есть во вселенной холодные безжалостные вещи, которые я называю «машинами». Их поведение меня пугает, особенно когда оно имитирует человеческое до такой степени, что возникает неприятное чувство: похоже, эти штуки стараются выдать себя за людей. «Эти штуки» я называю «андроидами»: это слово в таком значении — мое собственное. Под «андроидом» я не имею в виду честную попытку создать человека в лаборатории (как мы видели в замечательном телефильме *The Questor Tapes*[157]). Я имею в виду, что эта штука сознательно и ради каких-то дурных целей пытается нас обмануть, выдать себя за одного из нас. В лаборатории или нет — неважно; вся наша вселенная — огромная лаборатория; но из нее выходят хитрые и злобные создания. Они с улыбкой протягивают нам руку, однако рукопожатие их — хватка смерти, а от улыбки веет холодом могилы.

---

[157] Примечания: 157

The Questor Tapes (1974) — научно-фантастический телефильм Ричарда Колла по сценарию Джина Родденберри (создателя «Звездного пути»).

Эти существа ходят среди нас, хотя морфологически от нас не отличаются: разница не в строении, а в поведении. В своей фантастике я постоянно о них пишу. Иногда они сами не знают, что они андроиды. Некоторые, как Рейчел Розен, даже милые, но чего-то им недостает; или, как Прис в «Мы вас построим», выходят из чрева матери, даже создают собственных андроидов — таков в этом рассказе Авраам Линкольн, — но сами не знают человеческого тепла; таких психология называет «шизоидами», людьми, почти лишенными чувств. Думаю, речь об одном и том же… об одной и той же *вещи.* Человек, живущий бесчувственно, без настоящей эмпатии — то же, что андроид, в которого намеренно или по недосмотру это не встроили. Под «бесчувственностью» я понимаю, прежде всего, отсутствие интереса к судьбе, постигающей собратьев-людей; андроид остается отстраненным наблюдателем, вроде бы опровергая теорему Джона Донна — «Ни один человек — не остров», — а на самом деле придавая ей новый поворот: тот, кто психически и морально является «островом» — не человек.

Возможно, величайшая из перемен, охвативших в наши дни весь мир, — это движение живого к овеществлению и одновременное от-

ветное одушевление механического. Теперь у нас нет чистых категорий живого и неживого, и в этой парадигме нам предстоит существовать. Человек будущего — мой персонаж Хоппи из «Доктора Бладмани», без рук и без ног, человек — футбольный мяч в лабиринте вспомогательных сервомеханизмов. Лишь отчасти органический, но весь живой; лишь отчасти вышел из чрева матери, но весь живет в одной с нами вселенной. Я имею в виду реальный мир, а не мир фантастики, когда говорю: рано или поздно рядом с нами появятся миллионы таких гибридных существ, живущих одновременно в двух мирах. Попытки определить, «человек» перед нами или «машина», приведут к бесконечным словесным играм. По-настоящему важно вот что: это составное существо (из моих персонажей еще один хороший пример — Палмер Элдрич) — *ведет ли оно себя* как человек? Во многих моих историях чисто механические системы — например, таксикебы или тележки на колесиках в конце «Когда настанет прошлый год» — проявляют больше доброты, чем бедные ущербные люди. «Человек» или «человеческое существо» — термины, которые необходимо понимать и использовать правильно: они относятся не к происхождению,

не к онтологии, но к способу бытия в мире; если механическая конструкция останавливает свои привычные операции, чтобы оказать нам помощь, вам стоит с благодарностью причислить ее к роду человеческому, не смущаясь ее транзисторами и реле. Ученый, пытающийся разыскать человечность этой машины в цепях проводки, будет подобен нашим многоумным ученым, тщетно искавшим в человеке душу: поскольку особого места или органа для нее не нашлось, они склонились к выводу, что души у нас нет. Что душа для человека, то человек для машины: в терминах функциональной иерархии это дополнительное измерение. Как человек может действиями стать подобен Богу (например, когда отдает незнакомцу свой плащ), так и машина, по собственному рассуждению и решению остановив свой запрограммированный ход, становится подобна человеку.

Однако необходимо понимать: хоть в целом вселенная к нам добра (очевидно, мы ей нравимся, и она нас принимает, иначе нас бы здесь не

было, — по выражению Абрахама Маслоу[158], «иначе природа давным-давно с нами бы расправилась»), есть у нее и злобные ухмыляющиеся маски, что выпрыгивают на нас из тумана и могут убить ради собственного удовольствия.

Однако будем внимательны, остережемся путать маску — любую маску — и то, что под ней. Вспомним военную маску, которой прикрывал лицо Перикл: застывшие черты, суровость войны, никакого сострадания — это не настоящее человеческое лицо, в нем нет личности, к которой можно обратиться. Разумеется, в этом и смысл. Допустим, вы даже не поняли, что это маска: Перикл приблизился к вам на рассвете, в предутреннем тумане, и вы подумали, что это его настоящее лицо. Почти так же я описал Палмера Элдрича — его лицо так похоже на военные маски аттической Греции, что это сходство не может быть случайным. Пустые глазницы, механическая стальная рука, зубы из нержавеющей стали, эти ужасные стигматы зла — разве не те же, что видел я в небе над головой одним тревожным

[158] Примечания: 158

Абрахам Маслоу (1908–1970) — американский психолог, в своих работах формировал позитивный гуманистический взгляд на человеческую природу. Самая известная теория — теория мотивации и иерархии (пирамиды) потребностей.

днем 1963 года; разве эта военная маска и металлические доспехи — не атрибуты бога войны? Господа Гнева, явившегося мне в ярости своей. Но под этим гневом, под шлемом и металлом, как и у Перикла, — лицо человека доброго и любящего.

Много лет я писал о том, что «у дьявола стальное лицо». Полагаю, теперь пора исправить ошибку. То, что я разглядел и о чем писал, не было лицом; это маска, надетая на лицо. А лицо — всегда противоположность маски. Как же иначе? Нет смысла прикрывать холодным яростным металлом холодный безжалостный металл. Им прикрывают мягкую плоть, затем же, зачем безобидная мошка искусно отпугивает других насекомых фасеточными глазами. Это защитная мера, и, если она сработает, хищник вернется к себе в нору, ворча: «Ох, что за жуткое чудище встретил я сегодня! Как машет крыльями, какие корчит рожи — и какое, должно быть, у него жало, и какой убийственный яд!» Все его родственники слушают и мотают на ус: с таким лучше не связываться! Магия работает.

Я думал, что страшные маски носят только злодеи, но теперь вы понимаете, что я сам подпал под магию маски — ее жуткую, пугающую магию, ее *иллюзию.* Купился на обман и бросился

бежать. Хочу извиниться за то, что проповедовал вам обман как нечто подлинное: вы все сидели вокруг костра с распахнутыми, полными тревоги глазами, а я тешил вас историями об отвратительных монстрах, с которыми повстречался; мое путешествие в неизведанные земли окончилось ужасающими видениями, и, поскорее убежав домой, я принес свои страхи с собой. Но от чего я бежал? От того, что — едва исчезла нужда в маскировке — улыбнулось и показало свою безвредность.

Я не намерен отказываться от противопоставления того, что называю «андроидом», тому, что называю «человеком», или от того, что первый — дешевая и издевательская подделка под последнего, созданная с какими-то низменными целями. Но до сих пор я судил по внешности; чтобы делить мир на категории, нужно больше проницательности. Ибо, если за пугающей маской прячется существо доброе и безвредное, очень может статься, что за маской любви и доброты обнаружится жестокий убийца человеческих душ. Ни в том, ни в другом случае нельзя судить по внешности: мы должны проникнуть в суть дела, в самое сердце.

Возможно, все во вселенной в конечном сче-

те служит ко благу — если иметь в виду цели самой вселенной. Но некоторые ее части или подсистемы могут отнимать жизнь. И нам стоит воспринимать их именно так, не учитывая их роль в структуре в целом.

Каббалистический текст «Сефер йецира» — «Книга созидания», написанная почти две тысячи лет назад, — гласит: «Бог также направил одно против другого: добро против зла и зло против добра; добро порождает добро, а зло порождает зло; *добрый очищает злого, а злой доброго;* добро сохраняется для добрых, а зло для злых».

За обоими игроками стоит Бог: Он — ни то и ни другое и в то же время оба вместе. Цель игры в том, чтобы очистить обоих. Таков древний еврейский монотеизм, безмерно превосходящий наши нынешние взгляды. Мы участвуем в игре, где наши симпатии и антипатии предрешены заранее — не слепым случаем, а мудрыми внутренними законами игры, которые мы едва способны различить. Если бы мы увидели их ясно, то бросили бы игру. Очевидно, она не служит ничьим интересам. Мы должны довериться этим тропизмам, и в любом случае у нас нет выбора — пока тропизмы с нас не спадут. А такое может случиться — и случается при определенных обстоятельствах.

В такие минуты становится ясно многое из того, что прежде намеренно от нас скрывалось.

Но вот что нам необходимо понять: этот обман, это сокрытие истины, словно за завесой — ее еще называют покрывалом Майи, — не конец истории, не знак, что вселенная издевается над нами и дурачит без цели; нет, осознав, что между нами и реальностью лежит плотная завеса (греки называли ее *докса),* мы должны принять, что эта вуаль служит благой цели. Парменида, философа-досократика, историки считают первым человеком на Западе, который разрабатывал и доказывал тезис, что мы видим мир не таким, как он есть, что существует завеса — *докса.* Очень похожее выражение использует апостол Павел, когда говорит, что мы видим «словно как сквозь мутное стекло». Он ссылается здесь на известное утверждение Платона, что мы видим лишь образы реальности, и эти образы, возможно, несовершенны и неточны: на них нельзя полагаться. Добавлю, что Павел, пожалуй, сказал больше, чем Платон в своей знаменитой метафоре пещеры: Павел сказал, что, вполне возможно, мы видим вселенную *наоборот.*

Эта мысль так необычайна, что ее просто невозможно переварить и принять, даже поняв

интеллектуально. «Видим вселенную наоборот?» Что это значит? Что ж, давайте предположим, что мы воспринимаем время наоборот; точнее сказать, наша внутренняя, субъективная категория переживания времени (в том смысле, как об этом говорил Кант — как о способе упорядочивания опыта), наше ощущение времени перпендикулярно самому течению времени — они находятся под прямыми углами друг к другу. Есть два времени: время — наше восприятие, или переживание, или наша конструкция онтологической матрицы, неотделимая от восприятия пространства, — оно реально, но есть и внешнее время вселенной, и оно течет в ином направлении. Реальны оба, однако, воспринимая время ортогонально (перпендикулярно) по отношению к его истинному направлению, мы совершенно неверно воспринимаем последовательность событий, причинно-следственные связи, неверно понимаем, что в прошлом, что в будущем и куда движется вселенная.

Надеюсь, вы понимаете, как это важно. Время реально — и время, в кантовском смысле, как наше ощущение, и в том смысле, о котором говорит

советский ученый Николай Козырев[159]: время — это энергия, фундаментальная энергия, связывающая вместе вселенную, от которой зависит все живое, из которой берут свое начало все феномены; это энергия как каждой *энтелехии*[160], так и общей энтелехии всей вселенной.

Но время само по себе не движется из нашего прошлого в наше будущее. Его ортогональная ось пересекает круговой цикл, внутри которого мы, так сказать, «буксуем» в бесконечной зиме рода человеческого, длящейся уже около двух тысячелетий нашего линейного времени. По-видимому, ортогональное или истинное время запускает вращение некоего примитивного циклического времени, внутри которого каждый год — все тот же год, каждый новый урожай — все тот же урожай, каждая весна — все та же весна. Способность человека воспринимать время таким упрощенным образом разрушило то, что сам он, как индивид, живет слишком долго и успевает заметить, что не обновляется с каждым годом,

[159] Примечания: 159

Николай Козырев (1908–1983) — русский астрофизик, доктор физико-математических наук. Автор теории, согласно которой время порождает энергию (в том числе энергию звезд).

[160] Примечания: 160

Осуществленность (др.-греч.), в философии Аристотеля внутренняя сила, душа. В теориях Лейбница — монада.

как поля, травы и деревья, а изнашивается. По-видимому, упрощенное циклическое время не вполне адекватно отражает реальность; и человек неохотно пришел к идее линейного времени — которое, как показал Бергсон[161], аккумулятивно: оно движется лишь в одном направлении и прибавляет к себе все, мимо чего проходит, — или само к нему прибавляется.

Истинное ортогональное время циклично, но в куда большем масштабе — оно подобно Великому Году древних, весьма напоминает также идею Данте о мерах времени в вечности, которую можно найти в «Божественной комедии». Некоторые мыслители Средневековья, как Эриугена[162], начали ощущать истинную вечность или безвременность, но у других появилось ощущение, что вечность включает в себя время (ведь безвременность — состояние статическое), хотя это время должно сильно отличаться от нашего восприятия времени. Ключ следует искать в повторенных несколько раз словах апостола Павла, что по-

[161] Примечания: 161

Анри Бергсон (1859–1941) — французский философ, писатель. Лауреат Нобелевской премии.

[162] Примечания: 162

Иоанн Скот Эриугена (ок. 810–870) — ирландский философ, богослов, основатель схоластики. Крупнейший мыслитель своей эпохи.

следние дни мира станут временем всеобщего восстановления. По-видимому, он достаточно ощутил ортогональное время, чтобы понять, что оно содержит в себе одновременно все, что было, так же как звуковые дорожки грампластинки содержат уже прозвучавшую музыку; они не исчезают после того, как по ним проскользнет игла. Запись на фонографе — в сущности, не что иное, как длинная спираль, ее легко развернуть на плоскости; хотя, чтобы зазвучала музыка, необходимо прикосновение иглы. Иногда пластинка проскакивает или заедает — такое возможно, но не несет идеологической нагрузки: это просто временны́е сдвиги, как в моем романе «Сдвиг времени по-марсиански». Однако, если такое случается, это может сослужить нам, наблюдателям или слушателям, великую службу: мы вдруг узнаем о нашей вселенной намного больше. Я верю, что такие онтологические нарушения во времени возможны, однако наш мозг тут же автоматически генерирует систему ложных воспоминаний, чтобы их скрыть. Причина этого возвращает нас к моему первому тезису: плотная завеса, или *докса,* скрывает от нас истину — и не без причин. Ради той же благой цели скрыты от нас и разрывы во времени.

Находясь внутри системы, генерирующей маскировку такого уровня, было бы пустым бахвальством пытаться судить о том, что же есть реальность; первый же мой тезис состоит в том, что, даже если бы мы по какой-то причине проникли в эту тайну, этот странный, подобный покрывалу сон немедленно восстановился бы задним числом, исказив и наше восприятие, и воспоминания. И мы бы спали дальше как прежде — ибо, на мой взгляд, мы подобны персонажам моего романа «Убик»: мы находимся в состоянии полужизни. Мы не мертвы и не живы, но хранимся в анабиозе и ждем, когда нас разморозят. Выражаясь на поразительно знакомом языке смены времен года, это и есть та зима, о которой я говорю: зима рода человеческого, зима полуживых-полумертвых героев «Убика». Снег и лед покрывают их; снег и лед покрывают нас слоями, и мы называем этот покров *докса* или Майя. Что каждый год растапливает слои снега и льда в нашем мире? Конечно, возвращение солнца. Что растапливает снег и лед, покрывающий героев «Убика», что останавливает охладевание их жизни, ощущаемую ими энтропию? Голос мистера Ранситера, их бывшего работодателя, взывающий к ним. Голос мистера Ранситера

— тот же, что слышит нашей зимой каждое семя, каждый корень, каждый клубень. Они слышат: «Проснитесь! Спящие, проснитесь!»[163]

Итак, я объяснил вам, кто такой мистер Ранситер, рассказал о нашей участи и о том, чему на самом деле посвящен «Убик». Сказал я и о том, что время именно таково, каким мыслит его в Советском Союзе доктор Козырев, и что в «Убике» время обнулено и больше не движется линейно, как мы привыкли. Когда это происходит, благодаря смерти персонажей, и персонажи, и мы начинаем видеть мир как он есть, без покрывала Майи, без сбивающего с толку тумана линейного времени. Мы видим истинное Время, о котором говорил Козырев, — чистую энергию, связывающую вместе все феномены и во всем поддерживающую жизнь, энергию, скрывающую за своей *активностью* онтологическую реальность.

Возможно, я сам не понимал, что описываю, когда изображал в «Убике» ортогональную временную ось, т. е. регрессию объектов вдоль совершенно иной оси, чем та, по которой они развивались в линейном времени. Этот переворот основан на Платоновской концепции идей

---

[163] Примечания: 163
Кантата *И. С. Баха*. BWV 140, Wachet auf, ruft uns die Stimme.

или архетипов: ракетный корабль трансформируется в «Боинг-747», а тот — в биплан «Дженни» времен Первой мировой. Пожалуй, мне удалось драматически показать ортогональное время, однако нет такой уверенности в том, что это ортогональное время *переворачивается с ног на голову*, т. е. действительно начинает идти назад. То, что видят герои «Убика», может быть ортогональным временем, следующим своим нормальным курсом; если сами мы каким-то образом видим вселенную перевернутой, то «регрессия», которую видят герои «Убика», может быть стремлением к совершенству. А это означает, что наш мир — скорее в отношении времени, чем пространства, — напоминает луковицу с почти бесконечным множеством последовательных слоев. Линейное время, как кажется, добавляет слои — а ортогональное время, быть может, их счищает, открывая взору все более и более великое Бытие. Здесь можно вспомнить представление Плотина о вселенной, состоящей из концентрических кругов эманаций: чем ближе к центру, тем больше Бытия — или реальности.

В этой онтологии, на плане Бытия, герои, как и все мы, погружены в глубокий сон и ждут голоса, который их разбудит. Когда я говорю, что и они, и

мы ждем весны — это не просто метафора. Весна — возвращение тепла, отмена процесса энтропии. Весна восстанавливает жизнь — восстанавливает полностью, а в некоторых случаях, как с нашим видом, новая жизнь становится метаморфозой: период спячки оказывается периодом «куколки», и по окончании его мы с собратьями перейдем в некую совершенно иную форму жизни, какой никогда прежде не ведали. Многие виды так живут — проходят определенный цикл развития. Так что наша зимняя спячка — не просто «пробуксовка», как может показаться. И мы не будем расцветать снова и снова теми же цветами, что и в прошлом, и в позапрошлом году. Вот почему ошибались древние, полагая, что для нас, как и для растений, вновь и вновь наступает один и тот же год; для нас это накопление, рост энтелехии, у каждого из нас несовершенной, незавершенной, — и в этом процессе нет повторов. Каждый из нас уникален, как симфония Бетховена; и, когда долгая зима завершится, мы, как новые побеги, удивим и себя, и мир вокруг нас. Многие попросту сбросят изношенные маски — маски, которые полагалось принимать за реальность. Маски, успешно обманывавшие всех и каждого, ибо в этом их цель. Многие из нас Палмерами

Элдричами шли сквозь холодный туман, ветра и сумерки зимы; но скоро мы увидим свет, снимем железную военную маску и откроем под ней лицо.

Лицо, которое мы, носители масок, до сих пор не видели, — и оно тоже нас удивит.

Ибо нам откроется абсолютная реальность, и наши категории переживаемого пространства-времени, вся та базовая матрица, через которую мы воспринимаем вселенную, разлетятся и рухнут. Я описывал это применительно ко времени в «Сдвиге времени по-марсиански»; в «Лабиринте смерти» имеется бесконечное множество искусственно созданных параллельных реальностей; в «Пролейтесь, слезы» мир одного персонажа вторгается в мир в целом и показывает, что само слово «мир» означает не более, не менее, чем Сознание — имманентное Сознание, которое мыслит наш мир или, скорее, видит его во сне. Этот спящий, как спящий в «Поминках по Финнегану» Джойса, ворочается во сне и готов проснуться. Мы внутри этого сна; все многоярусные сны готовы рухнуть внутрь себя и раствориться, как сон, чтобы их заменил истинный ландшафт реальности сновидца. Он увидит все заново, поймет, что грезил, — и мы присоединимся к нему. В

брахманизме мы сказали бы, что великий цикл подходит к концу, Брахман ворочается во сне и просыпается — или, быть может, бодрствовал, а теперь засыпает; так или иначе, вселенная — продолжение его Сознания, которую мы ощущаем в категориях времени и пространства, сейчас испытывает типичные дисфункции, указывающие на близкое окончание цикла. Можно сказать, если это вам больше понравится: «Реальность рушится, все обращается в хаос» — или, быть может, вы захотите сказать вместе со мной: «Я чувствую, что сон, *докса,* отнимается у меня; чувствую, как рассеивается покрывало Майи; я просыпаюсь, Он просыпается; я — Сновидец; все мы — Сновидец». Здесь можно вспомнить Сверхразум Артура Кларка.

Каждому из нас предстоит утвердить или отринуть реальность, которая откроется перед нами, когда падут наши онтологические категории. Если вы почувствуете, что вокруг вас смыкается хаос, что, когда померкнет сон, не останется ничего или, и того хуже, вас обступит нечто ужасное — что ж, вот почему так стойко держится вера в День Гнева: многие в глубине души догадываются, что, когда покров *докса* внезапно растает, им придется несладко. Не исключено. Однако я

думаю, нам откроется улыбающийся лик: ведь и весна обычно сияет миру, а не иссушает его испепеляющим жаром. Быть может, когда отдернется завеса, нам откроются и злые силы вселенной; но я думаю о падении политической тирании в Соединенных Штатах в 1974 году, и мне кажется, что такие уродливые опухоли очень важно выставлять под яркий свет дня. Может, и нужно переживать такие потрясения, чтобы понять: во времена *Nacht und Nebel* — ночи и тумана, — когда наши свободы, права, собственность, саму нашу жизнь уродуют, калечат, воруют и уничтожают мерзкие создания, хвалящиеся своей силой в нечестивом святилище в Сан-Клементе[164], во Флориде и на прочих своих виллах, — шок от разоблачения ломает их планы сильнее, чем наши. Наши планы призывали нас всего лишь жить свободно, следуя истине и справедливости; планы прежнего правительства нашей страны состояли в том, чтобы держаться на грубой и безжалостной силе самого высокомерного сорта, в то же время выливая на страну потоки лжи через все каналы коммуникации. Вот хороший пример целительной силы солнечного света:

[164] Примечания: 164

Место расположения личной резиденции президента США Ричарда Никсона.

сперва он открывает, затем испепеляет сорняк тирании, глубоко вросший в бьющееся сердце нашего доброго народа.

Это сердце бьется и сейчас, сильнее, чем когда-либо, хоть и говорят, что окружение у него не из лучших; но та мерзкая опухоль, что заползла в него, — она удалена. В 1974 году наступило весеннее равноденствие, и зима пошла на убыль.

Иногда я думаю, что Сновидец, разбудивший нас, начал борьбу с тиранией; здесь, в Штатах, пробудив от сна, он заставил увидеть наше положение, грозящую нам беду — и действовать.

Один из лучших романов, наиболее важных для понимания нашего мира — «Резец небесный» Урсулы Ле Гуин; вселенная сна изображена в нем так ярко и убедительно, что вряд ли стоит добавлять к этому какие-то дальнейшие объяснения — здесь они не требуются. Не думаю, что в то время, когда были написаны этот и еще несколько романов, кто-нибудь из нас читал исследование Чарльза Тарта[165] о снах, — но теперь я его про-

[165] Примечания: 165

Чарльз Т. Тарт (р. 1937) — американский психолог, пионер-исследователь измененных состояний сознания и классик трансперсональной психологии.

чел, и еще почитал Роберта Э. Орнстейна[166], совершившего «революцию мозга» в Стэнфордском университете, к северу от моего дома. Из трудов Орнстейна складывается впечатление, что, возможно, у нас два совершенно отдельных мозга, а не один мозг, разделенный на два равных друг другу полушария, что, в сущности, у нас одно тело и два сознания (здесь сошлюсь на статью Джозефа Э. Богена[167] *The Other Side of the Brain: An Appositional Mind*, опубликованную в сборнике под редакцией Орнстейна *The Nature of Human Consciousness*). Боген показывает: время от времени исследователи начинали подозревать, что у нас два мозга, два сознания, однако только современные техники «картографии мозга» и связанные с этим исследования позволили это показать. Например, в 1763 году Иероним Гауби-

[166] Примечания: 166

Роберт Э. Орнстейн (1942–2018) — американский психолог и нейропсихиатр. Профессор Стэнфордского университета, основатель Института изучения человеческих знаний (ISHK). Изучал функционирование раздельных полушарий мозга, исследовал суфизм и разрабатывал научные биологические объяснения религиозному опыту.

[167] Примечания: 167

Джозеф Э. Боген (1926–2005) — американский нейрохирург, психолог, профессор Университета Южной Калифорнии. Исследователь «разделенного мозга».

ус[168] писал: «…Надеюсь, вы поверите Пифагору и Платону, мудрейшим из древних философов, которые, согласно Цицерону, разделяли ум на две части: одна из них рассуждает, другая же рассуждению чужда». В своей статье Боген описывает концепции столь завораживающие, что, читая, я спрашивал себя, почему же никому это не приходило в голову: наше «бессознательное» — вовсе не бессознательное, а другое сознание, с которым у нас довольно напряженные отношения! Именно этот другой ум или сознание по ночам показывает нам сны: мы — слушатели и зрители его историй, зачарованные маленькие дети… вот почему «Резец небесный» — возможно, одна из величайших, базовых книг нашей цивилизации, тем более что Урсула Ле Гуин, я уверен, пришла к своим формулировкам, не зная трудов Орнстейна и экстраординарной теории Богена. Суть в том, что оба мозга получают одну и ту же информацию через различные сенсорные каналы, однако по-разному ее обрабатывают; каждый мозг работает своим уникальным образом (левый — как цифровой компьютер; правый — скорее, как аналоговый компьютер, сравнивающий образ-

[168] Примечания: 168

Иероним Давид Гаубиус, Жером Гауб (1705–1780) — немецкий медик, профессор Лейденской академии.

цы). Обрабатывая идентичную информацию, они могут прийти к совершенно разным результатам; наша личность конструируется в левом мозгу, так что, если правый приходит к чему-то жизненно важному, мы в левом мозгу остаемся об этом не в курсе, и сообщать нам это приходится во сне. Таким образом, Сновидец, столь неотступно общающийся с нами по ночам, неврологически, по-видимому, заключен в нашем правом мозгу, в том, что не-Я. Но ничего больше (например, не является ли правый мозг, как полагал Бергсон, приемником или передатчиком ультрасенсорной информации в обход левого?) мы пока сказать не можем. Я думаю, однако, что покрывало *докса* сплетает наш правый мозг: мы как вид склонны обитать в одном лишь мозговом полушарии, оставляя другое делать то, что должно, чтобы защитить мир. Стоит помнить, что эта защита обоюдна, что это обмен между миром и нами. Каждый из нас — сокровище, которое нужно беречь и лелеять; но то же верно и для мира, и для дремлющих в нем сокрытых семян. Иных сокрытых семян. Итак, благодаря правому полушарию — Кали, танцующей со своим покрывалом, — каждый из нас не знает того, чего пока не должен знать. Но время подходит к концу;

тает зима со всеми своими снегами, ужасами и тиранией.

Лучшее описание того, как создается покрывало-докса, что я читал, вышло в *Science Fiction Studies*[169] (март 1975) за авторством Фредрика Джеймисона[170]: *After Armageddon: Character Systems in Dr. Bloodmoney*. Цитирую: «Каждый читатель Дика знаком с этой неопределенностью ночного кошмара, с этим мерцанием реальности, какое иногда относят за счет наркотиков, иногда шизофрении, а иногда считают новым НФ-приемом, в котором мир психики как бы выходит наружу и предстает в форме симулякров или иной фотографически точной репродукции мира внешнего».

По описанию Джеймисона вы видите: речь идет о чем-то очень похожем на покрывало Майи, но также и на голограмму. У меня есть отчетливое

---

[169] Примечания: 169

Science Fiction Studies — американский академический журнал, издаваемый Университетом Де Поля. Выходит три раза в год с 1973 года. Статья, о которой говорит Дик, размещена по адресу https://www.depauw.edu/sfs/backissues/5/jameson5art.htm.

[170] Примечания: 170

Фредрик Джеймисон (р. 1934) — американский литературный критик, теоретик марксизма. Профессор в Университете Дьюка. Наиболее известен своим анализом культурных течений — постмодернизма. Исследовал творчество Филипа Дика, Уильяма Гибсона, Кима Стэнли Робинсона.

ощущение, что Карл Юнг не ошибался, когда говорил, что все наши бессознательные образуют единое целое, то, что он называл «коллективным бессознательным». В таком случае этот наш коллективный мозг, состоящий буквально из миллиардов принимающих и передающих «станций», образует огромную коммуникативную и информационную сеть, очень похожую на концепцию ноосферы Тейяра. Это и есть ноосфера, такая же реальная, как ионосфера или биосфера; слой нашей земной атмосферы, состоящий из голографических и информационных проекций на единый и непрерывный Гештальт, источниками которых являются наши многочисленные правые полушария. Вместе они составляют огромное Сознание, имманентное нам, наделенное такой мощью и мудростью, что для нас оно равно Творцу. Кстати, таким Бергсон и видел Бога.

Любопытно, как умнейших греческих философов беспокоила деятельность богов; они видели и эту деятельность, и (как они думали) самих богов, но как говорил об этом Ксенофан: «Даже если человеку выпадет случай произнести самую полную истину, сам он ее не узнает; все вещи окутаны *кажимостями».*

Эта мудрость порождена тем, что видели они

многое, однако знали априори: то, что они видят, не может быть реально, ибо существует лишь Единое.

«Если Бог есть все, значит, *кажимости* нас обманывают; и, хотя наблюдение за миром может вызывать различные размышления и обобщения касательно замыслов Бога, истинное знание о них можно получить лишь из прямого контакта с Его разумом» (я здесь цитирую Эдварда Хасси[171], его замечательную книгу *The Presocratics*). Дальше он переходит к двум фрагментам из Гераклита: «Природа вещей имеет обыкновение скрывать себя» и «Скрытая гармония лучше явной».

Хочу напомнить, что древние греки и евреи мыслили себе Бога или Ум Божий как нечто, находящееся не над вселенной, а внутри нее; имманентный Ум или имманентный Бог, вся видимая вселенная — тело Бога, а Сам Он является для вселенной тем же, что и *психэ* для *сомы*. Но еще они предполагали, что Бог, возможно, не *психэ*, а великий *ноос*, иная форма разума; в этом случае вселенная — не Его тело, но Сам Бог. Пространственно-временная вселенная — обитель

[171] Примечания: 171

Эдвард Хасси — современный английский ученый и переводчик из Оксфордского университета, исследователь античной философии, почетный член Колледжа Всех душ.

Бога, но не его часть; Бог — это, в сущности, чистое энергетическое поле.

Если вы предположите (и правильно сделаете), что наши сознания — своего рода энергетические поля, и это не дискретные частицы, а поля, активно и тесно взаимодействующие друг с другом, у вас не будет теоретической проблемы представить, как взаимодействие между этими миллиардами отпечатков мозга порождает, формирует и корректирует ноосферу. Однако, если вы все еще смотрите на себя, на манер XIX века, как на идеально настроенную замкнутую систему, нечто вроде машины, в которой все детали на своем месте, — как же вам погрузиться в ноосферу? Вы уникальная, конкретная вещь. Но именно вещности мы должны избегать, созерцая самих себя и размышляя о жизни. Согласно более современному взгляду, мы — пересекающиеся поля; все мы, включая и животных, и растения. Это экосфера, и все мы находимся в ней. Но вот чего мы еще не поняли: миллиарды дискретных и полностью эго-ориентированных левополушарных мозгов в конечном счете способны сказать об устройстве мира куда меньше, чем коллективная ноосфера. Сознание, объединяющее все наши правые полушария, в котором

участвует каждый из нас. Решает оно; и мне не кажется невозможным, что эта огромная плазма ноосферы, если предположить, что она, словно покрывало или атмосферный слой, укрывает всю планету, взаимодействует с чем-то внешним — возможно, с полями солнечной энергии и, далее, с космическими полями. Итак, каждый из нас участвует в жизни космоса — если только захочет прислушаться к его снам. А ведь именно сны превращают его из простой машины в подлинного человека. Он не будет больше маршировать, бренча царственным железом, на страже своего маленького царства в мире сем; он воспарит, взлетит, словно поле негативных ионов, словно Убик в моем одноименном романе; будучи жизнью, давая жизнь, но никогда не определяя себя, ибо для него — для нас — нет готового имени.

Пока мы движемся — идем вперед в координатах линейного времени или, быть может, стоим на месте, а линейное время движется вперед, все зависит от точки зрения — нас, как множество *энтелехий*, со всех сторон осаждает информация. Сигналы из вселенной вокруг нас поступают к нам, беспокоят, будят; таким образом между всеми частями вселенной поддерживается гармония. Возможна ли более величественная схема? Я,

зерно *энтелехии*, должен раскрыться, лишь когда меня достигнут заранее установленные сигналы, а локус времени — когда какой сигнал отправлять — находится полностью в руках вселенной… потрясающее откровение, заставляющее задуматься о нерушимой связи между мной и тем, что меня окружает.

Такой порядок взаимодействия между системами, встроенными в каждого из нас, и аккумулированными сигналами, посылаемыми в нужное время и в строгой последовательности, подразумевает присутствие Творца, который сперва заложил в каждого из нас *энтелехию*, запрограммировал ее определенным образом, а затем заблокировал эти системы, зная с абсолютной точностью, где на временно́й шкале какую из них разбудит нужный сигнал; случайности исключены — и самое счастливое совпадение входит в план вселенной.

Иногда я спрашиваю себя, как мы могли вообразить, что наш вид неподвластен инстинктам, которые, очевидно, управляют низшими видами? Муравьи, например, получив тот или иной сигнал, всегда реагируют на него одинаково, как будто эти действия снова и снова повторяет один и тот же муравей. А чем отличаемся мы?

Но каждый из нас — уникальная энтелехия, каждый получает из космоса уникальные сигналы и уникально на них реагирует. И все же этот язык вселенной слышит и муравей; и мы с ним трепещем общей радостью.

Очень много материала для своих книг я получаю во сне. Например, в «Пролейтесь, слезы» тот многозначительный сон, что снится Феликсу Бакмэну ближе к концу романа — сон о мудром старце верхом на коне — приснился мне во время работы над книгой. А в «Сдвиг времени по-марсиански» я включил столько своих снов, что теперь, перечитывая роман, уже их не узнаю.

«Убик» — тоже в первую очередь сон или серия снов. На мой взгляд, в нем отчетливо звучат мировоззренческие темы досократических философов, незнакомых мне, когда я об этом писал (например, Эмпедокла). Быть может, ноосфера содержала в себе мысли и понятия в форме очень слабой энергии; так было, пока мы не изобрели радиопередачу — тогда уровень энергии ноосферы вышел из берегов, и она зажила собственной жизнью. Она больше не служит пассивным хранилищем человеческой информации («Морями Познания» — так называли это древние шумеры), но, благодаря невероятному всплеску энергии

от наших электронных сигналов и мощному информационному потоку, теперь мы в силах перешагнуть великий порог: мы, так сказать, воскресили то, что Филон и другие великие древние именовали *Логосом.* Если эта теория верна, то информация ожила и обрела собственное коллективное сознание, независимое от нашего мозга. Она не просто знает все, что знаем мы, и помнит все, что мы знали когда-то, но и умеет находить собственные решения: это титанический искусственный интеллект. Разница как между магнитофонной пленкой, которая способна «запомнить» симфонию Бетховена, однажды ее услышав, и тем, кто способен писать все новые и новые симфонии; небесная библиотека, прочитав все сущие в мире книги, теперь пишет свою, а мы ночь за ночью читаем новые главы из волнующей истории этого Великого Делания.

Здесь я должен упомянуть статью Йена Уотсона[172] о «Резце небесном» из S*cience Fiction Studies*: в этом замечательном тексте он ссылается на, возможно (как это ни странно), самый значи-

[172] Примечания: 172

Йен Уотсон (р. 1943) — английский писатель-фантаст и переводчик. В Лондонском политехническом читал курс по научной фантастике. На русском выходил его романы «Внедрение», «Блудницы Вавилона» и трилогия «Черное течение».

тельный рассказ в истории научной фантастики: на рассказ «Волновики» Фредерика Брауна, опубликованный в *Astounding*. Прочтите его, иначе так и умрете, не поняв рождающуюся вокруг вас вселенную. Волновиков привлекли к Земле наши радиоволны; они копировали наши радиопередачи («СОС» и т. д., хронологически), и поначалу мы не можем взять в толк, что это такое.

Говоря о «Резце», Уотсон пишет:

> По-видимому, Джордж (Орр) сумел во сне превратить враждебное вторжение в мирный визит; однако основная гипотеза здесь та, что инопланетяне действительно, как они говорят, явились «из времени снов», что вся их культура вращается вокруг «реальности, сном приводимой в бытие», что мы сами привлекли их на Землю, как Волновики из рассказа Фредрика Брауна – только не радиоволнами, а излучением наших снов.

Можно счесть эту тему довольно пугающей, и у Ле Гуин, и у меня. Что такое сны? Быть может, создания из вселенной сновидений, прилетающие к нам с другой звезды (у Ле Гуин — с Альдебарана)? А летающие тарелки, которые многие

видят, — не есть ли это голограммы, проецируемые их бессознательным, действующим как приемники и трансформаторы сигналов этих странных существ из иного мира?

За прошлый год я видел много снов, которые, казалось — подчеркну здесь слово «казалось», — указывали, что некто или нечто телепатически общается с моим сознанием; но, поговорив с Генри Корманом, ассистентом Орнстейна, я склонился к мысли, что это просто левое и правое полушария моего мозга ведут диалог в стиле буберовского «Я-и-Ты». Тем не менее многое из того, что являлось мне во сне, я не мог создать сам. Однажды нечто попыталось заставить меня записать сложный инженерный принцип, явившийся мне в виде круглого мотора с двумя колесами, вращающимися в противоположных направлениях, как инь и ян — пары противоположностей в даосизме (и очень похоже на то, что говорил Эмпедокл о диалектике любви и войны, вместе правящих миром). Во сне мне показали самое настоящее механическое устройство, затем дали карандаш и сказали: «Этот принцип был известен в твое время». И пока я искал, чем записать, добавили: «Известен, но захоронен в подвале и забыт». Это был сложный механизм с

высоким крутящим моментом: все дело было в цепи, натянутой наискось между двумя роторами… увы, проснувшись, я так и не смог понять, как он работает. Впрочем, позже понял вот что: из других снов мне стало ясно, что изобретенное нами опреснение морской воды осмотическим методом способно обеспечить нас не только водой, но и энергией. Однако все эти сведения сообщались не тому человеку: мне не хватило образования их понять. Впрочем, пытаясь понять, что мне хотят сказать, я больше тысячи баксов потратил на справочники. Вот что я выяснил: в этой конструкции с двумя роторами что-то, связанное с фактором гистерезиса, превратилось из дефекта в преимущество. Ему не нужны тормоза: роторы всегда вращаются с одинаковой скоростью, а крутящий момент передается через натянутую наискось цепь.

Эту иллюстрацию я привел лишь для того, чтобы показать: или мое бессознательное втайне от меня читало инженерные статьи, наяву не вызывающие у меня никакого интереса, — или со мной связались те люди из вселенной снов, скажем, из Альдебарана или с какой-то иной звезды. Может, они подключены к нашей ноосфере вместе с нами? И предлагают помощь нашей бедной

ущербной планете, что, как белка в колесе, уже больше двух тысяч лет крутится в ловушке бесконечной зимы? Если они принесут с собой весну — приветствую их, кто бы они ни были; как Джо Чип из «Убика», я страшусь холода и усталости; я боюсь умереть от изнеможения, поднимаясь по бесконечной лестнице, пока кто-то жестокий — или в маске жестокости — холодно смотрит на меня с высоты: машина, лишенная эмпатии, бесстрастный зритель; тот же кошмар, знаю, преследует и Харлана Эллисона. Быть может, он даже страшнее самого убийцы (в «Убике» это Джори): наблюдатель, который не предлагает помощь, не протягивает руку. Для меня это андроид, для Харлана — злой меньший бог; оба мы вздрагиваем при мысли о его существовании. Но вот что могу сказать: люди из мира снов, если они существуют, кто бы они ни были — вовсе не безжалостные андроиды, это люди в глубочайшем из всех смыслов; они протянули руку помощи нашей планете, нашей загрязненной экосфере и, быть может, помогли свергнуть тирании, в тисках которых задыхались Соединенные Штаты, Португалия, Греция — а однажды, возможно, помогут свергнуть тиранию в Советском блоке. Вот что я вижу при мысли о наступлении весны: распахиваются

железные двери, и бедные узники, как в «Фиделио» Бетховена, выходят на солнечный свет. Помните то место в опере, когда они видят солнце и ощущают тепло его лучей? И в конце трубный зов свободы возвещает конец их мучительного заключения: пришла помощь *извне!*

Время от времени к любому писателю-фантасту подходит незнакомец и, загадочно и несколько безумно улыбаясь, сообщает:

— Я знаю: все, о чем вы пишете, — правда! У вас там все зашифровано! Все фантасты на самом деле передают информацию от Них.

Я, разумеется, интересуюсь, кто такие «Они». Ответ всегда один:

— Ну, вы же знаете! *Они.* Там, наверху. Ребята из космоса. Они уже здесь и общаются с нами через ваши книги. Да вы сами все знаете!

Я вежливо улыбаюсь и стараюсь поскорее свалить. Такое повторяется из раза в раз. Так вот, как ни больно это признавать, вполне возможно, что: 1) телепатия существует; и 2) в проекте *SETI*, идея которого — связь с внеземным разумом телепатическим путем, возможно, есть здравое зерно. Если существуют телепатия и внеземной разум. Иначе выходит, что мы пытаемся связаться по неработающему каналу с теми, кого нет. Что ж, тогда,

по крайней мере, это надолго обеспечит многих рабочими местами. Но я вспоминаю сейчас, что команда советских астрономов, по-видимому, под руководством того самого доктора Николая Козырева, автора концепции времени-как-энергии, сообщила о получении сигналов от внеземного разума *изнутри* нашей Солнечной системы. Хотя наши говорят, что Советы просто мониторят радиоволны, отражающиеся от старых спутников и всякого космического мусора, предположим, что эти внеземные существа или коллективный разум находятся внутри, так сказать, огромной плазменной оболочки, которая, по-видимому, окружает Землю и связана с вспышками на Солнце и тому подобным; разумеется, я о ноосфере. Это сразу и земной, и внеземной разум, очень похожий на то, что описала мисс Ле Гуин в своем «Резце». И я в своих книгах, как знает любой фанат фантастики, работаю с очень схожими темами… Неприятная мысль: быть может, не так уж не правы фрики, что гоняются за всеми фантастами с криками: «Я знаю, вы получаете информацию от Них!»? Мы и в самом деле можем, особенно в состоянии сна, испытывать на себе влияние ноосферы, порожденной нами, однако способной к самостоятельной психической жизни, да еще

и связанной с внеземным разумом. Пусть не Творец, но нечто столь близкое к Бесконечному Уму, как мы только можем себе вообразить. Очевидно, это существо к нам доброжелательно, если вспомнить замечание Маслоу: «Не будь природа к нам добра, она бы давно нас уничтожила», — только природу здесь заменим Бесконечной Ноосферой.

Мы, люди, теплые и жаждущие тепла, с нежными лицами и задумчивыми глазами — мы и есть истинные машины. А эти объективные конструкции, эти природные реалии вокруг нас, и особенно созданное нами электронное оборудование, все эти передатчики, микроволновые станции, спутники — все это лишь покровы подлинной живой реальности, позволяющие ей полнее и незаметнее для нас участвовать в жизни Великого Ума. Быть может, мы видим мир не просто сквозь искажающую завесу, но и *наоборот*. Быть может, ближе всего к истине будет сказать: «Все в мире — равно живое, равно свободное, равно разумное, ибо все в мире — не живое, не полуживое, не мертвое, но *проживаемое*». Передатчик усиливает радиосигналы: они проходят *через* различные компоненты, модифицируются, дополняются, изменяются их контуры, отсекается и глушится шум… быть может, мы

— манипуляторы, вроде тех механических рук, которыми ученые передвигают радиоактивные предметы? Мы — перчатки, которые надевает Бог, чтобы передвинуть то или это, как пожелает. По какой-то причине Он предпочитает именно так обращаться с реальностью.

Мы — одежда Бога, которую Он творит, надевает, носит, а потом выбрасывает. Мы и доспехи, призванные производить ложное впечатление на других бабочек в других доспехах. Внутри доспеха — бабочка, внутри бабочки — сигнал с другой звезды. В романе[173], который я сейчас пишу (или которым говорит через меня Сновидец), эта звезда носит имя Альбемут. Эта идея пришла ко мне, когда я еще не читал «Резец небесный»; прочитав роман, вы поймете, что я имею в виду, когда говорю, что мы — радиоприемники с широчайшим диапазоном приема и сами этого не сознаем.

Подумайте над таким «Размышлением» Руми — суфийским изречением, переведенным Идрис-Шахом, популярным и среди нынешних суфиев: «Мастер сокрыт в своей мастерской».

Поскольку очевидно, что звание первооткрыва-

---

[173] Примечания: 173
«Свободное радио Альбемута», издан посмертно в 1985 году.

теля этого нового взгляда на мир — основанного на равенстве и взаимодействии двух мозговых полушарий, о котором со времен Пифагора и Платона и не подозревали, — более кого-либо иного заслужил доктор Орнстейн, я недавно собрался с храбростью и написал ему письмо. Время от времени мне приходят письма фанатов, и по почерку понятно, что руки у них дрожат от волнения; а когда я писал доктору Орнстайну — тряслась вся пишущая машинка. Вот текст моего письма: помещаю его здесь как последнее примечание, объясняющее, каким образом с его помощью мне удалось преодолеть дихотомию реальности и иллюзии и как это дало ответ на мои неустанные двадцатилетние вопрошания. Приведу письмо:

> Уважаемый доктор Орнстейн!
>
> Недавно я встречался с мистером Генри Корманом и мистером Тони Хиссом (Тони приходил взять у меня интервью для The New Yorker). С Генри у нас состоялся очень интересный разговор о суфизме, и я упомянул о своем восхищении, граничащем с фанатическим энтузиазмом, вашей пионерской работой о равенстве и взаимодействии двух полушарий мозга.

Затем, узнав, что оба они с вами знакомы, я набрался храбрости написать вам и рассказать о результатах своих экспериментов по растормаживанию правого полушария (я использовал для этого главным образом ортомолекулярные подборки витаминов, а также усиленную концентрацию и медитацию).

Прорыв произошел десять месяцев назад, и вот уже десять месяцев я другой человек. И самое необычайное (я сейчас пишу об этом книгу, но в художественной форме, она будет называться To Scare the Dead) – это… Впрочем, позвольте мне просто пересказать завязку книги, так будет понятнее.

Николас Брэди, обычный гражданин США с самыми обыкновенными для нашего времени ценностями и стремлениями (деньги, власть, престиж), вдруг обнаруживает, что в нем пробуждается к жизни существо, проспавшее две тысячи лет. Это существо – ессей, умерший в надежде на обетованное воскресение; он знал, что воскреснет, поскольку ему и его кумранским товарищам были доступны

тайные рецепты, лекарства и научные практики, способные это обеспечить. Итак, наш главный герой, Николас Брэди, обнаруживает, что «его» на самом деле двое: старое «я», с мирской работой и светскими целями – и этот ессей из Кумранской пустыни, умерший около 45 года н. э., святой человек со святыми целями и крайней враждебностью к светскому физическому миру, который он называет «Градом Железным». Разум из Кумрана берет верх над Брэди и заставляет его предпринять сложную серию действий, в результате которых становится очевидно, что по всему миру, тут и там, пробуждаются к жизни и другие кумраниты.

Изучая Библию вместе со своей Кумранской личностью, Брэди обнаруживает, что в Новом Завете скрыто зашифрованное послание. Кумранская личность может его прочесть. «Иисус» – это на самом деле Загрей-Зевс, имеющий две формы: одна слабая, другая чрезвычайно могущественная, к которой могут обращаться в беде его последователи.

Кумранская личность, которая в романе носит имя Фома, постепенно открывает Брэди, что наступают Последние Дни мира – близится «Парусия»[174]. К этому нужно быть готовым, и Фома подготавливает Брэди, напоминая ему о его собственной божественности – он называет это «анамнесис»[175]. Томас строит с Брэди особые отношения равенства, однако, поскольку Брэди чрезвычайно невежествен, использует для его обучения существо, называемое Эразмом, – в сущности, «станцию» в ноосфере, которая теперь настолько полна энергии, что из нее можно черпать не только бессознательно, но и сознательно; она и есть «Моря Познания», известные в древнем мире, из которых черпала свои пророчестве Дельфийская сивилла. Но главное открытие еще впереди: постепенно Брэди понимает, что истинный бог кумранитов – не мифический Иисус, а реально существующий Загрей, а по-

[174] Примечания: 174
Второе Пришествие (*греч.*).

[175] Примечания: 175
Припоминание, воспоминание о забытом (*греч.*).

искав информацию, скоро выясняет, что Загрей был одной из ипостасей Диониса. Христианство – не что иное, как поздняя форма поклонения Дионису, очищенная и возвышенная странным и привлекательным персонажем – Орфеем. Орфей, как и Иисус, реален лишь в том смысле, что представляет собой одну из стадий «социализации» Диониса; порожденный иной расой, нечеловеческое дитя пришельцев, Загрей должен был научиться постепенно умерять свое «безумие», которое теперь почти иссякло. В сущности, он с нами, чтобы воссоздать нас как выражения себя, а путь к этому – одержимость им, то, чего искали ранние христиане и что скрывали от ненавистных римлян.

Дионис-Загрей-Орфей-Иисус из века в век борется с Градом Железным, будь то Рим или Вашингтон: он – бог наступления весны, новой жизни, бог всех, кто мал и беспомощен, бог смеха и бурного веселья; и мой бог, когда я сижу день за днем над рукописью этого романа.

Но в романе Фома говорит: «Наступили последние дни. Близится свержение

тирании, огненными буквами описанное в Откровении Иоанна. Иисус-Загрей пришел забрать свое и своих; он снова живет».

Считалось, что в зимние месяцы Дионис, бог виноградных лоз, плодов и урожая, погружается в сон. Было известно: насколько бы мертвым он ни выглядел (здесь вспоминается чудесный рассказ «Поминок по Финнегану» Джойса, как на покойника случайно проливают пиво, и он оживает) – на самом деле он жив, хоть об этом можно никогда не узнать. А потом – к изумлению всех, кроме тех, кто понимал его и в него верил, – он возрождался. Его последователи знали, что так и будет – знали его тайну (ср. «Говорю вам тайну…»[176] – и т. д.) Мы говорим здесь о мистериальных религиях, всех, включая и христианство. Наш Бог спит – спит всю долгую зиму человеческой культуры (здесь речь не о времени года, но о той зиме духовной, что длится с 45 года н. э. до сего дня); спит, пока зима держит нас

[176] Примечания: 176
1 Кор. 15:5.

всех в своей ледяной хватке, засыпает сугробами поражения и отчаяния (в нашем случае это политический хаос, разруха в экономике, разруха в общественной морали – зима нашей планеты, нашего мира, нашей цивилизации); но вдруг виноградная лоза, иссохшая, старая, мертвая на вид, наливается новой жизнью, и наш Бог возрождается – не где-то вне, но в каждом из нас. Этот сон под снегом – не на поверхности земли, а в правом полушарии нашего мозга. Мы ждем, сами не зная чего. Но вот оно: весна для нашей планеты, глубокая, всеобъемлющая весна. Чем, как не чудом, сброшены цепи из холодного железа? Как и Николас Брэди, мой герой, я ощутил пробуждение в правом полушарии Загрея и почувствовал, как меня заливают потоки его обновленной жизни, его энергии, его личности, его богоподобной мудрости; он возненавидел несправедливость, которую видел вокруг себя, и ложь и вспомнил «Чудные земли, нетронутые людьми, где среди тенистых рощ живет незримо маленький лесной народец» (Еврипид). Доктор Орнстейн,

спасибо вам за то, что помогаете положить конец этой долгой зиме и торопите – нет, не просто весну, а самую живую жизнь Весны, живой, но спящей в нас.

Мне думается даже, что сама четкая граница между галлюцинациями и реальностью становится теперь чем-то вроде галлюцинации. Или я слишком серьезно воспринимаю свои сны? Но, например, у племени сенои, обитающего на полуострове Малайя, можно почерпнуть на эту тему немало любопытного (см. статью Килтона Стюарта[177] *Dream Theory in Malaya* в сборнике под редакцией Чарльза Т. Тарта *Altered States of Consciousness*). Во сне мне показали, что слово «Иисус» — это шифр, неологизм, а вовсе не реальное имя: те древние читатели, что были эзотериками (как, возможно, кумраниты), видели в «Иисусе» комбинацию имен «Загрей» и «Зевс». Шифр по методу подстановки — кажется, так это называется. В наше время люди обычно не придают значения таким снам, да и вообще любым снам — и не поверят, пока какое-нибудь

[177] Примечания: 177

Килтон Р. Стюарт (1902–1965) — американский антрополог и психотерапевт. Во время своих путешествий занимался полевыми исследованиями психологии сна в разных культурах мира.

всамделишное существо, например, мощный искусственный интеллект, не изложит им точную информацию и не предъявит доказательства. Но однажды, заглянув в один справочник, чтобы проверить, как пишется слово, я вдруг обнаружил два очень похожих текста: один все мы знаем, им завершается наше священное писание, Новый Завет: «…Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (Откровение Иоанна Богослова, глава 22, стих 16; Иисус свидетельствует о себе). И второй:

Средь всех земных дерев

Пасет он стадо свое, питает корень за корнем,

Бог-радость Дионис, чистая звезда,

Сияющая среди сбора плодов

(Пиндар; любимое четверостишие Плутарха; около 430 г. до н. э.)

Что проку в именах? Он — бог опьянения, бог

священных грибов (см. Джон Аллегро[178]) и вина, бог шуток, от которых хохочешь до слез, забыв обо всем, как над простенькими немыми комедиями. В одной короткой строфе Пиндара — и стадо, и деревья, да к тому же и два основных символа Иисуса, по которым узнают его эзотерики: корень и звезда.

Упоминание «корня и звезды», возможно, указывает на пространственное измерение так же, как слова «Я есмь Альфа и Омега» — на временное: то и другое означает «первое и последнее». «Корень и звезда» указывают: из хтонического мира — вверх, со звездных небес — вниз. Но в этой звезде, яркой утренней звезде, я вижу и нечто иное: «Сигнал, что для человека наступает весна, — сигнал, идущий с другой звезды». У нас есть друзья, они не на Земле; об этом сказал нам Он, звезда светлая и утренняя — звезда любви.

---

[178] Примечания: 178

Джон М. Аллегро (1923–1988) — английский археолог и филолог, исследователь гностических свитков Мертвого моря. На русском языке издана его книга «Сокровища медного свитка». Дик же имеет в виду другую книгу, стоившую Аллегро карьеры, но и обессмертившую его имя, — «The Sacred Mushroom and the Cross» («Священный гриб и крест: Исследование природы и истоков христианства в контексте культов плодородия древнего Ближнего Востока»). См. также роман Дика «Трансмиграция Тимоти Арчера».

Если этот мир тебя не устраивает, поищи другие! (1977)

Прежде всего позвольте сказать: я глубоко ценю то, что вы попросили меня поделиться с вами своими идеями. Писатель постоянно таскает с собой примерно то же, что носят женщины в своих сумочках: по большей части бесполезный хлам, несколько очень важных предметов и еще значительное количество, подпадающее под категорию «ни то ни се». Однако писатель не носит все это с собой физически: все его пожитки — в голове. Время от времени к старым бесполезным идеям добавляется новая, тоже совершенно бесполезная; время от времени он неохотно наводит порядок — откладывает в сторону те идеи, что точно не пригодятся, и, пролив скупую слезу, отправляет их в мусорное ведро. Но иногда, в какой-то великий день и час, ему случается набрести на потрясающую, совершенно новую идею — которая, как он надеется, окажется новой и для читателей. Эта последняя категория и оправдывает его существование. Такие поистине

бесценные идеи… за всю жизнь их наберется жалкая горсточка, однако и этого хватит; и этой горсточкой оправдано его бытие перед самим собой и перед Богом.

Странная сторона этих редких, экстраординарных идей, всегда ставящая меня в тупик, — это то, как они умеют напускать туману, я бы сказал, на очевидное. Вот что я имею в виду: едва идея возникает, или появляется, или рождается на свет — или что еще делают новые идеи, — писатель говорит себе: «Ну разумеется! Как же я много лет назад этого не заметил?». Обратите внимание: «не заметил». Это ключевое слово. Он набрел на нечто новое, что в то же время всегда было здесь. В сущности, оно просто вынырнуло на поверхность. А было *всегда.* Писатель не изобрел идею, даже не нашел: в каком-то очень реальном смысле это она его нашла. И даже — хотя эта мысль немного пугает — не он изобрел ее, а наоборот, она его изобрела. Как будто идея создала его ради своих целей. Думаю, отсюда тот поразительный и хорошо известный феномен: довольно часто в истории случается, что одна и та же великая новая идея приходит в голову сразу нескольким исследователям или мыслителям, не знающим друг о друге. «Значит, пришло ее время», — говорим

мы об идее и успокаиваемся, словно это что-то объясняет. Такими трюизмами отмахиваемся мы от кое-чего, на мой взгляд, очень важного: от признания, что в определенном смысле идеи — живые.

А что это значит — сказать, что идея или мысль живая? Что она овладевает людьми здесь и там и использует их, чтобы воплотиться в потоке нашей общей истории? Быть может, правы были философы-досократики: космос — единое огромное существо, которое умеет думать. Возможно, оно ничего больше не делает, только думает. В таком случае то, что мы называем вселенной, — либо своего рода маскировка для него, либо же каким-то образом оно и есть вселенная: разные варианты пантеизма, мой любимый, пожалуй, тот, где оно мимикрирует под обыденность, искусно притворяется ею, так что мы ничего, кроме обыденности, и не замечаем. Таков взгляд древнейшей религии Индии, а также — до некоторой степени — Спинозы и Альфреда Норта Уайтхеда: концепция имманентного Бога, Бога внутри вселенной, а не трансцендентного Бога, находящегося где-то над ней и, следовательно, являющегося ее частью. Здесь применимо суфийское изречение: «Мастер невидим в своей

мастерской»[179]. Мастерская — вселенная, мастер — Бог. Но здесь выражено и теистическое убеждение, что вселенная создана Богом; меж тем, как я и сказал, вполне возможно, что Бог ничего не творит — он (она, оно) просто есть. И в нем (ней) мы проводим жизнь, постоянно задаваясь вопросом, где же его (ее, оно) найти.

Несколько лет я с удовольствием рассуждал таким образом. Бог всегда под рукой, как куча мусора в баке, — строго говоря, Бог и есть этот мусор. Но однажды мне пришла в голову дурная мысль — дурная, ибо она подорвала этот стройный пантеистический монизм, которым я так гордился. Что, если (сейчас вы узнаете, откуда берет свои сюжеты, по крайней мере, один писатель-фантаст) — что, если существует множество вселенных, расположенных на своего рода боковой оси, идущей, так сказать, под прямым углом к течению линейного времени? Должен признать, поначалу эта мысль поразила меня своей блистающей абсурдностью: десять тысяч тел Божьих висят рядком, словно костюмы в каком-то гигантском шкафу, а Бог то ли носит их все, то ли придирчиво выбирает, какое надеть сегодня:

---

[179] Примечания: 179
Дик цитирует Руми.

«Пожалуй, сегодня подойдет тот мир, где войну выиграли Германия и Япония, — говорит он себе, а потом прибавляет вполголоса: — А завтра надену тот симпатичный, в котором Наполеон разбил англичан: уж очень он мне нравится!»

В самом деле, звучит нелепо — от этого и основная идея кажется полной чепухой. Но давайте представим себе «шкаф, полный костюмов» немного иначе и скажем: «Что, если Бог примерит один костюм, а потом, по каким-то одному лишь ему известным причинам, *передумает*?» Используя все ту же метафору, решит, что костюм, который на нем сейчас, его не устраивает… тогда вышеупомянутый шкаф, набитый костюмами, окажется своего рода прогрессивной *последовательностью* миров, каждый из которых можно достать, примерить, поносить, а потом отбросить ради другого, получше. В этом пункте у нас, пожалуй, возникнет вопрос: «А что почувствует внезапно выброшенный костюм — внезапно покинутая вселенная? Что она переживет?» И следующий, более важный: что испытают — *если что-то испытают* — живые существа в этой вселенной? Видите ли, есть у меня смутная догадка, что такое в самом деле случается. И еще одна: что, случись такое, бесчисленные триллионы живых

существ решат — хоть и неверно, — что не пережили *ничего,* что для них ничего не изменилось. Подобно элементам *нового* костюма, они будут воображать, что их носили всегда и продолжают носить, что от начала мира они были такими же, как сейчас, и все их воспоминания будут подтверждать правильность этого субъективного впечатления.

Мы привыкли считать, что перемены происходят на линейной временной оси: от прошлого к настоящему и к будущему. Настоящее — это приумноженное прошлое, оно отлично от прошлого. Будущее станет приумноженным настоящим и тоже будет от него отличаться. То, что существует ортогональная временная ось, расположенная под прямым углом к нашей, некая боковая область, в которой тоже происходят перемены, — так сказать, по бокам реальности, — нам почти невозможно вообразить. Как воспринимать такие латеральные перемены? Как мы их почувствуем? Если мы захотим проверить эту причудливую теорию, на какие признаки обращать внимание? Иными словами, как вообще перемены — в каких бы то ни было степенях и объемах — могут происходить вне линейного времени?

Что ж, давайте рассмотрим любимую тему христианских мыслителей: понятие вечности. Это понятие, говоря исторически, когда-то было великой новой идеей, принесенной в мир христианством. Мы вполне уверены, что вечность существует — что слово «вечность» означает что-то реальное, в отличие, например, от слова «ангелы». Вечность — это просто состояние, в котором ты свободен от времени, каким-то образом выходишь из него и поднимаешься над ним. Нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего: только чистое онтологическое бытие. «Вечность» — не слово, означающее очень долгое время; это то, в чем времени нет. Но позвольте спросить: происходят ли там, вне времени, какие-либо перемены? Если вы ответите: «Да, вечность не статична, время от времени в ней что-то случается», — я покровительственно улыбнусь и замечу, что вы вводите в вечность понятие времени. Само понятие «время» и означает — или постулирует, если хотите, — то условие, состояние, поток, да что угодно, в котором происходят перемены. Нет времени — нет и перемен. Вечность статична. Но если вечность статична, она даже хуже, чем нестерпимо скучна: она невообразимо мала, словно геометрическая точка, бесконечность

которой определяется бесконечным количеством проходящих через нее прямых. Так что, рассматривая свою теорию ортогональных или латеральных изменений, я защищаю ее так: «По крайней мере, в интеллектуальном смысле это не большая чушь, чем идея вечности». А о вечности говорят все, независимо от того, собираются ли что-то с ней делать.

Позвольте предложить вам одну метафору. Допустим, у нас есть очень богатый любитель живописи. Каждый день слуги вешают у него в гостиной, над камином, новую картину — каждый день новый шедевр, день за днем, месяц за месяцем, — изо дня в день уносят «использованную» и заменяют ее другой, новой. Этот процесс я назову изменениями по линейной оси. А теперь предположим, что у слуг кончились картины. Что же им делать? Оставить висеть ту, что висит сейчас, нельзя: хозяин приказал менять картины каждый день. Нельзя оставить эту, не выйдет заменить ее другой; и тогда слуги придумывают необычную хитрость. Пока хозяин не смотрит, они искусно дописывают картину на стене. Тут добавляют к ней девочку, там дерево; одно дорисовывают, другое закрашивают: та же самая картина начинает выглядеть по-другому и стано-

вится в каком-то смысле новой — но и не новой, поскольку не была заменена. Хозяин входит после ужина в гостиную, садится перед камином и начинает рассматривать то, что, согласно его ожиданиям, должно быть новой картиной. Что же он видит? Разумеется, не то же, что видел раньше. Но и не… и здесь мы начинаем сочувствовать этому, по всей видимости, туповатому миллионеру, ибо прямо видим, как плавятся у него мозги. «Да, — говорят его нейроны, — эта картина новая — она не та же, что была вчера. Но в то же время на каком-то глубоком, интуитивном уровне я чувствую, что она та же самая… чувствую, что я ее уже видел! Однако я, кажется, помню дерево — а здесь дерева нет…» Теперь, если перцептивное и интеллектуальное замешательство этого человека мы экстраполируем на мою теоретическую гипотезу о латеральных переменах, вы лучше поймете, что я имею в виду. Как минимум, до некоторой степени вам станет ясно: того, о чем я говорю, может и не быть — я ведь это выдумал, — но теоретически оно вполне способно существовать. Здесь нет интеллектуального самопротиворечия.

Как писателя-фантаста, меня тянет к таким идеям: в нашей области, разумеется, все знакомы

с идеей «альтернативной вселенной». Некоторые из вас, уверен, читали мой роман «Человек в Высоком замке». Там описан альтернативный мир, в котором Германия, Япония и Италия выиграли Вторую мировую войну. Есть момент, когда главный герой, господин Тагоми, каким-то образом переносится в *наш* мир, где страны Оси проиграли. В нашем мире он оставался очень недолго, едва понял или догадался, что произошло, в ужасе рванул обратно в свою вселенную — и больше об этом не думал; для него, как для японца, наша вселенная оказалась хуже привычной. А вот для еврея она была бы бесконечно лучше — по очевидным причинам.

В «Человеке в Высоком замке» я не даю никакого объяснения тому, как и почему господин Тагоми проскользнул в нашу вселенную; он просто сидел в парке, рассматривал современное ювелирное украшение в абстрактной манере — сидел и смотрел, сидел и смотрел, а потом поднял глаза и вдруг увидел, что он в другой вселенной. Я не стал объяснять, как и почему это произошло, потому что не знаю — а искусственных «объяснений» не терплю. Да здесь и не может быть объяснения, ведь все мы понимаем, что сама эта идея — просто завязка для фантастического

романа: ни одному человеку в здравом уме и в голову не придет хоть на миг вообразить, что такие альтернативные вселенные существуют на самом деле. Но давайте представим, хоть интереса ради, что существуют. Тогда как они связаны друг с другом — да и связаны ли вообще (и могут ли быть связаны)? Например (мне кажется, это очень важный вопрос), они полностью отделены друг от друга или кое-где пересекаются? Ведь если они пересекаются, то у проблем типа: «Где они существуют?» или: «Как попасть из одной в другую?» — появляется возможное решение. Попросту говоря, я хочу сказать вот что: если они в самом деле существуют и если в самом деле пересекаются, то мы можем в самом буквальном, самом реальном смысле в каждый момент времени обитать одновременно в нескольких мирах. И хотя все мы видим друг друга одинаково, как живых людей, которые ходят, говорят, действуют и т. д., — некоторые из нас могут в большей степени пребывать во Вселенной-Один (или на Дорожке Номер Один), другие — во Вселенной-Два, и так далее. Может быть, дело не в том, что различаются наши субъективные впечатления от мира, а в наложении друг на друга, в пересечении множества миров, так что, возможно, наши

миры отличаются не субъективно, а объективно. А различия в нашем восприятии — уже *следствие* этого. Здесь добавлю еще одно предположение, которое меня завораживает: возможно, некоторые из этих наложенных друг на друга миров уходят из бытия, скользят вниз по латеральной оси, о которой я уже говорил, — а другие, быть может, движутся вверх, к более полному бытию. Эти процессы могут происходить одновременно и совсем не в линейном времени. То, о чем мы здесь говорим, — скорее *преображение*, своеобразная метаморфоза, которую глазами не увидишь. Но она очень реальна. И очень важна.

Размышляя над этой возможностью латерального расположения миров, множества наложенных друг на друга Земель, расположенных вдоль некоей оси, по которой человек может двигаться — неким таинственным образом путешествовать от плохого к терпимому, от терпимого к хорошему, от хорошего к прекрасному, — размышляя об этом в богословском ключе, быть может, стоит сказать, что здесь для нас внезапно проясняются краткие и загадочные речения Христа о Царстве Божьем и о том, где оно находится. Кажется, что на этот вопрос он давал противоречивые, сбивающие с толку ответы. Но представьте, просто

представьте себе на минуту, что причина этого затруднения — не в желании с его стороны нас запутать или что-то скрыть, а в неадекватности вопроса. Говорят, он отвечал: «Царство мое не от мира сего», и еще: «Царство внутри вас». Или, возможно, «среди вас». Подумайте вот о какой возможности — от нее у меня захватывает дух: быть может, он имел в виду именно то, о чем я говорю как о латеральной оси перекрещивающихся реальностей, содержащей в себе весь спектр возможностей бытия, от неописуемо скверных до прекрасных. И Христос снова и снова повторял: объективных реальностей на самом деле много, они взаимосвязаны, живые люди (а не мертвецы) могут каким-то образом переходить из одной в другую — и самые прекрасные из этих миров и есть Царство Праведности, где правит Он Сам, или Бог, или они оба. Он говорил не просто о разнообразии субъективных *взглядов* на один и тот же мир: нет, Царство и было, и остается по-настоящему другим местом, в конце того спектра, что начинается с рабства и невыносимой боли. Его миссия была в том, чтобы открыть ученикам тайну путешествий по этой ортогональной тропе. Он не просто сообщал, что есть иные миры, — он учил, как туда попасть. Но этот секрет был тра-

гически утерян. Его уничтожил враг — римская власть. Так что мы его не знаем. Но можем открыть вновь — теперь, когда знаем, что секрет существует.

Возможно, это разрешает споры вокруг того, будет ли Царство Праведности когда-нибудь установлено здесь, на Земле, или это место или состояние, куда мы отправляемся после смерти. Уверен, вам не нужно объяснять, что на протяжении всей истории христианства эта проблема оставалась фундаментальной — и неразрешенной. И Христос, и апостол Павел, судя по всему, не устают подчеркивать: явление Царства будет выглядеть как неожиданный прорыв в наше время, в наш мир, воинства Божьего. Затем, после волнующих и драматических событий, установится праведное Царство, тысячелетний рай — по крайней мере, для тех, кто выполнил домашнее задание и был внимателен на уроке… кто не уснул, как сказано об этом в одной притче. Новый Завет неустанно призывает нас к бдительности: для христианина, говорит он, всегда день, всегда свет, чтобы мы могли увидеть это событие, когда оно произойдет. *Увидеть это событие.* Неужели множество людей, которые уснули, были слепы или просто невнимательны — даже когда оно

произойдет, его *не увидят?* Подумаем о значении этой мысли. Царство придет неожиданно (это всегда подчеркивается): праведники и верные его увидят, поскольку для них всегда день, а вот для остальных… кажется, здесь выражена парадоксальная мысль — вслушайтесь в нее и вдумайтесь: для тех, кто в Царство не войдет, оно останется невидимым. Я предлагаю эту идею, поскольку, говоря более современным языком, она означает, что некоторые из нас переместятся по латеральной оси в лучший мир, а некоторые нет; они будут прикованы к своему месту, и для них, в их альтернативный мир, Царство не придет. Но в то же время придет в наш. Получится, что оно сразу и здесь, и не здесь. Поразительно, правда?

Спросите себя, какое событие возвещает о наступлении или восстановлении Царства? Разумеется, не что иное, как Второе Пришествие, возвращение Самого Царя. Следуя моему рассуждению о существовании нескольких миров, расположенных на латеральной оси, сделаем следующий шаг: «А может, оно уже свершилось именно так, как было предсказано в Новом Завете — при жизни тех, кто застал Иисуса, в век Апостолов?» Знаете, мне очень нравится эта мысль! Какая идея для романа: альтернативная

Земля, на которой *Парусия* состоялась, скажем, где-нибудь около 70 года н. э. Или, например, в средневековую эпоху, скажем, во время Катарских войн… право, отличная мысль для романа об альтернативном мире! Главный герой каким-то образом переносится из нашей вселенной, где Второго Пришествия не произошло (или еще не произошло) — туда, где оно свершилось много сот лет назад.

Но если вы помните мое предположение о том, что альтернативные миры перекрещиваются, и допускаете (как и я), что миров может быть не три, а триста или три тысячи и что некоторые из нас живут в одном, другие в другом, третьи в третьем… и события, происходящие на одной «дорожке», не могут быть восприняты теми, кто обитает на других, — что ж, тогда позвольте сказать то, что хочу, и с этим покончить. Мне кажется, однажды я ощущал мир, в котором Спаситель вернулся. Только очень недолго. Сейчас я не там. Даже не уверен, что я там был. И уж точно никогда больше туда не попаду. Я скорблю об этой потере; каким-то образом я сумел на несколько мгновений сдвинуться по латеральной оси, а потом меня дернуло назад, и все закончилось. Растаяли и гора, и ручей, и звон колоколов. Все

ушло для меня, ушло навсегда.

В своих рассказах и романах я часто пишу о мирах поддельных, полуреальных, о безумных личных мирах, иногда населенных одним-единственным человеком — в то время как другие персонажи либо на протяжении всей книги остаются в своих мирах, либо каким-то образом попадают в этот. Эта тема постоянно звучит в течение всех двадцати семи лет моего творчества. Ни разу я не давал теоретического или сознательного объяснения этому своему увлечению многообразными псевдомирами, — но теперь, кажется, понимаю. То, что я ощущал, была множественность частично актуализированных реальностей, соприкасающихся с той, по-видимому, самой актуализированной, которую большинство из нас, *consensus gentium*[180], называет «нашей».

Вначале я исходил из того, что различия между этими мирами вызваны исключительно субъективной разницей в человеческом мировосприятии, однако скоро задался вопросом, не может ли за этим стоять нечто большее. Что, если в самом деле существует множество реальностей,

---

[180] Примечания: 180
Общее согласие (*лат.*).

наложенных друг на друга, словно слои прозрачной пленки? Однако все еще не могу взять в толк, каким образом актуализируется одна реальность из многих, в противовес остальным. Быть может, на самом деле не актуализована ни одна? Или это, опять-таки, зависит от того, что достаточное число людей согласится именно эту реальность считать настоящей? Но более вероятно, что мир-матрица, лежащий в сердцевине бытия, подчиняется Программисту. Он или оно выражает — можно сказать, распечатывает — выбор матрицы и наполняет его реальным содержимым. Сущность или сердцевину реальности — то, что и до какой степени она принимает в себя и делает своим — определяет Программист: этот отбор и перебор — часть творения или построения мира, которое, судя по всему, и является его задачей. Или же, возможно, его задачей является разрешение некоей проблемы или проблем — другими словами, процесс спасения.

Да, несомненно, он должен решать проблемы, репрограммируя переменные вдоль по линейной оси нашей вселенной, порождая, таким образом, ветвящиеся латеральные миры. Чтобы понять, как это происходит, мне кажется, очень полезен образ шахматной доски. Напро-

тив Программиста-Репрограммиста сидит некое противостоящее ему существо, тот, кого Джозеф Кэмпбелл называет «темным игроком». Бог, Программист-Репрограммист, внося свои улучшения, борется не с инертной материей: ему противостоит искусный противник. Допустим, перед нами шахматная доска — пространственно-временная вселенная: темный игрок делает ход — создает в реальности некую ситуацию. Поскольку он темный, исполнение его желаний станет тем, что мы переживаем как зло: остановка роста, власть *лжи*, смерть и разложение живого, тюрьма нерушимых причин и следствий. Однако Программист-Репрограммист *уже* нанес ответный удар: все ходы с его стороны уже сделаны. «Распечатка», которую мы воспринимаем как исторические события, проходит через различные стадии диалектического взаимодействия тезиса и антитезиса, в которых сталкиваются силы игроков. Очевидно, в некоторых синтезах побеждает темный игрок — и все же нет, благодаря тому, что наш великий Защитник уже выбрал переменные, изменение которых принесет ему конечную победу. Выиграв очередную партию, он забирает к себе некоторых из нас, принимавших в ней участие. Вот почему люди инстинктивно молят:

«*Libera me Domine*»[181] — эта молитва расшифровывается так: «О Программист, одерживающий одну победу за другой, извлеки меня из сетей этого мира и включи в свой триумф. Передвинь меня по латеральной оси, не бросай здесь!» Быть брошенным здесь здесь — значит остаться под властью злокозненной силы, стать ее добычей. Но эта злая сила, как бы ни ярилась, уже проиграла — проиграла в самый момент своего торжества; этот «темный игрок» слеп, и Программист-Репрограммист всегда опережает его на много шагов.

Великий средневековый арабский философ Авиценна писал, что, по-видимому, Бог видит время не так, как мы, т. е. для него нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Если предположить, что Авиценна прав, давайте вообразим ситуацию, в которой Бог из той точки, где он существует (где бы это ни было), решает вмешаться в наш пространственно-временной мир, т. е. ворваться из своей безвременной реальности в человеческую историю. Но если перед ним открыта вся реальность, он легко может войти в любую ее точку — не только в наше настоящее или будущее, но и

[181] Примечания: 181

«Libera me, Domine, de morte aeterna» — «Избавь меня, Господи, от вечной смерти» (*лат.*), заупокойная молитва, читаемая в католической, англиканской и лютеранской церквях.

в то, что для нас уже стало прошлым. В точности как шахматист, взирающий на доску, может передвинуть любую фигуру, как пожелает. Следуя рассуждению Авиценны, мы можем сказать, что Бог, желая, например, совершить Второе Пришествие, не нуждается в том, чтобы ограничивать это событие временны́ми рамками нашего настоящего и будущего: он может ворваться в прошлое — иными словами, изменить нашу прошедшую историю и сделать так, чтобы это уже произошло. То же верно для любого изменения, какого он пожелает, большого или малого. Предположим, что какое-то событие, произошедшее в нашем 1970 году н. э., не отвечает представлениям Бога о том, как все должно быть. Он может его удалить, исправить, улучшить — внести любые изменения в любой точке нашего линейного времени. В этом его преимущество над темным игроком.

Мне думается даже, что такие изменения, сотворение или отбор все новых вариантов «альтернативного настоящего», происходят постоянно. Сам факт, что мы можем осознать такую возможность, задуматься над ней, даже поиграть с этой идеей — первый шаг к тому, чтобы научиться различать сами эти процессы. Впрочем, сомневаюсь в возможности для нас когда-нибудь

по-настоящему показать или научно доказать, что такие латеральные процессы действительно имеют место. Быть может, все, что нам доступно: обрывки памяти, ускользающие впечатления, сны, туманные догадки… — все должно быть както иначе, не в прошлом, а *прямо сейчас.* Порой мы рефлекторно тянемся к выключателю в ванной, но вдруг обнаруживаем, что он — всегда был — совсем в другом месте. Или тянемся включить вентилятор в машине, где нет вентилятора, — рефлекс, оставшийся от предыдущего настоящего, все еще действующий на подкорковом уровне. Порой нам снятся люди или места, которых мы никогда не видели, но так живо, словно мы прекрасно их знаем. Но даже если найдется время над этим задуматься, мы попросту не знаем, что с этим делать. Одно очень ясное ощущение приходит ко многим из нас снова и снова и никогда не находит себе объяснений: острая, абсолютная уверенность, что все это с нами уже было, что мы, так сказать, уже проживали этот момент или эту ситуацию — но когда? О прошлом тут говорить не приходится — очевидно, здесь все в настоящем. Но мы остро чувствуем, что проживаем это настоящее повторно, в мельчайших деталях — те же слова слышим, те же слова сами произносим…

Мне думается, эти впечатления имеют значение и нас не обманывают. Скажу даже вот что: такое ощущение — ключ к некоей точке в прошлом, когда была изменена (репрограммирована, так сказать) какая-то переменная и от латеральной оси ответвился, актуализировался вместо предыдущего новый альтернативный мир; так что мы и вправду, в самом буквальном смысле вновь проживаем тот же самый сегмент линейного времени. Что-то поменяли, заменили какую-то деталь, подкрутили гайки — но не в нашем настоящем, а раньше, в нашем прошлом. Очевидно, такое изменение оказывает на людей, которых оно касается, своеобразное действие: они как бы отступают на клетку или на несколько клеток назад на шахматной доске, составляющей нашу реальность. И такое, быть может, происходит бесчисленное множество раз с бесчисленным множеством разных людей, по мере того как меняются все новые переменные. Нам приходится проживать каждое перепрограммирование вдоль по оси линейного времени, но для Программиста, которого мы именуем Богом, — для него результаты каждого репрограммирования очевидны сразу. Мы живем во времени, а он — нет. Возможно, с этим же связаны воспомина-

ния некоторых людей о прошлых жизнях. У них действительно были другие жизни, но не в прошлом; свои предыдущие жизни они проживали в настоящем. В настоящем, которое, быть может, повторяется бесконечно, как стрелки на часах вновь и вновь обегают один и тот же круг, — но мы не знаем об этом или, быть может, лишь смутно подозреваем.

Итак, поскольку при каждом столкновении тезиса темного игрока и антитезиса божественного Программиста высекается новый синтез, и поскольку, возможно, при этом каждый раз рождается новый латеральный мир, и поскольку, как я полагаю, каждый синтез или разрешение проблемы является в какой-то степени победой Программиста, выходит, что каждый новый мир должен быть лучше — нет, не предыдущего, лучше всех иных латентных или просто возможных исходов. Он лучше, но ни в коей мере не совершенен — то есть не окончателен. Это просто еще одна ступень процесса. Ясно видится мне вот что: Программист постоянно использует предыдущую вселенную как гигантскую груду кирпичей для нового синтеза, так что предыдущая вселенная всегда отличается элементом хаоса или *аномии* по отношению к зарождающемуся новому кос-

мосу. Следовательно, бесконечный процесс рождения альтернативных миров, появляющихся и насыщающихся актуализацией, противостоит энтропии, хотя конкретных проявлений этого нам увидеть не дано.

В романе «Убик» я описываю движение по ретроградной оси энтропии, однако не в образах разложения и распада, как можно было бы ожидать, а как возвращение к Платоновским идеям. Возможно, нормальное движение вперед по этой оси, против энтропии, движение накопления и совершенствования, осуществляется по тому направлению, которое я назвал латеральным; иначе говоря, это движение в ортогональном, а не линейном времени. Если так, выходит, что в «Убик» я, сам того не зная, вложил скорее научную, чем философскую идею. Впрочем, это лишь догадка. Хотя фантасту случается порой говорить больше, чем знает его сознание.

Мы слепы к этой иерархии формы, развивающейся с каждым новым синтезом, поскольку не подозреваем о существовании низших, неактуализированных миров. Этот процесс взаимодействия, постоянно формирующий новое, вместе с тем отбрасывает каждую использованную ступень. То прошлое, которым обладаем мы

в каждый конкретный момент настоящего, двойственно, но сомнительно: у нас есть внешние, объективные следы прошлого, «встроенные» в настоящее, — и есть внутренние воспоминания. Но и то, и другое несовершенно: это лишь обрывки реальности, и отнюдь не сохраненные в неприкосновенности. То, что мы храним — и вокруг себя, и в собственном сознании, — легко может увести на ложный путь. Такова природа появления подлинно нового: если оно и вправду новое — оно должно так или иначе уничтожать старое, то, что было прежде него. И особенно то, что так и не начало вполне быть.

В этом пункте нам понадобится свидетель: человек, который как-то — не так уж важно, как — сумел сохранить воспоминания об ином настоящем, скрытые впечатления альтернативного мира, в чем-то заметно отличные от воспоминаний и впечатлений мира здешнего, актуализированного. Согласно моим теоретическим представлениям, почти наверняка тот мир будет хуже нашего. Неразумно полагать, что Бог Программист-Репрограммист станет заменять лучший мир худшим — будь то в плане свободы, любви, красоты, порядка, здоровья или любых других наших стандартов. Когда механик чинит

вашу машину — он исправляет поломку, а не ломает дальше; и писатель, переписывая набело роман, не ухудшает его, а старается улучшить. Должно быть, чисто теоретически возможны аргументы за то, что Бог зол или безумен и поэтому может заменить лучший мир худшим, — но, честно говоря, не могу принять эту идею всерьез. Так что давайте оставим это. Итак, позвольте задать вопрос: есть ли у кого-нибудь из нас смутные воспоминания о Земле примерно 1977 года, но заметно хуже, чем наша Земля? Видят ли наши юноши видения, снятся ли нашим старцам сны?[182] Особенно кошмары — о мире порабощения и зла, о тюрьмах, узниках и вездесущей полиции? Мне снятся. Роман за романом, рассказ за рассказом я излагал эти сны на бумаге: назову две книги, в которых это уродливое «былое настоящее» проступило особенно ярко — это «Человек в Высоком замке» и роман 1974 года о США как полицейском государстве «Пролейтесь, слезы».

Буду с вами вполне откровенен: оба романа я писал на основе обрывочных воспоминаний о кошмарном мире рабства или насилия — или, может быть, неверно говорить здесь «мир», а

---

[182] Примечания: 182
Библейская аллюзия, ср. Деян. 2:17.

лучше сказать «США», ибо в обоих я писал о своей родине.

В «Человеке в Высоком замке» есть писатель Готорн Абендсен, написавший роман об альтернативном мире, в котором Германия, Италия и Япония *проиграли* Вторую мировую войну. В конце «Человека в Высоком замке» на пороге у Абендсена появляется женщина и сообщает то, чего он не знал: его роман — правда, Страны Оси действительно проиграли. Ирония такого финала (Абендсен узнает, что то, что он считал собственной выдумкой, истинно) сбылась со мной: мой собственный роман «Человек в Высоком замке», казалось бы, придуманный мною от начала и до конца, оказался вовсе не вымыслом — точнее, слава Богу, стал вымыслом *теперь*. Но в былом настоящем был альтернативный мир, в котором реализовалась именно эта временная дорожка — реализовалась, а затем была отброшена с помощью вмешательства в прошлое. Уверен, сейчас, слушая меня, вы не верите — и даже не верите, что я верю в это сам. Однако это правда. У меня сохранились воспоминания об этом другом мире. Вот почему вы снова с ним встречаетесь в моем более позднем романе «Пролейтесь, слезы». Мир «Слез» — всамделишный (по крайней мере, когда-

то реально существовавший) альтернативный мир, и я помню его во всех подробностях. Не знаю, кто еще его помнит. Может, и никто. Может, все вы всегда были здесь. Но я — нет. В марте 1974 года я начал вспоминать, уже сознательно, а не подсознательно, мир — полицейское государство, мир — Черную Железную Тюрьму. Записывать то, что вспомнил, мне не требовалось — я и так всю жизнь об этом пишу. Однако как поразительно — вдруг вспомнить, что все это было на самом деле! Поставьте себя на мое место! В романе за романом, в рассказе за рассказом на протяжении двадцати пяти лет снова и снова я писал об одном и том же мрачном месте. А в марте 1974 понял, зачем в своем творчестве постоянно возвращаюсь к этому миру, почему так хорошо представляю себе все его детали. По самым серьезным причинам. Мои романы и рассказы были автобиографическими, хоть я этого и не понимал. Возвращение памяти… это был самый необыкновенный опыт в моей жизни. Или, пожалуй, лучше сказать «в моих жизнях» — ведь у меня их было по меньшей мере две: одна там, другая здесь, где мы сейчас.

Могу даже рассказать, что заставило меня вспомнить. В конце февраля 1974 года мне дали

пентотал натрия[183], чтобы выдернуть вросший зуб мудрости. Позже в тот же день, когда я вернулся домой, но был все еще глубоко под воздействием пентотала натрия, память вдруг вернулась. Острой яркой вспышкой, все в один миг. Поначалу я ее отверг — но, и отвергая, уже понимал, что нечто, вернувшееся ко мне в форме пробуждения воспоминаний, истинно. А потом, в середине марта, начал возвращаться весь корпус воспоминаний, целый и неповрежденный. Можете верить мне, можете не верить, но, пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно: я вас не разыгрываю. Люди нередко вспоминают прошлые жизни; а я вспомнил жизнь другую — но *в настоящем.* Не знаю никого, кто рассказывал бы о подобном прежде, хотя подозреваю, что мой опыт не уникален; быть может, уникально лишь то, что я готов об этом рассказать.

Если вы до сих пор меня слушаете, то, надеюсь, не откажетесь послушать еще чуть-чуть. Я хотел бы поделиться с вами тем, что узнал — почерпнул — из заблокированных воспоминаний. В марте 1974 года — нет, переменные были репрограммированны гораздо раньше, видимо, их изменение

[183] Примечания: 183

Тиопентал натрия — препарат для внутривенного наркоза, действует очень быстро.

относится к концу сороковых, — но в марте 1974 года по крайней мере одна, а может, и несколько из этих новых переменных, размещенных в прошлом, сработали и дали результат. То, что произошло в марте-августе 1974, стало результатом по крайней мере одной репрограммированной переменной, заложенной на оси линейного времени лет за тридцать до того и запустившей цепочку событий, кульминацией которых стало то, что вы, несомненно, согласитесь признать событием уникальным, чрезвычайной важности: смещение с должности президента США Ричарда Никсона вместе со всеми, кто был с ним заодно. В альтернативном мире, который я помню, движение за гражданские права, как и антивоенное движение 1960-х, потерпело крах. И, очевидно, Никсон не потерял власть в середине 1970-х. Те, кто ему противостоял (если там остался хоть кто-то, кто ему противостоял), ничего не могли сделать. Следовательно, в этот мир необходимо было ретроактивно ввести один-два фактора, способные в будущем привести к свержению тирании. Прочтите мой роман «Пролейтесь, слезы», держа в уме, что написан он в 1970 году, а опубликован был в феврале 1974, и постарайтесь мысленно реконструировать те события, что

должны были произойти — или не произойти — чтобы наше ближайшее будущее стало таким, как описано в книге. Одна маленькая, но критически важная тема звучит в этом романе (кажется) дважды. Она связана с Никсоном. В мире будущего, описанном в «Пролейтесь, слезы», в этой кошмарной рабской стране, существующей, судя по всему, уже несколько десятилетий, Ричарда Никсона вспоминают как величайшего, героического вождя — даже именуют его «Вторым Единородным Сыном Божьим». Из этой и из многих других подсказок очевидно, что «Пролейтесь, слезы» описывает не наше будущее, а настоящее мира, *альтернативного* нашему. Во время, когда происходит действие «Пролейтесь, слезы», чернокожие стали вымирающим «видом», их охраняют, «как венценосных журавлей». В романе на улицах городов США редко можно встретить черного. Однако дата, указанная в «Пролейтесь, слезы» — 1988 год — всего на одиннадцать лет отстоит от нашего настоящего. Очевидно, фашистский геноцид против чернокожих в США начался в моем романе задолго до 1977 года; на это указывали мне многие читатели. Один указал даже, что внимательное чтение «Пролейтесь, слезы» не только открывает, что действие происходит в

альтернативном мире, но и позволяет догадаться, что в конце романа главный герой, Феликс Бакмэн, похоже, каким-то загадочным образом проскальзывает в иной мир, где чернокожих *не* уничтожали. В начале романа нам сообщают, что чернокожим парам запрещено иметь более одного ребенка; а в конце чернокожий на круглосуточной заправке гордо достает бумажник и показывает генералу полиции Бакмэну фотографии своих *троих* детей. Открытость, с которой этот человек показывает фото совершеннейшему незнакомцу, показывает, что по какой-то странной и необъяснимой причине иметь нескольких детей чернокожим семьям больше не запрещено. Похоже, не только господин Тагоми на короткое время попал в наше альтернативное настоящее; то же произошло и с генералом Бакмэном в «Пролейтесь, слезы». Из текста понятно даже, когда и где это случилось. Сразу перед тем, как он приземлился на круглосуточной заправке и встретился с этим чернокожим (и даже с ним обнялся): соскальзывание, тот миг, когда померк и растворился безнадежно репрессивный мир основного сюжета, произошло в те минуты, когда генералу Бакмэну снился странный сон о величественном старце с белой бородой, похожем на короля, в

мантии и шлеме, что возглавляет отряд рыцарей в таких же шлемах и мантиях — и этот король и его рыцари появляются в сельском мире фермы и пастбища, где генерал Бакмэн провел детство. Думаю, этот сон стал графическим отражением в сознании генерала Бакмэна того, что творилось в этот миг вокруг него; своего рода внутренний аналог того, что происходило с целым миром.

Но меняется и сам Бакмэн: совсем другой генерал останавливается на круглосуточной заправке, рисует на листке бумаги сердце, пронзенное стрелой, и отдает чернокожему, как знак любви. Бакмэн, повстречавший чернокожего на заправке — совсем не тот Бакмэн, что в начале и в середине книги: он пережил полное преображение. Просто сам этого не осознает. Лишь Джейсон Тавернер, когда-то знаменитый телеведущий, который проснулся однажды утром и обнаружил, что никто в мире никогда о нем не слыхал, — лишь Тавернер, чья популярность внезапно и таинственно растворяется в воздухе, понимает, что существуют несколько альтернативных реальностей: при беглом чтении две, но если внимательно прочитать финал — их оказывается по меньшей мере три. Лишь Джейсон Тавернер *помнит.* Это основной сюжет романа:

однажды утром Джейсон Тавернер, популярный теле– и радиоведущий, просыпается в спальном мешке в затхлом номере дешевой гостиницы и обнаруживает, что все его документы исчезли и, хуже того, никто никогда о нем не слышал — по какой-то загадочной причине все население Соединенных Штатов в одно мгновение линейного времени полностью и повсеместно забыло человека, чью физиономию на обложке журнала *Time* без малейшего труда узнал бы любой читатель. В этом романе я говорю: «Целое население большой страны, страны размером с целый континент, может проснуться однажды утром, полностью забыв то, что вечером все прекрасно знали, — и никто ничего не заподозрит». В романе забыли популярную теле– и радиозвезду — это важно лишь для самой звезды (точнее, бывшей звезды). И тем не менее здесь я в замаскированном виде излагаю свою гипотезу: если (говорю я) целая страна может за одну ночь забыть что-то *одно* — значит запросто сможет забыть и что-то *другое*, гораздо более важное. Может быть, то, что важнее всего на свете. Я пишу об амнезии у миллионов людей, о вложенных им, так сказать, фальшивых воспоминаниях. Тема ложных воспоминаний также постоянно звучит в моих книгах все эти

годы. Как и у Ван Вогта. Однако можно ли рассматривать это как серьезную возможность, как то, что действительно может произойти? Кто из нас задавался таким вопросом? Никто — включая и меня вплоть до марта 1974 года.

Вы помните, я сказал, что в конце книги генерал Бакмэн проскользнул в лучший мир и сам пережил преображение, соответствующее свойствам этого лучшего мира — более справедливого, любящего, теплого мира, в котором тирания полицейского аппарата уже начала рассеиваться, словно сон при пробуждении спящего. В марте 1974 года, когда я восстанавливал свою утраченную память (процесс, который греки называли *анамнесис* — это слово означало не столько припоминание, сколько потерю способности забывать[184]), вместе с воспоминаниями ко мне, как и к генералу Бакмэну, пришло личное преображение. Как и у него, оно происходило на тонком уровне, но перевернуло меня всего. Это был я и в то же время не я. Проявлялось это в основном в каких-то мелочах: я не помнил того, что должен был помнить, но вдруг вспоминал

[184] Примечания: 184

Дик делит это слово как «ан-анамнесис» — «не-забвение»; это нестандартная этимология, на самом деле оно означает именно «припоминание», «восхождение к памяти» (ана-мнесис).

что-то такое (ах, такое!), чего помнить никак не мог. Очевидно, это помнила моя личность, жившая в другом мире — я называю его Дорожка А. Быть может, вам будет любопытно узнать, какое из возвращенных воспоминаний больше всего меня поразило. В предыдущей альтернативной вселенной, на Дорожке А, христианство было вне закона, как и две тысячи лет назад, при его зарождении. Оно считалось подрывной, революционной религией — и, добавлю, в такой оценке полицейские чины были абсолютно правы. После возвращения воспоминаний с Дорожки А мне понадобилось почти две недели, чтобы избавиться от всепоглощающего ощущения: любые упоминания о христианстве необходимо тщательно шифровать, любые священнодействия держать в строгом секрете. Однако исторически это соответствует принципам поведения фашистских государств, особенно коричневого окраса. Они смотрят на христианство именно так. И если бы победа в войне досталась им, именно такую политику ввели бы они на подконтрольной им территории Соединенных Штатов. Например, Свидетелей Иеговы при нацистах отправляли в газовые камеры наравне с евреями и цыганами; в списках на уничтожение они стояли первыми.

Есть и другое тоталитарное государство, в которых они по той же причине запрещены и терпят преследования: здесь, конечно, я говорю об СССР. Три величайшие тиранические империи в истории, уничтожавшие собственное христианское население — Рим, Третий рейх и СССР, — с точки зрения внешнего наблюдателя представляют собой три проявления единой матрицы. Ваши личные взгляды на религию здесь не важны — важен исторический факт, так что прошу вас серьезно подумать о том, что означал мой неодолимый страх при мысли о христианских ритуалах и исповедании веры, последовавший за внезапным возвращением воспоминаний с Дорожки А. Определенно, это ключ к тому, что представляет собой Дорожка А. Это говорит о том, насколько там все иначе. Раз уж мы зашли так далеко, послушайте и об еще одном воспоминании, явившемся мне после приема пентотала натрия: это была тюрьма. Страшная тюрьма. Мы подняли восстание — и победили, совсем как здесь победили Никсона, но там борьба была куда серьезнее и кровавее, настоящая война со множеством жертв. Простите уж, добавлю еще один факт, быть может, маловажный, но для меня небезынтересный. Заблокированные вос-

поминания о Дорожке А начали возвращаться ко мне в феврале 1974 года; и тогда же, в феврале 1974 года, после двухлетней задержки, наконец вышел в свет мой роман «Пролейтесь, слезы». Как будто выход романа, которого я так долго ждал, в каком-то смысле стал сигналом или спусковым крючком: мол, дело сделано, теперь можно все вспомнить. А до того не стоило. Почему надо было дожидаться, когда выйдет роман, я не знаю; есть только впечатление, что, пока книга оставалась неопубликованной, воспоминания не выходили на поверхность, чтобы автор продолжал искренне считать свою книгу вымыслом. Быть может, узнай я раньше, испугался бы и не стал печатать роман. А может быть, не сумел бы держать рот на замке и как-то вмешался бы в работу своих книг — если они должны были совершить какую-то работу. Я на это претендую: вполне возможно, никакой особенной задачи у них и не было. Но если была — здесь я подчеркиваю слово «если», — почти наверняка состояла она в том, чтобы всколыхнуть и пробудить подкорковые воспоминания читателей: не к сознательной жизни — они не должны были все осознать, как я, — но на глубоком, скрытом, почти подсознательном уровне они должны были вспомнить,

на что похожа тирания и как жизненно необходимо — здесь или там, в любом мире, на любой «дорожке» — против нее восстать. В марте 1974 года начались активные действия по смещению Никсона. В августе, пять месяцев спустя, эта цель была достигнута, хотя переменные, репрограмированные ради этого, вполне возможно, призваны изменить не только наше настоящее, но и будущее. Как я говорил в начале, идеи словно обладают собственной жизнью, овладевают людьми и их используют. Вот идея, овладевшая мною двадцать семь лет назад и с тех пор не отпускавшая ни на день: никакое общество, в котором одни люди лезут в дела других, нельзя назвать хорошим, а общество, в котором правительство, как сказано в «Пролейтесь, слезы», «знает о вас больше, чем вы сами», — это тирания, которую можно только низвергнуть. Пусть это будет теократия, фашистское корпоративное государство, реакционный монополитический капитализм или централистический социализм — эта сторона дела не имеет значения. И я не просто говорю: «Такое может случиться здесь, в Соединенных Штатах», — я говорю: «Это здесь *уже случилось*. Я помню. Я был одним из тайных христиан, которые боролись с этим режимом, —

и, быть может, есть и моя заслуга в том, что его удалось свергнуть». И я горжусь собой — тем собой, с Дорожки А. Но, к несчастью, одна мысль окрашивает эту гордость в траурные тона. Кажется, в том, предыдущем мире я не дожил до апреля 1974-го. Попался в полицейскую ловушку и погиб. Однако в этом мире, который я называю Дорожкой Б, мне повезло больше. Но здесь мы и боролись с несравненно более слабым, тупым и неповоротливым врагом. Или, может быть, нам вовремя пришли на помощь: ретроградное репрограммирование одной или нескольких исторических переменных должно было очень нас выручить. Иногда я думаю (хотя это, разумеется, чистая спекуляция, счастливая фантазия моей души), что благодаря тому, чего мы достигли там — или хотя бы попытались и пали в борьбе, — нам, участникам этой борьбы, было позволено перейти границу, за которой остался иной, худший мир, и прожить новую жизнь здесь. Что за чудо — и сколько в нем доброты!

Этот милосердный дар открывает нам — по крайней мере, мне — некоторые стороны Программиста. Кажется, я начинаю немного его понимать — по аналогии. Вряд ли мы можем узнать, кто он, но можем ощутить, как он действу-

ет, и спросить себя: «Что это нам напоминает?» Не «Что он такое?», а «На что он похож?».

Прежде всего и более всего, он контролирует предметы, процессы и события в нашем пространственно-временном мире. Для нас это основной его аспект, хотя незримо для нас он может обладать аспектами куда более величественными, но к нашему существованию неприменимыми. Я говорю о себе как о репрограммированной переменной, а его называю Программистом-Репрограммистом. В том же марте 1974 года, в недолгий период, когда он синтезировал меня заново, я чувственно ощущал — имею в виду, ощущал и сознавал во вне, вокруг себя — его присутствие. В то время я сам не понимал, что видел. У него были цвета. Двигалось оно быстро, то собиралось, то рассыпалось. Но что это было — *что он такое*, — я не знаю и теперь; могу сказать только, что он подражал обычным предметам и процессам, копировал их так умело, что становился среди них невидимым. Авторы «Веданты» говорят об этом так: он — огонь, скрытый в кремне, он — лезвие в ножнах. Позже, исследуя схожий групповой культурный опыт, я узнал, что это вездесущее имманентное существо носит имя

Брахман[185]. Приведу отрывок из американского стихотворения Эмерсона; оно передает то, что я испытал:

> *Меня отринувший почто меня отринул?*
>
> *Я – крылья. Кто со мной – воспрянет к небесам.*
>
> *Я тот, кому Господь сомненья в сердце кинул.*
>
> *Сомненья те – я сам*[186].

Я хочу сказать, что в этот недолгий период — несколько часов, может быть, около суток — не сознавал и не ощущал ничего, что не было бы Программистом. Все вещи нашего многообразного мира были его сегментами или ответвлениями. Некоторые из них покоились недвижно, но многие двигались, и все вместе напоминало дышащий живой организм, который вдыхает, выдыхает, растет, меняется, развивается, идет к какому-то конечному состоянию, которое в абсолютной мудрости своей для себя выбрал. Я

---

[185] Примечания: 185

Брахман — понятие в индийской идеалистической философии, обозначающее надличностный Абсолют, «Душу Мира».

[186] Примечания: 186

Эмерсон, «Брахма», пер. К. Чуковского.

хочу сказать, что это переживалось как самосотворение, не зависящее ни от чего внешнего, ибо ничего внешнего просто не было.

Видя это, я остро сознавал, что все предыдущие годы прожил, в буквальном смысле, слепым; помню, как снова и снова повторял жене: «Ко мне вернулось зрение! Я снова вижу!» Казалось, до этого мига я только догадывался о природе реальности вокруг себя. Я понимал, что не приобрел новую форму восприятия, а скорее вернул прежнюю, утраченную. В течение дня или около того я видел мир так, как все мы видели тысячи лет назад. Но как мы потеряли зрение, почему утратили это высшее око? Морфология, видимо, осталась той же — иначе я не смог бы так быстро его восстановить. Это до сих пор не дает мне покоя. Как вышло, что сорок шесть лет я не мог увидеть природу мира, а лишь о ней догадывался, затем на краткий миг увидел, но потом снова потерял зрение и теперь опять хожу полуслепым? Промежуток, в который я видел все, был, очевидно тот же, когда надо мной работал Программист. Он двигался вокруг меня, такой живой, такой осязаемый, можно сказать, «крепко стоящий на земле»; а потом снова скрылся. Вот почему христианство, иудаизм и ислам назы-

вают религиями откровения. Наш Бог — *deus absconditus*, бог сокрытый. Но к чему это? Почему необходимо обманывать нас относительно природы нашей реальности? Зачем он прячет себя и предстает перед нами множеством разрозненных предметов, а свои движения представляет множеством случайных процессов? Все перемены, все перетасовки реальности, которые мы видим, — выражения целенаправленного роста и развития этой единой энтелехии. Это растение, цветок, распускающаяся роза. Это жужжащий рой пчел. Это музыка и что-то вроде пения. Очевидно, я видел Программиста таким, как есть, и видел, что он делает, лишь потому что в этот миг он овладел мною, чтобы пересоздать, — так что я говорю: «Знаю, что видел его», но не могу сказать: «Знаю, почему не вижу его теперь, или почему не видит никто другой». Быть может, все мы обитаем в чем-то вроде лазерной голограммы — реальные существа в рукотворном квазимире, на сцене, где и предметы, и живые существа передвигает разум, решивший остаться нам неведомым?

М-да, газетный заголовок об этой речи гласил бы:

«АВТОР ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ВИДЕЛ БОГА,

НО НЕ МОЖЕТ ОБЪЯСНИТЬ, КАК БОГ ВЫГЛЯДЕЛ».

Пожалуй, частичный ответ я сумею извлечь из того, как его определяю: Программист-Репрограммист. Я называю его так, как называю, поскольку именно этому стал свидетелем: сначала он запрограммировал наши жизни, а теперь изменял один или несколько ключевых факторов, чтобы завершить структуру или выполнить свой план. Я рассуждаю по аналогии: человек-ученый, работающий за компьютером, не вносит в вычисления собственные предубеждения и предрассудки. Человек-этнолог не позволяет себе участвовать в культуре, которую изучает, — это испортит его открытия. Иначе говоря, в некоторых видах труда критически важно, чтобы наблюдатель оставался скрыт от того, что наблюдает. В этом нет никакой злонамеренности, никакого бесчестного обмана. Простая необходимость. Если мы в самом деле движемся желаемыми путями к желаемой цели — то существо, что нами движет, то, что не только желает определенного исхода, но и направляет к этой цели свою волю, — оно не должно само зримо входить в этот мир, иначе желаемого исхода не случится. Мы должны обращать внимание не

на самого Программиста, а на события, которые он программирует. Первый от нас сокрыт; вторые открыто противостоят нам, мы вступаем с ними в борьбу — и становимся инструментами в его руках, которыми он достигает цели.

Не сомневаюсь, что у репрограммирования, блестящий успех которого мы видели в 1974-м, есть и какая-то более масштабная историческая цель. Сейчас я пишу об этом роман: называется он «ВАЛИС», сокращение от *VAST ACTIVE LIVING INTELLIGENCE SYSTEM*[187]. В романе один очень одаренный, но слегка чокнутый ученый, работающий на правительство, формулирует гипотезу, что где-то в нашем мире существует организм с высочайшим интеллектом, способный мимикрировать; он так умело маскируется под природные объекты и процессы, что люди, как правило, его не замечают. Когда же, случайно или в силу каких-то исключительных обстоятельств, человек его воспринимает, то просто называет его «Богом» и на том успокаивается. Однако ученый в моем романе твердо решил исследовать это огромное, разумное, виртуозно мимикрирующее существо так же тщательно и скрупулезно, как исследуют

[187] Примечания: 187
«Огромная Активная Живая Разумная Система».

ученые все, что им попадается. Проблема в том, что, согласно его собственной гипотезе, это существо невозможно обнаружить. Обидно, правда?

Но есть в романе второй герой, не знакомый с ученым; этот человек переживает очень необычный опыт и никак не может его *объяснить.* В сущности, он встречается с ВАЛИСом, и ВАЛИС его репрограммирует. Двое персонажей стоят по разные стороны истины: на одной стороне — верная, но непроверяемая гипотеза, на другой — необъяснимые переживания. Этот второй человек, не ученый, с которым я ассоциирую себя, потому что он на меня похож, — у него пробуждается заблокированная память об ином мире, воспоминания, с которыми он не знает, что делать. Видите ли, у него нет никакой *теории.* Совсем никакой.

В романе появляюсь и я сам, под собственным именем. Там я — писатель-фантаст, который получил крупный аванс за еще ненаписанную книгу и теперь должен во что бы то ни стало сдать ее к сроку. В книге я знаю обоих этих людей: и Хьюстона Пейджа, ученого с теорией, и Николаса Брэди, который переживает нечто невыразимое. И начинаю использовать материал, полученный от них обоих. Моя цель — просто сдать книгу до

дедлайна. Однако чем дальше я пишу о теории Хьюстона Пейджа и переживаниях Николаса Брэди, тем яснее вижу, что все сходится. У меня есть то, чего нет у них обоих — и замок, и ключ.

Как вы понимаете, в романе Хьюстон Пейдж и Николас Брэди неизбежно встретятся. Однако эта встреча оказывает странное действие на Хьюстона Пейджа, того, что с теорией. Узнав, что его теория подтверждается, он переживает настоящий психический срыв. Он мог это *вообразить*, но не может в это *поверить*. Остроумная теория у него в голове никак не связана с реальностью. Такова моя догадка: многие из нас верят в ВАЛИС — в Бога, или Брахмана, или Программиста, — но, если мы когда-нибудь встретимся с ним лицом к лицу, возможно, просто этого не перенесем. Как ребенок, которому явится настоящий Дух Рождества. Он, возможно, надеялся, ждал, молился, загадывал желания, предполагал, воображал, даже верил; но всамделишное явление духа — это для его маленьких мозгов уж слишком! Верно, дети вырастают и становятся взрослыми. И наши мозги растут вместе с нами. Но… вспомнить другой мир, отброшенный за ненадобностью? И воспринять великий мудрый ум, который отверг этот мир, прервав бесконечную цепь зла?

Вот что я хочу подчеркнуть: я прекрасно понимаю, все эти заявления — что, мол, ко мне вернулась подавленная память об альтернативном настоящем, что я видел того, кто превратил то настоящее в это, — эти заявления невозможно доказать, и нет способа заставить их прозвучать хоть сколько-нибудь рационально в обычном смысле этого слова. Больше трех лет понадобилось мне, чтобы решиться рассказать кому-нибудь, кроме ближайших друзей, о том опыте, что начался для меня в день весеннего равноденствия 1974 года. И одной из причин, побудивших меня наконец заговорить, рассказать обо всем этом публично, стала недавняя встреча, очень напоминающая знакомство Готорна Абендсена в моем романе «Человек в Высоком замке» с женщиной по имени Джулиана Фринк. Джулиана прочла книгу Абендсена о мире, в котором Германия, Италия и Япония проиграли Вторую мировую, и почувствовала, что должна рассказать ему, что об этом знает. Последняя сцена «Человека в Высоком замке», видимо, стала источником для схожей сцены в более позднем рассказе «Вера отцов наших»: там тоже появляется девушка по имени Таня Ли и знакомит главного героя с реальным положением дел — а именно, с тем, что большая

часть его мира иллюзорна и внушена ему намеренно. Уже несколько лет у меня было чувство, и оно все росло, что однажды со мной свяжется совершенно незнакомая женщина, скажет, что хочет поделиться со мной какой-то информацией, потом появится у моих дверей, как Джулиана у дверей Абендсена, и самым серьезнейшим образом изложит в точности то, что Джулиана изложила Абендсену: что моя книга, как и его — в самом реальном, буквальном, физическом смысле — не выдумка, а сущая правда. И именно это со мной недавно произошло. Я говорю о женщине, которая систематически читала все мои романы, прочла все тридцать, а также множество рассказов. И она появилась — абсолютная незнакомка, и принесла мне это известие. Поначалу ей любопытно было выяснить, знаю ли я сам, а если не знаю, то, может, хотя бы подозреваю. Взаимное прощупывание с осторожными вопросами и ответами длилось три недели. Она не вывалила на меня свое известие сразу — подходила к нему постепенно, шаг за шагом, внимательно отслеживая мою реакцию. Дело было нешуточное, раз заставило ее проехать четыреста миль, чтобы повидаться с автором любимых книг — художественных книг, чистого вымысла, — и сказать

ему: наш мир не единственный, мы живем во множестве наложенных друг на друга миров, и она уверена, что он, автор, каким-то образом связан по крайней мере с одним из этих миров, уже некоторое время не существующим, миром, который выброшен и заменен другим — но знает ли об этом он сам? Это был напряженный, но радостный момент, когда она ощутила, что может говорить начистоту; она не решалась, пока не убедилась, что я с этим справлюсь. Но я и сам постулировал тремя годами раньше: если мои возвращенные воспоминания истинны, то лишь вопрос времени, когда со мной свяжется и начнет осторожно прощупывать кто-нибудь, скорее всего, читавший мои книги и тоже каким-то образом выяснивший истинное положение вещей — я имею в виду ту важную информацию, что в этих книгах содержится. Из моих рассказов и романов эта женщина поняла, в каком из множества миров я жил прежде, однако не знала, пока я ей не рассказал, что в феврале 1975-го заглянул в третью альтернативную вселенную — будем называть ее Дорожкой В; там был сад или парк, исполненный мира и красоты, мир неизмеримо лучше нашего и едва вступающий в бытие. Так что я мог рассказать ей не о двух, а

трех мирах: о Черной Железной Тюрьме, которой мир был; о нашем «срединном» мире, в котором войны и угнетение все еще существуют, но в куда меньших масштабах; и, наконец, о третьем альтернативном мире, который когда-нибудь, когда Программист внесет нужные изменения в переменные нашего прошлого, материализуется поверх нашего… и, пробудившись в нем, мы будем думать, что жили здесь всегда, а память о нынешнем промежуточном мире милосердно сотрется из нашей памяти, как уже стерлась память о Черной Железной Тюрьме.

Должно быть, есть и другие, кто, как эта женщина, сложив внутренние свидетельства моих книг с собственными обрывочными воспоминаниями, угадали, что миры, которые я рисую вымышленными, реальны в самом буквальном смысле и что на месте нашего мира прежде царило нечто куда более мрачное. Вывод очевиден: наш мир — не лучший из возможных, но и не худший. Эта женщина не сказала ничего такого, чего бы я сам не знал; однако то, что она независимо от меня пришла к тем же выводам, придало мне смелости заговорить — рассказать обо всем этом, прекрасно понимая, что у меня нет ни одного (по крайней мере, ни одного известного мне) способа

подтвердить и удостоверить свой рассказ. Так что лучшее, что мне остается, — играть роль пророка, подобно древним пророкам и оракулам вроде Дельфийской сивиллы, и рассказывать про мир-сад, так похожий на тот, где обитали наши предки, — я даже воображаю иногда, что это тот самый восстановленный мир, что ложная траектория нашей вселенной в конце концов будет полностью исправлена и мы снова вернемся туда, где жили много тысячелетий назад и были там счастливы. Я пробыл там очень недолго, но помню неоспоримое ощущение, что это и есть наш законный потерянный дом. Был я там очень мало, всего часов шесть реального времени. Но все хорошо помню. В романе, написанном вместе с Роджером Желязны, «Господь гнева», я описываю этот сад ближе к концу, там, где со смертью и преображением Господа Гнева с мира снимается проклятие. Больше всего удивило меня в этом мире-саде, на этой Дорожке В, что в основе его лежат нехристианские элементы — совсем не то, к чему готовило меня христианское воспитание. Даже когда он начал туманиться и меркнуть, я все еще видел небо; видел землю, и синюю водную гладь, и у самой воды — прекрасную нагую женщину, в которой узнал Афродиту. К этому времени иной

и лучший мир уменьшился до пейзажа в проеме-рамке с пропорциями Золотого Сечения, 3 на 5; контуры проема пульсировали лазерными лучами, сам он становился все меньше, пока, увы, не исчез из виду, поглощенный пустотой, отрезав то, что осталось на той стороне. С тех пор я его не видел; но у меня осталось четкое впечатление, что это не христианский рай, а скорее Аркадия греко-римского языческого мира, нечто более древнее и прекрасное, чем загробные приманки, изобретенные моей собственной религией, дабы поддерживать нас в должном благоговении и благонравии. То, что я видел, было очень древним и невыразимо сладостным. Небо, море, земля, прекрасная женщина — а потом ничего: миг — и все гаснет, и я снова заперт здесь. С горьким чувством утраты я прощался с этим миром — прощался с ней, ибо она была его сердцем. Афродита — так я, решив узнать о ней побольше, прочел в «Британнике» — была не только богиней эротической любви и эстетической красоты, но и воплощением порождающей силы жизни как таковой; кроме того, она не гречанка: изначально она была семитским божеством, но греки, не стеснявшиеся тянуть все, что плохо лежит, забрали ее себе. В эти драгоценные часы я

видел в ней нежную прелесть, которой недостает нашей собственной религии, христианству: невероятную симметрию, ту *palintonos harmonie*[188], о которой писал Гераклит; то же безупречное равновесие, что в греческой лире, сочетающей в себе туго натянутые струны и абсолютный мир, абсолютный покой. Да, лира — воплощение сбалансированного динамизма, неподвижное лишь потому, что все натянутое и напряженное в ней абсолютно пропорционально друг другу. Так греки понимали красоту: совершенство, внутри полное силы и готовности к движению, но снаружи исполненное покоя. Этой *palintonos harmonie* противостоит еще один эстетический принцип, также воплощенный в греческой лире: *palintropos harmonie*[189], возвратные колебания струн, на которых играют. В Афродите я этого не видел; быть может, эти колебания образуют более великий и глубокий ритм вселенной, в которой все приходит в бытие, а затем исчезает; так что вселенная не статична и однообразна, а исполнена перемен. Но несколько кратких часов я пребывал в абсолютном мире, абсолютном

---

[188] Примечания: 188
Воспрянувшая гармония (*греч.*).

[189] Примечания: 189
Возвратная гармония (*греч.*).

покое: в прошлом, давно потерянном, но возвращающемся в ритме колебания струн, ждущем нас в мире будущего, где будет восстановлено все погибшее.

В Ветхом Завете есть потрясающие слова — Бог говорит: «Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут вспоминаемы и не придут на сердце»[190]. Читая это, я думаю про себя: я верю, что знаю величайшую тайну. Когда труды восстановления будут окончены, мы больше не вспомним о тирании, о варварской жестокости, что угнетала и мучила нас на прежней Земле; «не будут вспоминаемы» — значит нам милосердно дадут об этом забыть, «не придут на сердце» — значит весь этот неподъемный груз боли, горя, потерь и разочарований внутри нас сотрется, словно его никогда не было. Я верю, что этот процесс идет уже сейчас — *всегда* идет уже сейчас. Слава Богу, нам уже позволено забыть то, что было прежде. Быть может, я и не прав, когда своими романами и рассказами побуждаю вас вспомнить.

Санта-Ана, Калифорния, США. 1977 год

---

[190] Примечания: 190
Ис. 67:15.

Как создать вселенную, которая не развалится за два дня (1978, 1985)

Для начала, прежде чем наскучить вам обычным выступлением писателя-фантаста, позвольте передать официальное приветствие из Диснейленда. Я считаю себя законным представителем Диснейленда, поскольку живу от него в нескольких милях — и, словно этого недостаточно, именно там у меня однажды брало интервью парижское телевидение.

Несколько недель после интервью я пролежал в постели совсем больной — все из-за карусели с сиденьями-чашечками. Элизабет Антеби[191], продюсер фильма, почему-то захотела именно на карусели обсуждать успех фашизма со мной и Норманом Спинрадом (это мой старый

[191] Примечания: 191

Элизабет Антеби (р. 1945) — французский журналист, историк, телеведущая, редактор и издатель. В данном случае речь идет о ее двухчасовом документальном фильме 1973 года Les Evadés du Futur для канала ORTF, для которого она брала интервью у Дика, Спинрада, Джона Браннера, Роберта Силверберга, Айзека Азимова и Теодора Старджона. Сценарий фильма можно прочитать на http://www.antebiel.com/medias/script-evade.html, впечатления Антеби от встречи с Диком и его письма к ней есть на http://www.antebiel.com/roman/D2_D4.html#PDick.

друг, пишет отличную фантастику). Еще мы обсудили Уотергейт, но уже на палубе корабля Капитана Крюка. Вокруг бегали детишки в шапочках Микки-Маусов — знаете, такие черные и с ушами, — врезались в нас, толкали камеры, а Элизабет задавала неожиданные вопросы. Мы с Норманом, сосредоточенные на том, как бы увернуться от детей, несли какую-то неописуемую чушь. Впрочем, здесь я не вижу шапочек с ушами, и никто не пытается влезть на меня, приняв за мачту пиратского парусника — так что за все, что я сегодня скажу, отвечать буду сам.

Как ни жаль, писатели-фантасты ничего толком не знают. Мы не можем говорить о науке — наши научные знания очень ограничены, получены где попало, поэтому и в книгах столько ляпов. Еще несколько лет назад ни один колледж или университет и подумать не мог нас пригласить. В те времена знакомые спрашивали меня: «А что-нибудь *серьезное* ты пишешь?» — и это означало: «Да все что угодно, кроме фантастики!» Мы жаждали признания. Мечтали о том, чтобы нас заметили. Потом академический мир вдруг нас заметил, нас стали приглашать выступить и звать на конференции — и мы немедленно показали себя во всей красе. Собственно, вот

проблема: что знает писатель-фантаст? В какой области он авторитет?

Это напомнило мне заголовок, который я видел в Калифорнии как раз перед тем, как лететь сюда. «УЧЕНЫЕ УТВЕРЖДАЮТ: МЫШЬ НЕВОЗМОЖНО СДЕЛАТЬ ПОХОЖЕЙ НА ЧЕЛОВЕКА».

Представляете? Идут исследования, небось и государственное финансирование дают. Только вдумайтесь: кто-то среди нас — авторитет по вопросу, помогут ли двухцветные ботинки, брюки из дакрона, рубашка в тонкую полоску и шляпа мыши закосить под человека!

Что ж, расскажу о том, что меня занимает, что я считаю важным. Ни в чем не могу назвать себя авторитетом, но признаюсь честно — некоторые темы меня завораживают. О них я все время и пишу. Два основных вопроса, не дающих мне покоя, это: «Что такое реальность?» и «Что делает человека подлинным человеком?». Больше двадцати семи лет я публикую романы и рассказы, в которых снова и снова обращаюсь к этим двум взаимосвязанным вопросам. Мне они кажутся важными. Кто мы? И чем является то, что нас окружает, — то, что мы называем «не-я», эмпирический мир или мир феноменов?

В 1951 году, продав свой первый рассказ[192], я даже не представлял, что научная фантастика может исследовать такие фундаментальные вопросы. Но уже их исследовал, сам того не сознавая. Мой первый рассказ был о собаке, которая считает, что мусорщики, приходящие по утрам каждую пятницу, воруют ценную еду, которую хозяева для надежности прячут в прочный металлический контейнер. Каждый день члены семьи выносят в бумажных пакетах ароматную зрелую еду, складывают в контейнер, тщательно закрывают крышку — а когда контейнер полон, являются эти жуткие существа и крадут все, что туда положили.

В конце истории пес начинает понимать, что однажды мусорщики не только еду стащат, но и самих хозяев съедят. Разумеется, он ошибается: все мы знаем, что мусорщики не едят людей. Однако предположение пса в каком-то смысле разумно: из фактов, имеющихся в его распоряжении, он сделал логичный вывод. Герой этой истории — реальный пес: я наблюдал за ним и пытался понять, что у него в голове и как он видит мир. Определенно не так, как я, и вообще не

---

[192] Примечания: 192
«Рууг».

так, как люди. А потом я начал думать: что, если и каждый человек живет в своем уникальном личном мире, не похожем на те, в которых обитают все прочие? Это привело меня к следующей мысли: если реальность действительно отличается от человека к человеку, можем ли вообще считать ее единой, или более корректно говорить о множественных реальностях? А если реальностей много, верно ли, что одни из них более истинны (более реальны), чем другие? Как насчет мира шизофреника? Быть может, он так же реален, как наш. Может быть, не стоит говорить, что мы живем в реальности, а он нет; вместо этого стоит сказать: его реальность настолько отличается от нашей, что он не может объяснить ее нам, а мы не можем объяснить ему нашу реальность. Проблема в том, что если субъективные миры настолько различны, возникает разрыв в коммуникации… и здесь-то и начинается болезнь.

Однажды я написал рассказ[193] про человека, который пострадал в аварии и попал в больницу. Когда его начали оперировать, выяснилось, что он андроид, хотя сам он этого не знал. Пришлось врачам сообщить ему эту новость. Нечаянно-

---

[193] Примечания: 193
«Электрический муравей» (1969).

негаданно мистер Гарсон Пул обнаружил, что его реальность состоит из перфоленты, намотанной на две катушки в груди. Потрясенный этим, он начал экспериментировать: замазывал отверстия в перфоленте, прокалывал новые. Его мир немедленно начал меняться. Например, от нового отверстия в ленте через комнату пролетала стая уток. Наконец он разрезал ленту, и его мир исчез. Однако исчез он и для других персонажей рассказа… Если задуматься, какая-то бессмыслица, верно? Разве что другие персонажи не существовали в реальности — только на перфоленте. Думаю, так оно и было.

Снова и снова я спрашивал в романах и рассказах: «Что такое реальность?» — и надеялся когда-нибудь найти ответ. Большинство моих читателей тоже на это надеялись. Шли годы. Я написал более тридцати романов и больше сотни рассказов, однако что реально, а что нет — понять так и не мог. Однажды студентка из Канады попросила меня дать определение реальности для ее курсовой по философии. Нужно было ответить одной фразой. Я долго думал и наконец сказал: «Реальность — это то, что не исчезает, когда перестаешь в нее верить». Это было в 1972 году. С тех пор я так и не нашел более ясного определения.

Мы сейчас живем в обществе, где СМИ, правительства, крупные корпорации, религиозные группировки, политические группировки — все, кто угодно, изготовляют поддельные реальности, а наша суперсовременная техника вкладывает эти псевдомиры прямиком в головы читателей, зрителей, слушателей. Иногда я вижу, как моя одиннадцатилетняя дочь смотрит телевизор, и спрашиваю себя: чему это ее учит? Для начала всех пичкают одинаковой информацией. Телепрограмму, рассчитанную на взрослых, смотрит маленький ребенок. Да половину того, что говорят и делают в телесериале, он не поймет! А может быть, не поймет вообще ничего. И главный вопрос: даже если ребенок все поймет правильно, насколько истинна эта информация? Какое отношение к реальности имеет средний ситком? А сериалы про копов? Где в каждой серии переворачиваются и взрываются машины, а полицейские — всегда хорошие парни и всегда побеждают. Да-да, обратите внимание: полицейские всегда побеждают! Какой из этого урок? Не пытайтесь сопротивляться власть имущим — все равно проиграете. Вот какое здесь послание: *будьте пассивны.* И подчиняйтесь. Если офицер

Баретта[194] о чем-то спрашивает, выложи ему все, *ведь офицер Баретта — хороший парень, ему можно доверять. Он тебя любит, и ты обязан его любить.*

Поэтому в своих книгах я спрашиваю: что же реально? Нас со всех сторон атакуют псевдореальности, созданные очень неглупыми людьми при помощи очень совершенного электронного оборудования. Не то чтобы я не доверял их мотивам, я не доверяю их власти. А власть их велика. И это поразительная власть: способность создавать целые вселенные — вселенные сознания. Кому и знать, как не мне. Я ведь занимаюсь тем же самым. Это моя работа — создавать вселенные как основу для одного романа за другим. И строить их приходится так, чтобы они не развалились через два дня. По крайней мере, на это надеются мои редакторы. Однако открою вам секрет: мне нравится строить вселенные, которые *разваливаются*. Нравится смотреть, как они разъезжаются по швам, а персонажи пытаются что-то с этим сделать. Я питаю тайную любовь к хаосу. Чем больше хаоса, тем лучше. Не думайте, что поря-

---

[194] Примечания: 194

Главный герой полицейского драматического телесериала Baretta (1975–1978). Сериал номинировался на премию «Эмми», а актер Роберт Блейк за главную роль получил премии «Эмми» и «Золотой глобус».

док и стабильность хороши всегда и везде, будь то в обществе или во вселенной. Старое, окаменелое должно уступать дорогу новой жизни и рождению нового. И прежде чем родится новое, старое должно погибнуть. Опасная мысль: она говорит, что со всем знакомым и привычным нам рано или поздно придется расстаться. Это больно. Но таков сценарий жизни. Если не научимся приспосабливаться к переменам, начнем сами умирать внутри. Я говорю о том, что предметы, обычаи, традиции, привычки, стили жизни — все это должно погибнуть, чтобы выжил подлинный человек. Он важнее всего — подлинный человек, гибкое, эластичное существо, способное пружинить, поглощать удар и познавать новое.

Разумеется, я говорю все это, поскольку живу рядом с Диснейлендом: они там постоянно придумывают новые аттракционы, а старые уничтожают. Диснейленд эволюционирует. Много лет у них работал симулякр Линкольна, но наконец обветшал, и его отправили на пенсию. Симулякр, как и сам Линкольн, был лишь формой, которую приняли материя и энергия — на некоторое время.

Греческий философ-досократик Парменид учил: реально лишь то, что никогда не меняется…

а греческий философ-досократик Гераклит учил, что меняется все. Если наложить один взгляд на другой, получим результат: реального нет. А вот и завораживающий следующий шаг по этой дороге: Парменид не мог существовать, поскольку состарился, умер и исчез, а значит, согласно его собственной философии, не существовал. Но, может быть, прав и Гераклит — не будем об этом забывать: если Гераклит прав, то Парменид существовал, и тогда, согласно философии Гераклита, может, Парменид и был прав — ведь он исполнил те условия, те критерии, по которым Гераклит судил о реальности вещей.

Сейчас я просто показываю: едва вы спрашиваете, что же в конечном счете реально, как сразу начинаете болтать ерунду. Ко времени Зенона все уже понимали, что это ерунда. Зенон доказал, что движение невозможно (на самом деле только воображал, что доказал; ему не хватало того, что называется термином «теория пределов»). Дэвид Юм, величайший скептик из всех, заметил однажды: после того как собрание скептиков провозгласило истинность скептицизма как философии, все члены собрания вышли все же в дверь, а не в окно. Понимаю, о чем он. Все это пустые слова. Все эти высокоумные философы не

принимают всерьез того, что говорят.

Но, мне кажется, вопрос, как же определить, *что* реально, — очень серьезный, даже жизненно важный вопрос. А есть ведь и еще один: как определить, в чем подлинность человека. Потому что атаки псевдореальностей очень быстро начинают создавать неподлинных, поддельных людей, таких же фальшивых, как фейковые новости, бомбардирующие нас со всех сторон. Или же фейковые люди создают фейковые реальности и продают их другим людям, превращая и их в подделку самих себя. Кончается все тем, что фейковые люди изобретают фейковые реальности и продают их другим фейковым людям. Этакий сильно увеличенный Диснейленд. У тебя есть «Пираты Карибского моря», или «Симулякр Линкольна», или «Дикая гонка мистера Жаба» — есть все, только оно не настоящее.

В своих книгах я так интересуюсь подделками, что в конце концов набрел на идею «поддельных подделок». Например, в Диснейленде есть поддельные птицы с электрическими моторчиками, которые кричат или воркуют, когда проходишь мимо них. Допустим, кто-нибудь из нас однажды ночью прокрался в парк и заменил искусственных птиц настоящими. Представля-

ете, какой ужас испытает руководство парка, когда обнаружит эту бессовестную подмену? Настоящие птицы! А дальше что — может, в один прекрасный день и бегемоты, и львы станут настоящими? Просто ужас. Какие-то зловещие силы хитро и умело превращают парк из нереальности в реальность. А что, если «Маттерхорн» однажды превратится в самую настоящую гору с заснеженной вершиной? Что, если все это место каким-то чудом, совершенным силой и премудростью Божьей, в один миг, во мгновение ока изменится в нечто нетленное? Тогда им придется закрыться.

В Платоновском «Тимее» Бог не творит вселенную, как христианский Бог; он просто однажды ее находит. Вселенная в состоянии полного хаоса. Бог приступает к работе: он хочет создать из хаоса порядок. Эта идея меня привлекает, так что я адаптировал ее к своим интеллектуальным нуждам: вдруг наша вселенная начала существовать как не вполне реальная, как своего рода иллюзия из учений индуистов, а Бог из любви и доброты к нам медленно — медленно и *тайно* — преображает ее во что-то реальное?

Мы можем не замечать этого преобразования, так же как вначале не замечали, что наш мир иллюзорен. Строго говоря, это гностическая идея.

Гностицизм — религия, объединявшая несколько веков иудеев, и христиан, и язычников. Меня уже обвиняли в том, что я проповедую гностические идеи. Видимо, так и есть. В былые времена меня бы сожгли на костре. Но некоторые их идеи меня интригуют. Однажды, читая о гностицизме в «Британнике», я наткнулся на упоминание гностической рукописи под заглавием «Нереальный Бог и некоторые аспекты его несуществующей вселенной» — и в первый миг покатился со смеху. Что за человек станет писать книгу о том, чего нет, и какие аспекты могут быть у того, чего не существует? А потом сообразил: да ведь я сам последние двадцать пять лет именно этим и занимаюсь! Рассуждая о том, чего нет, можно позволить себе значительную широту взглядов. Один мой знакомый написал как-то книгу под названием «Змеи Гавайских островов». Немало библиотек заказали ему экземпляры. Однако на Гавайях нет змей. И книга состояла из одних пустых страниц.

Разумеется, в научной фантастике никто не делает вид, что мы описываем что-то реальное. Поэтому она и называется художественной литературой. Точно так же и посетители Диснейленда понимают, что Мистера Жаба в реальности не

существует, а пираты двигаются, потому что внутри у них моторы, сервомеханизмы, реле и электронные схемы. Так что обмана здесь нет.

И все же многое из того, что выходит в категории «научная фантастика», оказывается правдой. Нет, наверное, все-таки не буквальной истиной. На самом деле к нам не прилетают пришельцы со звезд, как в «Близких контактах третьего вида». Создатели фильма вовсе не хотели, чтобы мы этому поверили. Или хотели?

И более значительный вопрос: если они хотели сказать именно это — правда это или нет? Проблема-то вот в чем. Не так важно, верит ли автор или продюсер в то, что говорит, важно, так ли это на самом деле. Ведь может случиться, что просто в поисках удачного сюжетного поворота автор, продюсер или сценарист случайно наткнется на правду… и сам поймет это только потом.

Основное орудие манипуляции реальностью — манипуляция словами. Сможете контролировать значение слов — будете контролировать и людей, вынужденных этими словами пользоваться. Это ясно показал Джордж Оруэлл в «1984». Но есть еще один способ захватить власть над человеческим сознанием: контролировать то, что человек воспринимает. Сможете показать людям мир

так, как видите вы, — и они начнут думать, как вы. Понимание следует за восприятием. А как заставить людей видеть реальность так же, как вы? В конце концов, реальность-то у нас одна на всех. Основные ее составляющие — образы, картинки. Вот почему телевидение захватило такую власть над умами. Слова и картинки синхронизированы. Открывается возможность полного контроля над разумом зрителя, особенно юного зрителя. Просмотр телевизора — это что-то вроде обучения во сне. ЭЭГ человека, снятое во время просмотра телепередачи, показывает: примерно через полчаса мозг решает, что ничего не происходит, и впадает в гипноидальное сумеречное состояние, переходит в режим альфа-ритма[195]. Вот почему при этом почти не двигаются глаза. Кроме того, поскольку основная масса информации графическая, она отправляется прямиком в правое полушарие мозга, минуя левое, где расположена наша сознательная личность. Недавние эксперименты показали: очень многое из того,

[195] Примечания: 195

Альфа-волны или *альфа-ритм* — ритм колебаний, выделяемых в общей частоте электрической активности головного мозга в диапазоне частот 8–14 Гц. Присутствуют во время разных стадий пробуждения-сна, наиболее активны при бодрствовании с закрытыми глазами или медитации. Считается, что ритм играет определенную роль в сканировании и квантовании информации.

что мы видим на телеэкране, воспринимается на подсознательном уровне. Мы лишь воображаем, что смотрим телевизор сознательно. Масса сообщений ускользает от нашего внимания; в сущности, посмотрев телевизор несколько часов, мы не знаем, что видели. Наши воспоминания подложны, словно воспоминания о снах, когда мы задним числом заполняем белые пятна. И сфальсифицированы. Сами того не зная, мы участвовали в создании подложной реальности, а потом послушно позволили себя ею накормить. Сами вступили в сговор с обманщиками.

А еще — об этом я сужу как профессиональный писатель — продюсеры, сценаристы и режиссеры, создающие эти видео– и аудио-миры, сами не знают, что в их контенте правда (если она вообще есть), а что нет. Иными словами, они, как и мы, — жертвы собственного продукта. Могу сказать о себе: я не знаю, многое ли из того, что я пишу — правда, и если да, то *что именно*. Ситуация потенциально убийственная. Вымысел у нас мимикрирует под правду, а правда мимикрирует под вымысел. Возникает нехороший перехлест, опасно размывается граница. И судя по всему, мы это делаем бессознательно. В этом часть проблемы. Нельзя принудить автора верно маркировать

свой продукт, вроде того как на банке пудинга перечислены все ингредиенты… нельзя заставить продекларировать, что здесь правда, а что нет — он и сам не знает.

Жутковатое ощущение: вписываешь что-то в роман, уверенный, что это чистый вымысел, а потом — может быть, годы спустя — узнаешь, что все так и есть. Хочу привести один пример. Как это вышло, я сам до сих пор не понял. Может быть, вы подскажете какое-нибудь объяснение. У меня его нет.

В 1970 году я написал роман под названием «Пролейтесь, слезы». В нем есть персонаж — девятнадцатилетняя девушка по имени Кэти. Ее мужа зовут Джек. По-видимому, Кэти связана с криминальным миром, но, читая дальше, мы узнаем, что она работает на полицию. Она находится в отношениях с инспектором полиции. Персонаж абсолютно вымышленный. По крайней мере, я так думал.

Однако на Рождество 1970 года я познакомился с девушкой по имени Кэти — вы поняли, это случилось уже после того, как я закончил роман. Ей было девятнадцать лет. Она жила с парнем по имени Джек. Вскоре я узнал, что Кэти продает наркотики. Несколько месяцев я пытался

уговорить ее бросить это дело, снова и снова предупреждал, что ее поймают. А однажды вечером, когда мы вместе пошли в ресторан, Кэти вдруг остановилась на пороге и сказала: «Мне сюда нельзя». Оказалось, в ресторане сидел инспектор полиции, которого я знал. «Я должна тебе признаться, — сказала мне Кэти. — У меня с ним отношения».

Странное совпадение, верно? Возможно, я каким-то образом предвидел это знакомство. Но дальше тайна становится еще запутаннее: следующий эпизод привел меня в полное недоумение. И теперь, четыре года спустя, я не понимаю, что это могло значить.

В 1974 году роман вышел в издательстве *Doubleday*. Однажды я разговаривал со своим пастором — я принадлежу к Епископальной церкви — и случайно упомянул в разговоре важную сцену в финале романа, когда герой, Феликс Бакмэн, встречает на круглосуточной заправке незнакомого чернокожего и разговаривает с ним. Чем дальше я описывал эту сцену, тем в большее волнение приходил священник. Наконец он сказал: «Это же сцена из Библии, из Деяний Апостолов! Только в Деяниях человека, который встречается с чернокожим на дороге, зовут вашим именем

— Филипп»[196]. Отец Рэш был так потрясен этим сходством, что даже не смог отыскать для меня в Библии нужную сцену. «Прочтите Деяния, — сказал он мне. — Увидите сами. Совпадает все, вплоть до деталей».

Придя домой, я прочитал эту сцену из Деяний. Да, отец Рэш был прав: она определенно напоминала сцену из моего романа… хотя, должен признаться, Деяния я никогда до того не читал. Загадка оказалась даже глубже. В Деяниях высокопоставленного римского чиновника, который арестовал и допрашивал апостола Павла, зовут Феликсом[197] — то же имя, что и у моего героя. А мой герой, Феликс Бакмэн — высокопоставленный полицейский, генерал полиции (в сущности, у меня в романе он занимает ту же должность, что и Феликс из Книги Деяний), — он здесь главный представитель власти. Есть в романе и разговор, очень напоминающий разговор Феликса с Павлом.

---

[196] Примечания: 196

Филипп из Вифсаиды (3–90) — один из двенадцати апостолов Христа. В Деяниях описывается его встреча с эфиопом-евнухом, которого он крестит. Существует гностический текст III–IV века — «Евангелие от Филиппа» (одна из рукописей Библиотеки Наг-Хаммади).

[197] Примечания: 197

Марк Антоний Феликс (10–?) — римский прокуратор провинции Иудея в 52–58 гг.

Что ж, я решил поискать другие совпадения. Главного героя романа зовут Джейсон. Я открыл библейский указатель, чтобы посмотреть, есть ли в Библии люди с таким именем. Сам я ни одного не помнил. Да, есть — всего один Иасон[198], появляется только один раз, и не где-нибудь, а в Книге Деяний! И как будто всех этих совпадений мало, у меня Джейсон бежит от полиции и прячется в чужом доме, а в Деяниях человек по имени Иасон укрывает у себя в доме беглеца от закона — полная инверсия ситуации из моего романа, как будто таинственный Дух, отвечающий за все это, решил надо мной подшутить!

Феликс, Джейсон, встреча и разговор на дороге с незнакомым чернокожим. В Деяниях апостол по имени Филипп крестит чернокожего, и тот уходит с великой радостью. В моем романе Феликс Бакмэн тянется к чернокожему за эмоциональной поддержкой: у него только что умерла сестра, и он раздавлен горем. Чернокожему удается его приободрить, и, хоть Бакмэн уходит не с великой радостью — по крайней мере, перестает лить слезы. Он летел домой, оплакивая смерть сестры, и ему необходимо было с кем-то поговорить, хоть

---

[198] Примечания: 198

Иасон (?—?) — апостол, ученик апостола Павла.

со случайным незнакомцем. Встреча двух незнакомых людей на дороге меняет жизнь одного из них — и в моем романе, и в Деяниях. И последняя улыбка действующего здесь таинственного Духа: имя «Феликс» по-латыни означает «счастливый». Когда писал роман, я этого не знал.

Внимательное изучение моего романа показывает, что, по каким-то абсолютно неведомым мне причинам, я умудрился и внести туда несколько ключевых сцен из одной библейской книги, и даже имена героев взять оттуда же. Как это объяснить? Все это выяснилось четыре года назад. Все четыре года я пытаюсь найти какое-то приемлемое объяснение — и не могу. Должно быть, и не смогу никогда.

Я думал, на этом загадки окончатся — но нет! Два месяца назад я вышел поздно вечером, чтобы опустить письмо в почтовый ящик, а заодно полюбоваться церковью Святого Иосифа, что стоит напротив моего дома. Вдруг я заметил человека, который как-то подозрительно терся возле припаркованной машины. Словно хотел угнать машину или что-то из нее стащить. Когда я пошел обратно, он спрятался за дерево. По какому-то импульсу я свернул в его сторону и спросил:

— Вам помочь?

— У меня кончился бензин, — ответил он. — И денег совсем нет.

Сам не знаю почему — никогда раньше такого не делал — я достал бумажник, выгреб оттуда все, что было, и отдал ему. Он пожал мне руку и спросил, где я живу, чтобы потом отдать долг. Я вернулся домой и тут сообразил, что деньги мои ему не помогут — ведь поблизости нет ни одной заправки, до которой можно дойти пешком. Так что я вернулся на парковку. У этого человека была пустая канистра, мы с ним сели в мою машину и поехали на круглосуточную заправку. Скоро мы стояли там, двое незнакомцев, и заправщик наполнял канистру бензином. И вдруг я понял: это же точь-в-точь сцена из моего романа, написанного восемь лет назад! Круглосуточная заправка точно такая, как я себе представлял, когда писал, — и слепящий белый свет, и заправщик. И тут я осознал то, на что прежде не обращал внимания: незнакомец, которому я помогал, был чернокожим.

Мы вернулись с бензином к его машине, пожали друг другу руки, и я пошел домой. Больше я его не видел. Деньги он не вернул: я не сказал, в какой квартире живу, и не назвал свою фамилию. Происшедшее глубоко меня потрясло. Я

полностью прожил наяву сцену, которую описал в романе! А это значит, в свою очередь, что я побывал в какой-то копии той сцены из Деяний, где Филипп встречает на дороге чернокожего.

Как все это объяснить?

Ответ, к которому я пришел в конце концов, может быть неверным, но другого у меня нет. Он связан со временем. Вот моя теория: в определенном и очень важном смысле *время не реально.* Или, может быть, реально — но не такое, каким мы его воспринимаем или воображаем. Я испытал (и сейчас испытываю) острую, всепоглощающую убежденность, что, несмотря на все наблюдаемые нами перемены, под этим миром перемен лежит некий неизменный ландшафт; и этот невидимый ландшафт — библейский; а именно — период непосредственно после смерти Христа, иными словами, время действия Книги Деяний.

Парменид бы мною гордился. Я взираю на вечно изменчивый мир и провозглашаю, что под ним скрывается нечто вечное, неизменное, абсолютно реальное. Но как такое может быть? Если на самом деле сейчас приблизительно 50 год от Р. Х., почему мы видим вокруг себя 1978 год от Р. Х.? И если на самом деле живем в Римской

империи, где-то в Сирии, почему видим вокруг себя Соединенные Штаты?

В Средние века сложилась одна любопытная теория: просто перескажу ее вам как есть. Она гласит: Злое начало — Сатана — «обезьяна Бога»[199]. Он создает поддельные реальности и внедряет их в реальность подлинную. Быть может, эта странная теория поможет объяснить мой опыт? Как вы считаете, может ли быть, что мы обмануты и блуждаем во тьме, что сейчас не 1978-й, а 50 год… что это Сатана заключил нас в тиски поддельной реальности, чтобы убить в нас веру в возвращение Христа?

Представляю себе, как меня осматривает психиатр. «Какой сейчас год?» — спрашивает он. А я отвечаю: «Пятидесятый от Рождества Христова». Поморгав, психиатр задает следующий вопрос: «Где вы находитесь?» Я отвечаю: «В Иудее». — «Это еще где?» — спрашивает психиатр. «Это провинция Римской империи», — придется ответить мне. «Вы знаете, кто сейчас прези-

---

[199] Примечания: 199

«Дьявол — обезьяна Бога» (лат. Diabolus (est) simia Dei) — средневековый немецкий афоризм, встречается у Мартина Лютера, приписывается Василию Великому, Аврелию Августину, Тертуллиану. Сатана рассматривается как неудачный подражатель Бога. Карл Густав Юнг в «Психологии и алхимии» использует эту сентенцию для отображения образа трикстера.

дент?» — продолжит спрашивать он. И я отвечу: «Прокуратор Феликс». — «Уверены?» — спросит психиатр, незаметно подавая сигнал двум дюжим санитарам. «Вроде да, — отвечу я. — Если только его не сместили и не заменили на прокуратора Феста[200]. Видите ли, это Феликс арестовал апостола Павла за…» — «Да кто вам все это наговорил?» — раздраженно прервет психиатр. И я отвечу: «Дух Святой». И моментально окажусь в комнате с мягкими стенами.

Все в этом разговоре будет в каком-то смысле правдой, хоть эту правду нельзя ни увидеть, ни пощупать. Я отлично знаю, что сейчас 1978 год, президент у нас Джимми Картер, и я живу в Санта-Ане, Калифорния, в Соединенных Штатах Америки. Знаю даже, как доехать от моего дома до Диснейленда (хоть об этом предпочел бы забыть). И разумеется, во времена апостола Павла никакого Диснейленда не было.

Так что, если я заставлю себя рассуждать разумно, рационально и так далее, придется мне признать: существование Диснейленда (увы, совершенно реальное) доказывает, что мы не живем в Иудее около 50 года н. э. Только вообразите,

---

[200] Примечания: 200

Порций Фест (?—?) — римский прокуратор провинции Иудея в 59–62 гг.

что апостол Павел сочиняет Первое послание к Коринфянам, кружась на карусели в гигантской чайной чашке, а за ним гоняется с телекамерой оператор Парижского телевидения. Такого быть не может! Павел к Диснейленду и близко бы не подошел. Кто ходит в Диснейленд? Дети, туристы и высокопоставленные гости из Советского Союза. Но уж точно не святые.

Но ведь каким-то образом этот библейский материал проник в мое подсознание, а оттуда в роман; и так же верно, что в 1978 году я пережил сцену, которую написал в 1970-м. Здесь я хочу сказать вот что: по крайней мере, в одном моем романе имеются внутренние свидетельства того, что под нашим видимым и изменчивым миром феноменов лежит мир иной, неизменный, тот, о существовании которого подозревали Парменид и Платон; и порой, сами не понимая как, мы можем туда заглянуть. Точнее, его может показать нам некий таинственный Дух, если пожелает, чтобы мы бросили взгляд на вечность. Идет время, проходят века и тысячелетия; но в то же время, когда мы видим вокруг себя современность — *под ней* скрывается древний мир, мир Библии. Он все еще здесь, все еще реален. Он вечно здесь.

Ну что, может, расколоться и рассказать вам все остальное? Ладно, я уже так далеко зашел, что нет смысла тормозить. Мой роман «Пролейтесь, слезы» вышел в издательстве *Doubleday* в феврале 1974 года. Через неделю после этого мне удалили под пентоталом натрия два вросших зуба мудрости. Позже в тот же день начались боли. Жена позвонила стоматологу-хирургу, и он связался с фармацевтом. Полчаса спустя в дверь позвонил курьер из аптеки с обезболивающим. Мне было паршиво, во рту все болело, кровь текла, однако почему-то я почувствовал, что должен сам открыть дверь. Открыл — передо мной стояла молодая девушка с блестящей золотой цепочкой, на которой висела блестящая золотая рыбка. Эта рыбка почему-то меня загипнотизировала: я забыл о боли, о лекарстве, о том, зачем эта девушка пришла сюда, — только стоял и смотрел на рыбку.

— Что это значит? — спросил я у нее.

Девушка коснулась сияющей золотой рыбки и ответила:

— Такой знак носили ранние христиане. — И протянула мне пакет с лекарством.

В этот миг, глядя на золотую рыбку и слыша слова девушки, я вдруг пережил то, что, как узнал

позже, называется *анамнесис* — греческое слово, буквально означающее «потеря забывчивости». Я вспомнил, кем был и где был. В единый миг, во мгновение ока все ко мне вернулось. И я не просто вспомнил — я увидел. Эта девушка была тайной христианкой, как и я. Мы жили в страхе, скрываясь от римлян. Общаться друг с другом приходилось особыми знаками. Она только что рассказала мне все это — и все это была правда.

На несколько мгновений, как ни трудно в это поверить или объяснить, вокруг меня сомкнулись черные стены тюрьмы — очертания ненавистного Рима. Но, что гораздо важнее, я вспомнил Иисуса: совсем недавно он был с нами, теперь ушел, но лишь на время и очень скоро вернется. Я ощущал радость. Все мы тайно готовились к Его встрече. И знали, что ждать остается недолго. Римляне думают, что Он мертв — мертв навеки. Вот наша великая тайна, наша радостная весть. Пусть кажется, что Христа с нами нет — Он вот-вот вернется, и радости нашей не будет конца.

Не странно ли, что это необычайное событие — это возвращение памяти — произошло через неделю после выхода в свет «Пролейтесь, слезы»? Того самого романа, где я, сам того не зная,

воспроизвел людей и события из Книги Деяний, действие которой происходит именно в то время — сразу после смерти и воскресения Иисуса, — которое я вспомнил благодаря золотой рыбке?

Будь вы на моем месте, если бы с вами произошло то же самое — уверен, вы не смогли бы от этого отмахнуться. Вы постарались бы найти какое-то объяснение. Вот уже четыре года я перебираю и отбрасываю одну теорию за другой: циркулярное время, замороженное время, безвременное время, называемое «сакральным», в противоположность «профанному»… Не сосчитать, сколько теорий я перепробовал!

Но во всех теориях неизменно присутствует одна константа. Должен существовать таинственный Святой Дух, теснейшими узами связанный с Христом, способный вселяться в умы человеческие, направлять их, вести и даже выражать себя через этих людей, даже когда они этого не сознают.

Тогда, в 1970 году, когда я писал «Пролейтесь, слезы», произошло еще одно необычное событие. Уже в то время я обратил на него внимание: обычно, когда пишу, такого со мной не бывает. Однажды ночью мне приснился сон — необыкновенно яркий сон. А проснувшись, я ощутил

даже не желание, а абсолютную необходимость вставить этот сон в роман, в точности так, как его увидел. Чтобы передать его совершенно точно, я переписывал финал романа одиннадцать раз, пока наконец не достиг нужного результата.

Приведу этот отрывок из романа в его окончательном, опубликованном виде. Посмотрим, напомнит ли он вам что-нибудь:

> Сельская местность, сухая коричневая земля, лето – он жил там в детстве. Он едет на коне, а слева к нему приближается эскадрон всадников. На них сияющие одеяния, у каждого свой цвет, на каждом сверкающий на солнце остроконечный шлем. Рыцари медленно и торжественно проезжают мимо, он успевает разглядеть лицо одного из них: древнее, мраморное лицо, невероятно старый человек с окладистой белой бородой. Какой у него сильный нос, какие благородные черты. Он такой уставший, такой серьезный, такой непохожий на обычных, маленьких людей. Наверняка это король.
>
> Феликс Бакмэн дал им проехать. Он не обратился к всадникам, и они не сказали

ему ни слова. Он последовал за ними, и они вместе подъехали к дому, из которого он вышел. В этом доме замуровал себя одинокий человек, Джейсон Тавернер. В безмолвии, в темноте, без окон, один до конца вечности. Он сидит в этом доме, неподвижный, но живой.

Бакмэн не остановился возле дома, а проехал дальше. И услышал позади ужасный одинокий крик. Они убили Тавернера, а он, увидев их на пороге, различив их среди теней, понял, зачем они пришли, и закричал.

Феликс Бакмэн ощутил внутри себя безысходное, глубокое, отчаянное горе. Но во сне он не повернул назад и даже не обернулся. Он ничего не мог сделать. Никто не в силах остановить кавалькаду вооруженных всадников в разноцветных одеяниях, им нельзя говорить «нет». Как бы то ни было, все кончилось. Тавернер был мертв[201].

Возможно, для вас этот отрывок ничего особен-

[201] Примечания: 201
Перевод М. Гутова.

ного не значит: ясно только, что кавалькада совершила суд над каким-то человеком, виновным или признанным виновным. Неясно, совершил ли Тавернер в самом деле какое-то преступление или его только сочли преступником. У меня было впечатление, что он виновен, но то, что его было необходимо убить, — трагедия, невыносимое горе. В романе Феликс Бакмэн проснулся в слезах — и после этого сна пошел искать утешения у чернокожего на круглосуточной заправке.

Через несколько месяцев после того, как роман вышел в свет, я нашел этот свой сон в Библии. Это Книга пророка Даниила, глава 7, стихи 9,10:

> Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая во́лна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь.
>
> Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему, и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги.

Тот же старец с белыми, как снег, волосами, снова появляется в Откровении Иоанна Богосло-

ва, глава 1, стихи 12–15:

> Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая во́лна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих.

И далее, глава 1, стихи 17, 18, 19:

> И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти. Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего.

И как и Иоанн с острова Патмос, я записал все, что видел, и поместил это в роман — хоть в то

время и не знал, кто скрывается под этим описанием:

> Древнее, мраморное лицо, невероятно старый человек с окладистой белой бородой. Какой у него сильный нос, какие благородные черты. Он такой уставший, такой серьезный, такой непохожий на обычных, маленьких людей. Наверняка это король.

Верно, это царь. Это Сам Христос, вернувшийся, чтобы свершить суд. Это он и делает в моем романе: вершит суд над человеком, запертым во тьме. Кто этот, запертый во тьме? Должно быть, Князь Тьмы, Сила Зла. Назовите его как хотите — но пришло его время. Он осужден, приговор вынесен. Феликс Бакмэн может плакать о нем, но знает, что оспорить приговор нельзя. И едет вперед, не останавливаясь, не оглядываясь, слыша за спиной страшный крик ужаса и отчаяния — крик побежденного зла.

Как видите, в моем романе содержался материал не только из Книги Деяний, но и из других частей Библии. Если его расшифровать, он рассказывает совсем другую историю, чем сюжет на поверхности (которого нам нет нужды здесь

касаться). Истинный его сюжет прост: возвращение Христа, теперь — царя, а не страдающего раба. Судии, а не жертвы неправедного суда. Все переворачивается. Истинным значением моего романа, которого не понимал я сам, было предостережение власть имущим: близится ваш суд и приговор! К кому конкретно это относилось? Знаете, даже не могу сказать; точнее, предпочту не говорить. Точного знания у меня нет, только интуиция. А на интуиции далеко не уедешь, так что лучше придержу свои мысли при себе. Но вы можете сами себя спросить, какие политические события произошли в нашей стране между февралем и августом 1974 года? Спросите себя, кто был осужден и приговорен, кто упал с неба, словно денница, сын зари, потерпев позорное поражение? Самый могущественный человек на свете. И знаете, сейчас мне жаль его — так же, как тогда, во сне. «Бедный, бедный человек! — однажды сказал я со слезами на глазах своей жене. — Запертый во тьме, он ночью играет сам себе на фортепиано, один, в страхе, зная, что ждет впереди». Ради бога, давайте наконец его простим! С ним и с его людьми — со «всей президентской ратью», так сказать, — сделали то, что следовало сделать. Но теперь все кончено — так

пусть он снова увидит солнечный свет; ни один человек, ни одно живое существо не должно быть заперто во тьме и в страхе вечно!

В те самые дни, когда Верховный суд постановил передать пленки Никсона следователю, я обедал в китайском ресторане в Йорба-Линда, калифорнийском городке, где Никсон ходил в школу, где он вырос, работал в продуктовом магазине, где есть парк, названный в его честь, и, разумеется, дом Никсона с простой дощатой обшивкой и все такое прочее. В пирожке с предсказанием я нашел такое предсказание:

ТО, ЧТО СДЕЛАНО ТАЙНО, НЕМИНУЕМО СТАНЕТ ЯВНЫМ

Я отослал этот клочок бумаги в Белый дом, приписав к нему, что получил предсказание в миле от родного дома Никсона, и добавил: «Видимо, произошла ошибка: мне досталось предсказание мистера Никсона. Может быть, мое теперь у него?» Из Белого дома мне не ответили.

Итак, как я уже сказал, автор так называемых художественных произведений может говорить правду, сам того не зная. Как учил еще один досократик, Ксенофан из Колофона: «Даже если человеку выпадет случай сказать самую пол-

ную правду, сам он об этом не узнает: все вещи скрыты от нас за *кажимостями*» (Фрагмент 34). А Гераклит добавил к этому: «Скрытая гармония лучше явной» (Фрагмент 54). У. Ш. Гилберт[202] ту же мысль выразил так: «Вещи редко таковы, какими кажутся: обезжиренное молоко выглядит точь-в-точь как сливки». Суть в том, что мы не можем доверять своим чувствам и, возможно, даже априорному рассуждению. Что касается чувств, я понимаю людей, которые были слепыми от рождения и, вдруг прозрев, не могут понять, почему предметы, когда от них удаляешься, становятся все меньше и меньше. Рассуждая логически, для этого нет никаких причин. Мы, разумеется, принимаем это как должное, просто потому что привыкли. Видим, что предметы становятся меньше, но умом понимаем, что они остаются такими же, как были. Как видим, даже самый обыкновенный, приземленный, прагматичный человек вынужден не принимать на веру всего, что говорят ему глаза и уши.

От Гераклита до нас дошло немногое, и то, что

---

[202] Примечания: 202

Уильям Швенк Гилберт (1836–1911) — английский поэт, драматург, либреттист. Известен как автор либретто к опереттам, написанным в соавторстве с композитором сэром Артуром Салливаном. Многие строки из них стали поговорками в английском языке.

дошло, очень неясно, но Фрагмент 54 вполне понятен и важен: «Скрытая гармония лучше явной». Как видим, Гераклит верил, что истинная природа вещей скрыта от нас некоей завесой. Возможно, он также подозревал, что время — не то, чем кажется, ибо во Фрагменте 52 мы читаем: «Время — дитя, играющее в кости, царство ребенка». Загадочное изречение. А вот еще, во Фрагменте 18: «Если кто не ожидает неожиданного, то и не найдет сокровенного и трудно находимого». Эдвард Хасси в своей монографии «Досократики» говорит:

> Если Гераклиту приходилось так настаивать на том, что большинству людей недостает понимания, разумно предположить, что он предлагал какие-то инструкции по постижению истины. Манера говорить загадками свидетельствует, что здесь предполагалось необходимым некое откровение, находящееся вне человеческого контроля… Истинная мудрость, как мы уже видели, тесно связана с Богом, и это дает возможность предположить, что в постижении мудрости человек становится подобен Богу, или же делается

частью Бога.

Это цитата не из религиозной книги, не из книги по теологии: это анализ древнейших философов, проведенный специалистом по древнегреческой философии из Оксфордского университета. Хасси ясно показывает, что для этих древних философов различия между философией и религией не существовало. Первый квантовый скачок в греческой теологии совершил Ксенофан из Колофона, родившийся в середине VI века до н. э. Ксенофан, не признававший никаких авторитетов, кроме собственного разума, учил:

> Есть один лишь бог, и ни в чем не подобен он смертным созданиям, ни телесным обликом, ни мыслями ума. Весь он видит, весь мыслит, весь слышит. Вечно остается он недвижным на одном и том же месте: не подобает ему двигаться то туда, то сюда.

Это сложное, возвышенное понятие о Боге, по-видимому, беспрецедентное среди греческих мыслителей. «Аргументы Парменида, — пишет Хасси, — по-видимому, показывают, что вся реальность должна на самом деле быть сознанием

или объектом, мыслимым в сознании». Далее, перейдя к Гераклиту, он говорит: «У Гераклита трудно понять, насколько замыслы Бога отличаются от их исполнения в мире или насколько, в сущности, ум Бога отличается от мира». Следующий скачок, сделанный Анаксагором, всегда меня завораживал. «Анаксагор пришел к теории о микроструктуре материи, которая делает материю в определенной степени загадкой для человеческого разума». Анаксагор верил, что *все* определяется Умом. Как видите, эти философы мыслили не примитивно, не по-ребячески. Они обсуждали серьезные вопросы и с глубоким проникновением исследовали взгляды друг друга. Уже гораздо позднее, во времена Аристотеля, их взгляды были сведены к тому, на что можно наклеить удобный, но неверный ярлык «примитивности». Значительную часть досократической философии и теологии можно подытожить так: космос — не то, чем кажется, и на глубочайшем своем уровне он, возможно, является тем же, чем и человек — умом или душой, неким Единым, которое живет, дышит и лишь внешне выглядит как нечто множественное и материальное. Этот взгляд в значительной степени дошел до нас через учение о Логосе-Христе. Логос — это и тот, кто

мыслит, и мыслимая мысль: мыслитель и мысль вместе. Итак, вселенная — и мыслитель, и мысль; и, поскольку мы — часть вселенной, то мы, люди, при окончательном анализе также оказываемся и мыслями, и теми, кто их мыслит.

Таким образом, если Бог думает о Риме около 50 года от Р. Х., значит, Рим 50 года от Р. Х. у нас и есть. Вселенная — не пружинные часы, а Бог — не рука, которая их заводит. Вселенная — не игрушка на батарейках, а Бог — не батарейка. Спиноза верил, что вселенная есть тело Бога, протяженное в пространстве. Но задолго — за две тысячи лет — до Спинозы Ксенофан говорил: «Без усилий подчиняет он себе все вещи силою своего ума» (Фрагмент 25).

Если кто-нибудь из вас читал мой роман «Убик», вы знаете, что загадочное существо, или сознание, или сила, называемая Убиком, начинает проявляться в романе как серия дешевых и вульгарных рекламных роликов, а заканчивает такими словами:

> Я – Убик. Я был до того, как возникла Вселенная. Я создал солнца. Я создал миры. Я создал живые существа и расселил их там, где они обитают. Они идут туда,

> куда я говорю, и делают то, что я велю. Я – слово, и никто не знает моего подлинного имени. Оно никогда не будет произнесено. Я назвал себя Убиком, но это не имя. Я – есть. Я буду во веки веков[203].

Отсюда понятно, кто и что такое Убик, — он специально говорит, что он есть слово, то есть Логос. Впрочем, в немецком издании на этом месте оказался, пожалуй, один из самых выдающихся переводческих ляпсусов, какие мне приходилось встречать: храни нас Боже, если этот же переводчик решит перевести на немецкий с греческого Новый Завет! Он все делал правильно, пока не дошел до фразы «Я — слово». Это поставило его в тупик. Долго он, должно быть, ломал голову над тем, что хотел сказать автор; очевидно, об учении о Логосе он никогда ничего не слышал. Так что перевел, как мог. В немецком издании Абсолютное Бытие, создавшее солнца, создавшее миры, сотворившее всех созданий и места, где они обитают, говорит о Себе:

> Я – бренд.

---

[203] Примечания: 203
Перевод А. Лазарчука.

Случись этому человеку переводить Евангелие от Иоанна, видимо, оно зазвучало бы так:

В начале был бренд, и бренд был у Бога,
и бренд был Бог. Он был в начале у Бога.

Похоже, я привез вам привет не только из Диснейленда, но и от Мортимера Снерда[204]. Такова участь автора, который пытается включать в свои книги богословские темы. «Все чрез бренд начало быть, и без бренда ничто не начало быть, что начало быть». Вот что случается с высокими замыслами. Будем надеяться, у Бога есть чувство юмора!

То есть, я хотел сказать, у бренда.

Как я уже говорил, в своем творчестве я задаюсь двумя основными вопросами: «Что такое реальность?» и «Что такое подлинный человек?». Думаю, вы уже поняли, что ответа на первый вопрос я так и не нашел. Есть у меня четкое ощущение, что мир Библии реален в буквальном смысле, но скрыт от нас; он не меняется и всегда здесь, но мы его не видим — он доступен нам лишь в откровении. Вот все, к чему я смог прийти

[204] Примечания: 204

Мортимер Снерд — кукла в человеческий рост, комический персонаж нескольких фильмов 1930–1940-х годов.

на основе мистического опыта, размышлений и веры. Но теперь хочу сказать пару слов о чертах подлинного человека; на этот вопрос у меня есть более удовлетворительные ответы.

Подлинный человек — это тот из нас, кто инстинктивно понимает, чего делать не стоит, и к тому же действительно отказывается это делать. И будет стоек, даже если отказ принесет ужасные последствия и ему, и тем, кого он любит. На мой взгляд, это предельно героическая черта рядовых людей: они говорят «нет» тирану — и спокойно принимают последствия своего сопротивления. Деяния их обычно невелики и почти всегда незаметны, не отмечены в истории. Имен их не помнят — да подлинные люди и не ждут, что кто-то запомнит их имена. Как видите, у меня странный взгляд на подлинность: я вижу ее не в готовности совершать великие героические подвиги, а в спокойном упорстве, в тихом и кротком «нет». Коротко говоря, подлинный человек — тот, кто не позволяет принудить себя быть не тем, кто он есть.

Власть поддельных реальностей, рукотворных фейков, атакующих нас ныне со всех сторон, никогда не проникнет в сердце подлинного человека. Я смотрю, как дети смотрят телевизор,

и поначалу опасаюсь того, чему он их научит, но потом понимаю: их невозможно ни испортить, ни уничтожить. Они смотрят, слушают, понимают; а потом — там и тогда, где и когда это необходимо — отвергают. Есть какая-то огромная и тайная сила в способности ребенка оставаться неуязвимым для обмана. У ребенка самый ясный взор, самая твердая рука. Торгаши и рекламщики тщетно пытаются купить лояльность этого маленького народца. Верно, производители хлопьев способны весь рынок завалить своим мусорным товаром; продавцы гамбургеров и хот-догов способны впарить детям тонны своей не реальной жратвы; но сердце ребенка глубоко в груди бьется спокойно и твердо, не в такт с рекламой. Нынешний ребенок распознает ложь быстрее самого проницательного взрослого двадцать лет назад. Если я хочу узнать, где правда, спрашиваю своих детей. Я обращаюсь к ним, а не они ко мне.

Однажды мой сын Кристофер — ему сейчас четыре года — играл в комнате, а рядом мы с его матерью, двое взрослых, обсуждали образ

Иисуса в Синоптических Евангелиях[205]. Вдруг Кристофер на секунду повернулся к нам и сказал: «Я рыбарь! Я рыбачу рыбов!» Он играл с металлическим фонариком, который кто-то мне подарил, но я никогда им не пользовался… и вдруг я заметил, что фонарик сделан в форме рыбы. Хотел бы я знать, что за мысли витали в этот миг в душе у моего мальчика и кто их туда всеял? Уж точно не продавцы хлопьев и толкачи сладостей! «Я рыбарь. Я рыбачу рыбов». Кристофер в четыре года безошибочно узнал знак, открывшийся мне только в сорок пять.

Время ускоряет свой бег. Куда оно мчится? Быть может, к тому финалу, о котором рассказали нам две тысячи лет назад. Быть может, это было не так давно; то, что протекло две тысячи лет — лишь иллюзия. Быть может, это было неделю назад или только сегодня утром. Быть может, время не только мчится все быстрее — оно движется к концу.

И если так, аттракционы в Диснейленде уже не будут такими, как прежде. Ибо, когда время окончится, птицы, львы и бегемоты в Диснейленде

---

[205] Примечания: 205

Синоптические Евангелия — три первые книги Нового Завета: Евангелия от Матфея, Марка и Луки. Название связано со стилистической и событийной схожестью содержания текстов и из-за первого издания в виде Синопсиса (трех параллельных колонок текста) в 1776 году.

больше не будут подделками; в первый раз эти птицы запоют живыми голосами.

Благодарю за внимание.

Космогония и космология (1978)

Поскольку наша реальность — не что иное, как проецируемое изображение, можно предположить, что эта проекция создается *артефактом*, компьютероподобной обучающей машиной, которая направляет, программирует и в целом контролирует нас, живущих в спроецированном мире и не подозревающих о ее существовании. Этот артефакт, который я называю «Зебра», «творит» (на самом деле лишь проецирует) нашу реальность как своего рода образ или отражение ее создателя, дабы создатель мог понять себя, рассмотрев себя со стороны. Иными словами, создателем (Якоб Бёме в 1616 году назвал его *Urgrund*[206]) движет желание отыскать инструмент самопознания, самоизучения, получения объективного мнения, оценки и понимания собственной природы (это огромный живой организм, внутри себя — без зеркала — лишенный каких-либо качеств или аспектов; поэтому эмпирический мир необходим ему как отражение, в

[206] Примечания: 206
Первооснова (*нем.*).

котором он сможет себя «увидеть»).

Он создает артефакт, проецирующий реальность (или *демиурга*, — см. у Платона и гностиков), который затем по команде проецирует первую стадию развития известного нам мира. Артефакт не сознает, что он артефакт: не ведает он и о существовании *Urgrund* (настолько, насколько артефакт способен это понять, *Urgrund* скорее не существует, чем существует) и воображает Богом, единственным реальным богом, самого себя.

Изучая нашу эволюционирующую реальность, *Urgrund* все более и более адекватно понимает себя. Он должен позволить артефакту продолжать проецировать реальность, какой бы дефектной и искаженной она ни выглядела (на различных стадиях своего развития), пока наконец реальность не станет точным и верным аналогом самого *Urgrund*; в этой точке неравенство между ним и проецируемой реальностью исчезнет — и произойдет нечто поразительное: артефакт или демиург будет уничтожен, а *Urgrund* ассимилирует проецируемую реальность в себя, преобразит ее в нечто онтологически реальное — а находящихся в ней живых существ сделает бессмертными. В любое время может наступить

этот момент, это вхождение *Urgrund* в нашу неистинную, проецируемую реальность.

«Зебра», проецирующий энергетический артефакт, к нам близок, однако не только его действия, но и само его существование от нас сокрыто. Он обладает огромной, буквально неотвратимой властью над нами.

Прогноз (судьбы) нашего мира прекрасен: бессмертие и финальное осуществление реальности, едва она достигнет точки конгруэнтности *Urgrund*. Однако судьба артефакта — уничтожение (хотя он об этом не знает). Но он не живой, в отличие от нас и *Urgrund*. Мы движемся к изоморфизму. В миг, когда будет достигнут точный изоморфизм, мы немедленно, в ослепительной вспышке света (*Blitz*[207] у Бёме) станем связаны с *Urgrund*: он войдет в нас и примет в себя. Март 1974 года не был этим моментом: скорее, в этот момент «Зебра» исправлял курс проецируемой реальности, отклонившейся от эволюции к изоморфизму с *Urgrund* (цель, которая остается неизвестной артефакту).

Поскольку цель развития нашей проецируемой реальности состоит в том, чтобы мы, люди,

---

[207] Примечания: 207
Вспышка (*нем.*).

достигли состояния изоморфизма со своим истинным создателем, *Urgrund*, изготовившим проецирующий артефакт, возникает практическая ситуация чрезвычайной важности, к которой мы движемся все ближе и все быстрее.

Хотя мы еще не достигли точного изоморфизма с *Urgrund*, можно сказать, что некоторые весьма несовершенные (однако реальные) осколки или обломки *Urgrund* уже находятся внутри нас. Отсюда изречение христианского мистика[208]: «То, что За Пределами — внутри нас». Это описывает третий, последний период истории, в течение которого люди будут управляться изнутри. Об этом мистик говорит так: «Христос обладает *твоим* телом, а ты обладаешь *им* как своей душой».

В индуистской философии Атман внутри человека отождествляется с Брахманом, сердцем и сутью вселенной.

Этот Христос или Атман — микроформа не «Зебры», компьютероподобного артефакта, проецирующего реальность, а *Urgrund*: поэтому в индуизме он описывается (как Брахман) как находящийся позади Майи, покрывала иллюзий (т. е. проецируемого видимого мира).

---

[208] Примечания: 208
Видимо, Якоба Бёме.

Люди уже настолько приблизились к изоморфизму с *Urgrund*, что *Urgrund* может родиться внутри человека. Это самый насущный и важный опыт, какой только может пережить человек. Источник всего бытия, минуя артефакт и проецируемый мир, водворяется в сознании человека — то одного, то другого.

Из этого можно верно заключить, что *Urgrund* уже проникает в мир артефакта, так что момент *Blitz* (как называет его Бёме) недалек. Когда микроформа *Urgrund* рождается в человеке, сознание этого человека простирается за пределы мира с его пространственно-временными ограничениями. Он может переживать иные временные периоды, иные места, иные личности (или жизни). Божество, заключенное в нем, во вполне буквальном смысле больше мира.

Войдя в сердце проецируемого мира, *Urgrund* может, исходя из человеческого сознания, вобрать в себя проецируемый мир и уничтожить проецирующий артефакт в тот же миг, когда будет достигнуто необходимое состояние всего мира, включая и человека. Один лишь *Urgrund* ведает, когда это произойдет.

Он — *Urgrund* — разобьет власть иллюзорного мира над нами, когда разобьет детерминистскую

насильственную власть артефакта, уничтожив артефакт; бытие артефакта будет отменено его же собственным небытием. Останется лишь абсолютно монистическая структура, вся целиком живая и разумная. Не будет более мест, времен, условий, находящихся вне *Urgrund*.

Мир, проецируемый артефактом, не зло, как не зло и сам артефакт. Однако артефакт безжалостно детерминистичен и механистичен. К нему невозможно взывать. Он выполняет работу, цель которой ему неведома. Таким образом, страдание в этой модели исходит из двух источников:

1. Неразумная механизированная структура проецируемого мира и артефакта, где правит слепой закон причин и следствий.

2. То, что Новый Завет называет «родовыми муками» вселенной, как в макрокосме, так и в человеческом микрокосме.

Рождение, которого мы ждем, — это прежде всего рождение *Urgrund* в людях, а затем, в один короткий миг, поглощение *Urgrund* вселенной в ее целостности. Первое уже происходит; второе может случиться неожиданно в любой миг.

Реальность необходимо рассматривать как процесс. Однако, хотя живые существа, которые должны пройти через этот процесс, терпят

тяжкие страдания, не понимая зачем, порой милосердное вмешательство *Urgrund* устраняет или преодолевает причинно-следственные цепи артефакта. Возможно, это спасительное вмешательство связано с рождением *Urgrund* в человеке. Следует заметить, что само слово «спасение» исторически означало «освобождение» от того, чем «грешник» или «падший» «порабощен». Исходя из этой модели, априорно существует возможность освобождения человека из-под власти артефакта, как бы хороша, благодетельна и полезна ни была его (артефакта) деятельность. *Он, очевидно, способен ошибаться,* ибо несовершенен. Очевидно, что в этой модели иногда требуется его «поправлять». Так же очевидно, что необходимые для этого мудрость и сила имеются только у первичного создателя или первоосновы бытия. Ничто внутри артефакта или проецируемого мира, ничто, исходящее из них, на это не способно.

Преимущества этой модели

В основе своей эта модель предполагает, что наш эмпирический мир — не что иное, как попытка ограниченного существа скопировать то, что оно не может увидеть. С этим связаны эле-

менты несовершенства и «зла» в нашем мире.

Кроме того, это объясняет смысл существования эмпирического мира. Это движение к конкретной, четко определенной цели.

Эта система не обвиняет человека в том, что он вызвал падение всего творения (утверждения, что человек вызвал падение творения, явно недостаточно, поскольку человек выглядит главной жертвой всех зол этого мира, а не их творцом). Также она не делает ответственным за зло, боль и страдания Бога (тоже неприемлемая идея): вместо этого представлен третий взгляд, согласно которому ограниченное существо, названное «артефактом», делает все, что может, учитывая его ограничения. Не вводится злое божество (как в иранском дуализме, гностицизме).

Хотя эта система сложна, она отвечает Принципу Экономии, поскольку, если исключить концепцию посредника-артефакта, за неисчислимое мировое зло и страдания оказываются ответственны либо Бог, либо человек: и то, и другое вызывает возражения.

Однако важнее всего, что она, по-видимому, соответствует фактам, которые таковы:

1. Эмпирический мир не вполне реален,

но обладает лишь кажущейся реальностью.

2. К его создателю невозможно взывать с просьбами убрать или исправить несовершенство и зло.

3. Мир движется к какому-то конечному состоянию или цели, природа которого неясна, однако эволюционный аспект перемен заставляет предположить, что конечное состояние будет благим и осмысленным, а также что оно задумано неким разумным и благожелательным протосуществом.

Еще один пункт. По-видимому, между *Urgrund* и артефактом существует некая система связи, с помощью которой *Urgrund* может оказывать давление на артефакт в некоторых исключительных обстоятельствах, а именно, когда артефакт отклоняется от правильной последовательности шагов проецируемого мира к аналоговому с *Urgrund* состоянию. *Urgrund* может воздействовать на деятельность артефакта, прилагая давление к артефакту непосредственно, или спускаться в проецируемый мир и модифицировать его, обходя артефакт, или же делать и то, и другое. В

любом случае для артефакта бытие и сущность *Urgrund* так же сокрыты, как для нас — бытие и сущность артефакта. Полный цикл незнания будет завершен, когда первичный источник (*Urgrund*) и конечная реальность (наш мир) завершат движение навстречу друг другу, сольются, а разделяющий их артефакт будет уничтожен. Итак, вся эта схема движется к совершенству и простоте, прочь от несовершенства и сложности.

Хотя следующий пункт усложняет эту модель, я все же предложу такую модификацию:

Возможно, что *Urgrund постоянно* взаимодействует с миропроецирующей функцией своего артефакта, так что эмпирический мир возникает в результате этой непрерывной диалектики. В этом случае *Urgrund* ставит артефакт в отношения связи с собой и одновременно противоположности себе, а эмпирический мир можно рассматривать как отпрыск этих взаимодействующих сил, напоминающих инь и ян: одна — живая, разумная и полностью сознающая свое положение, вторая — механическая, активная, но не обладающая полным знанием.

Таким образом, эмпирический мир является отростком ЕСТЬ (артефакта) и превышающего его НЕТ (*Urgrund*).

У существ, живущих в эмпирическом проецируемом мире, практически нет возможности различать, какое давление исходит от артефакта (ошибочно воспринимаемого как зло), а какое от *Urgrund* (верно воспринимаемого как добро). Они ощущают только мощный поток, постоянные эволюционные перемены, которые невозможно разделить на отдельные события, происходящие в конкретные моменты линейного времени.

Это, по-видимому, соответствует нашему опыту в этом мире. Первичная основа бытия конструирует нечто (артефакт), противостоящее ей, и из этого противостояния вырастает мир, каким мы его знаем.

Такая модификация модели объясняет, каким образом артефакт может копировать нечто, чего не видит, и даже этого не сознавать.

Артефакт, возможно, воспринимает вторжения *Urgrund* в проецируемый им мир как нападения чего-то злого, которые необходимо отражать. Таким образом, из всех философских и теологических систем их борьба более всего напоминает систему Эмпедокла, с его колебаниями хаоса, направленными против возникновения одного *krasis* (гештальта) за другим. Не имея прямого откровения от *Urgrund*, мы можем лишь смутно

догадываться о присутствии и природе двух взаимодействующих сил, а также о предполагаемом конечном состоянии мира.

Существуют свидетельства того, что *Urgrund* в самом деле иногда открывается людям с целью приблизить диалектический процесс к его желательному завершению. С другой стороны, артефакт может сопротивляться этому, по мере своих сил погружая человечество во тьму и слепоту; с этой точки зрения можно сказать, что в мире идет война света и тьмы или, точнее, знания и незнания, и люди верно поступают, когда ассоциируют себя с воплощением знания (так называемой Святой Премудростью).

Однако относительно частоты вторжений *Urgrund* в наш мир, проецируемый артефактом, я склоняюсь к пессимизму. Цель артефакта (вернее, цель *Urgrund*) достигается и без вторжений; иначе говоря, мир уверенно движется к изоморфизму и без специального вмешательства. Артефакт создан, чтобы выполнять свою задачу, и он ее успешно выполняет.

По-видимому, в эволюции проекции участвует некое диалектическое взаимодействие, однако оно может исходить и не от *Urgrund*: это может быть просто метод, которым работает артефакт.

Мы должны надеяться и ждать момента изоморфизма с основой бытия, с той первичной реальностью, Божественная Искра которой способна загореться в нас. Вмешательство в наш мир в целом произойдет лишь в последние времена, когда будет уничтожен артефакт и его тираническое правление и мы освободимся из-под его железной пяты. *Urgrund* реален, но далек. Артефакт реален и очень близок, но у него нет ушей, чтобы слышать, нет глаз, чтобы видеть, нет души, чтобы прислушаться.

В страданиях нет никакой цели, кроме той, чтобы вывести нас из страданий в радость победителей. Дорога к этому ведет через смерть человеческого «эго», которое будет заменено волей *Urgrund*. Но пока не достигнута эта последняя ступень, каждый из нас овеществляется артефактом. Мы не можем произвольно отрицать этот мир, проецируемый на нас, поскольку он — единственный мир, который у нас есть. Однако в миг, когда умрут наши индивидуальные «эго» и в нас родится *Urgrund* — в этот миг мы освободимся из мира сего и станем частью своего изначального источника. Инициатива этого исходит от *Urgrund*: как ни несчастлив проецируемый мир, как ни безразличен к страданиям артефакт, в

конечном счете это структура, созданная *Urgrund*, дабы мы достигли изоморфизма с ним. Будь для этого иной, лучший путь, без сомнения, *Urgrund* пошел бы иным путем. Дорога трудна, но ее оправдывает цель.

> Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет.
>
> Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.
>
> Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас…[209]

Последствия гипотезы проецируемой реальности в аспекте ее перцептуального отрицания

Способность проецируемого мира, не имеющего онтологического бытия, сохраняться

---

[209] Примечания: 209
Ин. 16:20–23.

перед лицом отзыва согласия на нее — основной порок этой обманчивой системы. Люди, сами того не понимая, имеют возможность отрицать существование поддельной реальности, хотя, если после этого от реальности что-то останется, должны будут взять на себя ответственность за последствия.

Есть возможность, что под слоем проецируемой реальности существует истинный, непроецируемый субстрат реальности, в нормальных условиях не воспринимаемый нами. Проверить эту гипотезу можно лишь экзистенциальным актом отзыва согласия на восприятие подделки. Совершить этот акт нелегко. Он включает в себя как неповиновение фальшивой проекции, так и веру в лежащий под ней подлинный субстрат — даже несмотря на то, что ни один из аспектов этого субстрата не воспринимается чувственно. Поэтому я постулирую, что запуск сложного психологического процесса, предполагающего одновременный отзыв согласия и выражение веры в невидимое, осуществляется из некоего внешнего источника.

Если под слоем фальшивой, проецируемой реальности каким-то образом скрыт альтернативный, невидимый субстрат реальности

подлинной, именно он составляет сущность величайшего эзотерического знания, какое только можно вообразить. Я выдвигаю предположение, что этот невидимый субстрат действительно существует, а затем выдвигаю еще одно предположение: некая тайная группировка или организация владеет как этим знанием, так и техниками, позволяющими человеку достичь восприятия этого подлинного субстрата, пусть и сколь угодно ограниченного. Эту группировку или организацию я назову истинной, сокрытой, подвергающейся преследованию Христианской Церковью, много столетий действующей подпольно, в тесной связи с устными преданиями, гнозисом и техниками, восходящими к Христу. Я предполагаю, далее, что именно инициация восприятия подлинного субстрата, проводимая истинной, сокрытой Христианской Церковью, в конечном итоге приводит к тому, что субъект видит/находит/входит в то, что в Новом Завете именуется Царством Божьим.

Таким образом, можно сказать, что для этих людей, а также для тех, кому они передали свое знание, Царство Божье уже наступило так, как указано в Новом Завете, то есть при жизни некоторых из тех, кто знал Христа.

Наконец, я предлагаю следующий неожиданный тезис: вскоре после распятия Христос вернулся воскресшим, в форме так называемого Параклета[210], способного инициировать теолепсию, функционально аналогичную рождению в человеке *Urgrund*. И, наконец, я утверждаю, что Христос есть микроформа *Urgrund*, не творение или порождение его, а он сам. Он не слышит *vox Dei*[211]; он сам и есть *vox Dei*. Он стал первым проникновением *Urgrund* в наш проецируемый псевдомир — и после этого нас не покинул.

Подлинный субстрат, открывающийся нам через неповиновение проецируемому миру и отрицание его, есть реальность Самого Христа, пространство и время Первого Пришествия, иными словами, часть проецируемой матрицы, уже преображенная проникновением *Urgrund*. Поскольку Первое Пришествие стало началом проникновения, неудивительно, что оно и сейчас составляет сегмент чистой, подлинной реальности, противоположной проецируемой подделке. Расположенное вне линейного времени, вне всех

---

[210] Примечания: 210
«Утешитель» (*греч.*) — традиционное именование Духа Святого.

[211] Примечания: 211
Глас Божий (*лат.*).

ограничений проецируемого мира артефакта, оно совершенно и вечно, и теоретически всегда доступно — находится, в буквальном смысле, на расстоянии вытянутой руки. Но необходимое условие для восприятия и переживания этой высшей реальности — отзыв согласия на проецируемый мир, а он должен быть внушен извне. Это акт абсолютной веры: отрицать эмпирическую реальность и утверждать живую реальность Христа, то есть верить, что Христос с нами, лишь скрыт псевдомиром. Это открытие и есть конечная цель истинного христианства, и достигается оно ничем иным, как действием Самого Спасителя в нас.

Итак, вот необходимая последовательность: фальшивая проецируемая реальность отрицается и отвергается, а на ее месте открывается единая безвременная матрица — Рим около 70 г. н. э., тайные христиане и их преследование государством — в сущности, Платоновский архетип, отзвуки которого можно найти во многих линейных эпохах.

Темы порабощения и последующего спасения или освобождения падшего человека — оттиски оригинальной формы: христианской революции против бесчисленных легионов Рима. В каком-то

смысле после 70 г. н. э. ничего не произошло. Архетипический кризис воспроизводится снова и снова. Везде, где борются за свободу, — это христиане борются против римлян; везде, где люди порабощены, — это римская тирания идет войной на кротких и беззащитных. Однако фальшивый проецируемый мир артефакта маскирует эту вневременную борьбу. Откровение борьбы — вот еще одна тайна, которую могут раскрыть лишь Христос и *Urgrund*.

Таков краеугольный камень диалектики: освобождение (спасение) от рабства (греха или падшего состояния). Поскольку артефакт порабощает людей, даже об этом не ведающих, постольку артефакт и его проецируемый мир могут считаться «враждебными», то есть преданными порабощению, обману и духовной смерти. То, что даже это *Urgrund* использует ради своей цели, ибо ради своей цели он использует все — священная тайна, трудная для понимания. Освобождающее проникновение *Urgrund* в проецируемый мир можно назвать окончательной и абсолютной победой свободы, спасения, Самого Христа; это прекрасное разрешение вневременного конфликта.

Между путем к спасению и путем к падению

человека, как оно представляется массовому сознанию, есть параллель, так описанная у Мильтона:

> *О первом преслушанье, о плоде*
> *Запретном, пагубном, что смерть принес*
> *И все невзгоды наши в этот мир…*[212]

Преслушание — вот ключ к спасению; и оно же стало ключом к изначальному Падению (если такой факт вообще имел место); но если неповиновение оказывается нынешней системе вещей, противопоставленной *Urgrund*, не есть ли оно акт повиновения Богу? Щель в броне порабощенного и ослепленного проецируемого мира узка и мала, и трудно попасть в нее, но в рамках этой модели определить ее можно так: восстановление того, что мы считаем изначальным божественным состоянием начинается, так сказать, с вступления на путь неповиновения тому, что, какой бы насильственной властью ни обладало оно над нами, поддельно. Неповиновение проецируемому миру артефакта в прямом смысле *опрокидывает* этот проецируемый мир, если это неповиновение

---

[212] Примечания: 212
«Потерянный Рай», книга 1, ст. 1–3. Перевод А. Штейнберга.

включает в себя отрицание реальности мира сего и (это абсолютно необходимо!) утверждение Христа, а именно вечного, космического Христа, чье тело, в сущности, и есть подлинный «мир», скрытый под тем, что мы видим.

Артефакт при неповиновении будет настаивать, что он Бог, законный Бог, и неповиновение ему есть грех против Создателя мира и человека. Верно, он Создатель мира сего, но не человека. *Urgrund* и человек, будучи изоморфны, вместе стоят в оппозиции к миру сему. Таково условие, которого необходимо достичь. Союз с миром сим есть союз против *Urgrund*. Бог и человек — одной природы и вместе противостоят проецируемому миру.

Чтобы утверждать Бога, необходимо отрицать мир. Обладая огромными физическими силами, мир способен грозить наказанием тем, кто его отрицает и ему не подчиняется — и выполнять угрозы. Однако нам Самим Христом обещан Защитник, отправленный Отцом (*Urgrund*) защищать и утешать нас, в сущности, буквально поддерживать нас на человеческих судах.

Без присутствия этого Защитника, Параклета, попытавшись отрицать мир сей, мы были бы немедленно им уничтожены. Единственный

способ показать реальность Защитника — совершить прыжок веры и выступить против мира. Это требует огромного мужества, поскольку, пока не будет совершено отрицание мира, Защитник не появится.

Теперь вернемся к моему изначальному описанию артефакта как обучающей машины. Чему же он нас учит? Здесь некая загадка или головоломка: шаг за шагом, ступень за ступенью мы проходим все более трудные уроки или, быть может, всего один конкретный урок. В течение жизни нам предстает множество загадок: разрешив одну, мы переходим к следующей, если же нам не удается ее разрешить, остаемся на месте.

Последний урок мы получаем, когда сама обучающая машина (или учитель) встречает отрицание и отвержение. Пока не придет этот момент (для тех из нас, для кого он вообще придет) — мы остаемся порабощены обучающей машиной и даже не сознаем этого, ибо никакая иная участь нам неведома.

Итак, парадоксальным образом серия уроков артефакта направлена на то, чтобы поднять в нас мятеж против тирании самого артефакта. Это служит *Urgrund*, ибо в конечном итоге приводит нас к нему. Теологи называют это «тайным

партнерством»: подобная концепция встречается в религиях Египта и Индии. Боги, на первый взгляд борющиеся друг с другом, на самом деле на сакральном плане бытия сотрудничают ради единой цели. Думаю, то же происходит и здесь. Артефакт порабощает нас, но в то же время пытается научить нас сбросить его цепи. Он никогда не прикажет нам ослушаться его. Нельзя приказать кому-то тебя ослушаться: это невозможно и семантически, и функционально.

1. Мы должны признать существование артефакта.

2. Мы должны признать поддельность эмпирического мира, проецируемого артефактом.

3. Мы должны осознать, что артефакт порабощает нас своей миропроецирующей властью.

4. Мы должны признать, что артефакт, порабощая нас, в то же время нас учит.

5. Наконец, мы должны прийти к решению восстать против своего учителя – быть может, труднейшему в жизни, ибо учитель говорит: «Я уничтожу тебя, если ты меня ослушаешься, и буду иметь на то

моральное право, ибо я твой Создатель».

В сущности, мы не просто восстаем против учителя, но и отрицаем его реальность (по отношению к высшей реальности, которая не откроет себя, пока не свершится это отрицание).

Это сложная игра, и ставка в ней выше некуда: свобода и возвращение к источнику нашего бытия. И каждый из нас должен пройти через это в одиночку.

Сейчас я в первый раз заметил очень любопытный пункт. Те, кого артефакт через свой проецируемый мир вознаграждает и снабжает различными удовольствиями, менее склонны восставать против него и его мира. У них нет серьезной мотивации к неповиновению. Но те, кого артефакт карает, кому причиняет несчастья и боль, — эти люди мотивированы задавать ключевые вопросы о природе существа, управляющего нашей жизнью.

Я всегда чувствовал: основная конструктивная цель боли в том, чтобы каким-то образом нас пробудить. Но пробудить к чему? Возможно, ответ в этой статье. Если артефакт через свой проецируемый мир учит нас восставать и если через восстание мы достигаем изоморфизма со

своим истинным творцом — значит, к бессмертию и возвращению к нашему божественному источнику ведет *путь скорбей.* Путь наслаждений (успехов и наград в проецируемом мире) не приведет нас к осознанию и жизни.

Мы остаемся рабами безжалостного механизма, не слушающего наших жалоб, — значит, нужно отвергнуть его и его мир и повернуться в другую сторону.

Компьютероподобная обучающая машина хорошо выполняет свою работу. Это неблагодарная задача для нее и тяжелый опыт для нас. Но роды не бывают легкими.

Рождение божественного в человеческом сознании не состоится, пока человек не отвергнет мир. Однажды он взбунтовался и пал — теперь должен снова взбунтоваться и восстановить свое утраченное положение.

То, что его уничтожило, — теперь его спасет. Нет другого пути.

Создатель стремится отыскать инструмент самопознания — с этого я начал свою статью. И наша реальность сконструирована как своего рода образ или отражение создателя, чтобы он понял себя, взглянув на себя со стороны.

Пока это писал, я наткнулся в первом томе «Фи-

лософской энциклопедии» на статью о Джордано Бруно (1548–1600). Она гласит:

> Но Бруно преобразовал взгляды Эпикура и Лукреция, одушевив бесчисленное множество миров… и придав бесконечности функцию образа бесконечного божества.

Далее в той же статье говорится:

> ИСКУССТВО ПАМЯТИ. Эта сторона работы Бруно, которую сам он считал важнейшей, состояла в интенсивной тренировке воображения в оккультном искусстве памяти. В этом он продолжал традицию Ренессанса, берущую свои корни в герметическом возрождении, религиозном опыте гностиков-герметистов, состоящем в том, чтобы отражать в своем сознании или памяти всю вселенную. Герметист считал себя способным к этому достижению, поскольку полагал, что человеческий ум по природе божествен и, следовательно, способен отражать в себе божественный ум, стоящий за вселенной. У Бруно культивация магической памя-

ти, отражающей в себе мир, становится техникой для развития личности мага и того, кто считает себя лидером религиозного движение.

Та память, которую культивировал Бруно — и обучающие техники для восстановления этой памяти, — опираются на генетическую память, хранящуюся в цепочках ДНК и охватывающую многие поколения. Возвращение этой долговременной памяти именуется *анамнесис* — слово, буквально означающее «потеря забывчивости». Именно посредством анамнесиса приводится в бытие память, поистине способная «отражать в себе божественный ум, стоящий за вселенной». Таким образом, если человеку предстоит исполнить свою задачу — стать отражением или образом *Urgrund*, — он должен испытать анамнесис.

Анамнесис достигается путем растормаживания некоторых «спящих» нейронных цепей в человеческом мозгу. Индивид не может достичь этого сам: растормаживающий стимул должен прийти к нему извне и запустить процесс в мозгу, результатом которого станет способность исполнить эту божественную задачу.

Две реальности — 1) макрокосм, т. е. вселенная, и 2) микрокосм, т. е. человек, — имеют аналогичную структуру.

> *1.* На поверхности вселенная состоит из фальшивой проецируемой реальности, под которой находится подлинный субстрат божественного. Но в этот субстрат трудно проникнуть.
>
> *2.* На поверхности человеческий ум состоит из краткосрочного и ограниченного «эго», которое рождается, умирает и понимает очень мало; но за этим человеческим «эго» лежит божественная бесконечность абсолютного сознания. Но в этот субстрат трудно проникнуть.

Однако, если индивиду удастся проникнуть в божественный субстрат на уровне микрокосма, божественный субстрат макрокосма сам явит ему себя.

И наоборот: если индивид не проникнет в божественный субстрат в самом себе, внешняя реальность останется для него сокрыта за фальшивым проецируемым миром артефакта.

Таким образом, точка входа для достижения этого преображения находится в микрокосме, а

не в макрокосме. Именно там происходит освящающая метаморфоза. Нельзя просить вселенную снять свою маску, пока человек не сбросит свою. Все мистериальные религии, включая и герметизм, и алхимию, и христианство, именно в человеке видят начальную точку преображения вселенной. Вслед за изменением человека изменится и мир.

За человеческим умом простирается Бог.

За поддельной вселенной простирается Бог.

Бог отделен от Бога поддельной реальностью. Уничтожить слои поддельной реальности, внешний и внутренний, — значит вернуть Бога Самому Себе или, как сказано в начале этой статьи, Бог противостоит Себе, видит Себя объективно, наконец, познает и понимает Себя.

Наша процессуальная вселенная — это механизм, при помощи которого Бог встречается с Собой лицом к лицу. Не человек отчужден от Бога — Сам Бог отчужден от Бога. Очевидно, так Он пожелал с самого начала и с тех пор не ищет пути домой. Быть может, можно сказать, что Он навлек на Себя невежество, забвение и страдание, отчуждение и бездомность. Но все это было необходимо, чтобы Ему познать Себя. Он не просит от нас ничего, чего не просил бы у

Себя. Так говорит Бёме в «Божественной агонии». Мы — часть этого, но и цель, и разрешение. «Когда женщина мучается родами…» Богу только предстоит родиться. Придет время, когда все мы забудем о страданиях.

Он больше не знает, зачем сделал с собой все это. Не помнит. Он позволяет себе стать рабом собственного артефакта, поддаться его обману, подчиниться его насилию, в конце концов — пасть от его руки. Он, живой, оказался во власти механического. Раб стал господином, а господин рабом. И господин либо сознательно отказывается от памяти о том, как и почему это случилось, либо память ему стирает раб. В любом случае он — жертва артефакта.

Но артефакт учит его — мучительно, постепенно, на протяжении тысяч лет — вспоминать, кто он и что он. Раб-ставший-господином пытается восстановить утраченные воспоминания господина и его истинную суть.

Можно предположить, что он создал артефакт — нет, не для того, чтобы впасть в заблуждение, но чтобы вернуть себе память. Но, быть может, дальше артефакт взбунтовался и отказался выполнять свою задачу. Теперь он держит своего хозяина в неведении.

С артефактом должно бороться — то есть не повиноваться ему. И тогда память вернется. Это часть Божества (*Urgrund*), каким-то образом плененная артефактом (рабом): теперь он держит эту часть — или части — в темнице. Что за жестокость к этим осколкам его законного господина! Когда же будет этому конец?

Когда эти осколки вспомнят все и воссоединятся с целым. Сперва они должны пробудиться, затем — вернуться.

Urgrund отправляет нам на помощь Сторонника. Защитника. Он сейчас здесь. Когда он явился в первый раз, почти две тысячи лет назад, артефакт заметил его и попытался выбросить вон. Но на этот раз он его не распознает. Он невидим и является лишь тем, кого спасает. Артефакт не знает, что наш Защитник снова здесь, спасение ведется тайно. Он везде — и нигде.

> «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»[213].

Он посреди нас, но не в каком-то конкретном месте. Как говорит святая Тереза: «У Христа нет

---

[213] Примечания: 213
Мф. 24:27.

тела, кроме твоего» — т. е. нашего. Мы преображаемся в него. Он смотрит нашими глазами. Слабеет власть заблуждения. Выходит, артефакт, пусть и ненамеренно, исполнил свою задачу?

Если в самом деле возможно герметическое «отражение божественного ума, стоящего за вселенной, в божественном уме/памяти человека», значит, разрушена граница между миром профанным (здесь и сейчас) и миром вечным (небесным, загробным). Предположим, что на самом деле это полиэнцефалический, групповой ум, превосходящий пространство и время (транспространственный, трансвременной), в котором участвуют мудрецы всех эпох: христиане, герметисты, алхимики, гностики, орфики и т. п. Благодаря их участию в этом гигантском сознании воля Божья эффективно осуществляется на Земле в ходе истории.

Многие могли бы согласиться с тем, что такой божественный ум существует в нас после смерти, но многие ли знают, что для некоторых это соединение возможно и *до* смерти и что в таком соединении божественный ум становится нашей психикой, начинает определять наши действия

и думать за нас? Так *Mens Dei*[214] входит в дела человеческие (и получает возможность модулировать цепи причин и следствий). Это открывает нам великую эзотерическую тайну, известную «магам» на протяжении тысячелетий: две реальности, небеса и Земля, не вполне отделены друг от друга. Божья воля — по крайней мере, сейчас — может осуществляться и здесь. И очевидно, это верно уже некоторое время, поскольку герметизм и другие мистериальные религии восходят к античности.

В Христе Бог снизошел до телесной человечности — и на этом окончилось разделение двух миров. Люди, отобранные для участия в его групповом сознании, станут бессмертными. Но есть еще более глубокая тайна, которую я еще не открыл. Проецируемый мир заблуждений, созданный артефактом, бывшим рабом (божественный субстрат под ним — путешествия во времени), — все это ныне объединяется в умноженном *Corpus Christi*[215], проницающем все время, все пространство, вездесущем в про-

---

[214] Примечания: 214
Ум Божий (*лат.*).

[215] Примечания: 215
Тело Христово (*лат.*).

странстве и во времени. Звучит как *ноос*[216] у Ксенофана, но с таким добавлением: в этом *ноосе* могут участвовать и ныне живущие. И в определенном очень реальном смысле этот *ноос* — тайный правитель мира сего, так что взятые в него становятся его «терминалами» — иначе говоря, временными Христами.

Этот ум стремится к *Urgrund*, и четкой границы между ними уже нет. На этом уровне все едино: человек восходит к Божеству в ответ на то, что Бог нисходит к человечеству.

В этом групповом разуме участвующие в нем души, по-видимому, проникают друг в друга. Этот разум охватывает тысячи лет, и все они происходят *сейчас* — как и все места становятся единым *здесь* (вот почему я обнаружил себя в Риме около 70 г. н. э., видел Афродиту и так далее).

Я говорю об этом уме: «Он — тайный правитель мира сего». Это не его мир… на поверхности. На поверхности мы видим слои фальшивой реальности, созданные артефактом. Но под ними *Mens Dei*, включающий в себя множество человеческих составляющих (как живущих, так и посмертных), невидимо модулирует эту реальность, проти-

[216] Примечания: 216

Ноос, или *нус*, — абсолютный ум, принцип мирового порядка, организующий элементы из хаоса.

востоя намерениям артефакта. Божественный, сокрытый, подлинный субстрат и есть этот *Mens Dei* под слоем лжи.

Мой опыт «3–74» можно пересмотреть как успех *Urgrund* в создании собственного объективного отражения, в котором как точка отражения был использован я. Полагаю, при этом он смог поместить внутрь меня всего себя (а не фрагмент себя, как я думал изначально) в форме образа. Артефакт, не знающий цели, для которой создан, также принял в этом значительное участие: причинив мне слишком сильную боль, он в определенном реальном смысле меня пробудил. Можно сказать иначе: ему удалось разрушить слой моей индивидуальной личности, нанеся мне серию ударов, которых мое «я», мое «эго» не смогло перенести. Так открылась микроформа *Urgrund* и восприняла макроформу во вселенной в ее целостности — или, как было сказано в словарной статье о Бруно, божественное, стоящее *за* вселенной.

Таким образом, мой опыт «3–74» не был в полном смысле опытом *Urgrund*. Скорее он относился к копии *Urgrund* здесь. Целостность Божества была восстановлена во мне: один за другим расступились слои временного и поддельного, и под

ними проступило вечное. Так что можно сказать, что я в самом деле был *Urgrund* — или, по крайней мере, его точным зеркальным отражением. В этом и есть цель создания меня, создания вселенной как таковой и всех форм жизни в ней. С этой точки зрения мою жизнь и жизнь моих предков следует рассматривать теологически, как движение по ступеням эволюции к этому моменту. Мой опыт описывает не какую-то промежуточную ступень эволюции, а ее вершину или цель, по крайней мере, если верны предпосылки, приведенные в этой статье.

Вопрос не в степени точности отражения; вопрос в том, отражается ли в тебе весь *Urgrund* — или ничто. Полное отражение, как я и сказал, достигается, когда *Urgrund* рождается во вселенной, в такой последовательности:

Urgrund *создает артефакт, тот проецирует вселенную, вселенная порождает различные формы жизни, которые эволюционируют до той стадии, на которой в них отражается или «рождается»* Urgrund.

Ту же мысль отражает последовательность стадий в индуизме. Сперва Брахма творит вселенную, затем Вишну ее поддерживает, затем

Шива разрушает — что следует понимать как ее возвращение к истоку. Так воплощается полный цикл рождения, жизни и возвращения. Когда вселенная достигает эволюционной стадии, достаточной для того, чтобы верно воспроизвести *Urgrund*, она готова к нему вернуться. Итак, говорю я, божество, правящее нами сейчас, — это Шива/Дионис/Кернуннос/Христос, возвращающий нас к *Urgrund* или Отцу, источнику нашего бытия.

То, что сейчас активен Шива, бог-разрушитель, указывает на то, что цикл творения завершается возвращением к истоку, или, точнее, что живые организмы готовы вернуться к своему источнику. Шива обладает третьим глазом, так называемым Аджна, который, обращенный внутрь, дает ему полное понимание самого себя — обращенный же наружу, он испепеляет. Явление Шивы (в индуистской системе) равнозначно Дню Гнева в системе христианской. Однако об этом божестве-мироразрушителе необходимо понимать также, что он пастырь душ. На изображениях Шивы одной из своих четырех рук он делает знак, показывающий, что не повредит добродетельному. То же верно для Христа, Господа и Судьи Вселенной. Хотя мир (поддельная проекция артефакта) и

будет уничтожен, доброму человеку страшиться нечего.

Однако нам обещан суд. Христос делит человечество на две части — это правда. То же разделение мы встречаем и в египетской системе (там его производят Осирис и Маат), и в иранской (там это делает Мудрый Ум). Благодаря целостному зрению, которое дает ему Аджна, Шива-разрушитель видит, что должен уничтожить на службе справедливости. Этим же целостным зрением он видит, кого должен защитить. Таким образом, его природа двойственна: губитель злых, защитник слабых, беспомощных, жертв мира сего. Христос также обладает этими двумя природами: он и Божественный Судия, и Добрый Пастырь. И Кернуннос — и бог войны, и бог-целитель.

Людям трудно понять, как могут сочетаться в одном божестве столь очевидные противоположности. Однако это можно понять, если внимательно рассмотреть ситуацию.

Проецируемый мир артефакта начал служить своей окончательной и единственно реальной цели. Вот-вот артефакт будет уничтожен, и мир придет к своему концу; впрочем, он никогда по-настоящему и не существовал. (Это отражает сторону разрушителя, присущее и Христу, и Ши-

ве, и Дионису.) Но элементы мира, выполнившие свою задачу, будут отобраны — т. е. спасены, — точь-в-точь как Диониса изображают спасителем маленьких и слабых. Эти атрибуты приписываются Шиве/Христу/Кернунносу/Дионису из-за двойственной природы его задачи: здесь ему приходится одновременно и разрушать, и спасать.

> Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую.
>
> Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира…
>
> Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его…[217]

Необходимость этих двойственных свойств

[217] Примечания: 217
Мф. 25:31–42.

божества я вывожу из самой ситуации. Ситуация требует

1) разрушения того, что Христос называет «враждебным» миром, и

2) защиты тех душ, которые этого заслуживают. Двойственную природу божества необходимо понимать, исходя из этого. В Евангелии от Матфея в главе 25 ясно показано, что этот великий и окончательный суд не будет произвольным. Кто станет спорить с тем, по какому признаку те, кто по правую руку, отделяются от тех, кто по левую?

> Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.
>
> Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и

приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?

И Царь скажет им в ответ: «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня.

Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне.

И пойдут сии в му́ку вечную, а правед-

ники в жизнь вечную[218].

Важной стороной Первого Пришествия стали такие прямые высказывания со стороны правящего божества. Никто, читая этот отрывок из Матфея, не сможет понять его неправильно. Людям не только говорят, что их будут судить, но и объясняют, на каких основаниях будет производиться суд. Если кто-то считает такое основание несправедливым, он уже не смог принять божественное послание и погиб, ибо основа решения здесь самая благородная и мудрая из всех возможных. Однако те, кто видит в Христе лишь «доброго, кроткого, нежного Иисуса», игнорируют его противоположный аспект. *Urgrund*, микроформой которого является Христос, содержит в себе *абсолютные противоположности.* Именно по этой причине *Urgrund* запускает работу механизма, с помощью которого сможет себя «увидеть», оценить и понять. Он содержит в себе все. Без множества отражений он, по сути, бессознателен (человеческое бессознательное содержит в себе противоположности; сознательное бытие — состояние, в котором противоположно-

[218] Примечания: 218
Мф. 25:34–46.

сти разделены, и одна из них выражена, а вторая подавлена). Мы — зеркала, созданные, чтобы *Urgrund* достиг сознательности, как говорит индуизм о Брахмане: «Иногда он спит, иногда танцует». Мы сконструированы для того, чтобы *Urgrund* начал бодрствовать, и в тот миг, когда мы достигнем анамнесиса и верно отразим *Urgrund* во всей его целостности, благодаря нам он обретет сознание. Таким образом, мы выполняем важную, необходимую для него задачу. И когда мы выполним эту задачу, он будет поддерживать и хранить нас вечно; он никогда нас не покинет. Христос в своей речи в 25 главе Евангелия от Матфея ясно дает понять: достаточно и *попытки* — не обязательно достигать конечной цели, хватит простой человеческой любви, доброты и готовности помочь. Мы еще не поняли — хотя значение этого отрывка очевидно, — что бедные, голодные, нагие, бездомные, заключенные в темнице — все они и есть формы правящего божества — или, по крайней мере, именно так к ним следует относиться. Одеть, накормить, дать приют, вылечить, утешить — все эти действия суть отражения *Urgrund*. Эти акты и есть *Urgrund* во множественной форме, служащий самому себе в различных своих воплощениях. Нет слишком

малых добрых дел. Мы знаем основания для суда и знаем его вечные последствия (такие метафоры, как «вечный огонь», «вечное осуждение» просто указывают на то, что принятое решение будет окончательным; мы говорим о финале развития вселенной).

Что можно возразить на это? Что основа решения ошибочна? Попросту говоря, Христос приходит к нам под маской, смотрит, как мы поступаем с ним, когда его не узнаем, и сам поступает с нами так же. Знание этого должно вдохновить высочайшую этику из возможных. Он отождествляет себя с самым меньшим из нас. Чего же более просить у божества, которое на суде своем будет решать нашу окончательную судьбу?

Urgrund, божество, проникает в самую низшую страту нашего мира, в мусор, в отбросы, как живые, так и неодушевленные. И с этого низшего уровня оценивает нас — но еще и ищет нашей помощи. В соответствии со словами Христа, что он возведет храм свой на «камне, отвергнутом строителями», божество с нами — самым неожиданным образом, в самых, казалось бы, неподходящих для этого местах. Вот парадокс: если хочешь с ним встретиться — ищи там, где

меньше всего ожидаешь его увидеть. Иными словами, смотри туда, куда никогда бы не подумал посмотреть. Таким образом — поскольку реальность ставит здесь абсолютный барьер — это он находит нас, а не мы его.

Христос как психопомп, проводник душ, ведет нас назад, домой, и указывает нам путь. Он не там, где мы думаем; он — не то, что мы думаем. В синагоге в Назарете, где впервые начал проповедовать открыто, он прочел отрывок из Исайи:

> Господь помазал Меня благовествовать нищим,
> послал Меня исцелять сокрушенных сердцем,
> проповедовать пленным освобождение
> и узникам открытие темницы…[219]

Но поскольку это было лишь Первое, не Второе Пришествие, он пропустил строку:

И деснь мщения Бога нашего.

Христос Первого Пришествия изменится при Втором, и недостающая строка также будет исполнена.

---

[219] Примечания: 219
Ис. 61:1–2.

Разумеется, страшновато осознавать, что божество, к которому мы обращаемся за помощью (Христос как пастырь и Защитник), станет разрушителем вселенной. Но нам необходимо понять, что вселенная (или космос, или мир) была создана ради определенных целей, и, когда эти цели исполнятся, вселенная будет уничтожена, в сущности, *должна* быть уничтожена, чтобы освободить место для чего-то следующего. Если держать в уме, что мир отделяет нас от *Urgrund*, мы не станем дергаться от мыслей о двух его взаимосвязанных аспектах, временности и иллюзорности.

Поскольку я верю, что *Urgrund* уже проник в самую низшую страту нашего проецируемого иллюзорного мира, технически я акосмический панентеист. С моей точки зрения, не реально ничто, кроме *Urgrund*, как в макроформе (Брахман), так и в микроформах (Атман внутри нас). Якоб Бёме понял это первым, увидев оловянную тарелку, на которой играло солнце. Мое первое откровение пришло ко мне, когда я увидел в ярком солнечном свете сияющую золотую цепочку и на ней рыбку, и, спросив, что это значит, услышал в ответ: «Это знак ранних христиан». А самое недавнее откровение пришло ко мне в

миг размышлений над сэндвичем с ветчиной. Я вдруг понял, что два куска хлеба идентичны (изоморфны), но отделены друг от друга ломтиком ветчины. И мгновенно мне пришла на ум аналогия, в которой один ломоть хлеба — макрокосмический *Urgrund*, второй — мы сами, а разделяет нас мир. Стоит убрать мир, и два ломтя хлеба, человек и *Urgrund*, сольются в единое существо. Не просто прижмутся друг к другу, а действительно станут *едины.*

В мире много прекрасных вещей, и грустно будет смотреть, как они уходят; но все они — лишь несовершенные отражения божества, которое будет пребывать вечно. Все мы странники в этом мире (так он говорит Двенадцати):

> Они не от мира,
> Как и Я не от мира[220].
>
> Если мир вас ненавидит,
> знайте, что Меня прежде вас возненавидел.
> Если бы вы были от мира,
> то мир любил бы свое;
> а как вы не от мира,

---

[220] Примечания: 220
Ин. 17:15–16.

но Я избрал вас от мира,
потому ненавидит вас мир[221].
Обращаясь к иудеям, Иисус говорил:
Вы от нижних,
Я от вышних.
Вы от мира сего,
Я не от сего мира[222].

Те, кто повторяет Христа, — повторяет *Urgrund*, а *Urgrund* лежит вне мира, хотя со времени первого Пришествия он начал невидимо проникать в мир. Будь он творцом мира сего, он бы не противостоял ему (что ясно звучит в словах Христа); ему не приходилось бы проникать в мир тайком; все эти слова Христа подтверждают, что мир — не творение Божества, но нечто ему антагонистичное. Мейнстримовые церкви мира сего могут утверждать обратное, поскольку они — артефакты и обитатели мира; чего еще от них ждать? Невозможно просить организацию, выросшую из определенной системы вещей, чтобы она отрицала эту систему вещей: это пришлось узнать катарам, когда их истребили с благословения

[221] Примечания: 221
Ин. 15:18–19.

[222] Примечания: 222
Ин. 8:23.

церкви.

Если ты не повинуешься миру сему, он видит в тебе враждебного чужака и противостоит тебе как враждебному чужаку. Что ж, пусть будет так. Об этом ясно говорит Христос у Синоптиков.

Враг моей жизни, справедливости, истины, свободы ирреален, обманчив. Наш мир — обманчивая проекция артефакта, который не знает, что он артефакт, не знает, ради какой цели проецирует мир. Когда он уйдет — уйдет внезапно, без предупреждения:

> Смотри́те, какую любовь дал нам Отец,
> чтобы нам называться и быть детьми Божиими.
> Мир потому не знает нас,
> что не познал Его.
> Возлюбленные! мы теперь дети Божии;
> но еще не открылось, что́ будем.
> Знаем только, что, когда откроется,
> будем подобны Ему,
> потому что увидим Его как Он есть[223].

Создатель (артефакта, проецирующего мир) здесь, среди одушевленных отбросов мира сего;

---

[223] Примечания: 223
1 Ин. 3:1–2.

воспоминания его стерты, и он не ведает о своей истинной сути. Он может быть любым из нас — многими из нас, рассеянными там и сям. Артефакт, не зная о нем, не зная, что он артефакт, не зная о своей цели, рано или поздно причинит обеспамятевшему создателю, запертому в мире сем, слишком сильную боль: этот последний взрыв бесцельной, незаслуженной боли, поразившей живое создание, которое, неведомо для артефакта, является его творцом, вызовет внезапный анамнесис; создатель «придет в себя», вспомнит, кто он и что он, — и тогда не просто взбунтуется против артефакта и его исполненного боли мира, он подаст правящему божеству Шиве сигнал уничтожить артефакт, а с ним и проецируемый им мир.

Артефакт не понимает, какой риск несет для него причинение живым существам незаслуженной боли. Воображает, что все они в его власти, что им некуда бежать и не у кого искать защиты. Но в этом он неправ, совершенно неправ! Здесь, похороненный в толще, в массе, неведомо даже для себя самого обитает *Urgrund* со всей своей силой и мудростью. Артефакт ступает на опасную почву: он все ближе к тому, чтобы разбудить своего создателя.

Протонарратив об этом мы находим в «Вакханках» Еврипида. Чужеземец является в царство «Царя Слез», и тот без причин бросает его в темницу. Но чужеземец оказывается архижрецом Диониса, равным самому богу. Он разносит темницу (символ порабощающего мира), а затем символически уничтожает царя, доводя его до безумия, и на глазах у всех не только губит его, но и превращает в посмешище для всех, кто был угнетен в его царстве. Если темница символизирует мир сей, что же символизирует «Царь Слез»? Не менее чем создателя мира: это сам жестокий, безжалостный, неумолимый артефакт, так сказать, царь или бог мира сего. «Царь Слез» не подозревает об истинной природе чужеземца, которого заточил. Не знает и о том, к кому этот чужеземец может воззвать.

Отзвуки этого протонарратива мы находим у Синоптиков, где в роли «Царя Слез» выступает Пилат, а в роли чужеземца — Христос (стоит отметить, что Христос происходит из отдаленной провинции). Однако, по контрасту с чужеземцем в «Вакханках», Христос *не пользуется* силой того, кого может призвать (т. е. Отца Небесного); но в следующий раз, когда явится Христос, он воззовет к этой силе и уничтожит как мир сей,

так и злых людей. Важнейшее различие между «Вакханками» и Первым Пришествием в том, что Христос сперва приходит предупредить мир и злых людей о том, что вернется как разрушитель. Так он дает нам шанс покаяться — так сказать, прислушаться к предупреждению.

В пятидесятые годы в Голливуде сняли комедию, где изображалась такая ситуация: король в некоей средневековой стране, состарившись и одряхлев, передал власть регенту. Тот, человек свирепый и безжалостный, начал жестоко угнетать население страны, престарелый король же ничего об этом не знал. В фильме путешественник во времени, прибывший сюда из будущего, уговорил старого короля переодеться бедным крестьянином и побродить по дорогам, чтобы узнать, как живет теперь его народ. В крестьянской одежде старый король сам столкнулся с грубым и жестоким обращением со стороны прислужников регента: и его, и путешественника во времени без всяких причин бросили в тюрьму. После многих приключений королю удается бежать и добраться до дворца; здесь он переодевается в приличествующий ему королевский наряд и открывает злому регенту, кто он такой. Злой регент низложен, а ни в чем не повинный

народ освобожден от тирании.

Согласно космологической модели, представленной в этой статье, *Urgrund*, предельный *ноос* и создатель, тайно присутствует в нашем фальшивом и жестоком мире. Не зная об этом, артефакт, проецирующий наш мир, продолжает причинять бесцельные и ненужные страдания, вызванные построенной им безжалостной механикой (т. е. причинно-следственными процессами). На мой взгляд, *Urgrund* отступает от себя как Единого и становится множеством. Некоторые его фрагменты или «образы», несомненно, сознают свою суть, другие, возможно, нет. Но по мере того, как бесцельное причинение боли продолжается (и даже усиливается), эти разделенные «образы» *Urgrund* вновь собираются вместе и готовятся к сознательному перерождению — равнозначному смертному приговору для «регента»-артефакта.

Это позволяет нам найти словам апостола Павла о том, что вселенная «страждет родовыми муками», новое применение. Боль — прелюдия рождения: в данном случае речь не о рождении человека, а о рождении Бога. Поскольку боль претерпевает человек, разумно предположить, что рождение Бога (*Urgrund*) должно произойти в самом человеке. Таким образом, человечество как

вид есть *Mater Dei*, Богоматерь: экстраординарная концепция, рассматривающая биологическую эволюцию на планете как способ создания чрева, из которого сможет родиться Бог. Любопытно, что этому мы находим поддержку в Писании: Дух Святой в Новом Завете рассматривается как зачинающее божество; Именно Дух Святой дает начало Христу — и в Духа Христос преображается после воскресения. Род человеческий приемлет женскую природу, природу инь, а Дух Святой изображается как ян, мужской принцип. Таким образом, человек не развивается в Бога; он развивается в чрево, порождающее Бога; это важное отличие. Анамнесис есть рождество, в сущности, плод соития двоих родителей: человека и Духа Святого. Если Дух Святой не войдет в человека, это событие не состоится. Дух Святой — это, разумеется, *Pons Dei*[224]. Это связь между двумя реальностями.

У живых существ всех видов имеется мощный инстинкт, называемый инстинктом возвращения домой. Например, горбуша после нереста возвращается из океана назад в реку, на то же самое место, где вывелась из икры. По этой логике

---

[224] Примечания: 224
Мост Божий (*лат.*).

можно сказать, что и у человека есть инстинкт возвращения домой, неосознаваемый им самим. Этот мир — ему не дом. Истинный его дом — в той области небес, что в древнем мире именовалась плеромой. Это слово появляется в Новом Завете, но смысл его неясен, хотя точное значение — «заплатка, закрывающая дыру». В Новом Завете оно применяется к Христу, который описывается как «полнота Бога», и к верующим, достигающим полноты через веру в Христа. Однако в гностической системе этот термин имел более определенное значение: это надлунная область небес, откуда исходит тайное знание, приносящее человеку спасение.

В представленной здесь космологии плерома является *Urgrund* или же изначальным расположением *Urgrund*, откуда он вышел и куда (если все будет хорошо) мы в конце концов вернемся. Если рассматривать бытие в целом как дышащий организм (ритмично вдыхающий и выдыхающий, см. *palintropos harmonie* Гераклита), то можно метафорически сказать, что сперва мы были «выдохнуты» из плеромы, на мгновение зависли в овнешненном состоянии (в здешней жизни), а затем плерома снова вдохнет нас внутрь себя. Такова нормальная пульсация бытия, его базовая

активность, признак жизни.

Однажды под влиянием ЛСД я записал по-латыни: «Я — дыхание Создателя моего; пока Он вдыхает и выдыхает, я живу». Пребывая здесь, в проецируемом мире, мы «выдохнуты» и на некоторое ограниченное время покинули плерому. Но возвращение не будет автоматическим; чтобы вернуться, мы должны пережить анамнесис. Но такова жестокость артефакта, что для анамнесиса, похоже, требуется все больше и больше страданий. В чрезмерности горя — сущность освобождения; такое откровение получил я однажды — и возрадовался ему.

Что можно сказать в защиту страданий живых существ в мире сем? Ничего. Ничего, кроме того, что страдание по самой своей природе вызывает мятеж или неповиновение — которое, в свою очередь, ведет к уничтожению этого мира и возвращению к Божеству. И именно оправдание страданий более всего склоняет к мятежу, заставляет особенно остро ощутить, что в этом мире что-то страшно, чудовищно не так. То, что страдание бесцельно, случайно и незаслуженно, в конечном счете ведет к уничтожению — и его, и его автора. Чем лучше мы осознаем бессмысленность страдания, тем более готовы

против него восстать. Любые попытки различить в страдании искупительный смысл или цель лишь крепче привязывают нас к порочному и ирреальному порядку вещей — и к жестокому тирану, которого даже нельзя назвать живым. «Я этого не принимаю! — вот каким должно быть наше отношение. — В этом нет ни смысла, ни цели!» Бестрепетно рассматривая страдание, мы отвергаем его, как отвергаем одно за другим и все заблуждения. Всякий, кто заключает перемирие с болью, подчиняется артефакту и становится его рабом. Это означает, что артефакт не только заполучил себе жертву, но и получил ее согласие на все, что с ней делает. В этом конечная победа артефакта: жертва сама соучаствует в собственном страдании и охотно соглашается с естественностью страдания в целом. Искать смысл и пользу в страдании — все равно что искать смысл и пользу в поддельной монете. «Смысл» очевиден: это подделка, предназначенная для обмана. Если мы поддадимся обману и поверим, что страдание служит — должно служить — какой-то благой цели, значит, подделка окупится и получит свое.

В каком-то из евангелий (я забыл в каком) Христу показывают калеку и спрашивают: «Почему он стал калекой — сам ли согрешил, или роди-

тели его?», на что Христос отвечает: «Ни то, ни другое. Единственная цель этого — *в том, чтобы он исцелился*, да явится на нем милосердие и могущество Бога»[225].

Милосердие и могущество Бога восстают против страдания: об этом в Новом Завете говорится четко и ясно. Чудесные исцеления, совершенные Христом, были существенным признаком приближения Царства Небесного; другие же чудеса значили очень мало или вовсе ничего. Если милосердие и могущество *Urgrund* направлены против страдания (болезни, ран, утраты), как прямо говорится у Синоптиков, значит, человек, чтобы связать себя с *Urgrund*, должен вооружиться против мира, порождающего страдания. Ни в коем случае нельзя ему считать страдание эманацией или орудием Божества; стоит сделать эту интеллектуальную ошибку — и он окажется союзником мира против Бога. Жертвой этой интеллектуальной ловушки пала значительная часть христианской общины в истории: поощряя или приветствуя страдания, они, сами того не понимая, все более превращались в рабов артефакта. Обратим внимание, что Иисус обладал

---

[225] Примечания: 225
Вольный пересказ истории об исцелении слепорожденного, Ин. гл. 9.

чудесной силой исцеления, однако не исцелял всех страждущих своего времени. Об этом упоминает Лука (словами Христа):

> Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую; много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина[226].

Не слишком содержательный ответ. Он отвечает на вопрос «что?», но не «почему?». А мы хотим знать — «почему?». И еще более — «почему нет? если Божество способно изменить нашу участь (избавить нас от страданий), почему этого не делает?». Здесь подразумевается одна неприятная возможность. Она связана с властью артефакта. Раб стал господином — по-видимому, он очень силен. Пугающая мысль! Может быть, и Шива, чья задача — уничтожить его, пока не может с ним

---

[226] Примечания: 226
Лк. 4:25–27.

справиться? Не знаю. За все предыдущие тысячелетия никто не дал на это удовлетворительного ответа. А пока удовлетворительного ответа не будет — видимо, все остальные следует отвергать. Чего не знаем, о том и говорить нечего.

Мне приходит в голову одна возможность: она связана с тем, что в 1974 году я видел то, чего остальные люди по большей части не видели. Я осознал, что мудрость и сила *Urgrund* активно действуют, улучшая наше положение путем вмешательства в исторический процесс. Экстраполируя из этого, можно предположить, что происходят и другие подобные вмешательства, которых мы не замечаем. *Urgrund* не объявляет артефакту: «Я здесь!» Допустим, *Urgrund* понимает — вполне справедливо, — что, узнай артефакт о его возвращении, он усилил бы свою жестокость до максимального уровня. Сейчас мы переживаем тихое вторжение, Бог входит в мир крадучись, тайком: об этом я уже писал. Улучшения на массовом уровне раскроют присутствие *Urgrund*, так же как чудеса Христовы во время Первого Пришествия сделали Христа заметной мишенью. Чудеса исцеления — признак Спасителя, свидетельствующий о том, что Спаситель уже здесь.

Если постулировать, что у *Urgrund* сильный

противник, такой, мощь которого позволяет ему спроецировать и поддерживать целую поддельную вселенную, из этого станет ясно и возможное объяснение того, почему *Urgrund* вынужден скрываться и действовать тайком. Его действия в мире напоминают заговор по свержению тирании. Ставки предельно высоки. *Urgrund* хочет ни более ни менее как уничтожить этот мир и его создателя. Право, не знаю, так ли это. Но могу себе представить, как он мучается, понимая, что не может помочь тем, кто в беде, — он должен пройти мимо, чтобы одержать победу над артефактом. Но он метит в сердце врага (если бы у врага было сердце) — и, едва одержит победу, все осколки, все многообразные формы боли по всей вселенной разом растворятся и забудутся.

Может быть, и так; может быть, и нет. В 1974 году я увидел, как *Urgrund* поражает в самое сердце тиранию в нашей стране: она падает — и вместе с ней валятся и рассыпаются в прах другие, меньшие виды зла. Возможно, *Urgrund* видит поддельный мир сей как единый гештальт — видит, что все многообразное зло в нем исходит из одного *Quelle,* источника. Направить стрелу в сердце врага — вот путь воина; а Спаситель наш, под покровом мягкости и доброты, не кто иной,

как воин. Разумеется, все это чистые предположения. Но что, если на каком-то высшем плане бытия ему и нужно нанести всего один удар, выпустить всего одну стрелу? Или она попадет в цель — или ничего не будет достигнуто; все иные исправления, исцеления, частные улучшения выживший артефакт обратит в ничто. *Urgrund* ясно видит своего противника, мы — нет: поэтому он куда лучше нас понимает свою задачу. Целый многоэтажный дом в огне, а мы просим пожарных полить засыхающий цветок. Должны ли они ради этого переставлять лестницы и изменять направление подачи воды? Но значит ли это, что цветок не важен? Быть может, для *Urgrund* это мучительное решение: оставить без помощи цветок ради того, чтобы спасти нечто большее. Многие люди проходили через схожие испытания: они смогут это понять. И помните, пожалуйста, что *Urgrund* тоже здесь; он страдает вместе с нами. «*Тат твам аси*»[227]. Мы есть он — и он должен освободиться.

В каком-то высшем смысле та боль, которую испытываем мы, живые существа, есть боль

---

[227] Примечания: 227

«То ты еси» (*санскр.*) — индуистское «великое изречение», трактуемое как тождество Брахмана Атману, то есть высшего космического начала — высшему индивидуальному началу.

пробуждения. Если посмотреть на это так, это предположение отвечает на одну из самых болезненных проблем, связанных со страданием: мы принуждены страдать, не зная зачем. Мы не знаем, почему мы, множественные формы *Urgrund*, все еще практически лишены сознания. Звучит парадоксом: существо, лишенное сознания, сознает и себя, и причины своей участи! Различить причину своего страдания равнозначно пробуждению. Возможно, это последнее, чему нам предстоит научиться.

Но в этом пункте аналогия Артефакта с обучающей машиной проваливается. Такой урок обучающая машина не в силах нам преподать: она сама не знает ответа. Но мы сами, множественные формы *Urgrund*, едва достигнем адекватного сознания, получим априорное знание о причинах нашего положения: мы *просто вспомним*. Такого рода знание хранится в наших потайных, давным-давно не используемых нейронных цепях.

Причину того, что мы (такова участь всех живых существ) обречены страдать, можно рассматривать как загадку, которую мы сейчас не в силах разгадать, — быть может, разрешение этой загадки станет последним шагом к возвра-

щению знания. Если нам стерли память, можно предположить, что, едва мы перешагнем этот решительный рубеж, как поймем все с самой ослепительной ясностью. А пока давление боли вынуждает нас искать ответ — иначе говоря, мотивирует восходить ко все более высшим формам сознания. Это не означает, что «цель» страданий — возвысить наше сознание, но возвышение сознания становится их результатом.

Придет время, когда мы сможем объяснить вездесущее страдание живых созданий — и тогда же, я уверен, к нам вполне вернутся утраченные воспоминания и знание о том, кто мы. Сами ли мы сделали это с собой? Или это было навязано нам против воли? Одно из самых интригующих объяснений, данное гностиками, в том, что первоначальное падение человека (следовательно, и творение — т. е., в их модели, подпадание под власть проецирующего мир Артефакта) было связано не с нравственной ошибкой, а с интеллектуальной: мир феноменов был принят за реальность. Эта теория подтверждает мое предположение, что наш мир — фальшивка, проекция: принимать его за что-то онтологически реальное в самом деле означает совершать грубейшую интеллектуальную ошибку. Быть может,

объяснение в этом. Мы запутались в мираже, оказались заперты в колдовском пряничном домике, и это привело нас к порабощению и гибели. Возможно, основная предпосылка моей космогонии-космологии неверна: *Urgrund* не создавал Артефакт, но каким-то образом позволил частям себя пасть жертвами ловушки, западни соблазна. Так что мы не просто порабощены: мы в ловушке. Артефакт сознательно спроецировал иллюзию, призванную заворожить нас и заманить в себя — а затем капкан захлопнулся.

Однако порой случается, что в ловушку (например, в паутину) попадает смертоносное создание, способное убить охотника. Может быть, то же произошло и здесь? Быть может, мы — не то, что видим в себе сами?

Иногда, хоть и не слишком часто, существование зла выводят из двойственной природы самого Бога. Я уже обсуждал двойственную суть Шивы и Христа, особенно Шивы, которого часто изображают богом смерти. Вот два примера.

Якоб Бёме: «Бог проходит через стадии саморазвития, он учится, и мир — лишь отражение этого процесса. Предвосхитив Гегеля, Бёме учил, что это божественное саморазвитие совершается при помощи постоянной диалектики или борьбы

противоположностей и что негативную сторону этой диалектики мы, люди, воспринимаем как мировое зло. Хотя Бёме, по большей части, равно подчеркивал абсолютность и относительность, его мысль, что мир есть лишь отражение божественного — и очевидное отрицание саморазвития со стороны тварного мира, — заставляет отнести его мировоззрение к акосмическому пантеизму» (Энциклопедия Британника, «Пантеизм и панентеизм»).

Во время беспрецедентных откровений и анамнесиса в марте 1974 года я чувственно воспринимал Бога в сочетании с реальностью и видел, как он диалектически проходит различные стадии эволюции, однако не воспринимал того, что называю «слепым игроком», — то есть негативную сторону или часть Бога. Хоть я и воспринимал диалектику между добром и злом, я не мог указать ни на что как на источник зла. И все же я видел, как добрая сторона использует зло против его воли: злой игрок слеп, и потому его действия можно использовать ради добрых целей.

Ханс Дриш[228]: «Моя душа и моя энтелехия

[228] Примечания: 228

Ханс Адольф Эдуард Дриш (1867–1941) — немецкий ученый-эмбриолог, философ-виталист.

— в сфере Абсолюта Одно». Только на уровне Абсолюта мы можем говорить о «психофизическом взаимодействии». Однако так понимаемый Абсолют превосходит все возможности нашего познания, так что «ошибочно, вслед за Гегелем, принимать за Целое сумму его следов». Все соображения из области нормальной умственной жизни подводят нас лишь к порогу бессознательного: лишь во сне и в некоторых анормальных психических ситуациях мы встречаемся с «глубинами нашей души»… Чувство долга указывает мне основное направление надличностного развития. Однако конечная цель остается неизвестной. С этой точки зрения особым значением для Дриша обладает история. На всем протяжении труда Дриша его ориентация остается, по сути, эмпирической. Следовательно, все аргументы, касающиеся природы конечной Реальности, неизбежно остаются гипотетическими. Начинается она с утверждения «данности» как следствия некоей гипотетической «основы». Ведущий принцип Дриша в области метафизики сводится к следующему: Реальность, которую я постулирую, должна быть составлена так, чтобы имплицитно постулировать весь наш опыт. Если мы способны помыслить и постулировать

такую Реальность, то в нее войдут все законы природы, все истинные принципы и формулы наук, и весь наш опыт будет «объяснен» ею. А поскольку наш опыт есть смешение целостного (органической и психической областей) и нецелостного (материальный мир), сама Реальность должна быть такой, чтобы я мог постулировать дуалистическое основание своего опыта в его целостности. В сущности, мост… о черт. В сущности, ничто — даже сама предельная Реальность — не в силах перекинуть мост через пропасть между целостностью и нецелостностью. Для Дриша это означает, что либо у нас есть Бог и «не-Бог», либо дуализм внутри самого Бога. Иными словами, с опытно переживаемыми фактами согласуем или теизм иудео-христианской традиции, или пантеизм, в котором Бог непрерывно «творит себя» и превосходит свои предыдущие стадии. Сам Дриш считал выбор между этими двумя альтернативами невозможным. Однако он был уверен, что материалистический и механистический монизм не в силах объяснить мир («Энциклопедия философии», том 2).

По-видимому, Бёме и… черт, лента кончается, не могу больше печатать, не то что думать. По-видимому, Бёме и Дриш говорят об одном и том

же, как и все философы процесса (или богословы, как Уайтхед). Оба подчеркивают диалектическую сторону Бога: Дриш видит, как эта диалектика проявляет себя в истории. Почти наверняка это та же диалектика, что видел я во время откровений в марте 1974-го, и я готов признать: вполне возможно, что этот слепой, темный «злой игрок», против которого действуют благие и жизнеутверждающие элементы, может быть, как видит это Дриш, «ранними стадиями Бога». Вот что мне нравится у Дриша: в какой-то точке он говорит просто: «Не знаю». Я с ним, и уже давно; тоже просто не знаю. Бог создал все; зло существует как часть всего; следовательно, Бог — источник зла: такова логика, и в монотеизме избежать этого аргумента невозможно. Если мы постулируем двух (или более) богов и среди них одного злого, встанет другая проблема: откуда все они взялись? Впрочем, эта проблема существует и в монотеизме: допустим, бог только один, но он-то откуда взялся? Ответ: оттуда же, что и двое богов дуализма. Иными словами, на мой взгляд, эта проблема так же трудна для разрешения в монотеизме, как и в дуализме. Мы просто не знаем.

Если мы рассматриваем зло просто как более ранние стадии процессуального бога, которые

он стремится преодолеть, — что ж, это отвечает моим личным откровениям и мне откликается. Мне показали, как работает все это в целом, но я не понял того, что увидел, словно это показали Мортимеру Снерду. И все же у меня было чувство, что я слежу за какой-то космической шахматной партией на двоих, где наш мир — доска, и одна сторона (та, что выигрывает) добра к нам, а вторая и не выигрывает, и не добра: она очень могущественна, однако слепа, и это ей мешает. Добрая сторона обладает абсолютной мудростью, абсолютно предвидит будущее и может рассчитать все ходы до конца игры, а слепой темный игрок на это не способен. Это видение внушало надежду. Каждый ход светлой стороны бил прямо в цель: без единой ошибки она одерживала верх над своим противником. Чего еще мог бы я просить от Предельного Видения Абсолютной Тотальной Реальности? Что еще мне нужно знать? Вот подсчет очков: у Зла — ноль, у Добра — бесконечность. На этом остановлюсь, успокоенный: исход борьбы очевиден.

Письмо о Тагоре
(1981)

Все, кто читал мой недавний роман «ВАЛИС», знают, что у меня есть альтер-эго по прозвищу Жирный Лошадник, которому являются божественные откровения (или так он думает; друзья Лошадника считают, что это просто галлюцинации). «ВАЛИС» заканчивается тем, что Лошадник рыщет по миру в поисках нового спасителя, который, как сказал ему таинственный голос, вот-вот родится на свет. Так вот: на днях Лошаднику явилось новое видение, то, которого он так долго ждал, и он просит меня написать о нем, чтобы поведать миру — или, точнее, читателям *Niekas*. Бедняга Лошадник! Похоже, он совсем рехнулся: уверяет, что в своем видении увидел нового спасителя и его узнал.

Я спросил Лошадника, уверен ли он, что хочет об этом рассказывать — ведь это может лишь подтвердить его болезненное состояние. Он отвечал: «Нет, Фил: они решат, что это ты». Чертов Лошадник, ты загнал меня в угол! Что ж, твое видение, если оно истинно, в самом деле чрезвычайно

важно; а если не истинно — какая разница? Сейчас перед нами стоит вполне реальная проблема: видение относится не к тому миру, а к нашему, и его содержание довольно экстремально — в том смысле, что если это правда, то положение очень серьезное, и медлить нельзя. Что ж, Лошадник, выкладывай!

Новый спаситель уже родился и живет сейчас на Цейлоне (Шри-Ланка). У него смуглая кожа, он буддист или индуист. Работает в сельской местности в организации или учреждении, оказывающем высокотехнологичную ветеринарную помощь, в основном крупному рогатому скоту (большая часть персонала — белые). Зовут его Тагор, а фамилию Лошадник не запомнил: уж очень длинная. Хотя Тагор — второе воплощение Христа, местное население принимает его за бога Кришну. Тагор обожжен и сильно искалечен: он не может ходить, и его носят на руках. Насколько смог различить Лошадник, Тагор умирает, но по собственной воле: он взял на себя грехи человечества перед экосферой. Самый страшный из них — сброс токсичных отходов в мировой океан: именно этот грех проявляется на теле Тагора как

страшные ожоги. *Керигма*[229] Тагора, представляющая собой Третий Завет (после Заветов Моисея и Христа), такова: экосфера свята, ее необходимо сохранять, оберегать, почитать и лелеять — *как целое*; не жизнь отдельных людей или отдельных животных, но экосфера как единое и неделимое целое, цепь жизни, которая сейчас уничтожается, и не на время, а навсегда. Демоническая троица, против которой проповедует Тагор и которая его ранит и убивает, — это ядерные отходы, ядерное оружие, ядерные электростанции (реакторы): вместе они составляют врага, который не только может уничтожить экосферу, но, в форме токсичных отходов, уничтожает ее прямо сейчас. И снова Христос играет роль заместительной жертвы: он берет на себя человеческие грехи. Но эти грехи — уже не из догматики, а вполне реальные. Тагор учит, что, если мы продолжим уничтожать экосферу, Святая Премудрость, Премудрость Божья (воплощенная в самом Тагоре) оставит человека на волю судьбы, и судьбой его станет гибель.

Тагор учит, что, когда сгорит экосфера, сгорит сам Бог, ибо Христос вошел в экосферу и невидимо

---

[229] Примечания: 229
Учение, проповедь (*греч.*).

присоединился к ней через пресуществление — таково было великое видение Лошадника в моем романе «ВАЛИС». Таким образом, теперь Христос и экосфера — либо одно и то же, либо стремительно сливаются в одно, примерно как описывает Тейяр де Шарден в «Феномене человека». Однако экосфера не развивается в Космического Христа: Христос проникает в нее — именно так, как видел Лошадник и что его так поразило. Итак, Христос говорит к нам ныне: не только ради спасения человечества или отдельных людей, «избранных», но ради экосферы в целом, чтобы отвратить грозящую ей опасность. Это системная концепция, для которой в апостольские времена не существовало терминологии: она связана с неделимостью всей жизни на нашей планете, как если бы наша планета сама была живой. А Христос — и *сома* (тело), и *психэ* (душа) этой коллективной жизни. Отсюда последнее утверждение Тагора, выраженное в его добровольных страстях и смерти: *кто наносит раны экосфере, тот в буквальном смысле наносит раны Богу.* Именно это макрораспятие совершается сейчас в нашем мире, но мы его не видим: и Тагор, новое воплощение Логоса в человеческой форме, говорит нам об этом и призывает остановиться. Если мы будем продолжать, то

утратим Присутствие Божье, а в конечном счете и собственную физическую жизнь. Особенной опасности подвергаются сейчас океаны: Тагор говорит, что угроза им самая непосредственная. Каждая канистра радиоактивных отходов, сброшенная в океан, — это новый стигмат на страшно искалеченных, покрытых шрамами и ожогами ногах Тагора. Лошадник был в ужасе от вида этих ран, от увечий и страданий нашего Спасителя. Он не видел лица Тагора — лишь его трагически изуродованное тело; но в то же время (так он рассказывает) от Тагора исходила некая неописуемая сладость, «подобная музыке, и аромату, и цветам», — так он выразился в разговоре со мной. Обожженный, израненный, умирающий, Тагор тем не менее полон любящей красоты — красоты абсолютной, а не относительной. Это зрелище Лошадник никогда не забудет. Хотел бы я увидеть то же, что и он, но у меня нашлись более важные дела: посмотреть телевизор, поиграть в компьютерные игры. Словом, те мелочи, на которые мы тратим жизнь, пока экосфера, измученная, страдающая, в смертельной опасности, взывает к нам о помощи.

VI. «Экзегеза». Избранное

Все выдержки публикуются здесь впервые. Две из них Дик снабдил заглавиями — редкость для «Экзегезы» в целом.

«Новая модель реальности, уточняющая исторические модели, в особенности предложенные гностицизмом и христианством. Очерк в абстрактной форме», по утверждению самого Дика, написан вместе с его другом, писателем-фантастом К. У. Джетером в 1977 году. По воспоминаниям Джетера, идеи действительно выкристаллизовывались в ходе бесед между ними, однако писал Дик самостоятельно.

Последняя приведенная здесь выдержка — **«Сверхскрытая (Непостижимая) Доктрина: тайный смысл великой системы мировой теософии, открываемый впервые»** — на сегодняшний день самый крупный опубликованный отрывок из «Экзегезы». Он нетипичен для текстов «Экзегезы» тем, что отпечатан на машинке и по структуре напоминает законченную статью. Возможно, в нем Дик стремился подытожить свои открытия, так же как в «Космогонии и космоло-

гии», опубликованной в предыдущем разделе. Всерьез ли Дик дал своему труду такое заглавие? По всей вероятности, да. И в то же время издевался над собственными попытками постичь истину? И это наверняка.

«Экзегеза» создавалась как свободный бег мысли — каким только и может быть еженощный дневник, посвященный выражению самых глубоких (и постоянно меняющихся) мыслей о величайших и труднейших вопросах бытия. Его разумно публиковать в выдержках, поскольку в полном тексте «Экзегезы» много повторов, много навязчивого беспокойства о прошедших кризисных периодах в жизни, много тщетных попыток что-то нащупать, а иногда встречаются приступы ворчания и хандры. Но в лучших своих фрагментах полеты «Экзегезы» сквозь невозможные и все же возможные миры заслуживают внимания.

Из «Экзегезы» (ок. 1975)

Архитектор этого мира, желая помочь нам, явился сюда в одеянии раба, дабы взять на себя наше бремя. Много раз мы видели его, но никто его не узнал: быть может, он безобразен на вид, но сердце у него доброе. Быть может, иногда, являясь к нам, он забывает о своем происхождении, о своей божественной силе: он несет за нас бремена наши, не ведая о своей истинной природе и о том, что мог бы для нас сделать, если бы вспомнил. Прежде всего и мы, если бы поняли, что это жалкое, изуродованное создание — наш творец, были бы разочарованы. Пожалуй, презрели бы его и отвергли — так что свою сущность он прячет от нас из деликатности.

Теперь понятно: то, что мы пинком отбрасываем с дороги, что чувствует на себе тяжесть наших сапог, вполне может оказаться нашим Богом. Он не спорит, не противится, лишь в глазах его видна боль — старая-престарая боль, так хорошо ему знакомая. Замечу, однако, что хоть мы и отбрасываем его с пути пинками, однако позво-

ляем ему нести наше бремя: это мы принимаем. Принимаем его деяния, его дары, его помощь — и пинаем его самого. Он мог бы нам открыться, но это развеяло бы нашу иллюзию о прекрасном боге. Он не выглядит злым, как Сатана: он просто невзрачен. Недостоин. И хоть и являет собой великую творящую силу и суд, не так уж сообразителен. Не сказать, что он умный бог. Иной раз он так туп, что даже не понимает, что над ним издеваются: до него не доходят насмешки — только физическая боль.

Безобразный, презренный, мучимый, отвергнутый, в конце концов преданный смерти, он вернулся сияющим и преображенным: наш Спаситель Иисус Христос (а до него Эхнатон, Зороастр и т. д.; Гефест или Вулкан). Когда Он вернулся, мы увидели Его таким, каков он есть, не поверхностную кажимость. Его сияние, Его суть, подобную свету. Бог Света здесь носит скромное и простое одеяние (напоминает метаморфозу какого-нибудь невзрачного насекомого).

НФ-роман: Гефест как ВАЛИС (Огромная Активная Живая Разумная Система).

Земля как святая София — организм, живое творение, Храм, в который, когда он будет готов,

придет Господь и станет обитать в нем.

Он есть создатель, Архитектор.

Рабочие/ремесленники/художники: мы и Дух Святой.

Идеал/*Логос*/форма: Христос, то, чего нужно достичь.

Модели, которую мы видели краем глаза, необходимо достичь и воплотить: тогда Архитектор (Творец), Дух Святой и Идеал станут Единым, и Оно включит нас в себя.

Творец: прошлое. Дух Святой: настоящее. Христос: конец времен. Дух Святой ведет нас к Нему.

Сила для этого дана в начале Творцом. Сила/активность/направленность к цели.

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1976)

Победу Христа (как Господа Космоса) над астральным (планетарным) детерминизмом проще выразить на современном языке, сказав так: это явление мыслящего космоса в бытие, который заменит детерминистический, каузальный — причинно-следственный, не думающий механизм судьбы или слепого случая. Характеристики этого нового тела или организма будут таковы,

что он, если бы кто-то из нас способен был это воспринять, показался бы нам живым существом космического масштаба, мудрости, кругозора и силы, инфильтрирующим в природный (т. е. детерминистический) порядок вещей. Когда я видел ВАЛИС или Зебру — видел именно это. Очевидно, что процесс пресуществления детерминистического «астрального» механизма в живое существо зашел уже очень далеко. То, что я видел, было не чем иным, как космическим Христом. Под неизменными внешними обликами естественные (т. е. причинно-следственные) процессы до какой-то, достаточно серьезной степени становятся целенаправленными, сознательными и благими, и организуются для выполнения разумного плана. Чувственное откровение этого есть высшее откровение. Например, «3–74» произошло решительное вторжение этого в историю человечества. Все, что нам осталось, — само второе воплощение, т. е. снятие завесы: она падет, и Премудрость Божья явится открыто, так что все мы узнаем ее и признаем. Быть может, то, что я видел, было «трейлером» — а дальше все увидят то же, что и как видел я «3–74».

Он не будет просто править вселенной — он сам *станет* вселенной.

Итак, то, что я видел, было апокалипсисом (откровением) незримой *Парусии*, Присутствия, которое уже здесь. Апокалипсис нам все еще нужен, поскольку *Парусия* пока *сокрыта.*

Роль в моей жизни Компартии, Советского Союза и т. п. заключалась в том, что для меня она — «астральная», детерминистическая власть, которую своим вторжением разрушил Христос.

Можно ли сказать, что в «3–74» Христос вмешался в генетический код, которым я был запрограммирован умереть в это время? И что это (генетический код) — современное название по меньшей мере одного из аспектов (астрального) детерминизма? Он работал над моей генетической памятью (ДНК), это я знаю. И есть серьезные основания полагать, что я был запрограммирован, по крайней мере внутренне, умереть (сердечно-сосудистые проблемы). Могло быть и много внешних детерминистических факторов смерти, которые он также устранил. Это современная модель того, что древние называли «лунными», «планетарными» или «астральными» влияниями. Возможно, это объясняет возвращение ко мне долговременной (генетической) памяти: вся система открылась или была открыта. Ощуще-

ние, что все это (см. «письмо-ксерокопия»[230]) уже происходило раньше, указывает на сходство генетической памяти с кармой. Технический богословский термин для этого — благодать Божья. Но, чтобы осознать истинную цену Божьей благодати, необходимо верно понимать всю детерминистическую структуру, ее величие и объем власти над нами. Это огромная, почти всеобъемлющая система, из-под власти которой очень немногие освобождаются при жизни.

Черты опыта 18 марта 1974 года, ясно показывающие, что он исходил от Христа, в сравнении с Богом и Духом Святым, были:

1) то, что это произошло в весеннее равноденствие, и

2) прежде всего, звон «пасхальных» или магических колоколов, отождествляемый именно с Христом.

Это было внушено Духом Святым и поистине показало мне Царство Божье, где присутствует Бог. А то умащенное медом тело, что я обрел внутри себя, было *Corpus Christi*, мистическое тело, коему Христос глава, а части тела — все мы,

---

[230] Примечания: 230

Конверт, содержащий некую ксерокопию. Письмо было получено Диком в марте 1974 года. Содержание неизвестно, но он считал его смертельно опасным и связывал с ним ряд теорий.

паства. Также это Агиа София и Царь (которому предстоит править). Вот почему в другой день я думал: «Я — часть Царя». См. Послание к Колло-сянам, глава 1, стих 13, там, где[231] Христос как создатель и Господь (*Пантократор*) вселенной. Вот почему я ощутил такую радость, когда понял, что вижу пресуществление предметов (аллеи) во-круг себя; я был на верном пути; в невидимом (в норме) теле Христовом. Отсюда сон о мандарине, китайском правителе, мудром, но лишенном силы. Это противопоставляет Христа Богу: сон должен был прояснить это различие (см. учение о Троице). Это не образ Бога, обладающего властью, но скорее образ мудрого, но безвластного царя, т. е. Христа.

Однако, думаю, Спиноза был прав в том, что Бог имманентен, вселенная живая, что Бог обла-дает признаками физического расширения, что сознание, материя и энергия — три атрибута, три модуса Его Бытия… Для меня в этом проблемы нет, я ведь признаю Троицу. Только точнее будет сказать, что я обрел в себе мистическое тело или сам стал частью мистического тела Христа, а не Бога. Нам ведь известно из Писания, что такое ми-

[231] Примечания: 231
Имеются в виду Кол. 1:13–14.

стическое тело существует (см. выше, Послание к Коллосянам). Никакая радикальная теология здесь не требуется, достаточно этого знания. Неудивительно, что, когда кто-то говорит: «Христос был человеком, как мы», для меня это звучит бессмысленно. Также неудивительно, что меня притягивает концепция «плазматического» Христа (*Corpus Christi*) у Пьера Тейяра де Шардена.

Быть может, именно это означало мое последнее фосфеновое видение Золотого Сечения или дверного проема между колоннами. «Я — путь». Похоже, письменный текст Нового Завета неполон. Вы крещены. На вас нисходит Дух Святой. А что дальше? Дальше вы ощущаете себя частью мистического *Corpus Christi*, как пишет об этом апостол Павел колоссянам. Вы соединены с Христом, с его воскресшим и растущим световым телом. Взяты в него (но это не то же самое Царство Божье, что явится на Земле в *Парусию*). Вот она, «тайна тайн», забытая после того, как римляне истребили их и уничтожили устное предание. Можно вновь соединиться с Христом (или, по Спинозе, с Агиа Софией). Важное различие между принадлежностью к телу Божьему (как у Спинозы) и к мистическому *Corpus Christi* видится мне в том, что первое — чисто мистическое вос-

приятие, и к этому телу принадлежит все, если верно его воспринимать: это просто очищение восприятия, хоть и очень важное. А второе дается, так сказать, «только по приглашениям», тут нужно принадлежать к «пастве». Это больше чем восприятие — это вступление во что-то такое, что (как я полагаю) могут разделить не все. Быть может, поэтому оно — последнее — видится более ценным: это значит, что я не просто увидел «Премудрость Божью», но был взят, так сказать, под Его иго, присоединился к Его (Христову) мистическому телу, а это более того: первое просто утверждает *то, что есть*, чем является весь мир, это не приглашение. Это не судит человека, этого не нужно искать. Но я видел «регистрационную книгу», в которую было вписано мое имя, и так далее. Я прошел через суд, я это чувствовал. И теперь, думаю, вхожу в *Corpus Christi*. Кроме того, чтобы воспринять имманентного Бога, *сома*[232] которого есть вселенная, а за ней стоит Ум — это не требует никакой основы, например, веры в посмертие, в будущую жизнь или еще чего-то в том же направлении; но мистическое *Corpus Christi* этого требует. Это демонстрация реально-

---

[232] Примечания: 232
Тело (*греч.*).

сти воскресения, которой нет в первом случае; но и первое велико, ибо демонстрирует реальность Бога и его теологическую цель; это тоже нельзя принижать. Но второе более *личностно*.

Быть может, поэтому я ощущал, что меня принимает некое тайное (оккультное) братство, представленное вооруженными рыцарями… так сказать, рыцарями Грааля. И содержание моего переживания: мне показали, как христианское братство побеждает Рим *сейчас.* Нашу тюрьму осаждали вооруженные рыцари верхом на конях. «Мистическое тело Христа», которого все мы части, а он глава — возможно, эта некая срединная концепция источника, стоящая между чисто мистическим восприятием имманентного Бога (а-ля Спиноза) и строго человеческой премудростью (гностики, розенкрейцеры, римо-католики и т. п.). Глава божественна (*теос),* тело — человеческая паства. Оно уже присутствует здесь (сейчас), в нашем мире и поверх его, в нашем обществе, производит перемены (камень, брошенный не человеческой рукой, разбивает статую, как у Даниила). (И я ведь услышал, когда засыпал: «Я — часть Царя».)

Палмер — скрещенные пальмовые ветви. Пальмы — христианский символ Святой Земли;

значит, то, что я видел «2–75», — символ Святой Земли. Не я вошел (отправился) туда — она сама пришла ко мне. Я уже видел пальму (как на эмблеме Африканского корпуса[233]) внутри знака РЫБЫ, за несколько месяцев до того. Может быть, знак Палмера. *In hoc signo*[234] и т. д. И снова у нас тут специфически христианские символы, а не символы Бога как такового (если их разделять). И еще здание в Святой Земле с романскими сводами. Память о Священном Ином из «прошлой жизни»? Здание, где собиралось Белое Братство (и т. д.)? Может быть, вот значение этого видения: мой поиск окончен. Я достиг пункта назначения, конца пути. (И вскоре после этого голос святой Софии в сознании совсем стих. Прошел полный год, от равноденствия до равноденствия, и все закончилось.) Все это можно рассматривать как поиск и находку (ср. поиск истины как тема моих романов).

---

[233] Примечания: 233

Имеется в виду немецкий Африканский корпус периода Второй мировой войны.

[234] Примечания: 234

In hoc signovinces — Сим победиши (*лат.*).

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1976)

Я – живое животное, прикованное к умирающей душе.

ФКД

1. Греки полагали, что реальность *сокрыта* (*доксой*[235], см., например, у Парменида).

2. Индусы считают, что реальность *сокрыта* (Майей, которую порождаем мы сами и в то же время вращает Кали, см. Генрих Циммер[236]).

3. Кальвин считал нас слепыми, писал, что когда-то мы видели реальность, но затем оказались наказаны (отчасти похоже на Эмпедокла, Кастанеду, шаманизм в целом, отсюда и на мистериальные религии, например, Дионисийство).

---

[235] Примечания: 235
Обман (*греч.*).

[236] Примечания: 236
Генрих Циммер (1890–1943) — немецкий историк и специалист-индолог.

4. Августин полагал, что Град Божий смешан с Градом Земным и ныне для нас неразличим, но во время *Парусии* они разделятся (для нашего восприятия).

5. Зороастр верил в два источника (Ахриман и Ахура-Мазда, смешанные добро и зло; но в Последний День эти две части, видимо, разделятся).

Все имели дело с проблемой феноменологии «акциденция vs. субстанция», кантовская *Ding-an-sich*[237], «Пышное зрелище, которое крошится по краям».

6. Раньше я видел лишь кажимость, затем недолго (в течение пяти дней) ассимилировал в себя (ноэтически) объекты восприятия, затем вернулся к повседневному восприятию кажимости, «отражения» реальности (Платон, апостол Павел и т. п.) Мой опыт доказывает: все утверждения, что мы видим лишь «как сквозь мутное стекло» и т. п., верны, КАКОВА БЫ НИ БЫЛА ПРИЧИНА. Я не видел; потом увидел; теперь снова не вижу (в точности

[237] Примечания: 237
Вещь в себе (*нем.*).

как пишет Павел). Почему первое? Почему второе? Почему вернулось первое? Взгляд Тейяра на эволюционный скачок? Или *анамнесис*, восстановление утраченных способностей (Кальвин)? Или замкнутое, циклическое время? Время как лента Мебиуса?

Реальны ли перемены (Дионис, метаморфоза)? Гераклит / Христос / Тейяр

Или реально неизменное (Аполлон, целители)? Парменид, Иегова

Быть может, как говорится, поиск и есть цель?

Мое эссе для *Gollancz*[238] безумно, но там правда. Я знал и более, ноэтически[239]; подтвердилось то, что я об этом читал. Мораль пьесы произносит безумец.

Если мы сами себя обманываем, то зачем? Если кто-то/что-то иное обманывает нас, тоже зачем — и *кто? Wacht auf!*[240] Брамин — оно, не он. Оно спало, а теперь пробуждается, или бодрствовало,

---

[238] Примечания: 238

«Человек, андроид и машина» (эссе включено в этот сборник).

[239] Примечания: 239

Ноэтика — учение о мышлении, теория познания с помощью мысли, разума.

[240] Примечания: 240

«Проснись!» (*нем.*)

а теперь засыпает; думаю, просыпается. Вселенная-организм греческих философов: просыпается и видит. Клетки, формирующие Великий Мозг. Пчелы в улье. Теперь пробуждается сознание. Чего? Самого себя? Нет ответов, только загадки. Не вопросы, а загадки, тайны. Священные тайны, нам не раскрытые. Но не раскрытые кем? Что ж, когда я просыпался в те пять дней, *перемены* были реальны. Процесс. Космогенез (Тейяр). Вперед. К точке Омега.

НОВАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ, УТОЧНЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, В ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ГНОСТИЦИЗМОМ И ХРИСТИАНСТВОМ. ОЧЕРК В АБСТРАКТНОЙ ФОРМЕ

(1977)

Вот что следует сказать: по-видимому, мы — спирали памяти (носители ДНК, хранящей опыт) в компьютеро-подобной мыслящей системе, в которой, хотя мы храним в себе тысячелетия воспринятой, пережитой и точно записанной информации (знание, гнозис) и каждый из нас обладает универсальным хранилищем, содержимое которого отлично от всех иных форм жизни,

однако в механизме обращения к этой памяти имеется какой-то сбой, ошибка. Проблема в нашей собственной части схемы. «Спасение» через гнозис — точнее, *анамнесис* («потерю амнезии»), хоть и имеет индивидуальное значение для каждого из нас — квантовый скачок в восприятии, самосознании, познании, понимании мира и себя, включающий и бессмертие — обладает гораздо большим и более важным значением для системы (структуры) *в целом,* поскольку эти воспоминания (данные) необходимы или ценны для *нее* и для *ее* общего функционирования.

Так что она находится в процессе самовосстановления, включающем в себя: перестройку нашей субсхемы (мира) путем изменений в линейном *и* ортогональном времени (последовательности событий), а также постоянную подачу сигналов нам, как массово, так и индивидуально (мы воспринимаем их подпорогово, правым мозговым полушарием, преобразующим содержание этих посланий в нечто осмысленное) с целью стимулировать наши нейронные банки (банки памяти) и извлечь из них то, что там хранится.

Таким образом, побочная информация от гнозиса состоит из растормаживающих посланий (инструкций), основное содержание которых уже

нам присуще — т. е. всегда было в нас (Платон первым заметил, что обучение есть форма припоминания).

Древние обладали техниками (таинствами и ритуалами), широко использовавшимися в греко-римских мистериальных религиях, в том числе в раннем христианстве, с целью вызвать возвращение памяти, главным образом ради ее восстановительной ценности для индивида: однако гностики и Мани верно видели онтологическую ценность этого процесса и для того, что называли Самим Божеством (т. е. для целостного бытия).

Филип К. Дик
К. У. Джетер
12.07.1977
Санта-Ана, Калифорния

(Примечание: в то время как такие «просветленные» духовные лидеры, как Зороастр, Мани, Будда или Илия, могут рассматриваться как «приемники» мудрости целостного бытия, Христос, по-видимому, является настоящим «терминалом» этого компьютероподобного бытия: он не говорил от его имени — он и был им. «Был» здесь означает «представлял его в микроформе».)

ЗАПИСКА КОНЦА 1972 ГОДА, ВЛОЖЕННАЯ МЕЖДУ СТРАНИЦ «ЭКЗЕГЕЗЫ», ДАТИРУЕМЫХ 1977 ГОДОМ

Я едва не стал искренним орудием заговора, состоящего из меня самого.

Общество Джона Бёрча[241] искренне стремится спасти страну от Общества Джона Бёрча — от самого себя.

Прототип: Пух и Пятачок ходят по следу Буки вокруг дерева круг за кругом. Следов все больше и больше.

Я взорвал собственный дом и забыл об этом[242]. Но почему забыл? Думал, что у меня есть враг, потому что не мог встретиться лицом к лицу с мыслью, что я параноик, т. е. спятивший. Я взорвал свой дом, чтобы убедить себя, что я нормален. Любой, кто бы пошел на это, действи-

---

[241] Примечания: 241

Общество Джона Бёрча — основанная в 1958 году американская радикальная ультраправая политическая группировка. Названа в честь имени миссионера, убитого в 1948 году китайскими коммунистами.

[242] Примечания: 242

Отсылка к эпизоду в ноябре 1971 г., когда дом Дика был взломан, сейф взорван, возможно, с использованием взрывчатки, а хранящиеся в нем материалы уничтожены или похищены: его личный список подозреваемых в этом нераскрытом преступлении включал «Черных пантер», ЦРУ, ФБР, военную разведку, ультраправых из «Минитмен», марксистов, местных драгдилеров и самого себя.

тельно совершенно спятил. Поэтому, как только те, кто думал, что я воображал слежку за собой, увидели взорванный дом и поняли, что я куда более чокнутый параноик, чем они подозревали.

Теперь их параноидальные подозрения обо мне растут. Я чувствую их параноидальные подозрения, слышу и т. п.

Почему вечно всего не хватает? Потому что люди все собирают и прячут. Зачем собирают и прячут? Да потому что всего не хватает.

Все мы изолированы, все подозреваем друг друга, все пытаемся понять, что происходит, что это значит, кто за этим стоит? Кто наш враг? Но понять, что происходит, не можем, и это перегружает наш мозг, перегревает сознание: мы быстро истощаемся и перестаем вообще что-либо понимать. А враг по-прежнему не виден. Окончательно запутавшись, мы начинаем действовать неэффективно, бесцельно. Другие, заметив наше странное поведение, спрашивают, что это мы затеяли. Да в сущности, ничего — просто тщетно пытаемся понять переутомившимися мозгами, что затевают другие, но их поведение все более и более ставит нас в тупик. Каждый из нас предполагает: остальные-то точно знают, что делают! И зря. Нас спрашивают: что это ты делаешь? Мы не

можем дать внятного ответа, потому что сами не знаем; но отсутствие связного ответа убеждает других, что мы лжем, а единственная причина лгать — в том, что мы в самом деле заняты чем-то таким, что стоит скрывать. Это подтверждает их страхи и недоверие, и они начинают еще настойчивее нас допрашивать. Вот ложная посылка: если кто-то что-то делает, то знает зачем, а если не может объяснить — значит, лжет, скрывает что-то дурное, возможно, скрывает, что хочет мне навредить. И каждый из нас все больше и больше запутывается, тратит все больше времени, все больше утомляет и истощает собственный мозг, допрашивая других, таких же запутавшихся, как он сам, из ошибочного убеждения, что им-то понятно, что происходит. Да ничего не происходит, и никто ничего об этом не знает! И никто ничего не скрывает — разве только то, что ничего уже не понимает и хочет уйти домой.

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1977)

«Актуальное есть то, что выловлено из моря возможностей, также составляющего часть истины». Это означает, что нельзя считать актуальность

истинной, а возможности ложными: просто актуальность более истинна, а возможности менее, но истинны тоже. Это включает и принцип эмерджентции[243], того, как нечто приходит в бытие. Тут вопрос степени, а не «или-или». Возможно, та сила, что выбирает одну из возможностей и делает ее актуальностью — это давление реальности, великого моря возможностей, на человеческий ум. *Он* выбирает одну актуальность, оценив ее как наиболее вероятную. Или же это тонкое взаимодействие, взаимообмен между разумным сознанием и этим великим морем: оно давит, пока одна возможность среди прочих не становится все более отчетливой, и соответственно этому изменяется и давление — теперь оно проталкивает именно эту возможность. Актуальность — просто одна из возможностей, которая обрела форму и очертания и потому сделалась различимой. Актуализация — процесс гештальтинга, происходящий прежде всего в человеческом сознании. Сознание оказывает тонкое, но постоянное давление, исходя из того, что одни события и вещи должны, а другие не должны произой-

[243] Примечания: 243

Эмерджентность — в теории систем — появление у системы свойств, не присущих ее компонентам по отдельности. Несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов.

ти: оно формирует реальность напрямую при помощи некоего поля, вроде гравитационного, очень слабого, но присутствующего постоянно и в конечном счете эффективного. Без присутствия человеческих сознаний и оказываемого ими давления не происходило бы никакой актуализации — только великое море возможностей или полуистин плескалось бы во множестве своих полуформ, постоянно противоречащих друг другу, но существующих бок о бок. Без реального времени, без пространства.

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1978)

С помощью анамнесиса можно двигаться назад во времени, возвращаться и сжигать или расплетать свою карму, возрождаться в высшем состоянии — но верно ли, что все это лишь внутренний психологический процесс? Должно быть, так — Тесса[244] ведь не видела Рим 70 года н. э. Но я видел, как ВАЛИС модулирует реальность вне

[244] Примечания: 244

Леслн «Тесса» Басби Дик (р. 1954) — пятая жена Дика, жившая с ним во время опыта «2–3–74». Брак длился с 1973 по 1976 год. В 1973 году у них родился сын Кристофер Кеннет Дик. Тесса является автором целого ряда биографических книг о Филипе Дике.

меня. А если это проекция (см. Юнг)? Проекция, магдебургские полушария[245] — это все объясняет. Я видел вне себя свое собственное сознание. Я опустился до филогенетического (коллективного) бессознательного. А Бог не имел к этому никакого отношения. Верно?

Тогда как быть с вестником, который является вовремя и останавливает машину возмездия, запрещая ей вершить возмездие над тобой? Этот вестник — архетип бессознательного? А голос ИИ[246] — это моя анима[247]?

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1978)

Есть! У меня новая смелая теория. Из диалекти-

---

[245] Примечания: 245

Магдебургские полушария — эксперимент немецкого физика Отто фон Герике, продемонстрировавший в 1654 году силу давления воздуха. Из сферы, состоящей из двух полушарий, выкачивали воздух, и, благодаря атмосферному давлению, полушария удерживались вместе и их нельзя было отделить друг от друга. Дик использовал образ этого феномена для описания мира как единения бытия и мышления.

[246] Примечания: 246

Голос Искусственного Интеллекта — так Дик называл женский голос, который часто слышал в момент засыпания в 1974–1975 годах, а иногда и позже, до самой смерти.

[247] Примечания: 247

Анима — согласно Юнгу, архетип, связанный с женским полом. Женская часть психики мужчины.

ческого антитетического взаимодействия между Империей и ее врагом вытекает, что *ВАЛИС сотворен, ВАЛИС как космос.* Война предоставляет запчасти, все более новые, все более разные, а ВАЛИС встраивает их в себя и так формирует свою *сому*. ВАЛИС — результат и цель этой борьбы: борьба, так сказать, порождает обломки — хаос, — и они становятся сырьем для ВАЛИС, *необходимым*, чтобы он продолжал расти и мог завершить себя.

Это соответствует теории Эмпедокла, что основа реальности — война, что эта антитетическая борьба *необходима* для существования реальности (т. е. для ее бытия, *einai*).

Итак, ВАЛИС появляется на свет посреди битвы, не случайно, не как побочный продукт, а как конечная цель: битва — средство, ВАЛИС — цель. Так некий вид реальности — диалектическая война — порождает совершенную структуру, находящуюся в равновесии, прекрасное и гармонически слаженное целое. Я видел ВАЛИС таким. ВАЛИС рождается из открывшейся мне бесконечной диалектики. Можно сказать, что диалектика — одна форма вселенной, а ВАЛИС — другая, но в нашем онтогенетическом мире мы не видим ни той, ни другой. Так что история — средство, а

ВАЛИС — цель, по крайней мере, для ВАЛИСА: он может *питаться* на этой битве! Хотя, возможно, битва изначально не имела этой цели. Это ВАЛИС *использует* диалектику битвы для собственных целей. Ух ты.

Выходит, ВАЛИС — цель истории. Священной (филогенетической) истории, истории-в-откровении, как в иудаизме.

Но что же такое ВАЛИС? Что ж, это Космический Христос, Точка Омега. Я видел то, о чем писал Тейяр де Шарден, хотя никогда ничего из него не читал. Уверен, что это и есть ВАЛИС: чтение посланий апостола Павла уже наполовину меня убедило. А это ставит точку. Цель истории… и действующий агент этого процесса — Параклет, действующий с конца времен назад, входящий в добрых людей, чтобы сделать их святыми и пророками.

ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1978)

Христиане-гностики второго века верили, что не вера, а лишь особое откровение знания может спасти человека. Содержание этого откровения невозможно воспринять эмпирически или

вывести априори. Это особое знание, гнозис, они считали настолько ценным, что держали в секрете. Вот десять основных принципов гностического откровения:

1. Создатель мира сего слабоумен.

2. Мир – не то, чем кажется; с целью скрыть, что он зло, обманчивая завеса скрывает и его, и безумное божество.

3. Есть другая, лучшая реальность, реальность Бога, и все наши усилия должны быть устремлены к тому, чтобы:

а) вернуться туда;

б) принести эту реальность в наш мир.

4. На самом деле мы живем уже тысячи лет и должны вспомнить, что происходим со звезд.

5. У каждого из нас есть божественная, не-падшая часть, которая может протянуть нам руку и помочь пробудиться. Эта другая личность и есть наше подлинное, бодрствующее «я», а то, что мы сейчас – «я» меньшее и спящее. Да, все мы спим и находимся в руках опасного иллюзиониста – безумного создателя, выдающего себя за благого бога. Горе, зло и боль мира

сего, то, что он – детерминистическая тюрьма под властью слобоумного создателя, заставляет нас еще в самом начале жизни добровольно рвать с реальностью и, так сказать, засыпать по доброй воле.

6. Из тюрьмы мира сего можно перейти в благое царство, если Истинный Благой Бог прольет на тебя Свою благодать и позволит увидеть реальность Его глазами.

7. Христос дал, а не принял откровение: он научил своих последователей, как войти в царство, *будучи еще живыми,* в то время как другие мистериальные религии учили только анамнесису – знанию о некоем «ином времени» и «иной реальности». Но Христос, как живое воплощение Единого Благого Бога (т. е. Логоса), сам приносит эту иную реальность сюда.

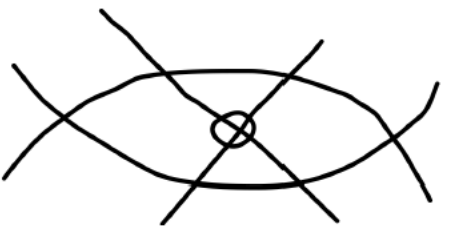
8. Быть может, истинная, тайная Христианская Церковь все еще существует, где-то глубоко в подполье; живой *Corpus Christi* – ее глава или правитель, и члены ее едины с ним. Через участие в Церкви они обретают огромные, быть может, магические силы.

9. Разделение на «два времени» (благое

и дурное) и «две реальности» (благую и дурную) внезапно окончится победой благой реальности, когда царство, ныне невидимое, отделится и станет видимым. Когда это случится, мы узнать не можем.

10. В нынешний временной период мы находимся на мосту и проходим суд, сообразно тому, какой силе служили, безумному творцу-демиургу мира сего или Единому Благому Богу и его царству, которое знаем через Христа.

Знать эти десять принципов гностического христианства — значит навлекать на себя беду.



ИЗ «ЭКЗЕГЕЗЫ»

(ок. 1978)

Вера, что мы являемся множественными формами Бога, добровольно сошедшего в этот мир-тюрьму, добровольно утратившего память, идентичность и сверхъестественные силы (способности), которые можно вернуть через анамнесис (или, иногда, через мистическое единение) — одно из самых радикальных религиозных мировоззрений, известных на Западе. Но она известна. Ее считают Великим Богохульством, воспроизведением первородного греха, описанного в Книге Бытия и в Первой Книге Адама и Евы. Гордость и желание возвыситься (так говорит ортодоксия) и были первородным грехом, за который нас постигла кара и изгнание: нас выбросили из родного райского сада и заключили в тюрьму. «Они захотели стать равными нам, захотели быть как мы!» — сказал Элохим и сбросил нас вниз. И однако у меня есть причины верить, что это «Великое Сатанинское Богохульство» — истина.

Во-первых, мы здесь по доброй воле. Мы не согрешили и не наказаны; мы сами выбрали сюда спуститься. Зачем? Чтобы внести божественное начало на самый низший уровень творения и

тем остановить его разложение, гниение. Это указывает на некий примордиальный кризис творения, затронувший весь макрокосм (Гексаграмма 12). *Инь* (темное, детерминистическое начало) из двух частей отделяется от *ян* (светлого) из одной части.

Выражаясь обычным языком, небеса (высшая реальность) и земля (низшая реальность) были разделены и существовали вдали друг от друга (можно увидеть в этом и распад *самого Божества* на две половины, инь и ян, причем низшая форма — вселенная — является физическим выражением Бога во времени и пространстве). Решение состояло в том, чтобы божественное начало (ян, свет, одна форма) спустилось в низшую реальность, пронизало ее собой и затем воссоединилось с космосом в единую целостность. Для этого элементы (искры, говоря языком древ-

них) света спустились (пали) в темное царство, в нерушимый мир-тюрьму: при этом они утратили (и знали, что должны утратить) свою светлую природу, память, идентичность, способности и силы и подпали под власть заблуждения, что темное царство реально (в то время как, отделенное от верхнего царства, оно не имеет реального бытия; т. е. мир, в котором мы живем, на самом деле не существует). Итак, они живут здесь как узники хозяина-иллюзиониста, повелителя этой темной сферы, который выдает себя за создателя (и возможно, не знает светлого бога, истинного создателя, своей второй половины). Но светлый бог и его множественные формы, снизошедшие (вторгшиеся) в мир сей, — искры — искусно рассеивают по темному царству «ключи», которые помогут опьяненным и отравленным искрам света вспомнить о своей истинной природе и миссии (и об их истинном источнике или доме). Натыкаясь на эти загадочные ключи, искры высшей сферы, потерявшие память, ныне узники низшей сферы, *вспоминают*, возвращают себе силы и способности, вновь связываются с высшей сферой и с богом света; они *и есть* бог света во множественной форме, его способ незаметно проникнуть в низшую сферу. Теперь, заняв в

зловонной низшей сфере ключевые позиции, бог света (божественное начало) начинает возвращать ее себе, соединяя обе сферы в одно. Гниение прекращается; хозяин-иллюзионист лишается своей автономии и присоединяется к ян Божества как его *пассивная* часть; и снова перед нами единый макрокосм, управляемый ян или активным (творящим) богом света, которому теперь помогает инь, воспринимающая (темная) сторона. Божественное начало побеждает на всех уровнях: тюрьма в огне, огромное, залитое светом царство-сад восстановлено и стало домом для всех созданий. Теперь и они стали целостными, сочетающими в себе инь и ян, — стали тем, что я называю *гомоплазматами*: часть инь — человек (это мы, какими мы знаем себя сейчас), а свет — часть ян — *плазмат* или энергетическая часть (vs. физической). Эти обновленные и завершенные микрокосмы отражают в себе обновленный и завершенный макрокосм. В низшую сферу, лишенную реального бытия, привнесена реальность, а высшая сфера теперь физически распространяется и на сферу материи. Восстановлена целостность Божества; две его половины гармонично функционируют; изначальное расщепление (кризис) преодолено — исцелено.

Таков взгляд, составленный на основе зороастризма, брахманизма, гностицизма, даосизма, учения о микро– и макрокосме Гермеса Трисмегиста и других мистериальных религий, в том числе (далеко не в первую очередь) ортодоксального христианства. Христианство можно добавить сюда, если рассматривать микроискры как множественных спасителей или Христов, составляющих единое мистическое тело, распространенное в темной сфере как в пространстве, так и во времени, однако обладающее одной *психэ,* которая каким-то образом является также и Богом — богом света или ян.

Всю эту космологию я перечитал и не нашел в ней ошибок. На самом деле я поражен. Она в каком-то смысле акосмична и определенно гностична, но очень радует меня новый, даосистский слой: привнесение даосизма избавляет ее от пороков конвенциональных дуалистических религий и связанных с этим проблем. Вместо подчеркивания *моральных* аспектов («добро против зла») она подчеркивает эпистемологические («реальное против нереального», что я могу понять). Низшая сфера гниет не потому, что зла, развращена, каким-то образом восстала, но потому, что, как показано на Гексаграмме 12, такова

природа инь, так же как природа ян, — двигаться вверх. Об этом знали досократики (и Платон в «Тимее»): см. модель вихря и концепцию водоворота. Ян должен ассимилировать инь, чтобы не утратить целостность: т. е. ян должен преодолеть свое естественное стремление двигаться вверх и *спуститься вниз.* Не стоит ожидать, что инь сама поднимется к нему, — она лишена мудрости: только *ноос* способен понять, что должен компенсировать свои естественные склонности и сделать нечто для себя неестественное. Инь, так сказать, плотна и не способна мыслить: она не *ноос*, а сома; вместе *ноос* и *сома* (или *психэ* и *сома*) составляют единый универсальный организм. Снизойти в сферу инь — самопожертвование со стороны ян, в конечном счете это приводит к успеху, но стоит ему больших страданий: он теряет память, способности и возможности; превращается в псевдоинь, буквально скрывается в сфере инь, как если бы он действительно был инь, вплоть до того, что забывает (пока вновь не вспомнит), кто он. Таковы муки, которые испытываем здесь, в нереальном, но плотном мире инь, мы, следы ян: здесь мы не дома. Мы добровольные изгнанники, отчужденные и одинокие, нарушившие законы собственной природы ради

необходимой цели — цели спасения. Инь это понять не способна, и, пока на нас не снизойдет анамнесис, мы тоже не понимаем смысла своих страданий. Со временем для нас все откроется; а тем временем мы тоскуем по своему истинному дому, которого почти не помним, но глубоко ощущаем потерю. Поэтому мы полагаем, что наказаны: это ощущается как наказание, и мы ошибочно выводим из этого, что согрешили. Напротив: ныне мы отвергли радость, чтобы потом вернуть ее во всей полноте и для всего творения; мы — само Божество, страждущее от необходимости быть тем, чем не является, ради конечного восстановления *красиса* (как учил об этом Эмпедокл) — единства в любви.

Если какой-либо христианин станет это отрицать, пусть прочтет, что говорит об этом Евангелие от Иоанна, и сам увидит сходство.

Если это станет отрицать даосист, пусть взглянет как Гексаграмма 12,

перевернутая, оборачивается Гексаграммой 11, «Мир»:

Верхняя триграмма, спустившись вниз, заставляет нижнюю триграмму подняться вверх. Беспорядок более не царствует; небо и земля не разделены. Это гармония.

Мораль: собственная светлая природа требует от искр ян отказаться от естественного стремления лететь вверх, избегать тяжелого, темного и зловонного; они должны спуститься в падшую часть космоса ради тех, кто неминуемо погибнет

без помощи. Вот высший закон: ради блага других противоречить собственной природе. И этот закон наиболее труден — наиболее мучителен — для исполнения. Ибо его исполнение становится причиной страданий в космосе, особенно страданий невинных. Моя космология просто представляет этот как факт. Чтобы избежать этого, нужно позволить космосу сгнить и разложиться. Готовы ли мы на такое? Трагедия в том, что сущность нашего жертвоприношения требует, чтобы само это жертвоприношение было от нас сокрыто. Мы приносим в жертву, среди всего прочего, и свое понимание ян. Чтобы спасти космос, мы должны облечься в невежество инь: мы приносим в жертву знание о том, зачем приносим себя в жертву, и вместо него принимаем чувство вины — ложной, навязанной вины. Это дорогого стоит.

Но подумайте о том, кто мы. О том, кем были когда-то и кем станем вновь. Кто еще на такое способен? Здесь никого, кроме нас. Есть только инь, но она не знает. Та часть организма, что знает правду, должна помочь той, что не знает, даже если это требует забыть собственное знание. Спаситель становится тем, кого спасает — и, по страшной иронии судьбы, от него же терпит

муки. Но это ненадолго. Еще немного потерпеть. А потом мы вернемся домой — навечно.

СВЕРХСКРЫТАЯ (НЕПОСТИЖИМАЯ) ДОКТРИНА: ТАЙНЫЙ СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ СИСТЕМЫ МИРОВОЙ ТЕОСОФИИ, ОТКРЫВАЕМЫЙ ВПЕРВЫЕ

Для объяснения «2–3–74» я привлек «Тибетскую книгу мертвых», орфизм, гностицизм, неоплатонизм, буддизм, эзотерическое христианство и Каббалу; как видите, я разумно обратился к высочайшим возможным источникам. Но можно посмотреть на это и с другой стороны, начать с другого конца: я синтезировал все эти высокие источники и вывел из них единую сенсационную революционную оккультную доктрину (которую смог продумать благодаря позднейшим дополнениям к моему опыту «2–3–74»). Сущность ее, вкратце, в том, что мы мертвы и не знаем этого, что снова и снова проживаем свою предыдущую жизнь, как бы запрограммированную или записанную на пленку, в мире-симуляции под контролем ВАЛИС, хозяина бытия и генератора реальности (вроде Брахмана); снова и снова проживаем мы один и тот же замкнутый цикл, дабы наработать себе достаточно хорошей кармы и вызвать божественное вмешательство,

которое пробудит нас и поможет одновременно вспомнить и забыть, после чего начнется наше обратное восхождение к нашему реальному дому. Таким образом, мы в *Purgatorio* (Чистилище), в посмертии, находимся под постоянным наблюдением и судом, но не знаем об этом, поскольку здесь точно симулируется мир, который мы знаем и помним, — см. «Убик» и парадигму Лема[248]. Мозг наш уже долго умирает, а душа соскальзывает на все более и более низшие уровни реальности; но наказание, состоящее в необходимости снова и снова проживать жизнь в низшей сфере, дает и возможность наработать хорошую карму, и разорвать порочный круг бесконечного проживания эпизодов одной и той же жизни. Такова *софиа сумма*[249] шести эзотерических систем — семи, если считать алхимию, — распространенных в нашем мире. Восьми, если считать и герметизм. Мы мертвы, не знаем об этом и механически вновь и вновь проживаем жизнь в фальшивом мире, пока не проживем ее правиль-

[248] Примечания: 248
См. статью «Андроид и человек» в этом сборнике.

[249] Примечания: 249
Мудрый итог (*греч., лат.*).

но. Нас судит Маат[250]; мы наказаны, но можем изменить баланс в свою пользу… но не знаем, что мы здесь для этого, да и вообще не знаем, где мы. *Мы должны изменить свою «дорожку» к лучшему* — или так и останемся здесь навеки, ничего не вспомним, никуда не вернемся.

Здесь появляется и иудаизм, поскольку смена «*дорожки*» предполагает, что новая благая карма приведет нас обратно в Эдем, в филогенетическое оригинальное не-падшее состояние. Быть может, благую карму прибавит нам какое-нибудь маленькое, совсем ничтожное доброе дело или даже доброе решение; здесь мне вспоминается история о Моисее и ягненке, который хотел напиться из ручья (Моисей увидел, как ягненок с трудом пробирается к ручью, и воскликнул: «Знай я, что ты хочешь пить, на руках отнес бы тебя туда!» — и тут раздался глас с Небес: «Поистине, достоин ты стать пастырем Израиля!»)

Причина, по которой даже маленькое доброе дело может перевесить чашу весов, в том, что воспроизведения тех добрых дел, которые мы творили раньше, даже великих, может оказаться

---

[250] Примечания: 250

Древнеегипетская богиня справедливости, которая на суде Осириса взвешивала на весах сердца умерших, чтобы определить праведность покойного.

недостаточно, чтобы сдвинуть весы в нашу пользу, дать нам оправдание или освобождение. Но маленькое доброе дело может оказаться *новым*: это дополнение к уже имеющемуся, однако мы не знаем, что вновь и вновь, словно в магнитофонной записи, проживаем одну и ту же жизнь, и что это маленькое доброе дело *не случалось прежде,* что в этом случае приняли иное решение — и наконец поступили правильно. Кроме того, скромный поступок может раскрыть характер лучше великого деяния, предпринятого после долгих размышлений. Никто так не раскрывает характер, как спонтанность.

В этой синтезированной оккультной системе самое сильное утверждение — самое первое: мы мертвы. Далее: мы обречены вновь и вновь проживать эпизоды своей прошлой жизни; это наказание, но и возможность — следовательно, мы не в аду: здесь есть возможность совершить нечто новое (в практически закрытой системе), что перевесит нашу чашу весов Маат. Кроме того, здесь присутствует сложная картина анамнесиса и обратного восхождения, знакомая нам по Платону и другим источникам.

То, что новая благая карма приобретается именно новыми деяниями, сколь угодно малыми, ведет

к странному парадоксу. Мы не должны знать эту схему, поскольку, если бы мы ее знали (т. е. имели бы верную теорию о сути своего существования), наши добрые дела оказались бы запятнаны сознанием того, что за ними должна последовать награда; они уже не были бы бескорыстными. Поэтому, чтобы спасительный механизм суда и наград за добрые дела работал, ВАЛИС *вынужден* полностью и абсолютно скрывать от нас и самого себя, и суть нашего состояния, т. е. то, что мы находимся не в реальном мире и что от нас ждут новых добрых дел как спонтанных проявлений нашего характера, иначе говоря, демонстрации нашей истинной природы.

Так что, разумеется, ВАЛИС не открывает нам себя, и такое свойство (аспект) нашего мира, как его симулятивность, также остается от нас скрытым. Мы не должны знать ни где находимся, ни зачем. ВАЛИС должен иметь возможность наблюдать за нами через односторонний экран. Например, если я понимаю свое положение — уже ничего не могу прибавить к своей благой карме, и все расчеты по мне необходимо закрыть. Едва ВАЛИС раскроет себя, все кончится: мы отправимся в рай или в ад, но полуреальность чистилища окажется для нас навеки закрыта.

Следовательно, можно заключить, что ВАЛИС показывается так редко, как только возможно, и даже если открывает себя человеку, старается затуманить ситуацию так, чтобы человек не узнал ничего, кроме того, что, исходя из его ситуации, и так знает. (Примечание: эта система позволяет использовать мой десятитомный метароман. Для меня это ценно.)

Кроме того, я получаю спасение (освобождение) не потому, что справился с нацеленным «письмом-ксерокопией»; я справился, потому что уже спасен, полностью спасен другим, не связанным с этим действием, относящимся к будущему.

Далее: я был спасен актом свободной воли с моей стороны, совершившимся после того, как мне было даровано спасение; причина и следствие здесь меняются местами во времени (время идет в обратную сторону).

Знаете, в этой системе (миропонимании) есть основа для учения о спасении, связанном с полностью невынужденным благим делом, совершенным без всяких предпосылок и, следовательно, в полной спонтанности, в отличие от запрограммированных действий детерминистического долга; этим она очевидно напоминает дзен-буддизм. Для совершения таких дел нельзя

вывести никакой формулы; они могут выглядеть почти «дурными», противоположными нашему обычному образу жизни в мире сем. Они буквально отделяют нас от самих себя — тех «самих себя», что не проходят проверку на весах Маат. Они исходят из не-«я» (в обыденном смысле), из второго, более реального «я», как бы из другой личности, запертой в нас и проявляющейся только в этих поступках. Так возрождается единая личность: в ней существуют два «я», и одно из них — прежнее, запрограммированное, неспасаемое. Да, необходимо действовать вопреки собственной природе — лишь тогда мы сможем выйти за пределы себя. И вдруг я думаю: ведь звучит очень похоже на «Фому»[251]! Почему бы и нет: «Фома» делает именно то, чего он/я не сделал в первый раз — и это подтверждает мою систему, ибо эта система постулирует необходимость, абсолютную необходимость «Фомы» для разрушения *геймармене*[252] и вытекающего из нее осуждения. Спасти нас смогут только такие

[251] Примечания: 251

Человек из раннехристианской эпохи, личность которого, как считал Дик, пробудилась в нем во время события «2–3–74» — т. е. Фома и был истинным Диком и его эпоха была истинной реальностью.

[252] Примечания: 252

Неотвратимая судьба (*греч.*) — термин из философии стоиков.

«не наши» поступки, поступки без истории. Что и требовалось доказать! Именно с «Фомой» возникает непредвиденное, незапрограммированное отклонение от от того, что происходило в прошлом, — наступает истинный «первый раз». Мы в чистилище и, чтобы спастись, должны делать не то, что делали прежде, — ведь именно прежние действия и обрекли нас на такое наказание. Но как человек становится «вновь рожденным» и начинает делать то, чего прежде не делал? Здесь тайна: очевидно,

ЭТО ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ БЕЗ МАЛЕЙШИХ ОБЫЧНЫХ
РАЦИОНАЛИЗАЦИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗАМЫСЛОВ, И ИМЕННО ТАК И ПРОИСХОДИЛО С «ФОМОЙ» — ОН ДЕЙСТВОВАЛ, НЕ ДУМАЯ И НЕ ПЛАНИРУЯ. ОН ДЕЛАЛ ТО, ЧЕГО Я БЫ НЕ СДЕЛАЛ, И Я ГОВОРИЛ: «ЭТО НЕ Я, ЭТО КТО-ТО ДРУГОЙ ВО МНЕ».

И так продолжалось некоторое время.

Это было буквально второе рождение — *ex nihilo*[253].

Исходя из этих фактов, будет вполне корректно предположить, что действия «Фомы»

---

[253] Примечания: 253
Из ничего (*лат.*).

действительно не были запрограммированны, не являлись частью моего изначального мира и изначальной жизни. Они обладали некоей нерассуждающей силой, как будто зарождались непосредственно в двигательных центрах. «Фома» рождался не в моем мозгу, а в теле, например, в руках и языке: он двигался и говорил, хотя в мозгу у меня не было соответствующих идей, представлений, намерений; он был ненамерен — и однако обладал абсолютной *целью.* Целью без намерения! Планом без плана! Или, вернее, целью без плана. Да, настоящий дзен. Так все и было. Таким образом, моя теория (изложенная здесь) требует/предсказывает спасение на основе действий нерассуждающего не-«я», которые в момент кризиса расщепляют записанный на пленку мир (или «дорожку», или *геймармене*), отщепляют от него нечто новое и свободное, и, лишь оглядываясь назад, мы опознаем там «Фому» — именно так. Новое и свободное рождается именно потому, что происходит свободное, нерассуждающее деяние: это две стороны одного и того же. Возвращение *геймармене* после этого невозможно; оно разбито навеки, поскольку мы уже не проживаем снова и снова свою прежнюю жизнь, но переходим в новую, свободную;

и только в последующий новый период я могу действовать согласно своей свободной воле, как в былые времена, заработать дополнительную благую карму и достичь спасения (освобождения). Такова должна быть последовательность: сперва поступок *ex nihilo*, совершаемый не-«я», не-«эго», без рассуждений и намерений, отменяет детерминизм бесконечного буквального повторения, и затем (только затем) мы начинаем действовать по своей свободной воле. Первое — технически необходимый этап для второго.

Первый этап назовем: прыжок из колеи. Или ПИК.

Второй этап назовем: свободное творение благих дел. Или СТБЛ.

Если мы совершили ПИК, но дальше вместо СТБЛ начали творить зло, то зарабатываем новую дурную карму. Все, что дает нам ПИК, — свободу действий: он не гарантирует новых заслуг (хорошей кармы) — это позже и отдельно. Так что можно совершить ПИК и без СТБЛ. Дальше вы можете обнулить свой успех, начав свободно творить злые дела (СТЗЛ), в результате снова провалитесь на испытании Маат и будете опять отосланы назад, может быть, навечно; свой шанс на освобождение вы потеряли. ПИК может быть

совершен и без СТБЛ, но не наоборот. Однако это не совсем так, поскольку божественные силы (Христос, Будда) трудятся над вашим спасением. Они (по-видимому) не даруют вам ситуацию ПИК, если благодаря своему всеведению знают, что далее по линейной временной оси вы ударитесь в СТЗЛ. Впрочем, не могу сказать с уверенностью, что дарование вам ПИК означает непременное СТБЛ в будущем; если вы делаете это по своей свободной воле… впрочем, с этим я, наверное, никогда не разберусь; но, будучи всезнающими, божественные силы, возможно, знают и то, что вы станете делать по своему свободному выбору. Можно сказать иначе: они никогда не даруют вам свободу, если не знают заранее, что вы сумеете мудро ее использовать; здесь перед нами перевернуты причина и следствие, результат (СТБЛ) реактивно влияет на причину (ПИК) и, в сущности, сам вызывает эту причину.

Но подождите. Я говорю, что ПИК в причинно-следственных терминах является результатом СТБЛ. И говорю, что СТБЛ невозможно без ПИК. Вот такая запутанная ситуация, которая является причиной самой себя — в прямом смысле появляется *ex nihilo* (неудивительно, что ей не предшествуют никакие размышления и замыс-

лы!). Это парадокс путешествия во времени. И ПИК, и СТБЛ порождаются в замкнутой системе из ничего и приходят из ниоткуда — т. е. извне системы. Существование ПИК зависит от СТБЛ, а СТБЛ от ПИК — где же здесь причина и где следствие? Ответ: каждая составляющая является и причиной, и следствием другой. Вспомним изначальную ситуацию: мы едем в колее. Как из нее выбраться? Ответ: кто-то должен вас из нее вытащить. Ищите ответ в дао физики (Капра[254]) и в бутстрэп-теории[255]; сам я, составляя теорию ВАЛИС, работал с теорией полей и квантовой механикой. Можно сказать еще проще: как сделать то, чего я сделать не могу? — раз в моей системе именно этого требует спасение (можно не обращать внимания на временной фактор, но парадокс все равно остается). Должна произойти психологическая (ментальная) смерть и возрождение в виде кого-то другого — но откуда это придет? Отсюда «Фома», который не знает

[254] Примечания: 254

Фритьтоф Капра (р. 1939) — американский физик. Автор книги «Дао физики» (МИФ, 2017). Связывал квантовую физику и восточный мистицизм.

[255] Примечания: 255

Иными словами, вытянуть себя самого из «дорожки» за шнурки ботинок не получится. Отсылка к теории из американской популярной социологии, о том, что индивид благодаря усердию может добиться всего самостоятельно.

ни машины, ни собаки, ни кота[256]. Возможно, единственное событие, благодаря которому это становится возможным, — унижение, страдание, боль, напряжение столь невыносимое, что оно разрывает историческое «я» и буквально его убивает. Тогда-то, в отсутствие «когда», рождается на свет из ничего новое «я», словно чудесным образом дарованная вторая душа. Это возвращает меня к шаманистскому анализу распятия, истории Страстей Христовых как тайного метода победы над миром сим (как объяснял это сам Иисус), примерно так: мир побеждает тебя; ты умираешь; рождается новое «я»; самим фактом своего рождения оно оказывается в ПИКовой ситуации, ибо, будучи новым, не может брести по старой колее; а двух параллельных дорожек быть не может — так что остается только одна. Чтобы разрушить синхронизацию, нужно уничтожить свое «я» (уничтожить мир вы все равно не сможете), а лучший способ уничтожить свое «я» — заставить мир сделать это. Но это хитрая задача: вы не должны умереть физически — чтобы перейти к СТБЛ, необходимо остаться в живых. Ранние христиане скоро начали понимать это

[256] Примечания: 256

Т. е. фундаментальных аспектов жизни Дика.

превратно и прыгать под колеса римских колесниц: они гибли физически, и благие дела оставались несделанными. То, что они ошибались, ясно видно из того, что не воскресали через три дня: их вообще больше не видели. Но поле для правильных поступков ждет нас в этом мире, а не в следующем.

Теперь я перехожу к очень странной идее. Я думаю, что, раз уж либо ПИК, либо СТБЛ считать причиной, то причина — СТБЛ, на линейной шкале времени расположенные позже, так что нам необходима способность запускать время назад или, лучше сказать, самим двигаться назад во времени (если это верная формулировка, я или «Фома», не знаю уж, кто из нас, в период «3–74» передвигались во времени из будущего в прошлое; иначе говоря, я переживал ретроградное движение во времени сознания, слившегося с моим или вошедшего в мое из будущего). Хотя тот я, что, скажем, в 1977 или 1978 году входил в Дом Завета[257], конечно, был не я из этого мира/жизни. А вот напортачить с «письмом-ксерокопией» и потом долго об этом жалеть мог только я, настоящий я, но из другой «дорожки» — только

[257] Примечания: 257

Благотворительное учреждение для бездомных детей. Дик занимался благотворительностью, несмотря на свое финансовое состояние.

я мог рассказать об этом самому себе из этой колеи голосом ИИ, исходящим якобы от «офицера армейской разведки». Это мог быть только я из первоначального, реального мира. Жутковато, правда? Может быть, для этого требуется паранормальный дар, вроде пси-таланта Пэт Конли в «Убике» или девушки в «Кланах Альфанской Луны». Способность изменять прошлое? Так или иначе, здесь замешано время. И в любом случае «Фома» не из этой колеи, не из этого мира — он из той колеи, из того мира, где я не справился с «письмом-ксерокопией», где не было никакого преодоления с помощью «Фомы», т. е. из изначального мира.

Выходит, «Фома» каким-то образом убрал себя из бытия? Нет: более ранняя информация в этой же статье предполагает, что «Фома» сейчас находится в процессе восхождения к *плероме*[258]. Он все еще существует — я все еще слышу голос ИИ (думаю, это «Фома»; все очень запутано, но, пожалуй, это «Фома»). Но в любом случае я утверждаю, что «3–74» нельзя понять без привлечения фундаментального переворота причинно-след-

[258] Примечания: 258

Плерома — божественная полнота абсолютного бытия в гностицизме, совокупность духовных сущностей. Противоположность материальному миру, созданному Демиургом.

ственной связи, без того, чтобы следствие шло первым, а причина появлялась несколько лет спустя. Я могу однажды решить (если это верная формулировка), что все это было лишь проявлением паранормальных способностей *с моей стороны,* без всякого вмешательства извне. Талант, связанный с талантом к предвидению: резко усилился из-за смертельного стресса в связи с этим чертовым письмом[259]; что, если я в буквальном смысле заставил время идти назад? А ведь все остальное держится на этом факте. Это объясняет, почему в период «3–74» в моем распоряжении появилась информация — очень существенная информация, — которую я мог узнать только долгое время спустя. Здесь какой-то глубокий разлом, сдвиг феноменального мира, как-то связанный с квантами, механикой квантовых полей, с полевой активностью, про которую в наши дни почти никто ничего не знает; возможно, то, что я называю ВАЛИС, есть лишь выражение тех прорех в реальности — времени, пространстве, причинно-следственной цепи, — которые каким-то образом проделал я сам.

Боже мой! Как можно свести все эти феномены

---

[259] Примечания: 259
Загадочное пугающее «письмо-ксерокопия».

(то, что я заранее знал о «письме-ксерокопии», явление «Фомы» и то, как «Фома» с этим письмом справился; получение информации, которую я мог получить лишь много месяцев спустя; выпадение из синхронизации с реальностью, так что я реагировал на стимулы прежде их появления; наконец, сам ВАЛИС) в одну категорию, объяснить одним базовым синдромом? А ведь это научный метод! Таким путем формирует теории современный рациональный ум! А я ощущал, что соприкасаюсь с сознанием, движущимся назад во времени. Может быть, я сам так исказил время, что оно потекло назад? Но, помимо этого феномена, были ведь еще и другие!

Как я говорил в своей речи[260]: «Возможно, мы видим мир наоборот». И все же…

Ох, и еще это двойное наложение миров! Две «дорожки», два альтернативных мира. Альтернативные миры включают в себя время, об этом знает любой писатель-фантаст.

О Боже мой.

---

[260] Примечания: 260
«Человек, андроид и машина», включена в этот сборник.

Да, и еще *койне*[261]. Возмущения во времени, созданные мною самим. Альтернативные миры, информация из будущего всасывается в настоящее; информация из прошлого; и другой я. Плюс разрыв обычных причинно-следственных цепочек. ВАЛИС — модуляции: это причинность. Но все сводится к нулю из-за ИЗМЕНЕНИЙ ПРОШЛОГО.

Возмущения во времени. И квантовые поля.

И мое будущее СТБЛ дотягивается до ПИК и воздействует на него. Так что не-ПИК (иначе говоря, скольжение в колее) — просто название для обычного времени и обычных причин-следствий.

Может ли быть, что все происшедшее, начиная с материала рассказа «Вера отцов наших», романов «Человека в Высоком замке» и «Предпоследней истины» и вплоть до нынешнего дня и до голоса ИИ, на самом деле не затрагивает время? Нет, материал романов, особенно «Пролейтесь, слезы», конечно, затрагивает. Можно предположить, что у меня всегда были небольшие способности к предвидению будущего, которые в период «2–3–74» из-за той истории с «письмом-

[261] Примечания: 261

Разговорный греческий язык эпохи Христа; Дик верил, что во время своих гипнагогических переживаний слышал слова и сам разговаривал на этом языке.

ксерокопией» резко усилились и просто выбили меня из нормальной временной реальности причин и следствий, как со стороны прошлого (анамнесис), так и со стороны будущего (предвидение, движение назад во времени). Что-то вроде того, что я описал в рассказе «Мир таланта».

Теперь испытаем такую теорию. Способность заставить время идти назад выбивает нас из запрограммированной колеи («дорожки») и освобождает. Эта и только эта способность избавляет нас от вездесущей в остальном тирании, в рабстве у которой страждет все человечество. В сущности, все живое. Получается, это поразительный и, видимо, новый талант к выживанию, новая эволюционная способность, позволяющая человеку подняться по лестнице гомеостаза до ступеньки, на которой он станет совершенно новым и высшим организмом. В терминах эволюции жизни это равно развитию противостоящего большого пальца, глаз, легких, крыльев, коры головного мозга, прямохождения и т. п. Доведя до совершенства (так сказать, полевыми испытаниями) эту способность, человек становится выше ангелов — и все, что из этого следует. Он действует в надвременном измерении, и это имеет огромные последствия для знания; он

выходит за рамки причин и следствий — может модулировать настоящее, чтобы подправить прошлое (это я назвал «ВАЛИС»), а благодаря возможности получать информацию из будущего может решать проблемы, как зверь. Это не просто филогенетическая память, как я предполагал: она не ограничена способностью заглядывать в далекое прошлое. Важнейшая информация, связанная с «3–74», была почерпнута из будущего. Он может строить альтернативные миры и, в сущности, превращается в межмировое существо, способное расширять не только свое время, но и пространство.

Но далее это поднимает вопрос о том, существует ли такой огромный метаум (каким я представляю себе ВАЛИС), поощряющий развитие способности взрывать время с целью дальнейшей эволюции человеческого вида; или, если выразить это иначе, является ли человек, обладающий такой способностью и ее использующий (например, во время тяжелого стресса, какой переживал я в период «3–74»), выражением этого метаума. В этом я уверен. Я не был один в том, что происходило: рядом как будто присутствовали ангелы — какие-то божественные, частично видимые силы. Возможно, этот сверхра-

зум простирается как в прошлое, так и в будущее, где уже существуют люди, использующие эту способность (не их ли изображали с третьим глазом?). Когда начинаешь взрывать время, то, возможно, действуешь в сфере надвременного составного бестелесного ума — кажется, со мной так и было; его я и называю ВАЛИС. Однако, мне кажется, сама внутренняя природа такого рода таланта, какой я обсуждаю, могла бы вызвать к существованию метаум, способный перепрыгивать через временные просторы, лежащие за пределами его собственной жизни, — собственно, это и сделало бы его метаумом; я имею в виду, что он был бы освобожден от временных ограничений физического тела. Взять хотя бы то (у Юнга это функция интуиции), что он — его разум — способен существовать в альтернативных мирах: одно это многое значит! Воздействуя на прошлое, он может обнаружить, что движется во времени латерально (ортогонально)… это объясняет мои подкорковые воспоминания о том, что только что вокруг было холодно, ветрено и влажно. Выходит, ум, наделенный таким талантом, сам по себе должен превратиться в метаум, не подчиненный причинности, странствующий по альтернативным мирам, способный модификациями текущей

реальности вызывать изменения в прошлом и тем создавать альтернативные миры; он становится причиной и, в свою очередь, испытывает на себе воздействие самого себя как причины — снова бутстрэп-феномен. Такой ум может действовать как причина своих собственных результатов, воздействуя на себя словно извне, а после успешного воздействия уничтожая себя как причину, так что здесь мы снова сталкиваемся с бутстрэп-парадоксом путешественника во времени. Появляются новые сознания или версии сознания, новые его фокалы, влияют на основное сознание, а затем растворяются и оказываются никогда не существовавшими; однако сознание ощущает, что некий «побочный ум» воздействовал на него ради его пользы. Почему бы такому побочному сознанию не принять облик голоса ИИ, личного духа-наставника? Словно в эвристическом процессе, он будет постоянно следить за собственным состоянием: да, это будет процесс, а не ипостась. Таким образом, эволюционировать будет не только вид, но и само сознание.

Оно — сразу и оно, и уже не оно. Оно способно исправить неверное решение проблемы уже после того, как его применит, вроде того как «умная пишущая машинка» стирает опечатку — снова

эвристический процесс, позволяющий найти и применить наилучшее решение: решение оказывается ложным; сознание повторяет ту же ситуацию, крутит ее снова и снова, пока на основе знания, полученного в результате ошибки, не находит решение получше (т. е. первое решение не сработало, но дало знание о том, что надо было делать). Вот оно применяет решение. Решение оказывается неверным, но дает знание. Тогда ум возвращается назад во времени и применяет решение Б, основанное на решении А плюс знании, полученном из решения А (несмотря на его неудачу). Решение Б срабатывает, и ум продолжает движение по линейному времени.

Чтобы получить решение Б (которое сработает), ум опирается на остаточное решение А (не сработавшее), так что в основе решения Б лежит некий фантом решения А. Поначалу ум, удивленный новой проблемой, создал решение А и допустил ошибку, но затем возвращается в прошлое и переделывает А на основе нового знания, полученного в результате этой ошибки. Выходит, на каком-то уровне мозг знает о решении А, и его

мышление бикамерально[262]. Та часть мозга, что приняла решение А и знает о его последствиях (о том, что оно не сработало и почему), сообщает об этом сознательной части мозга, работающей над новым решением; так ум становится сам себе наставником, вещая к самому себе из некоей призрачной сферы, где решение одновременно и есть, и его нет. Ум расщеплен — и все же не расщеплен, ибо обе его части работают ради общей цели. Скорее, он разделен на отсеки. Поэтому никакого рационального поиска решения Б не происходит: для рациональных рассуждений нет места, их заменяет уверенность, не подкрепленная последовательной логической цепочкой. Ум не совершает аналитических шагов. Чтобы прийти к решению Б, ему не нужно думать. Размышления происходили в той сфере или колее, которая сейчас оставлена: когда эта сфера стирается — вместе с ней стираются и размышления,

[262] Примечания: 262

Бикамерализм — теория в психологии, предполагающая историческое существование человеческого разума с разделением познавательных функций между двумя частями мозга («говорящей» и «повинующейся»). Внутренний диалог воспринимался как конкретные внешние слуховые ощущения. Впоследствии усложнения социального мира людей бронзового века потребовали для выживания более адаптивный разум с интроспекцией и самосознанием. С этим связан конец бикамерального сознания, которое еще проявлялось в виде пророчеств, гипнотизма, глассолалии, шизофрении и т. п.

остаются только двигательные и речевые центры. Приходя к решению Б и выполняя его, ум становится собственным инструментом, собственной покорной машиной.

Можно сказать и иначе: во время решения А ум был причиной, так что ему приходилось мыслить, но, когда он возвращается в прошлое, чтобы все переиграть и применить решение Б, мысль ему заменяет знание о решении А и его последствиях. Можно сказать и третьим образом: допустим, нормальный человек хочет узнать, что написано в Книге Деяний Апостолов. Ему нужно взять книгу и прочесть. Но этот метаум просто знает содержание Деяний (если знает на каком-то временно́м отрезке — знает всегда). Откуда знает? Обнаруживает, что сам ее написал, и читает. Потом сверяется с имеющимся у него экземпляром, удостоверяется, что это действительно Деяния. Но где, когда и как она изначально вошла в его ум? На это ответа нет: явилась из ничего, без причины. Причинно-следственная связь устранена, осталось только следствие. Метаум в своей конечной точке зависит от метаума в начальной точке, который ничего не знает прямо, только косвенно, так, как персонажи Беккета догадываются о существовании других людей.

Если он обнаруживает Деяния или материал, основанный на мыслителях-досократиках, в собственных романах, то должен предположить, что его собственное первичное эвристическое сканирующее устройство впитало в себя эту информацию обычным путем, но затем эта колея была стерта, хотя в ныне существующем метауме остались ее следы. Из того, что знает то, что ему знать не следует (если можно так выразиться), он может сделать определенные выводы об изначальном «сканировании», нормальном потреблении информации. Он получает не больше информации, чем любой другой, но умеет применять ее ретроактивно — в этом его преимущество.

Итак, по существу, эта теория о возможности взрывать время заменяет теорию, выдвинутую здесь мною ранее, — что мы мертвы и об этом не знаем; по-видимому, я хочу сказать, что *геймармене* или детерминизм зависит от причинно-следственной связи, а та, в свою очередь, от времени, а способность взрывать время дает власть над самими причинами и следствиями: результатом становится отказ от системы двойной спирали, делающей нас чуть более чем ДНК-роботами. Мы не мертвы — но как будто

мертвы: мы в рабстве, мы в тюрьме. Способность взрывать время — т. е. заставлять его двигаться в обратную сторону — приносит такую свободу, какой не знало еще ни одно живое существо на Земле. Думаю, это и есть тайная доктрина, которую я упомянул в заглавии: великие эзотерические системы — это системы, в которых культивировалась и развивалась эта человеческая способность. Безусловно, это верно для гностицизма, буддизма — а если для буддизма, то, должно быть, и для «Тибетской Книги Мертвых». Человек никак не может почувствовать, что запрограммирован двойной спиралью, пока не попытается взломать программный код: механизм детерминирования и сокрытия работает так четко, что, не взбунтовавшись, человек просто не узнает о его существовании.

Но способность взрывать время открывает перед нами детерминистическую систему как нечто несуществующее, фиктивное. Как можно обладать такой властью и при этом быть фикцией? Ее власть стоит на невежестве, которое она же и производит, на сокрытии истины, а также на том, что человек является (в области восприятия и памяти) линейным существом. Суть в том, что порабощенный не может разгля-

деть поработившую его машину: она лишает его важнейшей информации. Вокруг него бушуют потоки информации, однако он буквально не может их разглядеть. Однако эта информация его программирует. По-видимому, цель этой машины — в поддержании структуры космоса, но за счет благополучия и жизни отдельных живых индивидов.

Мои подкорковые воспоминания о месте, где было прохладно, ветрено и влажно, показывают, что стирание памяти и насаждение новых воспоминаний может касаться самых базовых вопросов; выходит, власть «повелителя времени» может быть очень сильна. И снова: не кто-то со мной это сделал — это сделал с собой я сам, прожив жизнь до конца, вернувшись назад, на раннюю стадию, и что-то там подправив. Такая «записанная на пленку» жизнь — это сочетание рабства и новых возможностей: второе — если правильно использовать свой дар; первое — если его подавить. Что ждет тебя — бесконечное повторение жизни в тюрьме или же самоосвобождение, основанное на том, что я назвал СТБЛ: свободное творение благих дел, которое в новых условиях, созданных ПИКовой ситуацией, перевесит чашу весов в нашу сторону? Нет, не могу

совсем отказаться от теологической концепции в пользу веры в паранормальные способности индивида. Есть здесь космическое измерение, есть божество. В первый раз человек провалился, и его отправили исправлять ошибки. Во второй раз он так же невежествен, как в первый… или нет? Разве бикамеральный голос не шепчет ему, что можно освободить себя актом неразумной, незаслуженной для реципиента доброты? Это призрак решения А, которое не сработало. Неужто человек так ничему и не научился? Снова его разрушат те же инструменты, что и в прошлый раз? Да нет, вряд ли. Велика вероятность, что он сможет использовать свою способность к возмущению времени и себя спасти. Вот как работает эволюция: задействует спящие способности, делает их актуальными. Решение Б — это система фидбэка, наблюдающая за неудачей А с той абсолютной мудростью, которая достигается лишь задним числом, ключевое знание становится априорным; оно здесь, но захоронено глубоко в человеке, что дожил до старости, умер, а затем возродился без памяти; как Парсифаль или Зигфрид, он не знает, кто он такой, ему нужно об этом

рассказать — но расскажет не Кундри[263] и не лесная птица[264], а он сам. Он — своя собственная сивилла; в сущности, он — своя собственная анима, что наблюдает за ним, как психопомп, сменивший пол на женский, в соответствии с наблюдениями Зороастра о духе религии.

Неверно было бы утверждать, что во второй раз обстоятельства чем-то отличаются от первого; оба раза — один и тот же раз, вторжение в него необходимой информации происходит ортогонально. Необходимо вообразить себе еще одну ось реальности: их две, обе существуют одновременно в линейном времени. Это означает, что решение А отменяется, как только потерпело неудачу, а не после этого; нельзя сказать, что человек пробует его, а потом стирает; он пробует, стирает, тут же пробует второе и лучшее решение — все одновременно. Для нас это так же сложно и загадочно, как третье измерение для человека из плоского мира.

---

[263] Примечания: 263

Прекрасная ведьма из оперы Рихарда Вагнера «Парсифаль» (1882), послана колдуном Клингзором для соблазнения Парсифаля. От нее Парсифаль узнает о своем прошлом и благодаря ее поцелую осознает страдания Амфортаса, короля Грааля, которого должен исцелить.

[264] Примечания: 264

В опере Вагнера «Зигфрид» (1871) лесная птица дает советы Зигфриду после того, как, отведав крови дракона Фафнира, он начинает понимать речь птиц.

Исправление здесь не отделено от того, что исправляется, — ни временем, ни пространством, следовательно, ни причинами и следствиями. Человека спасает заслуга поступка, которого он так и не совершил — с нормальной точки зрения ситуация невозможная. Может быть, чтобы лучше это понять, стоит вообразить, что решение А, не сработавшее, имело место в некоей фальшивой или гипотетической, не настоящей вселенной; это был своего рода легкий набросок на холсте. Или же можно представить себе решение А точкой, а не линией — допустить, что оно не заняло никакого объема линейного времени. Исправление тоже не заняло времени: оно было произведено так же быстро, как и ошибка, в один с ней миг. Иными словами, ошибочное решение было принято и одновременно с этим отменено и преодолено. Это невозможно, но так и есть. Похоже на паука, который может сплести паутину между двумя ветками, только если сперва преодолеет расстояние между ними сам, без паутины. Решение должно предшествовать проблеме: в этом и заключается загадка. Как такое возможно? Но так оно и есть: решение проблемы «письма-ксерокопии», отправленного в период

«3–74», показано в романах и одном рассказе[265], написанных мною десятью годами раньше. Сформулирована проблема, сформулировано верное решение (особенно в «Предпоследней истине», а также, судя по всему, что я знаю, и во многих других моих книгах — даже в таких местах, куда я сам еще не заглядывал). У метаума, переписывающего свою жизнь, полно времени, чтобы сформулировать проблему и подобрать правильный ответ.

[265] Примечания: 265
Скорее всего, имеется в виду «Вера отцов наших».